

МАШИНЫ. ЛЮДИ. ЦЕННОСТИ:

КОГНИТИВНЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СИСТЕМЫ В ПОТОКЕ ВРЕМЕНИ

Материалы II Международной научной конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения
доктора философских наук, профессора С. М. Шалютина
(г. Курган, 22–23 апреля 2021 г.)

«Искусственный интеллект и его совершенствование превращают границы сложности, доступные человеку, в систематически раздвигаемые. Это особенно важно в современную эпоху, когда общество не может успешно развиваться без рационального управления сложными и сверхсложными системами. Разработка проблем искусственного интеллекта является существенным вкладом в осознание человеком закономерностей внешнего и внутреннего мира, в их использование в интересах общества и тем самым в развитие свободы человека».

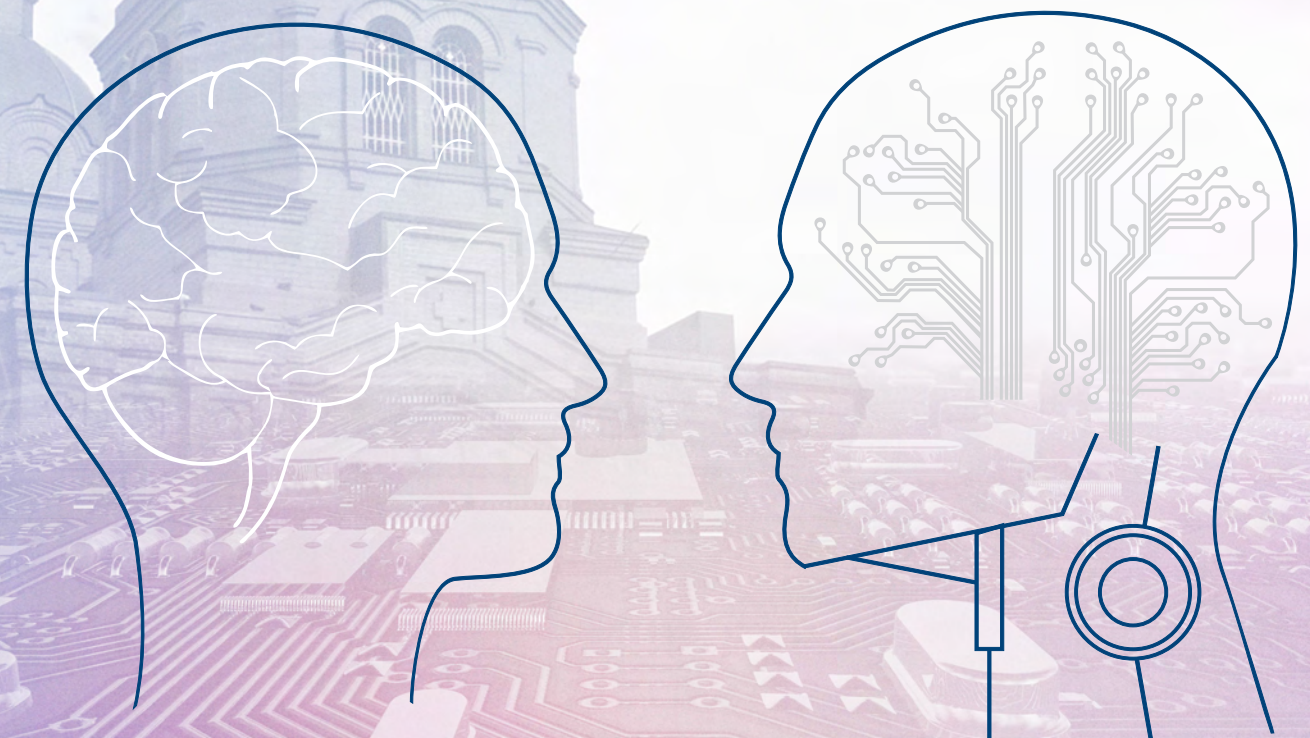
С. М. Шалютин

«Я верю в то, что человечество станет единым субъектом общественного действия. Сегодня этому многое мешает: международный терроризм, ксенофобия, межрелигиозные конфликты. Но человечество, пройдя через все испытания, станет единым. При этом главной ценностью будет человек. Я в это верю».

«Я сказал, что я верю в это, но я не сказал, что я знаю это. Никакая наука не может предвидеть, что победит, победит ли добро, или человечество уничтожит себя. За то, чтобы добро победило, надо бороться».

С. М. Шалютин

МАШИНЫ. ЛЮДИ. ЦЕННОСТИ: КОГНИТИВНЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СИСТЕМЫ В ПОТОКЕ ВРЕМЕНИ

ISBN 978-5-4217-0577-2

9 785421 705772

Курганский
государственный
университет

Библиотечно-издательский
центр

65-48-12

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Курганский государственный университет»

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ РАН ПО МЕТОДОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА И КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

КУРГАНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА

МАШИНЫ. ЛЮДИ. ЦЕННОСТИ: КОГНИТИВНЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СИСТЕМЫ В ПОТОКЕ ВРЕМЕНИ

Материалы II международной научной конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения
доктора философских наук, профессора С. М. Шалютина
(г. Курган, 22–23 апреля 2021 г.)

УДК 101.01
ББК 87.254л0
М38

Машины. Люди. Ценности: когнитивные и социокультурные системы в потоке времени : материалы II Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения доктора философских наук, профессора С. М. Шалютина (г. Курган, 22–23 апреля 2021 г.) / отв. ред. Р. Ю. Царёв. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2021. – 228 с.

Печатается по решению научно-технического совета Курганского государственного университета.

Рецензенты:

Кондрашов П. Н. – канд. филос. наук, старший научный сотрудник ФГБУН Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук (ИФИП УрО РАН);

Арсланова М. А. – канд. ист. наук, доцент, проректор по учебной работе КГСХА им. Т. С. Мальцева.

Издание представляет собой сборник докладов и сообщений II Международной научной конференции «Машины. Люди. Ценности: когнитивные и социокультурные системы в потоке времени».

Сборник предназначен для специалистов в области философии, социальных и гуманитарных наук. Материалы могут быть использованы в учебном процессе в вузах.

Редакционная коллегия:

канд. филос. наук, доцент Р. Ю. Царёв (отв. редактор); д-р филос. наук, ученый секретарь Совета по Искусственному Интеллекту РАН, профессор А. Ю. Алексеев; д-р филос. наук, профессор Б. С. Шалютин; канд. филос. наук О. А. Темникова.

ISBN 978-5-4217-0577-2

© Курганский государственный
университет, 2021
© Авторы, 2021

Соломон Михайлович Шалютин

*доктор философских наук, профессор,
заслуженный работник культуры РСФСР,
почетный гражданин города Кургана*

О СОЛОМОНЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ШАЛЮТИНЕ. ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО К УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

*В. А. Лекторский,
академик РАН,
председатель Научного совета РАН
по методологии искусственного
интеллекта и когнитивных исследований*

Научный совет по методологии искусственного интеллекта и когнитивных исследований при Президиуме Российской академии наук работает уже пятнадцать лет. В центре внимания работы нашего совета те проблемы, которыми очень плодотворно, очень интенсивно занимался Соломон Михайлович Шалютин, памяти которого, 100-летию юбилею со дня рождения, посвящена ваша очень интересная по замыслу конференция. Поэтому я хочу вас поприветствовать и сказать несколько слов о том, как я понимаю эту проблематику и как я понимаю ту роль, которую сыграл в её разработке Соломон Михайлович.

Проблематика эта, как сейчас ясно, по-моему, уже большинству исследователей, – одна из центральных в современной науке, одна из центральных для понимания того, что происходит в современном мире с человеком, с обществом, с экономикой, с тем, что касается его будущего и настоящего. Но какое-то время тому назад это было далеко не всем понятно. И особенно плохо понятно ещё, по-моему, лет пятьдесят назад в нашей стране, когда появились первые попытки исследовать проблематику кибернетики, а потом и проблематику искусственного интеллекта, связанную тесно с кибернетикой. Соломон Михайлович был одним из пионеров разработки этих проблем, рано понял их значимость для понимания человека и его познания, для понимания судеб общества.

Я его не очень хорошо знал, я с ним встречался только один раз. Это было однажды, когда директором института философии был Бонифатий Михайлович Кедров. Он был директором нашего института недолго, в течение одного года, потому что то, что он пытался в институте делать, встретило очень сильное сопротивление со стороны партийных инстанций. Его заставили уйти с этого поста менее чем через год его работы на этом поприще. И вот однажды я зашел в кабинет к Бонифатию Михайловичу в нашем институте, и у него сидел незнакомый мне человек. Бонифатий Михайлович меня с ним познакомил, сказал, что это Соломон Михайлович Шалютин, о котором Бонифатий Михайлович сказал несколько слов и очень высоко оценил его деятельность. Они тогда уже были хорошо знакомы.

Потом я читал работы Соломона Михайловича и недавно, в связи с подготовкой к вашей конференции, в частности, еще раз перечитал его классическую книжку, которая называется

«Искусственный интеллект: гносеологический аспект». И вы знаете, что меня удивило, что, хотя книжка эта вышла тридцать пять лет тому назад, она очень современна, её сейчас можно читать. Все те проблемы, которые там обсуждаются, обсуждаются с большим знанием дела, это проблемы, которые и сегодня нас волнуют. При этом Соломон Михайлович писал на основании прекрасного знания всех этих проблем, на основании знания литературы и мировой, и отечественной. Это сделано на высоком уровне, и философские проблемы, которые там обсуждаются, никуда не ушли, никуда не делись, мы обсуждаем их и сейчас. В общем, эта книжка замечательная. Человек он был, конечно, выдающийся, сделал очень много и в этой области, и в других областях. И вот когда я эту книжку ещё раз перечитывал, я даже с некоторым удивлением обнаружил, что Соломон Михайлович тридцать пять лет тому назад указал на ту проблематику в развитии когнитивных исследований, которая сейчас стала одной из центральных, а в те годы в качестве таковой она большинством не воспринималась.

Речь идёт о так называемом телесно воплощенном подходе к пониманию познавательных процессов. Речь идёт о том, что наш мозг, который перерабатывает информацию, идущую из внешнего мира, не просто сам по себе существует, а он существует в теле человека или другого живого существа, тело это вписано в мир, оно в этом мире действует, и та информация, которая из мира воспринимается, не сама по себе из мира идёт, а является результатом активного взаимодействия между познающим агентом и тем, что его окружает. Это то, что сегодня в когнитивной науке называется «4E» подход. По-английски – это Embodied, телесно воплощённый подход, Embedded, то есть вписанный в среду, Enactive, то есть связанный с активными действиями, и четвёртая E – это Extended, то есть расширенное понимание познания. Для человека это особенно важно. Человек не просто находится перед чем-то и воспринимает информацию о мире перед ним находящимся, а он создает некоторые искусственные приспособления для познания, начиная с орудий труда, включая научные приборы, в конце концов, тексты, в которых знание запечатлено, сейчас это Интернет. Если это не учитывать, то понять познание человеческое невозможно.

Соломон Михайлович эти вещи хорошо понимал, их обозначил, вещи очень современные. Это был интересный человек, который, конечно, был на уровне науки своего времени в этой области, и нашей, и зарубежной, и который прекрасно, очень четко формулировал философские проблемы, связанные с пониманием искусственного интеллекта, его использования для решения тех проблем, которые решает человек, и для понимания, для моделирования познавательных процессов, для моделирования процессов мышления. И те соображения, которые были в этой книжке

высказаны, как я уже говорил, не устарели, эту книжку я снова сейчас перечитывал и удивлялся, насколько современно она звучит. Хотя написана всё-таки тридцать пять лет тому назад, это довольно большой срок, и за это время многое изменилось и в разработке искусственного интеллекта, и в когнитивной науке. И тем не менее Соломон Михайлович смог предвосхитить какие-то вещи, которые сегодня стали очень важными и к которым привлечено внимание исследователей во всём мире.

Соломон Михайлович был участником Великой Отечественной войны, патриотом своего города, он сделал много для Кургана, для института, для Курганского университета, и, вообще, как человек, как исследователь, как философ он, конечно, вызывает восхищение. Я очень рад тому, что в Кургане, в его родном городе, чтут память этого человека, что международная конференция посвящена его юбилею.

Ещё хочу сказать два слова о том, что Соломон Михайлович прекрасно понимал, что разработка искусственного интеллекта не только вызывает массу философских вопросов о том, что такое познание, мышление, знание, о возможностях или трудностях его моделирования, но и о том, что использование новых технологий, связанных с искусственным интеллектом, меняет жизнь человека, меняет общество, меняет культуру, и сегодня это хорошо ясно.

Цифровизация, всюду идущая, о которой сейчас много говорят и пишут, связана с использованием технологий искусственного интеллекта, она в самом деле меняет нашу жизнь, создает новые возможности, которых раньше не было, и вместе с тем эта цифровизация создает целый ряд угроз для человека, для понимания его жизни, для понимания его смысложизненных ценностей. Вот поэтому Соломон Михайлович последний период своей жизни занимался именно аксиологическими проблемами, связанными с пониманием ценностей и человека. Сейчас многие пишут о том, что цифровизация – это антропологическая революция, это действительно коренное изменение всего того мира, в котором до недавнего времени жил человек. А некоторые исследователи считают, что это антропологическая катастрофа, а третьи считают, что это одно и то же – революция и катастрофа. Неслучайно Соломон Михайлович обращал такое внимание на аксиологические проблемы, проблемы, связанные с изучением ценностного мира человека. Поэтому и ваша конференция имеет такое хорошее название – «Машины. Люди. Ценности». В самом деле, в сегодняшнем мире эти вещи взаимосвязаны, и понимание ценности человека сейчас неотрывно от понимания тех новых технологий, связанных с искусственным интеллектом, которые коренным образом меняют нашу жизнь.

Поэтому я ещё раз хочу поприветствовать вашу конференцию, пожелать ей успеха и побла-

годарить вас за то, что вы чтите память такого выдающегося человека, Соломона Михайловича Шалютина. Успехов вам. Спасибо за внимание.

СОЛОМОН МИХАЙЛОВИЧ ШАЛЮТИН. ЖИЗНЬ, ПРОЖИТАЯ В ФИЛОСОФИИ И ОБРАЗОВАНИИ

*В. А. Бубнов,
Курганский государственный университет*

Аннотация. Статья посвящена доктору философских наук, профессору Соломону Михайловичу Шалютину, который внёс значительный вклад в развитие философской науки в СССР и России, особо значимы его работы в области кибернетики. Соломон Михайлович много сделал для развития Курганского государственного педагогического института, формирования научного сообщества Зауралья. В мае 2021 года исполняется 100 лет со дня рождения С. М. Шалютина.

Ключевые слова: философия, кибернетика, математическая логика, научная школа.

SOLOMON MIKHAILOVICH SHALYUTIN. LIFE IN PHILOSOPHY AND EDUCATION

*V. A. Bubnov,
Kurgan State University*

Abstract. The paper is devoted to Solomon Mikhailovich Shalyutin, Doctor of Philosophical Sciences and Professor. He has made an important contribution to the development of the philosophy in the USSR and Russia, his most significant works belong to the field of cybernetics. Solomon Mikhailovich has done a lot for Kurgan State Pedagogical Institute development and for the scientific community formation in Trans-Urals. May of the year of 2021 marks the 100th anniversary of S. M. Shalyutin's birthday.

Keywords: philosophy, cybernetics, mathematical logic, scientific school.

Доктор философских наук, профессор, заслуженный работник культуры РСФСР и почетный гражданин города Кургана Соломон Михайлович Шалютин – личность в Зауралье широко известная. Это педагог, философ, новатор в науке и образовании (рисунок 1).

Очерк о жизни и деятельности профессора С. М. Шалютина составлен на основании рукописи, подготовленной его сыном, доктором философских наук, профессором Б. С. Шалютиным.

Шалютин Соломон Михайлович родился в местечке Любавичи Руднянского района Смоленской области 2 мая 1921 года. Мать, Берта Соломоновна, была модисткой, участвовала в революционном движении, во время подавления революции 1905 года побывала под арестом за распространение революционной литературы, но ввиду отсутствия прямых улик была отпущена. Впоследствии была домохозяйкой.

Рисунок 1 – Соломон Михайлович Шалютин (1921–2009)

Отец, Михаил Борисович, родился в семье успешного ювелира, окончил учительский институт в Вильно, был знатоком Маркса, Плеханова, руководил социал-демократическим кружком, где и познакомился с будущей женой. Впоследствии отошел от революционного движения. Октябрьскую революцию не принял, считая, что Россия не созрела для социалистической революции. Более сорока лет проработал учителем математики.

В семье было четверо детей, но две сестры Соломона Михайловича умерли в юности от туберкулеза. Старший брат, как и отец, окончил учительский институт и работал учителем математики, во время Великой Отечественной войны пропал без вести.

В семье Шалютиных царил культ математики и литературы. Юный Соломон увлекался также политикой, был секретарем школьной комсомольской организации, включавшей и молодых учителей-комсомольцев.

Окончив школу с отличием, С. М. Шалютин в 1939 году поступил в МГУ на механико-математический факультет, но из-за отсутствия средств учебу вынужден был оставить и вернуться на Смоленщину, где стал работать литработником районной газеты, а с началом Финской войны (1939–1940 гг.) добровольцем вступил в Красную армию (рисунок 2). Боевое крещение принял в июле 1941 года возле Винницы. Был радистом, начальником радиостанции, заместителем командира радиолокационной станции. Ему пришлось участвовать в боевых действиях на Южном, Сталинградском и Карельском фронтах Великой Отечественной войны [1]. Во время войны он самостоятельно изучал радиотехнику, по возможности читал философскую литературу. Демобилизовался в 1945 году.

Рисунок 2 – С. М. Шалютин, 1941 год

После войны из семьи в живых не осталось никого, С. М. Шалютин отправился в Шадринск, где в то время жила его тетка, сестра матери, Нина Соломоновна Баевская, со своей семьей. Они и уговорили его остаться в Шадринске. Придя в горком КПСС и предложив свои услуги в качестве лектора, встретил некоторое недоумение (не было необходимого образования), но получил все-таки задание на подготовку пробной лекции.

Лекцию прочитал успешно и был принят на работу. Очень быстро завоевал в городе авторитет. Лекции С. М. Шалютин читал преимущественно о международном положении. В марте 1946 года Соломон Михайлович был переведен в Курган в качестве лектора Обкома КПСС.

В 1948 году он поступил на заочное отделение в высшую партийную школу при ЦК КПСС и досрочно окончил её.

В 1953 году С. М. Шалютин был утвержден заместителем директора Курганской областной партийной школы, а в 1957 году он поступил в аспирантуру кафедры философии Академии общественных наук при ЦК КПСС. Именно в годы пребывания в Академии С. М. Шалютин начал научно-исследовательскую деятельность и быстро обрел авторитет и известность в философском сообществе Советского Союза.

В 1959 году Соломон Михайлович защищает кандидатскую диссертацию «Диалектическое отрицание в общественном развитии», активно используя в ней прочно забытое в сталинскую эпоху гегельское наследие, борьба за возвращение которого стала тогда одним из важнейших факторов возрождения отечественной философии.

Профессор Б. С. Шалютин: «После окончания аспирантуры при Академии общественных наук и защиты диссертации С. М. Шалютин получает приглашение на работу в Институте автоматики и телемеханики АН СССР и в институте философии АН СССР. Однако Курганский Обком КПСС, воспользовавшись недавно принятым Постановлением ЦК КПСС «Об укреплении ка-

дрового потенциала Сибири», настоял на возвращении Шалютина в Курган.

Рисунок 3 – Полина и Соломон Шалютины, 1948 год

Вернувшись в Курган в 1959 году, С. М. Шалютин возглавил в Курганском пединституте кафедру марксизма-ленинизма, впоследствии реорганизованную в кафедру философии, а с 1969 года он стал проректором института по научной работе.

Философская наука в Советском Союзе в 60-х годах прошлого столетия начинает постепенно активизироваться и возрождаться.

Б. С. Шалютин: «Здесь надо сказать несколько слов о состоянии философии в те годы. В целом оно было плачевным. Как известно, в 1922 году по поручению Ленина Дзержинский организовал высылку из страны наиболее известных российских гуманитарных мыслителей. Высылку эту обычно называют «философским пароходом», хотя пароходов было несколько, а некоторых отправляли и поездами. Россия лишилась выдающихся философов, социологов и юристов. В стране остались одни марксисты. К. Маркс, безусловно, стоит в ряду крупнейших социальных авторов XIX века. Значительным является и его вклад в философию. Конечно, он несопоставим с такими философскими титанами, как Кант или Гегель, но, пока в 20-е годы продолжались какие-то дискуссии, хотя бы только на марксистской основе, философская жизнь ещё теплилась. В 30-е годы произошла жесткая политическая унификация, абсолютно завершившаяся в 1938 году с выходом очерка И. Сталина «О диалектическом и историческом материализме».

Как отмечает А. Огурцов: «Этот очерк, несмотря на его примитивность и крайнюю схематичность, был объявлен непревзойденным образцом творческого марксизма. Он был положен в основу преподавания философии. По его схеме отныне строились философские учебники, о нем написаны тысячи статей, брошюр, книг и коллективных монографий. По существу, этот очерк выполнял функции катехизиса... В философии, ставшей идеологией автократии, все более утверждались и окончательно победили серость, раболепство, прислужничество, доносительство и страх...» [2].

После смерти И. Сталина в отечественной философии начинается возрождение. В этом возрождении можно выделить два его основных направления.

Первое – это обращение к фундаментальному историко-философскому наследию. Сначала это был, прежде всего, Гегель, которого очень высоко оценивали Маркс, Энгельс, Ленин. Второе – восстановление настоящих профессиональных исследований философских проблем естественных и математических наук. В обоих этих направлениях С. М. Шалютину довелось участвовать.

Что касается второго направления, то самые горячие битвы в то время шли относительно кибернетики, которая ранее была провозглашена лженаукой. Заинтересовала эта проблематика и С. М. Шалютину. Знания в области математики, физики и технических наук, самостоятельным изучением которых он занимался, начиная с военных лет, невероятная работоспособность и природная одаренность позволили ему довольно быстро освоить эту новую область знаний. Для философии это была не только борьба за кибернетику, но и за саму себя.

Приняв участие в ряде ключевых публичных дискуссий относительно кибернетики, Соломон Михайлович оказывается в гуще борьбы за её признание в СССР. В 1961 году в СССР выходит фундаментальный труд «Философские вопросы кибернетики». Среди авторов – академики А. И. Берг, П. К. Анохин, Э. Кольман, целый ряд других ведущих ученых страны, собравшихся «под одной обложкой», чтобы дать консолидированный отпор идеологическому мракобесию относительно кибернетики. Книга открывается работой С. М. Шалютину «О кибернетике и сфере её применения». На рукописи этой работы Э. Кольман написал: «Блестящая статья, написанная с глубоким, подлинным знанием дела». Эта работа принесла Соломону Михайловичу широкую известность в философии и науке. Он в течение многих лет входил в состав Совета по кибернетике при Президиуме Академии наук СССР.

Работая в Курганском пединституте заведующим кафедрой философии, проректором по науке, позднее преподавая в качестве профессора кафедры философии, Соломон Михайлович Шалютин постоянно, много и успешно занимается философским творчеством (рисунок 4). В 1978 году он защитил докторскую диссертацию «Абстрактное мышление и информационная техника (гносеологические аспекты проблемы)» в Уральском государственном университете.

Профессор Б. С. Шалютин: «На протяжении всего этого времени философское творчество остается для него одним из важнейших приоритетов. Из-под его пера выходят многочисленные статьи и монографии, посвященные основополагающим вопросам гносеологии и онтологии, философским проблемам математики и психологии,

философии языка. Многие из них публикуются в самых авторитетных в СССР издательствах, «знаковых» для отечественной философии коллективных монографиях и сборниках. Важнейшие из них: «Алгоритмы и возможности кибернетики» (1962); «Кибернетика. Мышление. Жизнь» (1964); «Высшие и низшие формы движения» (1967); «Кибернетические процессы в системе форм движения» (1971); «Ленинская теория отражения и современная наука» (София, 1973); «Абстрактное мышление и кибернетика» (1976); «Язык и мышление» (1980).

Рисунок 4 – Соломон Михайлович за работой, 1976 год

В 1985 году в издательстве «Мысль» выходит фундаментальная монография С. М. Шалютину «Искусственный интеллект», в значительной мере итоговая для автора по кибернетической проблематике. Коротко говоря, в этой книге проанализированы с точки зрения теории познания достижения и трудности в решении проблемы искусственного интеллекта, выявлены особенности абстрактного мышления и языка, которые открывают или, напротив, затрудняют возможности передачи функций человеческого интеллекта техническим системам.

Будучи известным ученым, автором пионерских работ по различным разделам философии, обладая широчайшей эрудицией, «С. М. Шалютин внес значительный вклад в приближение “Курганской” науки и образования к “передовым рубежам”». Первым в Кургане он начал преподавание математической логики – раздела математики, долгое время остававшегося под идеологическим запретом; первым в Кургане (и одним из первых в стране) ввел в практику специализированные курсы по философским проблемам частных наук; способствовал возрождению преподавания генетики и т. д.

«Его блестящие проблемные лекции развивали мышление, служили и служат образцом педагогического мастерства нескольким поколениям курганского учительства» [3]. Да и не только учительства!

Профессор Б. С. Шалютин: «Вообще лекции Соломон Михайлович читал блестяще. Читал он их много, самым разным аудиториям: студентам

и аспирантам, слушателям института марксизма-ленинизма, вузовским преподавателям общественных дисциплин в рамках активно работавшего под его руководством областного Совета по общественным наукам, делал теоретические и аналитические доклады на заседаниях Ученого совета пединститута, довольно часто выступал перед областным «партхозактивом» (так называли руководящий состав областных структур, городов и районов, предприятий города и области). Несколько особенностей в совокупности формировали уникальный облик Шалютина-лектора. Пожалуй, основные из них – широта тематики, невероятная эрудиция, железная общая логическая конструкция, внутри которой – импровизация, учитывающая уровень и профиль аудитории, позволявшая доносить до сознания слушателей и в диалоге с ними самые сложные вещи, а также очень высокая энергетика лекции. В пединституте он читал иногда, казалось бы, неожиданные лекционные курсы. Например, когда в программе у математиков появилась дисциплина «математическая логика», он вел её в течение нескольких лет просто потому, что никто из преподавателей математических кафедр этого предмета не знал. Но в основном он вел, конечно, общефилософские дисциплины и спецкурсы по философским проблемам конкретных наук» [4].

В течение 18 лет С. М. Шалютин работал проректором Курганского пединститута по научной работе. К этой деятельности он относился чрезвычайно добросовестно, отдавая ей массу времени и сил, что, несомненно, шло в ущерб его собственным исследованиям. Это вообще очень сложная проблема: правильно ли большому ученому заниматься организационной работой, не связанной с его собственными исследованиями? Но в числе своих прочих качеств С. М. Шалютин был человеком долга, и его деятельность в качестве проректора очень много дала для развития науки в пединституте, да и вообще формированию в нем той атмосферы, которая должна быть в настоящем вузе.

Раз в год в соответствии с нормативными требованиями на ученом совете института обсуждалось состояние научных исследований, о котором докладывал проректор по науке. Надо сказать, что заседания ученого совета были открытыми, интересными, на них присутствовали все желающие, и, как правило, это были все ведущие преподаватели. Никогда доклады С. М. Шалютина не были перечислением количества публикаций или иной наукометрической бухгалтерией. Это всегда был содержательный анализ, то есть анализ самого содержания научных исследований. Он реально читал все научные отчеты и основные научные труды преподавателей и сотрудников института, благодаря своему универсализму мог донести до филологов, чем занимаются физиологи и наоборот, показать, что перспективно, а что повторяет известное. Благодаря этому в институте было яс-

ное общее понимание того, кто есть кто, и степень влияния того или иного человека соответствовала его действительной квалификации, а не просто факту обладания ученой степенью или занятию некоей должности [4].

Соломон Михайлович очень большое внимание уделял научному уровню учебных занятий. Он посещал массу лекций, анализировал их, в том числе с позиций того, чтобы преподавалось не то, что мхом поросло, а то, чем живет современная наука в соответствующих областях. По его инициативе в пединституте, когда в провинциальных вузах этого еще почти нигде не было, было введено чтение спецкурсов, смысл которых состоял в том, что преподаватели представляли именно свои научные достижения, вовлекая, тем самым, студентов в реальную творящуюся сегодня науку, без чего настоящей высшей школы и быть не может.

Огромное внимание проректор по науке С. М. Шалютин уделял индивидуальной работе с преподавательским составом. Причем это было не бюрократическим занятием «для галочки», а чем-то абсолютно органичным. Вот только одна история, которую рассказал один из ведущих математиков Курганского госуниверситета, доцент кафедры Фундаментальной математики Вячеслав Семенович Лугавов: «В 1976 году, после окончания Новосибирского университета, я был распределен в Курганский государственный педагогический институт. Однажды я как молодой специалист был приглашен на беседу (тогда это практиковалось) к проректору по научной работе Соломону Михайловичу Шалютину. К этому времени я знал, что сферой научных интересов проректора по науке является философия, и потому не ожидал в его лице встретить ещё и математика. Отмечу, что встреча проходила в очень доброжелательной, непринужденной обстановке и не было ощущения служебного неравенства собеседников. Соломон Михайлович с явным интересом расспросил меня о моих любимых математических предметах, о научных пристрастиях и планах. Потом он с удовольствием познакомил меня со своей богатейшей библиотекой, которая находилась здесь же, в его кабинете. Узнав, что я специализировался по теории вероятности, он тут же отыскал у себя соответствующие книги, высказал суждение по поднятым в них проблемам, ненавязчиво интересуясь при этом моим мнением. Мало того, что некоторые книги я видел впервые, но самое обидное (наверное, в силу возрастной самонадеянности), что о существовании некоторых проблем я никогда и не подозревал. Сейчас уже не помню всех подробностей той встречи, но запомнилось непередаваемое состояние от радости общения с этим математиком (я не оговорился). Помню также, что в конце встречи Соломон Михайлович подарил мне на память книгу Кайберга «Вероятность и индуктивная логика». В последующие десятилетия Соломон Михайлович всегда проявлял неподдельный интерес к моей научной работе, а

каждая встреча с ним стимулировала меня к её продолжению».

Ольга Николаевна Струнина, проработавшая многие годы под непосредственным руководством С. М. Шалютина в качестве руководителя научно-исследовательского сектора пединститута, рассказывала: «В пединституте в те времена почти не было подготовки аспирантов на собственной базе. Большинство преподавателей проходило целевую очную аспирантуру в столичных вузах, многие обучались заочно, немало было и так называемых соискателей. Даже в очной аспирантуре, как правило, люди не успевали завершить диссертационные исследования. Соломон Михайлович часами сидел со всеми категориями диссертантов, от филологов до политологов, помогая выстроить материал, наталкивая на продуктивные идеи, ориентируя в литературе. Не отказывал он в консультации и приходившим к нему преподавателям других вузов, причем не только гуманитариям, но и математикам, физикам, а иногда и «технарям». Что касается фундаментальных наук, то, пожалуй, только химия была вне сферы его интересов. С иронией он относился и к тем, кто занимался «теорией коммунистического воспитания». Со всеми остальными он всегда работал с удовольствием, и в научных результатах многих преподавателей пединститута того времени есть его существенный вклад».

Таков был стиль работы С. М. Шалютина. Нельзя не упомянуть и о том, что С. М. Шалютин обладал довольно редким среди творческих людей свойством – высокой организованностью. В том числе и благодаря этому он в качестве проректора оказался эффективным администратором, не только рождавшим новые идеи, но и воплощавшим их на практике. Поэтому организация научной работы в Курганском пединституте при нем признавалась одной из лучших в Министерстве просвещения РСФСР, регулярно отмечалась с положительной стороны.

Глубокий ум, широчайшая эрудиция, смелость, принципиальность, требовательность, остроумие – из всего этого складывался уникальный облик С. М. Шалютина. Но еще одно важнейшее свойство его личности, без которого его образ был бы существенно неполон, – это доброта, доброжелательность к людям, проявлявшаяся в общении и реальной помощи, часто очень серьезной, от, например, обеспечения качественно-го медицинского обслуживания и вплоть до «пробивания» квартиры высококвалифицированным преподавателям, которую он мог оказывать, используя свой огромный авторитет в области.

Этот короткий очерк о жизни и деятельности С. М. Шалютина будет правильно завершить фрагментом из стенограммы его заключительного выступления на заседании ученого совета Курганского государственного университета, посвященного его восьмидесятилетию юбилею. Он уже был тогда серьезно болен и тем не менее

сумел высказать то, что считал принципиально важным и что во многом было его жизненным кредо.

«Дорогие коллеги, товарищи, дорогие друзья, которые пришли меня поздравить!

Я очень рад, что, хотя здесь были краткие выступления, я чувствую, что очень многие выступающие, – и, вероятно, не выступающие – во многом являются моими единомышленниками. Это меня радует потому, что все, что я делал, связано с тем, что я хотел, чтобы у людей возникали мысли, которые бы во многом совпадали с моими.

Это, конечно, не теоретическая конференция, но все-таки я хотел – поскольку я проработал в вузе, и именно в этом вузе, более сорока лет – я все-таки хотел сказать, что, я считаю, является главной задачей всякой школы, в том числе и высшей, в моем понимании. Я считаю, что перед школой, в том числе и высшей школой, стоят три задачи.

Первая задача очень хорошо всем известна. Она состоит в том, чтобы научить людей, дать им знания и навыки. Хотя учитель первого класса должен научить писать, читать, считать и прочее, хотя преподаватель выпускного курса вуза должен научить определенным знаниям и навыкам, чтобы специалист мог спроектировать машину, здание, все, что требуется. Но я думаю, что дать знания и навыки – это самая простая задача, которая стоит перед преподавателем, перед педагогом. Прошу учесть, что я сказал самая простая. Не простая – очень сложная. Но самая простая по сравнению с двумя другими задачами.

Вторая задача – это учить мыслить. Не только знания и навыки, но и учить мыслить. Всякие знания устаревают. И, кроме того, специалист сталкивается с нестандартными ситуациями, он должен мыслить сам. Развивать интеллект обучающихся, учить мыслить, и притом мыслить творчески – более сложная задача, чем просто дать знания.

Но при всей сложности этой второй задачи есть еще более сложная задача, которая, на мой взгляд, стоит перед каждым педагогом. Это учить добру. Мысль – функция интеллекта. Шопенгауэр, философ XIX столетия, утверждал, что интеллект – это орудие воли. Я не считаю, что интеллект – это только орудие воли. Но все же интеллект решает те задачи, которые перед ним ставит воля человека. Хотя он участвует и в формировании целей, – вот тут я с Шопенгауэром расхожусь – но интеллект все же орудие воли. Задача педагога состоит в том, чтобы та воля, которая имеется у обучаемых, воспитываемых, была доброй волей. Вот это самая трудная третья задача.

Зороастрийцы – была такая религия в древней Персии – считали, что весь мир есть воплощение двух начал, добра и зла. И в этом они были правы. С тех пор, как существует человечество, есть добро и зло, и до тех пор, пока существует человечество, тоже, приятно это или неприятно, будут существовать добро и зло. Они существуют на уровне государственном, на уровне меж-

государственном, правительственном, на уровне любого предприятия, завода, учебного заведения и внутри каждого из нас. Внутри каждого есть и доброе, и злое начало. Задача педагога состоит в том, чтобы возвращать это доброе начало, это самая сложная задача.

Вот здесь говорилось, что я неверующий. Да, я неверующий в том смысле, что я в Бога не верю – именно это имелось в виду. Но я позволю себе привести четверостишие Пастернака:

Но и так, почти у гроба,
Верю я, придет пора,
Силу подлости и злобы
Одолеет дух добра.

Вера моя состоит в том, что дух добра в человечестве одолеет те силы, которые являются силами зла и подлости. Однако я сказал, что я верю в это, но я не сказал, что я знаю это. Никакая наука не может предвидеть, что победит: победит ли добро или человечество уничтожит себя в атомной, ядерной или еще какой-либо войне. За то, чтобы добро победило, надо бороться. Вклад школы, и начальной, и высшей, в это дело состоит в том, что педагог должен учить добро.

Я сейчас человек, как здесь отмечалось, не очень молодой, в активной политической, организационно-политической борьбе за добро я, вероятно, уже не буду участвовать. Но словом – в той мере, в которой слово есть дело, – буду стараться формировать добро в людях, в обществе».

После этого выступления Соломон Михайлович прожил ещё 8 лет, стараясь делать добро людям.

На протяжении всей своей жизни С. М. Шалютин всегда принимал активное участие в общественно-политической жизни Кургана и Курганской области. В течение многих лет он являлся заместителем председателя областной организации общества «Знание», руководителем действующего постоянно семинара преподавателей кафедр общественных наук вузов области.

Соломон Михайлович совместно с Полиной Никитичной Шалютиной вырастили и воспитали трех сыновей: Михаила (1949), Марка (1952), Бориса (1960). Полина Никитична Шалютина – кандидат экономических наук, доцент, работала в партийных органах, а затем многие годы преподавала в Курганском пединституте.

Михаил Соломонович Шалютин долгое время был руководителем Курганского филиала ФБУ ТФГИ по УрФО. Марк Соломонович Шалютин – юрист, судья Курганского областного суда. В настоящее время в отставке. Борис Соломонович Шалютин пошел по стопам отца. Доктор философских наук, профессор, был заведующим кафедрой философии Курганского государственного университета. Работал деканом историко-правоведческого факультета и проректором КГУ по учебной работе.

Рисунок 5 – Соломону Михайловичу Шалютину – 85 лет!
Слева направо: О. И. Бухтояров, С. М. Шалютин,
Б. С. Шалютин

С. М. Шалютин награжден орденами Отечественной войны II степени, «Знак Почета», медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За оборону Кавказа», «За оборону Советского Заполярья», юбилейными медалями, нагрудными знаками «За отличные успехи в работе», «Отличник просвещения СССР», «Отличник народного просвещения». Ему присвоены звания «Заслуженный работник культуры РСФСР» и «Почетный гражданин города Кургана».

Скончался Соломон Михайлович Шалютин 9 июня 2009 года.

Библиографический список

- 1 Кто есть кто на пороге XXI века : информационно-биографический сборник / сост. Б. Е. Клейменов. – Курган : Изд-во «Зауралье», 2001.
- 2 Огурцов А. Подавление философии / А. Огурцов. – Москва, 1989. – С. 366–367.
- 3 Лица Зауралья. Электронная энциклопедия Курганской области. – URL: <http://oldpersona.kurganobl.ru> (дата обращения: 25.06.2015).
- 4 Шалютин Б. С. Рукопись очерка о Шалютине С. М. / Б. С. Шалютин. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014.

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО
С. М. ШАЛЮТИНА
К КОНФЕРЕНЦИИ
«МАШИНЫ. ЛЮДИ. ЦЕННОСТИ»
(АПРЕЛЬ 2006 ГОДА, КУРГАН)**

Прежде всего, я должен поблагодарить руководство университета, и особенно кафедру философии, её заведующую Ингу Николаевну Степанову, за ту большую работу, которую они проделали по организации данной конференции. Во-вторых, я должен извиниться, что я в своём выступлении по существу объединяю обычно не соединяемые два жанра между собой, приветствие и некоторые теоретические положения. Прежде всего, я вас приветствую как людей, которые разрабатывают наиболее актуальные проблемы современной философской мысли, диктуемые самой жизнью. Что касается теоретических вопросов, то я хочу подчеркнуть, и это я буду дальше развертывать, что две группы проблем, которым посвящена конференция, искусственный интеллект и виртуальный мир, с одной стороны, и человеческий мир с его ценностями, с другой стороны, эти две группы проблем связаны между собой органически.

Полстолетия тому назад, в конце пятидесятих годов, кибернетика в нашей стране официально считалась лженаукой, которая находится на службе у империализма, причём порождаемая кибернетикой проблема искусственного интеллекта подвергалась особенной критике как якобы препятствующая действительному пониманию сущности человека. Я горд, и я не скрываю этого, что я был среди тех философов, которые в конце пятидесятих – начале шестидесятих годов отстаивали для кибернетики место под солнцем в нашей стране. Конечно, за неё боролись не только философы, но, так или иначе, она в конечном счете была признана и широко разрабатывается. Сейчас компьютер вошел в быт, и очень много учёных разрабатывает проблему искусственного интеллекта.

С созданием компьютеров возникла проблема «человек и компьютер», которая является частью более общей проблемы – «человек и техника». В настоящее время в связи с достижениями техники, а также с некоторыми негативными последствиями этих достижений, мы имеем два вида крайних отношений к технике и наукам, на которые она опирается. С одной стороны, это технократическое отношение, с точки зрения которого все проблемы общественного развития, независимо от характера социальных отношений, могут быть разрешены и будут разрешены посредством технического прогресса. Другая крайняя позиция – это позиция антициентистов, которые полагают, что именно техника и точные науки, на которые техника опирается, являются причиной всех бедствий, которые переживает человечество, и, следовательно, надо поставить плотину на пути развития техники и точных наук.

Должен сказать, что этой проблемой, «человек и техника», занимались многие философы в течение длительного времени. Кстати, не только философы. В «Фаусте» Гёте в алхимической лаборатории в пробирке был создан гомункулус, искусственный мыслитель, созданный реальным мыслителем. И этот гомункулус хотя и не поднял восстание против своего создателя, но он ушёл от его власти в, так сказать, свободное плавание. То есть фактически Гёте уже здесь поставил вопрос, будет ли человек господствовать над создаваемой им техникой или нет. Это, по существу, вопрос, кто кого: человек технику или техника человека, или, точнее, кто над кем: человек над техникой или техника над человеком.

Этой проблемой занимался и Маркс. Анализируя современную ему технику, он пришёл к выводу, что машинная техника того времени, которая впоследствии нашла своё высшее развитие в конвейере, подчиняет себе человека. Человек становится придатком машины и утрачивают свою собственную сущность, отчуждает её от себя и, таким образом, становится рабом техники. Однако Маркс полагал, что это техногенно порождаемое отчуждение будет преодолено самим развитием техники через автоматизацию, которая позволит технике взять на себя все те операции, в которых человек выступает как выдрессированная сила природы. Иными словами, с точки зрения Маркса, технологическое самоотчуждение человека порождается не техникой как таковой, а только определенной фазой ее развития.

Современная научно-техническая революция с особенной остротой поставила эти вопросы. Антициентисты, опираясь на Хайдеггера, считают и утверждают, что именно техника как таковая, а не определённый этап её развития, порабощает, и чем дальше, тем больше будет порабощать человека. Техника порождена волей человека к власти, к власти над природой. В этом процессе технического освоения природы сама природа уже не рассматривается ни как источник знаний или приближения к знанию о бытии, ни как источник эстетического наслаждения, ни как территория, на которой люди общаются между собой. Она рассматривается как ресурс. Земля – ресурс. Рейн это энергетический ресурс, на нём стоит электростанция. Рейн уже не элемент природы, он придаток электростанции. То же самое можно бы сказать о Волге, на которой построены электростанции и водохранилища. Волга это уже не та Волга, которая воспевается в народном творчестве, это Волга как энергетический ресурс для обеспечения энергией самых различных других производств, которые тоже подчиняют человека. Более того, сам человек начинает рассматриваться как ресурс, как трудовой ресурс, который обеспечивает функционирование техники. Причём такое направление развития, считал Хайдеггер, определяется самим бытием, сущностью бытия. Я не буду здесь рассматривать сложное хайдегге-

ровское понятие бытия, нам достаточно отметить, что, по существу, он утверждает, что такова судьба человека, которая и определяется этим бытием. Это судьба состоит в том, что человек всё больше выпадает в технику, и возникает вопрос: есть ли выход помимо судьбы?

Под этим углом зрения, что дает анализ современной техники? В современной научно-технической революции, в научно-технической революции XX века, важнейшую роль играет компьютеризация в её связи с развитием информационной техники вообще. Изобретение компьютера осуществило революцию в реализации человеком информационных процессов, а именно, человек вышел за пределы своих физиологических возможностей. Правда, уже с изобретением письма он вышел за пределы своих физиологических возможностей, но с письмом человек получил только внешнюю память, а переработка информации, то есть собственно умственный труд, оставался не механизированным и осуществлялся только внутри человеческой психики.

Изобретение компьютера позволило поднять автоматизацию производственных процессов на более высокий уровень, когда и контроль, и регулирование в масштабе времени реального производственного процесса перекладывается на машины. Но главное состоит даже не в этом, а в том, что компьютер, участвует в самом процессе моделирования, он продолжает процесс моделирования, который начинается в человеческой психике. Более того, человек зачастую создает, а чем дальше, тем больше, такие модели реальных процессов и своих действий, которые он не может, не в силах своим интеллектом проанализировать, или, как говорят в кибернетике, он своими силами не способен решить модель, а компьютер посредством вычислительного эксперимента разрешает эту модель, и таким образом выявляются оптимальные пути решения тех или иных проблем, которые возникают перед человечеством. Компьютеризация стимулировала развитие многих других отраслей техники, в том числе, без компьютера не был бы возможен выход в космос, компьютеры вошли в учебный процесс, компьютеризация явилось важнейшим фактором, позволившим создать интернет. А что означает создание интернета? Оно означает приближение к созданию единого мирового информационного пространства, единого исследовательского пространства, когда ученые, территориально разрозненные, могут объединить свои усилия для решения научно-теоретических задач, оставаясь в своих лабораториях на своих рабочих местах. Короче говоря, достижения современного этапа компьютеризации весьма велики.

Но, говорят противники технического прогресса, сама компьютеризация тоже поработает человека. Даже компьютер как таковой его поработает. Когда человек в реальном масштабе времени работает вместе с компьютером, то надписи

на дисплее зачастую дают указания человеку, что делать. Тем более программисту. Программист – это трудовой ресурс, обеспечивающий функционирование ЭВМ и, следовательно, с точки зрения антисциентистов, он раб компьютерной техники.

Но самое главное обвинение, которое антисциентисты предъявляют к современному этапу развития техники, состоит в том, что она увеличила удельный вес виртуального мира и создала новые типы и разновидности этого виртуального мира. Нахождение в виртуальном мире отчуждает человека от природы, от других людей, от своей собственной сущности. Виртуальный мир, погружение в него особенно опасно для подрастающих поколений. Дело в том, что они не имеют серьезного опыта жизни и деятельности в реальном мире, и, отдаваясь власти виртуального мира, они превращаются не в людей, а из них вырастают нелюди. Для такого рода рассуждения есть, конечно, определенные основания, но можно ли этому противостоять? Антисциентизм считает, что нет. Хайдеггер не дает однозначного ответа на этот вопрос, но в целом у него преобладает пессимистический взгляд на эту проблему. Человеческие усилия сами по себе, утверждал он, никогда не могут эту угрозу предотвратить. Следовательно, надо поставить плотину на пути развития техники вообще, компьютерной техники, в частности.

Конечно, выйти из власти виртуального мира – дело нелегкое, это надо признать. Виртуальный мир существует давно. Уже в 19 веке немецкие романтики и эстетизм в целом пытались замкнуть человека в рамках эстетического удовольствия в отрыве от всех других сторон жизни. Более того, можно быть плененным виртуальным миром, даже оставаясь в пределах подлинной науки. Даже такой творческий человек как Фауст, пока он оставался в рамках своего кабинета, оказался пленником виртуального мира, человеком, оторванным от жизни. И он это почувствовал, он захотел вернуться в реальный мир, но своими усилиями он не мог этого сделать. Он вынужден был призвать на помощь духа, и под руководством Мефистофеля он начал входить в реальный мир, но заплатить за это, как вы знаете, ему пришлось очень дорогой ценой.

Человек не может жить только в виртуальном мире. Он должен или может только либо подниматься, для решения, например, творческих задач, либо опускаться в него, в мир игровых автоматов и иных бытовых и не бытовых приложений компьютерной техники. Но виртуальный мир не может служить замещением действительного мира.

Пессимизм, высказываемый антисциентистами, необоснован, с моей точки зрения. Главная их беда состоит в категориальном смешении двух различных модальностей – возможности и необходимости. Техника создает возможность подчинения себе человека. Более того, развитие техники создает множество возможностей для

подчинения себе человека, но она не заставляет человека подчиниться себе с необходимостью. Развитие техники, создавая новые возможности, расширяет поле человеческого выбора. Человек среди этих возможностей может свободно выбирать, тем самым может расширить поле своей свободы и развивать свою собственную сущность, важнейшим компонентом которой является способность к творчеству, а самостоятельный выбор всегда есть творчество.

Но, опять возражают антисциентисты, техника не только создала возможности порабощения собой человека, но эти возможности претворяются и претворились в действительность. На базе развития науки была создана атомная бомба. Более того, даже некоторые физики, учёные настаивали, чтобы её сбросить на Нагасаки и Хиросиму, не считаясь с тем, что это приведет к огромным человеческим жертвам. Они хотели на практике проверить правильность своих расчетов. Антисциентисты могут сослаться также на чернобыльскую катастрофу, где техника показала, что человек над ней не властен.

Однако должен я сказать, что негативным проявлениям развития техники человечество сказало стоп. Не всегда удается и не всегда надо говорить стоп. Иногда желательно, по крайней мере, нажать на тормоза. Атомная бомба и другое оружие массового уничтожения людей – здесь принято соглашение о сокращении вооружений, некоторые виды вооружений запрещены и даже уничтожаются. Что касается атомной энергетики вообще, которая таит в себе возможность создания атомного и водородного оружия, то есть МАГАТЭ, международная организация, международное агентство по атомной энергии, которая нажимает на тормоза, используя государственные механизмы разных стран, всюду, где возникает угроза применения атомного оружия.

Но дело касается не только военных применений техники. Наука и техника создали, например, возможность генной инженерии. Но и тут человечество нажало на тормоза. Генная инженерия, должна развиваться, это несомненно так, однако заключены соглашения, определяющие границы правомерности генной инженерии. Или возьмите клеточную инженерию. Клонированию органов – да, клонированию отдельных животных – да, клонированию человека – нет. Это значит, что ценности, которыми руководствуется человек, берут под контроль развитие техники. Движения зелёных, которые, правда иногда перебарщивают, есть выражение того, что новые ценностные системы пробивают себе дорогу.

Ценностное сопротивление навязыванию техникой себя человеку имеет очень большое значение. Развитие техники – под контроль ценностей! Конечно, при этом используются и позитивные элементы традиции, сложившейся в течение веков. Но современный человек это не Адам, созданный из праха земного. И современный человек

отличается от Адама не только своей машинной техникой, автоматизированной техникой, компьютеризацией, интернетом, но и новой системой ценностей. Создавая новую систему ценностей, и тем самым определяя линию своего выбора, человек продолжает творить себя, он развивает свою собственную сущность. Развитие и сотворение человека не закончилась антропосоциогенезом. Мы творим себя, создавая и развивая новую систему ценностей.

Конечно, утверждение этой новой системы ценностей – это непростой процесс, для его осуществления требуется, чтобы человечество стало единым субъектом деятельности и совместными усилиями противостояло порабощению техникой. Есть противодействующие факторы этому превращению в единый субъект. Это и терроризм, и социальная национальная, конфессиональная ненависть, которые существуют, и так далее. И, следовательно, утверждение новой системы ценностей, в частности, ценностного отношения к природе – это вопрос борьбы, и результат этой борьбы определяется не судьбой, не таинственным бытием Хайдеггера, а самим человеком.

Но для того чтобы утвердить новую систему ценностей, надо в полной мере осознать, в чём она заключается и разработать её, обосновать. Этим занимается аксиология, и в этом состоит её функция в настоящее время. Я в письменном тексте доклада подчеркивал, что аксиология само по себе не может осветить путь человечеству. Нужно учитывать данные онтологии и конкретных наук. Здесь я хочу подчеркнуть другую сторону вопроса. Философская онтология вместе с конкретными науками сами по себе не могут осветить путь человечеству. Онтология должна быть дополнена данными аксиологии, развитие человеческой жизни должно контролироваться ценностями, принимаемыми и развиваемыми человечеством. Соотношение между должным и сущим должно быть оптимальным. Оптимум это одна из важнейших категорий аксиологии и философии вообще.

Здесь, на конференции, вам предстоит обсуждать на пленарном и в секциях различные актуальные философские проблемы. Я желаю вам оптимального сочетания исследовательской работы и отдыха. И не только на конференции но и после неё. Творческих вам успехов во всех областях вашей деятельности. Спасибо за внимание.

РАЗДЕЛ I. КОГНИТИВНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

УДК 004. 8

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И СОВРЕМЕННАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ПРАКТИК

*П. В. Алексеев,
аспирант
философский факультет МГУ
имени М. В. Ломоносова*

Аннотация. В статье производится анализ современных концептуализаций эстетических практик и их корреляции с технологической средой, в которой они производятся. Автор показывает, как современные технологии искусственного интеллекта позволяют менять эти концептуализации, а также обозначает концептуальные ресурсы, которые необходимы для того, чтобы эти изменения были теоретически продуктивными.

Ключевые слова: искусственный интеллект, эстетические практики, концептуализация.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND MODERN CONCEPTUALIZATION OF AESTHETICAL PRACTICES

*P. V. Alexeev,
PhD Student of The Faculty of Philosophy
Department of Philosophy and Methodology of
Science Lomonosov Moscow State University*

Abstract. In this article analyzed modern conceptualizations of aesthetical practices and their correlation with technological environment in which they produced. The author shows how contemporary technologies of artificial intelligence can change these conceptualizations and also shows conceptual resources which are necessary to be used to make that change productive in the field of theory.

Keywords: artificial intelligence, aesthetical practices, conceptualization.

Современная концептуализация эстетических практик сегодня предлагается в целом ряде дискурсов об искусстве, которые не только репрезентируют различные методологические подходы, но также и различным образом локализованы. И хотя эти дискурсы на первый взгляд кажутся принципиально разнородными и не могут быть сведены друг к другу, тем не менее, можно обоснованно говорить о том, что предлагаемые ими сегодня концептуализации эстетических практик вполне могут быть соотнесены друг с другом. И это соотнесение возможно в плане того, насколько эти концептуализации учитывают на разных уровнях технологическую среду. Появление современных

технологий искусственного интеллекта с необходимостью приводит к пересмотру концептуализации эстетических практик, так как их появление меняет характер интеллектуального труда.

Корреляция концептуализации эстетических практик и той технологической среды, в которой эта концептуализация производится, зачастую обозначается как их взаимная автономия. Иначе говоря – технологии не являются чем-то важным для того, чтобы определять тот или иной дискурс об искусстве. Такой подход в свою очередь напрямую соотносится с пониманием искусства как области, в которой эстетические объекты и практики являются автономными по отношению к окружающим их акторным сетям.

Эта интеллектуальная традиция представляет собой – пусть и неочевидным образом – продолжение романтической традиции. И хотя современные дискурсы в большинстве своем не предполагают понимания искусства как акта трансгрессии, позволяющего осуществить доступ к трансцендентному, тем не менее, они зачастую сохраняют метафизическую концептуализацию автономности эстетической практики и производства искусства по отношению к окружающим их акторным сетям.

В соответствии с этим возникает вопрос – каким образом соотносятся друг с другом современные технологии искусственного интеллекта и означенные концептуализации?

Для того чтобы продуктивным образом ответить на этот вопрос, необходимо указать на то, что ответ на него предлагает необходимость обозначения того, каким образом технологии искусственного интеллекта меняют конфигурацию интеллектуального труда. Также следует отметить, что под искусственным интеллектом стоит понимать совокупность технологий, способных с высокой степенью автономности выполнять сложную аналитическую работу, а не некий антропоморфный технологический объект.

Технологии искусственного интеллекта позволяют не только повышать эффективность интеллектуального труда, но также и в целом вывести его на более высокий уровень, нежели тот, что был ранее достигнут с той первоначальной индустриализацией интеллектуального труда, которая была произведена при распространении цифровых технологий.

Кроме того, следует указать на то, что этот вопрос, безусловно, требует более развернутого анализа, выходящего за рамки настоящей статьи, однако важно отметить и то, что означенное изменение концептуализации также связано с использованием новых концептуальных ресурсов.

Потенциально можно было бы обратиться к концептуальным ресурсам постструктурализма,

т. к. это те концепты, которые не только оказались продуктивными для современных теорий эстетических практик, но и более того – в значительной степени определили саму конфигурацию современного теоретического поля в этой области.

Так, например, можно было бы предложить концептуализацию этого соотношения технологий искусственного интеллекта и эстетических практик как еще один вариант снятия стабильного различения субъекта и объекта. Этот вариант носит исторический характер и одновременно с этим является также снятием историчности (понятой, например, как вариант некой развернутой телеологии или диалектики).

Однако здесь следует сказать, что – несмотря на определенную привлекательность – такая концептуализация, тем не менее, продуктивна не столько в теоретическом, сколько в риторическом плане, что позволяет ей эффективно функционировать в пространстве общего интеллекта [1].

Значительно более продуктивным вариантом ответа на поставленный вопрос представляется переход к варианту концептуализации, который использует концепты акторно-сетевой теории Бруно Латура [2] и различных объектно-ориентированных онтологий (например, варианта, предложенного Грэмом Харманом [3]), что позволит более эффективно описывать акторные сети, не создавая необоснованной теоретической асимметрии между различными объектами и практиками, включая эстетические. И это работа для дальнейших исследований.

Библиографический список

1 Вирно П. *Грамматика множества: к анализу форм современной жизни* / П. Вирно. – Москва : ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. – 176 с.

2 Латур Б. *Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества* / Б. Латур. – Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 414 с.

3 Харман Г. *Четверойкий объект* / Г. Харман. – Пермь : Гиле Пресс, 2015. – 152 с.

ЦЕННОСТИ И ЦЕЛИ ЧЕЛОВЕКО-МАШИННЫХ СИСТЕМ: ТРЕХМЕРНАЯ СЕМАНТИКА ПЛАВАЮЩИХ ЛОГИЧЕСКИХ МИРОВ

А. Ю. Алексеев,
д-р филос. наук, вед. науч. сотр.
aa65@list.ru,
К. М. Салямов,
бакалавр
kamasalyamov101001@gmail.com
философский факультет МГУ имени
М. В. Ломоносова

Аннотация. Изучаются возможности координации ценностных и целевых суждений собственными средствами компьютерной системы. Рассматривается трехмерная семантика плавающих миров, в которой для координации используется двумерная рамка, соединяющая ценностные миры (образованные ценностными суждениями) с целевыми мирами (которые формируются суждениями о целях системы). Третье измерение для этой рамки задается концепцией вычислимости. Вычислимость трактуется в символично-коннекционистском формате совмещения принципов работы машины Тьюринга и машины Корсакова. Изучаются три формы координации: абсолютная (отношение достижимости миров осуществляется в смысле С. Крипке), релятивная (Я. Хинтикки) и рефлексивная (С. Н. Корсакова). Рефлексивная координация непосредственно иллюстрируется работой машины Корсакова.

Ключевые слова: человеко-машинные системы, трехмерная семантика, ценности, цели, логические миры, машина Корсакова.

VALUES AND GOALS OF HUMAN-MACHINE SYSTEMS: THE THREE-DIMENSIONAL SEMANTICS OF FLOATING LOGICAL WORLDS

A. Yu. Alekseev,
Doctor of Science (philosophical science),
Leader Senior Researcher
aa65@list.ru,
K. M. Salyamov,
student
kamasalyamov101001@gmail.com
Lomonosov Moscow State University

Abstract. Possibilities of coordination of value and target judgments by own means of the computer system are being studied. The three-dimensional semantics of floating worlds is considered, in which a two-dimensional frame is used for coordination, connecting value worlds (formed by value judgments) with target worlds (which are formed by judgments

about the goals of the system). The third dimension for this framework is given by the concept of computability. Computability is interpreted in the symbolic-connectionist format of combining the principles of the Turing machine and the Korsakov machine. Three forms of coordination are studied: absolute (the relation of the attainability of the worlds is realized in the sense of S. Kripke), relational (J. Hintikka) and reflexive (S.N. Korsakova). Reflexive coordination is directly illustrated by the operation of the Korsakov machine.

Keywords: human-machine systems, three-dimensional semantics, values, goals, logical worlds, Korsakov's machine.

Концептуальная организация развитой искусственной интеллектуальной системы включает программно-технические решения по поводу презентации аксиологических суждений собственными средствами этой системы. То есть внутри этой системы создаются специальные средства для выдвижения, постановки, формулировки, актуализации, анализа, решения вопросов о её собственной ценности («зачем она нужна?») и вопросы относительно ценностей предметной области, в которой эта система функционирует («зачем это надо?»).

Широко известно, что такие аксиологические суждения «ортогональны» онтологическим суждениям. Как внутрисистемными средствами связать высказывания, скажем, «ИИ – это квази-алгоритмическая реализация теста Тьюринга» и «ИИ – это высший национальный технологический приоритет страны»? Второе предложение принято считать либо «псевдопредложением» (Л. Витгенштейн), либо пропозициональным (по сути, дуалистическим) отношением субъекта к фактуальной пропозиции (Дж. Серль). Имеются ли перспективы концептуальной координации «целей» и «ценностей», пересечения онтологии с аксиологией, отождествления «значения» и «смысла»?

На наш взгляд, подобная работа ведется с 1970-х гг. по пути построения методологии двумерных семантик. Широкое движение философов, логиков, математиков, лингвистов, психологов, физиологов и мн. др. можно обозначить девизом «Назад к Фреге». Дело в том, что Б. Рассел в начале 20 века предлагал мощную программу элиминации «смысла» из логики Г. Фреге. Для этого он ввел теории типов, дескрипций и пропозиций. Полвека назад возникло оппозиционное движение, вернувшее «смысл» в теории, которые его изгоняли. Постфрегистами предлагалась двумерная семантика индексикалов и демонстративов (Д. Каплан, 1978–1989 гг.), двумерная семантика диагональных пропозиций (Р. Сталнейкер, 2003–2004 гг.), двумерная семантика дескрипций (Г. Эванс, 1977 г.), обобщенная семантическая двумерность (Д. Чалмерс, 2000 г.), «метасемантический 2-димионализм»

(Р. Сталнейкер, 2003–2004 гг.). В нашей стране А. А. Шаров и Ю. А. Шрейдер предлагали т. н. теорию каркасов «ткань-рисунок» [4]. «Ткань» – это как бы контекст (смысл) рассуждений, и на этот контекст наносится «рисунок» – текст. Возможны двумерные трансформации разрисованной ткани. Если ценностные суждения составляют «ткань», то понятно, каким значительным трансформациям подвержен «рисунок» (как суждение о цели) при изгибах ткани.

Логически самой сложной двумерной конструкцией, на наш взгляд, является двумерная семантика плавающих миров. Она предложена М. Дейвисом и И. Л. Хамберстоном в 1981 г. Двумерность высказывания формируется путем применения оператора «актуальности» к возможному миру. «Актуальность» – это способ модального представления действительности возможного мира. Каждое высказывание связывается с возможными мирами и со степенью их актуальности. На возможные миры – базовые множества, операции и отношения – накладывается плавающая рамка, которая позиционирует актуальный мир и обрамляет возможные миры, достижимые из актуального мира.

Отношение достижимости – это факт концептуального (например, функционального) единства ценностного и целевого суждений.

Рассмотрим далее две классические (на базе идей С. Крипке и Я. Хинтикка) и одну неклассическую схему достижимости. Также важно сделать следующее замечание.

От двумерной к трехмерной семантике плавающих миров

Двумерный формат рамки, которая «плавает» и актуализирует логические миры, трудно использовать в компьютерных системах. Двумерная семантика, конечно, интересна. Она приближает нас к задаче связывания и координации ценностных и целевых суждений. Тем не менее в контексте исследований электронной культуры, цифровой экономики и искусственного интеллекта, двумерную семантику следует дополнить еще одним измерением – метрикой вычислимости. Без этого компьютерного дополнения старый обобщенный 2D-дизайн – это чистое произведение традиционной культуры. Он служит задачам человека с ручкой, блокнотом и книгой, то есть того, кто не пользуется компьютером. Для ИИ-систем – для роботов, аватаров, киборгов – такая плоская семантика совсем не применима. Обоснование необходимости использования трехмерной семантики представлено в [3]. Третья метрика – это метрика вычислимости, квазиалгоритмичности, компьютеринга. И так как в работе важны принципиальные идеи вычислимости, то третье измерение будет рассматривать в теоретико-алгоритмическом формате, который выражает как принципы работы символического алгоритма (машина Тьюринга), так и коннекционистского алгоритма (машина Корсакова).

Абсолютная трехмерная семантика (миры Крипке)

Данный подход является самым известным [1]. Простым примером реализации такого подхода является «мир пылесоса», который следом за [8, с. 77] может выглядеть так: у нас есть «умный» агент – пылесос, с определенным набором задач, которые он выполняет в зависимости от тех или иных состояний окружающей среды. Тогда реализация его двумерной семантики будет максимально простой, а компьютерной онтологией будет список состояний среды, в которой он предположительно будет работать. Например, этот список включает описание комнаты, поделенной на восемь частей. Цель робота сводится к тому, чтобы пропылесосить все эти восемь частей. Ценностное суждение можно представить следующим образом. V: «Чистота – залог здоровья». Целевое суждение T: «Пропылесосить часть комнаты n». Связь между ценностным суждением и целевым суждением осуществляется тогда, когда под плывущей рамкой объединяются разнопорядковые логические миры, т. е. выполняется траектория попадания в мир «чистоты» из мира пропылесосенных комнат. Вопрос, в какой мере «чистота» будет причиняться «пропылесосенностью», относится к валидности модальной логики «необходимости/возможности», предложенной С. Крипке [1, с. 258–260]. Наше единственное дополнение состоит в том, что используются информационные, программные, лингвистические, технические средства компьютерной системы для хранения, обработки, отображения возможных (ценностных) и необходимых (целевых) логических миров.

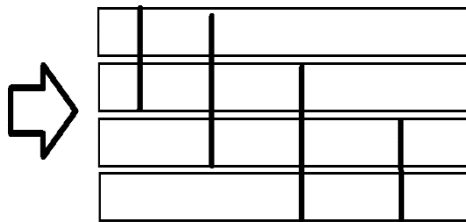
Релятивная двумерная семантика (миры Хинтикки)

Недостатком предыдущего подхода является непогрешимая точка зрения разработчика, который актуализирует ценности и цели. Более «демократичный» вариант двумерной семантики удобно сконструировать из логических миров Я. Хинтикки [5]. С суждением V теперь соотносятся и действия робота P2 по стиранию пыли с полок, помимо пылесосения предыдущим роботом P1. Знания о действиях роботов могут противоречить друг другу, то есть рамки актуализации миров нельзя совмещать. Возможно, будет недостижим мир, в котором для «чистоты» требуется и «пылесосить» и «стирать пыль». Я. Хинтикка на этот счет вводит понятие «невозможных возможных миров», то есть таких состояний, которые не могут возникнуть ни в одной альтернативе [2, с. 228–245]. Такие «невозможности» должны избегаться роботами P1 и P2, которые и пылесосят, и стирают пыль, и, достигая собственных целей, совместно формируют основание ценности «чистоты».

Рефлексивная трехмерная семантика (миры Корсакова)

В рамках данной стратегии идея равноправия траекторий попадания из миров целей в миры ценностей дополняется идеей всеохватности этих

траекторий, параллельного учета, сопричинности траекторий. Необходимо, чтобы каждое частное отношение достижимости отражалось от целого, причинялось системой траекторий. Рамка должна плавать уже не только между траекториями достижимости, но и между траекториями и системой этих траекторий в целом. Связь между ценностными суждениями и целевыми суждениями подобна связям между символом и знаком в проведенных нами ранее психосемиотических исследованиях, связанных с моделированием языка религиозных убеждений [5]. Представим плавающую рамку в стопке перфокарт машины Корсакова (рисунок 1).

а

Игла/Карта	1	2	3	4
1 → → →	□	□	□	□
2 → → →	■	■	■	□
3 → → →	□	□	□	□
4 → → →	□	□	□	□

б

а – проекция на перфокарты сбоку; б – проекция сверху
Рисунок 1 – Пример конфигурации машины Корсакова

Перфокарты расположены вертикально. Попадание иглы в отверстия перфокарт отмечено черными линиями (а) и закрашенными квадратами (б). Отношение достижимости схватывает сразу несколько перфокарт. Это отношение «расширяется» при обращении к различным «целевым слоям», каждый из которых имитируется перфокартой из стопки. Так, на перфокарте 3 раскрываются связи, не просматриваемые на перфокарте 2. Но они просматриваются целиком при «виде сбоку» (а).

Такие отношения достижимости в рефлексивной трехмерной семантике машина Корсакова формирует одновременно и параллельно. Традиционный компьютер, построенный на принципах машины Бэббиджа-Тьюринга, способен это сделать при наличии достаточно сложной программы имитации соединений.

Принципы технической реализации трехмерной семантики плавающих миров на базе машины Корсакова-Тьюринга

Для машинной реализации обозначенных стратегий наложения плавающей рамки перспективна мемристорная реализация машины Корсакова-Тьюринга, которая обеспечивает коннекционистскую репрезентацию ряда традиционных философских проблем [6]. Представим стопку перфокарт коннекционистской машины Корсакова (МК) [7] как мемристорную память: мемристор – это электронная репродукция непрерывной активности биологического синапса. Градуальная коннекция непосредственно моделируются мемристором, характеризуя непрерывные связи между признаками. Градуированная коннекция учитывает пороговые значения сопротивлений, моделируя многозначную логику сетевых соединений. Бинарных коннекций, как отмечалось в [7], в МК нет.

Отношения достижимости в рефлексивной схеме плавающих миров выделяются рамкой следующим образом. Плавающая рамка накладывается сбоку, как бы целиком охватывая нужные для анализа перфокарты МК. Перфокарты сделаны прозрачными. На верхней перфокарте представлено ценностное суждение. На нижележащих перфокартах представлены целевые суждения. Непрозрачные иглы табулятора, которые попадают в отверстия перфокарт, позволяют явно и непосредственно отобразить связь ценностного и целевых суждений. Так как каждая перфокарта характеризует частное положение, а стопка – композицию из частных, то взгляд сбоку на стопку перфокарт проявляет связь между целым и частями, конкретизируя это отношение. Например, С. Н. Корсаков описал применение МК для медицинских целей, когда из частных описаний болезней, органов, лекарств «вычисляется» целостная, сложная, но конкретная идея о медикаментозном лечении заболевания пациента: в 30-е годы 19 века, за семь лет работы машины Корсакова как компьютера «врача-инженера», таких диагнозов было поставлено свыше 11 тысяч. Для нас важно следующее применение МК. Например, это попадание под одну плавающую рамку (напомним, плавающая рамка двигается сбоку перфокарт) высказывания «Чистота – залог здоровья» (верхняя перфокарта) и высказываний «Пылесосение n-ого участка комнаты» (вторая сверху перфокарта), «Вытирание пыли с m-ой полки» (третья сверху перфокарта) и т. д. Наложение плавающей рамки осуществляется табулятором гомеоскопа с подвижными частями. Это один из пяти механизмов МК. Статической является схема соединений на стопке перфокарты. Динамическими, плавающими, актуальными становятся отношения достижимости между мирами тогда, когда табулятор проводится по стопке перфокарт: иглы табулятора проваливаются в отверстия на глубину, заданную градуальными и градуированными значениями

коннекций. Если к иглам навешиваются слова, обозначающие понятия, то МК обеспечивает визуализацию этих рефлексивных связей достижимости миров. Раскрашенные и звучащие иглы позволяют мультимедийно воспроизвести динамику логических миров.

Глубина и сила проникновения игл в отверстия перфокарт разной ширины напрямую и просто моделируются сопротивлениями мемристоров. Как доказывалось в [5; 6], машину Корсакова и машину Тьюринга эффективно применять совместно. В МК отсутствуют автоматные переходы машины Тьюринга. Однако в МК имеется способ параллельного представления сложных спецификаций на коннекционистских перфокартах. Мемристоры следует применять для коннекций, но не для инструкций. Для инструкций надо применять машину Тьюринга. В общем виде такая машина Корсакова-Тьюринга позволяет воспроизводить коннекционистско-символьные «исчисления». В частности, она позволяет визуализировать и обоснованно анализировать динамику работы ценностно-ориентированных и целенаправленных человеко-машинных систем.

Библиографический список

- 1 Крипке С. Семантический анализ модальной логики. I. Нормальные модальные исчисления высказываний / С. Крипке // Фейс Р. Модальная логика / ред. Ю. А. Гастев, В. В. Донченко ; пер. с доп. и под ред. Г. Е. Минц. – Москва : Наука, 1974. – 518 с.
- 2 Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования / Я. Хинтиikka // Логика и методология науки. – Москва : «Прогресс», 1980.
- 3 Алексеев А. Ю. Объемная (3d) интенциональная семантика словаря искусственного общества / А. Ю. Алексеев // Искусственные общества. – 2013. – Т. 8. – Выпуск 1–4. – URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800000038-0-2> (дата обращения: 23.03.2021).
- 4 Шрейдер Ю. А. Системы и модели / Ю. А. Шрейдер, А. А. Шаров. – Москва : Радио и связь, 1982.
- 5 Алексеев А. Ю. Применение нейрокомпьютеров в религиоведении / А. Ю. Алексеев, Е. М. Воинов // Нейрокомпьютеры: разработка и применение. – 2016. – № 5. – С. 8–11.
- 6 Алексеев А. Ю. Мемристоры и ... философия / А. Ю. Алексеев // Биомедицинская радиоэлектроника. – 2016. – № 4. – С. 10–11.
- 7 Алексеев А. Ю. Протонейрокомпьютер Корсакова / А. Ю. Алексеев // Нейрокомпьютеры: разработка, применение. – 2013. – № 7. – С. 6–17.
- 8 Рассел Стюарт. Искусственный интеллект: современный подход / Стюарт Рассел, Питер Норвиг ; пер. с англ. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : ООО «Диалектика», 2020. – 1408 с.

ИСКУССТВЕННОЕ ВМЕСТО ЕСТЕСТВЕННОГО

*Е. А. Алексеева,
канд. филос. наук
Государственный академический
университет гуманитарных наук
eaalekseeva@gaugn.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы того, в какой степени возможно замещение людей искусственными системами. Показано, что тупиковая альтернатива между отказом от развития интеллектуальных технологий, вызванным страхом перед ними, и техноутопическими проектами замены естественных систем искусственными может быть преодолена. Для этого необходимо проанализировать онтологию человеко-машинного взаимодействия, которая включает в себя специфические концептуальные основания. В качестве подобных оснований можно использовать акторно-сетевую теорию, объектно-ориентированные онтологии, концепцию ассамбляжей.

Ключевые слова: искусственный интеллект, интеллектуальные системы, акторы, субъектность, акторно-сетевая теория, объектно-ориентированная онтология, ассамбляжи, расширенное сознание.

ARTIFICIAL INSTEAD OF NATURAL

*E. A. Alekseeva,
Candidate of Sciences in Philosophy
State Academic University for the Humanities
eaalekseeva@gaugn.ru*

Abstract. The article is devoted to the study of the problem of the extent to which it is possible to replace people with artificial systems. It is shown that the dead-end alternative between the rejection of the development of intelligent technologies caused by fear of them, and techno-utopian projects of replacing natural systems with artificial ones can be overcome. For this, it is necessary to analyze the ontology of human-machine interaction, which includes specific conceptual foundations. As such bases, one can use actor-network theory, object-oriented ontologies, the concept of assemblages.

Keywords: artificial intelligence, intelligent systems, actors, subjectivity, actor-network theory, object-oriented ontology, assemblages, expanded consciousness.

Идея полной или частичной замены людей со всем многообразием их свойств искусственными системами в различных сферах деятельности высказывается как в негативном, так и в позитивном контексте. С одной стороны, такая замена представляется логичной в рамках технокапиталистической системы, ориентированной на максимиза-

цию прибыли за счет развития технологий. Отсюда и возникают проекты элиминации людей из различных профессиональных областей, прежде всего тех, где необходимы сравнительно простые навыки. Такое положение дел вызывает ощущение опасности развития соответствующих технологий, прежде всего интеллектуальных систем. С другой стороны, замещение естественного искусственным – это одна из самых распространенных техноутопий, поскольку предполагается, что с помощью, например, искусственного интеллекта (в виде той же техносингулярности) будут решены различные проблемы, представляющиеся неразрешимыми для людей в естественном состоянии [1].

Как пессимистический, так и оптимистический сценарий замещения естественных систем искусственными подкрепляется спецификой интеллектуальных технологий, которые все чаще воспринимаются как специфические акторы, возможности которых приближаются к возможностям человека. Согласно одному из ключевых положений акторно-сетевой онтологии, акторами могут выступать различные нечеловеческие сущности: «Социальное действие не только захватывается чужаками, оно еще и передается или делегируется иным типам акторов, способным перемещать действие дальше посредством других видов действия и других типов сил» [2, с. 100]. При этом именно воздействие интеллектуальных систем кажется гораздо более пугающим, чем, например, действия нечеловеческих биологических акторов, таких как микроорганизмы, растения и т. п. Возникает ощущение, что человеку не остается места в мире «умных объектов», словно бы обладающих самоактивностью, собственной волей или собственным интеллектом.

С точки зрения акторно-сетевой теории или объектно-ориентированной онтологии, субъекты и объекты располагаются в единой онтологической плоскости [3; 5]. Более того, «есть лишь один вид сущего – объекты. Как следствие, люди не исключаются, но скорее являются объектами среди объектов различных видов, существующих в мире или населяющих его, и каждый из видов обладает своими особенными силами и способностями» [5, с. 20]. Этот постулат, на первый взгляд, нацеливает на то, чтобы довести десубъективацию человека до предела, иначе необходимо будет принимать метафизику субъекта и вытекающий из нее корреляционизм, что уже многократно подвергалось деконструкции. Казалось бы, объектно-ориентированная онтология неизбежно предполагает возможность замены субъектов объектами (поскольку они равнозначны), в частности, замену людей системами искусственного интеллекта. Возможен и обратный процесс, предполагающий, что субъекты будут действовать по образцу объектов, за счет чего, например, отчуждение труда дойдет до предельной степени: «Учителя, работающие как роботы, являются гораздо более вероятным сценарием, чем их прямая замена роботами» [6, с. 122].

Исходя из обозначенных концептуальных оснований, мы сталкиваемся с тупиковой альтернативой: либо занимаем алармистскую позицию по отношению к развитию технологий, основанную на метафизике субъекта, либо приветствуем рациональность технологического развития, даже если оно будет иметь антигуманистические последствия. Однако, используя обозначенные онтологические подходы, такие как акторно-сетевая теория, объектно-ориентированная онтология и концепция ассамбляжей, можно интерпретировать отношения между субъектами и объектами, естественным и искусственным в несколько ином ключе.

Исходя из положения акторно-сетевой теории о том, что агентность и взаимосвязанность – это общее свойство всех акторов, можно в то же время сделать вывод о том, что в остальном различными акторам не обязательно быть одинаковыми и совершенно равнозначными. Подобным же образом в объектно-ориентированной онтологии Л. Брайанта объектам различного типа могут быть присущи различные силы и способности. В таком случае часть этих акторов (человеческие акторы) может обладать специфическими свойствами, такими как субъектность, спонтанность, свобода воли. В этом случае, как показывает, например, Л. Сачмен [7], человеческое не уравнивается в правах с нечеловеческим, поэтому говорить о замене человеческих акторов нечеловеческими мы в принципе не можем. В этом контексте технологически фундированная социально-экономическая система будет построена как совокупность ассамбляжей [8], представляющих собой сложное переструктурирующееся взаимодействие акторов-людей, обладающих телесностью, социальной, широким спектром когнитивно-аффективных свойств, и акторов-искусственных систем.

Образующиеся человеко-машинные ассамбляжи действуют как целостности, взаимосвязь компонентов которых придает им специфические эмерджентные свойства [9]. Можно даже сказать, что такие ассамбляжи представляют собой сложные киборганические системы, если и не напрямую соответствующие киберфеминистскому утопическому киборгу Д. Харауэй [10], то по крайней мере постепенно стирающие границы искусственного и естественного без замены одного другим. Получается то, что можно назвать «расширенным когнитивным киборгом», когда искусственное не интегрируется непосредственно в «ткань» органического, но создает с ним общую систему, направленную на реализацию когнитивных функций. Такая система предполагает вынесение вовне части когнитивных процессов, как это происходит с точки зрения концепции «расширенной психики» (extended mind) Э. Кларка [11].

Агентность искусственной составляющей человеко-машинного ассамбляжа формируется за счет так называемого делегирования компетенций, когда человеческая способность совершать определенное действие переходит к искусствен-

ной системе, при этом способ совершения действия может существенно измениться. Это касается как сложных технологий, например, интеллектуальных систем, так и самых обыденных предметов. В качестве примера можно привести использование навигатора в машине, которому водитель делегирует такую часть интеллектуальных функций, как ориентирование на местности. Получается, что способность совершать определенные действия переходит к неживым объектам, все они становятся агентами, воздействующими на других агентов. В то же время такое делегирование компетенций возможно только на основе предшествующего человеческого опыта, многообразии которого только расширяется в симбиозе с технологиями.

С точки зрения таких философско-политических направлений, как ксенофеминизм или левый акселерационизм [12; 13], развитие технологий и связанная с ними интенсификация антропологических преобразований несет в себе не только отчуждающий, но и эмансипационный потенциал. Делегирование определенных функций интеллектуальным системам, ориентирующееся на когнитивную, а не на экономическую целесообразность, высвобождает когнитивные и креативные ресурсы людей. В этом случае создание человеко-машинных ассамбляжей, симбиоз субъектов с интеллектуальными технологиями дает возможность создавать новые жизненные и эпистемические стратегии.

Библиографический список

- 1 Kurzweil R. *The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology*. – Viking, 2005. – 652 p.
- 2 Латур Б. *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию* / Б. Латур ; пер. с англ. И. Полонской ; под ред. С. Гавриленко ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.
- 3 Жижек С. *Читать Маркса* / С. Жижек, А. Хамза, Ф. Руда ; пер. Д. Кралечкин. – Москва : Издательский дом ВШЭ, 2020. – 173 с.
- 4 Харман Г. *Имматериализм. Объекты и социальная теория* / Г. Харман ; пер. с англ. А. Писарева. – Москва : Издательство Института Гайдара, 2018. – 152 с.
- 5 Брайант Л. *Демократия объектов* / Л. Брайант ; пер. с англ. О. С. Мышкина. – Пермь : Гиле Пресс, 2019. – 320 с.
- 6 Selwyn N. *Should Robots Replace Teachers?: AI and the Future of Education (Digital Futures)*. – Polity, 2019. – 160 p.
- 7 Сачмен Л. *Реконфигурации отношений человек – машина. Планы и ситуативные действия* / Л. Сачмен ; пер. с англ. А. Максимовой. – Москва : Элементарные формы, 2019. – 480 с.
- 8 Деланда М. *Новая философия общества. Теория ассамбляжей и социальная сложность* / М. Деланда ; пер. с англ. К. С. Майоровой. – Пермь : Гиле Пресс, 2018. – 170 с.
- 9 Melitopoulos A., Lazzarato M. *Machinic Animism // Deleuze and Guattari Studies*. – 2012. No 6 (2). – Pp. 240–249.
- 10 Харауэй Д. *Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х* / Д. Харауэй. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2017. – 128 с.
- 11 Clark A., Chalmers D. *The extended mind // Analysis*. – 1998. – No 58 (1). – Pp. 7–19.
- 12 Уильямс А. *Манифест акселерационистской политики* / А. Уильямс, Н. Шрничек // *Логос*. – 2018. – № 2. – С. 7–20.
- 13 Hester N. *Xenofeminism*. – Polity, 2018. – 140 p.

ПРОБЛЕМЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА В ИСКУССТВЕННЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ

*Е. В. Биричева,
канд. филос. наук, науч. сотр.
Институт философии и права УрО РАН
(г. Екатеринбург)
e.v.biricheva@mail.ru*

Аннотация. В статье раскрываются существенные черты естественного языка в контексте специфики человеческого бытия. На этом основании выделяются трудности моделирования подлинной коммуникации в искусственных интеллектуальных системах и предлагаются начальные условия, которые должны быть учтены при разработке «сильного» искусственного интеллекта.

Ключевые слова: естественный язык, сущность языка, смысл и значение, проблема понимания, искусственный интеллект.

NATURAL LANGUAGE MODELING PROBLEMS IN ARTIFICIAL INTELLIGENT SYSTEMS

*E. V. Biricheva,
PhD in Philosophy, Researcher,
Institute for Philosophy and Law, Ural Branch,
Russian Academy of Sciences
e.v.biricheva@mail.ru*

Abstract. The article reveals the essential features of natural language in the context of the specifics of human existence. On these grounds, the author highlights the difficulties of modeling true communication in artificial intelligent systems and proposes initial conditions that should be taken into account when developing a “strong” artificial intelligence.

Keywords: natural language, language essence, sense and meaning, the problem of understanding, artificial intelligence.

Сегодня широко применяются машинные технологии распознавания речи, «умного» перевода, голосовых помощников, чат-ботов и т. д. Однако данные интеллектуальные системы реализуют только версию «слабого» искусственного интеллекта (ИИ), поскольку целиком построены на алгоритмах, задаваемых человеком. Достаточно эффективно находя логические решения, они, тем не менее, не являются творческими, не способны выходить на уровень смысла и, в том числе, совершать этический выбор [1; 2, с. 93; 3]. Несмотря на то, что некоторые современные лингвистические нейросети обходят тест Тьюринга [4, с. 60], это не делает их воплощениями «сильного», по-

истине мыслящего ИИ и не снимает проблему симуляции осознанных суждений (описанную Дж. Сёрлем в мысленном эксперименте с «китайской комнатой» [5]). В известных дискуссиях о проблеме «квалиа» и «философском зомби» таких ведущих представителей аналитической философии, как Д. Деннет, Г. Райл, Д. Чалмерс, С. Крипке, Т. Нагель и др., было также показано, что машина может имитировать действия (чувства, высказывания и т. д.), не испытывая при этом соответствующий опыт и не понимая смысл входящих внешних стимулов и исходящих собственных реакций. Таким образом, несомненные успехи в разработке логико-лингвистических интеллектуальных систем на данном этапе всё же не означают действительного моделирования естественной речи и понимания машиной смысла. Безусловно, перспективы решения этих задач являются актуальными и требуют углубления в вопросы о специфике языка, различии смысла и значения и неоднозначности понимания.

Чаще всего язык трактуется как средство общения (коммуникации). На первый взгляд, действительно, чтобы сообщить нечто, человек берёт слова естественного языка (родного или иностранного), ставит их в определённой последовательности в соответствии с правилами построения предложений и говорит или записывает. Другой получает это сообщение, выделяет значения слов и в зависимости от их порядка понимает то, что ему передали. Однако в рамках данной инструментальной трактовки языка невозможно объяснить феномен непонимания. Каждому знаком такой опыт использования известных слов в грамматически и синтаксически верных конструкциях, которые могут быть не поняты другими или превратно истолкованы. Тогда первоначальное определение языка необходимо дополнить – порой он выступает и как средство разобщения. Возможна также обратная ситуация: человек не очень хорошо подобрал слова и допустил речевые или синтаксические ошибки, но собеседник понял его, хотя можно было то же самое выразить точнее и грамотнее.

Так происходит, поскольку смысл не совпадает со значением (а понимаем мы именно смысл, «выражаемое предложения» [6, с. 32]). Значения – это определения слов через другие слова, содержащиеся в толковых словарях. Употребление таких обыденных слов, как «дружба», «любовь», «семья» и т. п., предполагает не только осведомлённость об их значении, но и нагруженность для каждого человека опытом личной жизненной истории. Например, для кого-то семья – высшее благо, самые родные люди и поэтому надо стремиться к созданию семьи, её сохранению и заботе о близких; для другого человека, с кем, скажем, в детстве плохо обращались, слово «семья» может наполняться противоположным смыслом чего-то тягостного, неприятного, сдерживающего и обязывающего, и такой человек не будет стре-

миться к созданию собственной семьи и заботе о родственниках. Значение одно (семья – это совокупность особей, связанных родственными связями), а смысл для разных людей в нём может содержаться различный. Смысл не совпадает ни со словами, ни с вещами самими по себе и существует, во-первых, в единичных уникальных актах понимания (за каждого в его голове никто другой не может осмыслить), а во-вторых, только в ускользающем миге «теперь» [7, с. 101]. То есть не бывает готового смысла, его не обеспечить себе на будущее – каждый раз он создаётся вновь в индивидуальном усилии осмысления (или не создаётся и человек не понимает).

Так, в естественной речи могут функционировать и «языковые штампы» – неосмысленные слова, стереотипные суждения. Сегодняшняя интернет-коммуникация и феномен «залипания» пользователей за контент в новостных лентах, соцсетях и мессенджерах особенно ярко иллюстрируют этот элементарный уровень воспроизводства языка в качестве «толков» (или «болтовни»), который около ста лет назад глубоко проанализировал М. Хайдеггер [8, с. 153–180]. Язык живёт актами говорения, предоставляя возможность, потенциал для осмысления. Нельзя не согласиться с Л. Витгенштейном в том, что без языкового оформления мысль не существует [9, ч. 1, п. 4 и далее], поэтому фразы должны воспроизводиться как необходимый минимум, который, тем не менее, не гарантирует понимания. Так или иначе, людей захватывает передача информации, пусть и не особо ценной, сиюминутной: к языку необходимо подключаться, чтобы тренировать свои интеллектуальные способности. В таком случае язык уже непозволительно редуцировать до служебной роли «средства общения». Он гораздо более широк и властен над нами в качестве символической системы (как показывают мыслители структуралистского и постструктуралистского толка от К. Леви-Стросса и М. Фуко до Ж. Дерриды и Ж. Бодрийяра).

Тогда естественный язык составляет буквально среду человеческого бытия: он окружает нас и большой вопрос, есть ли для нас что-то в мире непосредственно вне языка (в широком смысле, поскольку значить для нас может буквально всё – вещи, жесты, поступки, даже молчание [10, с. 175]). Об этом известнейший афоризм Витгенштейна: «Границы моего языка означают границы моего мира» [9, ч. 3, п. 5.6]. Самый прямой его смысл таков: то, о чём мы не можем ясно высказаться, и то, о чём мы никогда не слышали, для нас в нашем мире не существует. Однако возможен и более глубокий уровень интерпретации: мы как бы просвечиваем всё в мире границами (формами) – выделяем единичные вещи, выявляем их отдельные характеристики, разграничиваем всё и вся. Формы и границы, любого рода различия и отождествление предметов, на деле каждый раз уникальных, с общими понятиями (идеями

в платоновском смысле) привносятся в «картину мира» воображением. Их самих по себе, вне человеческого мышления, нет. Например, невозможно на молекулярном уровне очертить границу цветущего дерева, аромат которого далеко разносится, пыльцу с цветов которого собрали пчёлы, прошлогодние плоды которого съедены птицами и т. д. (в случае же возможности такой границы она не будет совпадать ни с образом этого конкретного дерева, ни с идеей дерева как такового, которые названы в слове).

В таком плане естественный язык представляет собой некую разрешающую способность, дающую членораздельность мира, однако он не является целиком логичным, рациональным. Язык похож на бессознательное или на сон с его замахом на классификацию всего и с постоянным срывом построения единой непротиворечивой системы без исключений из правил [11, с. 68–69]. Проникая в сущность человеческого языка, Витгенштейн показывает, что «знаем» мы язык не потому, что узнаём его правила. Мы научаемся им пользоваться с детства, как своим телом без осознания процессов, стоящих за нашими движениями; и естественный язык представляет собой как бы бестелесный орган «примеривания» к миру, оценки на «да–нет», «истинно–ложно», «хорошо–плохо» и т. д. [12, с. 23–24, с. 198–205]. Кроме того, язык культурно и исторически изменчив: примериваясь к реальности, он гибко трансформирует лексику и нормы построения суждений в зависимости от контекста самоощущения человека в мире, обществе, социальном слое и т. д. Наконец, в своих трудах Витгенштейн обращает внимание на специфику использования языка, замечая, что фразы похожи на рисунки, откуда следует, что (1) одними и теми же словами можно передать разный смысл, а один и тот же смысл можно выразить по-разному; (2) язык – скорее палитра красок художника, чем набор готовых картин, соответствующих предметам действительности; (3) за словами не закреплено соответствие предметам реальности, во фразах не столько отражаются предметы, сколько схватываются отношения между ними, передаются связи [9, ч. 1, п. 3.14–3.2; 12, с. 55–67].

Язык считают собственно-человеческим феноменом, хотя животные всех видов также используют символическую систему для передачи сообщений друг другу (не обязательно посредством звуков: оставленные метки или выделение определённых химических веществ также могут служить сигналами и означать нечто). Что же так отличает наш язык? Интересно, что люди не рождаются говорящими на человеческом языке и не имеют специальных «органов речи». В строгом смысле слова человеком каждый может стать, только пройдя в возрасте 6–18 месяцев открытую и описанную Ж. Лаканом «стадию зеркала», на которой Я отделяется от Другого и начинает развиваться пространство Воображаемого

(например, [13]). Для животных Символическое (передаваемые знаки) однозначно соотносится с Реальным (положение вещей). Для человека же открывается третье измерение Воображаемого, в котором благодаря категории Другого (или иного как такового) происходит работа с формами-образами, становятся возможными интерпретация, ложь, умолчание. От рождения ребёнок способен лишь к слоговой «лепетной» речи, которую он использует не столько как средство коммуникации и подражание взрослым, сколько для выражения, озвучивания собственных состояний и переживаний [14]. Только в среде коммуницирующих других людей открывается Воображаемое и постепенно происходит овладение языком.

Все эти свойства естественного языка (неоднозначность, изменчивость, смыслоориентированность, частично бессознательный уровень, вообразимый характер отражаемых границ и т. д.) затрудняют его моделирование в искусственных системах на основе лишь логико-рационалистического подхода. Для того, чтобы ИИ понимал смысл и получил возможность общаться с человеком на его языке, необходимо заложить в интеллектуальную систему (1) базовый уровень слоговой генерации по типу «лепетной» речи, (2) способность научиться естественному языку в рамках приспособления к нему как к среде, (3) видение границ (развитие работы с образами как чистыми формами в воображаемом), основанное на осознании собственной конечности, (4) возможности переживания индивидуального опыта постижения абстрактных понятий, (5) нацеленность на выражение смысла, потребность выражать его для других. Безусловно, необходимо уточнять, детализировать, корректировать данный набор принципов. Однако для моделирования естественного языка целесообразно учитывать специфику собственно-человеческого бытия, хотя, несомненно, разработка животнo-подобных (например, роевого ИИ) или чисто рациональных систем представляет отдельный исследовательский интерес.

Библиографический список

- 1 Биричева Е. В. Парадоксальность творческой деятельности и интеллектуальные системы: поиск альтернатив информационному подходу / Е. В. Биричева, Е. В. Стерхов // *Российский гуманитарный журнал*. – 2019. – Том 8. – № 6. – С. 390–402.
- 2 Биричева Е. В. Проблематизация информации как важнейшего понятия современности / Е. В. Биричева // *Манускрипт*. – 2020. – № 2 (13). – С. 90–95.
- 3 Луньков А. С. Проблема стандартизации этики искусственного интеллекта / А. С. Луньков // *Искусственные общества*. – 2020. – Т. 15. – Выпуск 2. – URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800009044-7-1/> (дата обращения: 04.03.2021).
- 4 Коломийцев С. Ю. Тест Тьюринга и искусственное мышление в начале XXI века / С. Ю. Коломийцев // *Человек*. – 2015. – № 4. – С. 59–68.
- 5 Searle J. *Minds, brains, and programs* / J. Searle // *Behavioral and Brain Sciences*. – 1980. – No 3 (3). – P. 417–457.
- 6 Делёз Ж. *Логика смысла* / Ж. Делёз. – Москва, 2011. – 472 с.
- 7 Мамардашвили М. К. *Эстетика мышления* / М. К. Мамардашвили. – Москва, 2000. – 416 с.

8 Хайдеггер М. *Бытие и время* / М. Хайдеггер. – Москва, 2011. – 460 с.

9 Витгенштейн Л. *Логико-философский трактат* / Л. Витгенштейн. – URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000272/index.shtml> (дата обращения: 08.03.2021).

10 Бахтин М. М. *Проблема речевых жанров* / М. М. Бахтин // *Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7-ми т.* – Москва, 1997. – Т. 5. – С. 159–206.

11 Биbihин В. В. *Язык философии* / В. В. Биbihин. – 3-е изд., стер. – Санкт-Петербург, 2007. – 389 с.

12 Биbihин В. В. *Витгенштейн: смена аспекта* / В. В. Биbihин. – Москва, 2005. – 576 с.

13 Мазин В. *Стадия зеркала Жака Лакана* / В. Мазин. – Санкт-Петербург, 2005. – 160 с.

14 Биbihин В. В. *Детский лепет* / В. В. Биbihин // *Биbihин В. В. Слово и событие. Писатель и литература*. – Москва, 2010. – С. 99–111.

ЦИФРОВОЙ КОД ЧЕЛОВЕКА

*Д. С. Быльева,
канд. полит. наук
Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого
bylieva_ds@spbstu.ru*

Аннотация. Присваивание цифрового кода человеку давно занимает умы фантастов и богословов. Сегодня имеющиеся уникальные особенности человека могут быть переведены в цифровой вид и стать неотчуждаемым цифровым кодом, служащим для идентификации или обнаружения. Использование в качестве основы идентификации лица или ДНК возможно даже без согласия индивида на включение его параметров в соответствующие базы данных.

Ключевые слова: цифровизация, распознавание лица, идентификация личности, биометрия, идентификация.

HUMAN DIGITAL CODE

*D. Bylieva,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic
University
bylieva_ds@spbstu.ru*

Abstract. Assigning a digital code to a person has long occupied the minds of science fiction writers and theologians. Today, the very existing unique features of a person can be digitized and become an inalienable digital code that serves for identification or detection. The use of a face or DNA as a basis for identification is possible even without the consent of the individual to include his parameters in the appropriate databases.

Keywords: digitalization, face recognition, personal identification, biometrics, identification.

Стремительная цифровизация всевозможных областей жизни [1–3], подстегнутая пандемией, вынудившей максимально сократить личные контакты, не только способствовала решению множества насущных проблем с помощью информационно-коммуникативных технологий, но и подготвила общество к лояльному принятию цифровых новшеств.

Цифры, служащие для идентификации человека, традиционно болезненно воспринимаются ортодоксальным религиозным сообществом и ассоциировались с «начертанием зверя» (Откр. 13:15–18), то есть знаком антихриста. Еще во времена Петра I старообрядцы связывали нумерованные бумажные паспорта и бумажные деньги с печатью антихриста. Современный писатель, академик православного богословского отделения Петровской академии наук и искусств В. П. Филимонов утверждает: «„имя зверя“ – не собственное имя самого „зверя“, а то имя, которое

„зверь“ дает человеку. Это имя, которое „зверь, выходящий из земли“ (Откр. 13, 11) – предтеча антихриста дает «малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам» (Откр. 13, 16). Выражение «или число имени его» следует понимать как уточнение. Здесь указание на то, что имя, которое «зверь» дает человеку, записывается в виде числа, то есть является цифровым [4]. Священный Синод Украинской Православной Церкви писал: «Царство антихриста не состоится без соответствующей технической базы, с помощью которой он захочет добиться своих целей...» [5].

Есть множество научно-фантастических романов и кинофильмов, в которых демонстрируются последствия присваивания человеку цифрового номера. В романе Евгения Замятина «Мы» люди отличаются только номерами, в «Гуси-гуси, га-га-га» В. Крапивина каждому человеку сразу после рождения вводился специальный раствор симулятора, создающий уникальный живой индекс.

Информационно-коммуникативные технологии, прочно вошедшие в жизнь современного человека, потребовали перевод на «цифровой язык» множества данных, у каждого человека есть ряд цифровых кодов, часть из которых представляет набор цифр – как номер кредитной карточки, телефона, СНИЛС или ИНН, другие «расшифровываются» машиной в цифровом виде – как дисконтная карта или цифровая подпись. Тем не менее многочисленные цифры, сопровождающие современного человека, являются отчуждаемыми, и хотя отказ от них сопряжен с разнообразными проблемами существования в обществе, но принципиально возможен.

2020–2021 года ознаменовались массовым распространением технологии «распознавания лиц» в России, означающей перевод информации, составляющей отличительные особенности лица, в формат цифрового кода для последующего использования для идентификации. Сканеры лиц начинают активно использоваться в банках, магазинах, метро и т. д. Например, уже в 2021 году все станции московского метрополитена будут позволять оплату проезда «лицом» с помощью системы распознавания лиц FacePay. Правоохранительными органами и аэропортами данные технологии стали использоваться достаточно давно. Первоначальные эксперименты достаточно часто приводили к ошибкам в идентификации (ложного одобрения и ложного отказа), однако обучение нейросетей совершенствуется, и процент ошибки снижается, в 2020–2021 годах распознавание лиц работает даже для людей в масках. Во время пандемии технология распознавания лиц получила новые варианты применения, например, в Москве она использовалась для подтверждения нахождения владельца рядом со смартфоном во время «Социального мониторинга» лиц, которые должны были соблюдать режим изоляции.

Биометрические идентификационные систе-

мы (в которые могут входить помимо лиц отпечатки пальцев, сетчатка/радужная оболочка глаз, реже рисунок сосудистого русла руки, кардио-амплитуда, сердечный ритм, голос, походка и др.) начали использоваться с начала XX века (например, в Международной организации гражданской авиации с 2002 года). Биометрические паспорта внедряются во многих странах. На сегодняшний день самая большая биометрическая база Aadhaar находится в Индии. Работа над ее созданием началась в 2009 году. Сегодня каждый индиец имеет двенадцатизначный номер, который связан с личной информацией и биометрическими данными. В Китае при покупке мобильного номера необходимо пройти процедуру «сканирования лица».

Отсутствие декларации о создании биометрической базы данных в масштабах государства или частных компаний вовсе не означает, что без активного согласия человека его данные не будут использоваться для распознавания лица. Сегодня существуют надежные способы перевода двумерных изображений в трехмерные для использования как базы данных, поэтому все социальные сети являются готовыми базами для идентификации.

В то же время параметры лица, хотя и являются уникальными, но изменяются со временем, могут подвергаться искажающим травмам или сознательному хирургическому вмешательству, также нельзя забывать о существовании близнецов. Уже появились специальные приспособления для защиты от распознавания лиц (маска из стекла, проектор, накладывающий разные лица, лампа инфракрасного излучения, специальный «макияж», использующий камни, шиньоны и аксессуары и т. п.).

Для более точной идентификации человека в будущем будет использоваться его генетический код, который сейчас активно переводится в цифровую форму разнообразными сервисами, обещающими поиск родственников, медицинские рекомендации, анализ происхождения. Самая большая база данных ДНК сегодня находится в Китае. Безусловно, на данный момент цифровая ДНК-идентификация является сложной и длительной процедурой, однако технологии постоянно развиваются – уже созданы портативные датчики, использование которых не требует длительного обучения и сравнительно быстродействующие (до 90 минут). Естественной базы данных ДНК не существует (в отличие от базы лиц), однако ДНК может идентифицироваться с помощью ДНК родственников, и существуют прецеденты поимки преступников на основании подобных данных в Китае [6]. Исследователи выяснили, что используя только данные частных компаний, в большинстве случаев можно установить личность гражданина США, который сам не сдавал биометрический материал [7].

Таким образом, сегодня нет необходимости присваивать человеку идентифицирующий код,

как это представлялось в фантастических произведениях или комментариях к религиозным текстам. Уникальные параметры, принадлежащие физическому телу, могут быть интерпретированы как цифровой считываемый код, неотчуждаемый от человека, который может использоваться для обеспечения доступа или поиска индивида, причем во многих случаях без необходимости активного согласия последнего.

Библиографический список

- 1 Шипунова О. Д. Специфика управления массовым сознанием в информационном поле e-культуры / О. Д. Шипунова, И. В. Коломейцев // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2019. – № 32 (1). – С. 177–188.
- 2 Евсеева Л. И. Политическая коммуникация в условиях цифровизации / Л. И. Евсеева, А. С. Матвеевская, Т. С. Тараканова // Коммуникативные стратегии информационного общества : труды XI междунар. науч.-теор. конф. – Санкт-Петербурга : Политех-пресс, 2019. – С. 195–197.
- 3 Одинокая М. А. Особенности и следствия использования открытых образовательных ресурсов и электронных курсов в российских вузах / М. А. Одинокая // Перспективные направления развития отечественных информационных технологий. – Севастополь : Изд-во Севастопольского гос. ун-та, 2019. – С. 408–410.
- 4 Филимонов В. Сенсационные слухи с бородой и реальная действительность / В. Филимонов // Русская народная линия. – 10.01.2017.
- 5 Послание Священного Синода Украинской Православной Церкви (Московский Патриархат) // Благовест. – 07.01.2004.
- 6 Fan W. China Snares Innocent and Guilty Alike to Build World's Biggest DNA Database / W. Fan, N. Khan, L. Lin // The Wall Street Journal. 26.12.2017.
- 7 Erlich Y. Identity inference of genomic data using long-range familial searches / Y. Erlich, T. Shor, I. Pe'er, S. Carmi // Science. – 2018. – № 6415(362). – С. 690–694. DOI:10.1126/science.aau4832.

КОММУНИКАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ СТИЛЯ МАТЕМАТИЧЕСКОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

*Иоаннис М. Вандулакис,
канд. физ.-мат. наук,
адъюнкт-профессор*

*Греческий Открытый Университет, Греция,
Хагенский Открытый Университет,
Германия
i.vandoulakis@gmail.com*

Аннотация. Появление компьютерных доказательств в 1970-х годах подчеркнуло роль человеческого понимания доказательства, осуществляемого человеком или машиной. Понимание доказательства человеком во многом зависит от коммуникативных характеристик стиля изложения доказательства. В статье предложена характеристика стиля математического доказательства в соответствии с моделью Якобсона.

Ключевые слова: математическое доказательство, событие доказывания, стиль математического доказательства, коммуникация, модель Якобсона.

COMMUNICATIVE FUNCTIONS OF THE STYLE OF MATHEMATICAL PROOF

*Ioannis M. Vandoulakis,
Hellenic Open University, Greece,
FernUniversität in Hagen, Germany
i.vandoulakis@gmail.com*

Abstract. The appearance of computer proofs in the 1970s highlighted the role of the human understanding of proof, accomplished by man or machine, as a means of validation and acceptance by the mathematical community. The understanding of a proof by a human largely depends on the style of exposition of the proof and its communicative characteristics. In this article, the Jacobson model is applied to characterize the style of mathematical proof.

Keywords: mathematical proof, proof event, style of mathematical proof, communication, Jacobson model.

Введение. Теорема о четырёх красках была первой крупной математической теоремой, доказанной Кеннетом Апеллем и Вольфгангом Хакеном с помощью компьютера в 1976 году. Доказательство до сих пор вызывает много сомнений среди математиков, поскольку его невозможно проверить вручную. В 1996 г. Уильям МакКьюн с помощью программы Equational Prover доказал гипотезу Герберта Роббинса (1915–2001) о том, что все алгебры Роббинса булевы. Тем не менее доказательство осталось непонятным матема-

тикам, так как ход рассуждений, реализованный программой, был за пределами человеческого понимания. Такие примеры остро поставили вопрос о понимании доказательства математическим сообществом.

Основные понятия. Чтобы изучить проблему понимания математического доказательства, мы решили помимо традиционного понятия доказательства ввести мета-методологическое понятие доказательства в виде понятия **события доказывания** (*proof event*), предложенного Джозефом Гогеном (1941–2006) [1]. Это понятие включает в себя следующие компоненты: социальный аспект, понятие доказывающего (*prover*) и интерпретирующего агентов (*interpreter*), концептуальную схему коммуникации, процесс интерпретации, понимания и проверки, историю доказательства и стиль доказательства [2]. При этом доказывание можно рассматривать в виде коллективной деятельности целенаправленной многоагентной системы по решению определенной задачи, развивающейся в пространстве и времени. Решение задачи оформляется в определенном стиле с помощью кодов, требующих расшифровки.

Стиль доказательства можно определить как **мета-код**, который обуславливает *выбор* конкретного кода среди множества возможных альтернатив и *комбинацию* принципов создания (*blending principles*) единой повествовательной математической структуры [2].

Модель коммуникации. Структура доказательств в математике является особым видом нарративной структуры. Это позволяет нам для изучения событий доказывания обратиться к технологии и методологии семиотического дискурсивного анализа и применить понятия и методы, которые впервые были использованы при анализе литературного стиля, а именно использовать *коммуникативную модель Романа Якобсона* [3]. Несмотря на то, что модель Якобсона была создана для анализа литературных текстов, она касается любой области коммуникации, структурированной в терминах шести связанных элементов: сообщение, адресант, адресат, контекст, контакт, код. Помимо этого, Якобсон определяет шесть функций языка, каждая из которых соответствует одному элементу модели: эмотивную, конативную (функцию усвоения), референтивную, поэтическую, фатическую, метаязыковую. Эти функции не являются взаимоисключающими в коммуникативном акте, что означает, что конкретное сообщение может иметь более одного коммуникационного итога.

Модель Якобсона успешно применяется, помимо литературоведения, также в других областях коммуникационных исследований. Де Соуза, например, применил эту модель в дизайне интерфейса между человеком и компьютером путем соотнесения каждой лингвистической функции с соответствующей функцией в интерфейсе [4, с. 66–71].

Можно показать, что модель Якобсона и связанные с ней шесть коммуникационных функций могут быть применены также при описании нарративных текстов доказательств, порождаемых событиями доказывания.

(1) **Референтивная функция** касается информации, передаваемой в событии доказательства. Она связана с использованием доказывающим агентом определенного *семиотического пространства (контекста)* для описания математических объектов, или состояний дел, или, возможно, «ментальных состояний» (интуиций, озарений, намерений). Описательные утверждения референтивной функции могут состоять из терминов и утверждений, таких как «точка А лежит на окружности С».

(2) **Эмотивная функция** касается характера доказывающего агента; она артикулируется выражениями, которые не изменяют денотативного значения того, что говорится. Традиционно считается, что математические тексты эмоционально нейтральны. Более того, отсутствие эмоциональных коннотаций в математическом дискурсе считается эталоном нейтральности и объективности математики. Однако в истории математики встречаются такие случаи, когда агент выражает эмоциональное отношение к предлагаемому математическому доказательству или идее. Примером может служить яростный комментарий анонимного ученого по поводу сложности задач в «Арифметике Диофанта»: «Диофант, да пребудет твоя душа с сатаной из-за сложности других твоих теорем, и в особенности настоящей теоремы» [5, с. 11].

Этот разрозненный комментарий выражает трудность комментатора исполнять роли доказывающего, а также интерпретирующего агента. Как интерпретатор не может понять методы Диофанта, а как доказывающий агент не может доказать проблему 8, в которой утверждается Великая теорема Ферма.

(3) **Конативная функция** относится к интерпретирующему агенту, а именно она дает ему команду действовать, предпринимать собственные усилия по доказательству. Это достигается предложениями типа: «Читатель без труда убедится, что...», «Читатель может легко доказать» и т. п. Известно, что группа Бурбаки избегала в своих «Элементах математики» употребления подобных выражений, и читателю не оставалось никакой работы по доказательству. Таким образом, отсутствие конативной функции в математическом тексте можно рассматривать как возможный показатель Бурбакистского стиля математического дискурса.

(4) **Фатическая функция** не связана с передачей информации; она касается канала связи. В математических текстах фатическую функцию можно заметить во фразах, выражающих открытие, поддержание или закрытие канала связи. Например, слово «Доказательство» означает на-

чало изложения доказательства, символ «■» – конец доказательства.

(5) **Метаязыковая функция** передает информацию о коде, его значении и использовании. В математических текстах эта функция отмечается, например, когда доказывающий агент дает объяснения используемых знаков (например, символом \mathbb{Z} мы обозначаем множество целых чисел) или «идиоматических» сокращений (например, слово «iff» означает «тогда и только тогда, когда»). Эта функция особенно важна в том случае, когда символические обозначения не могут быть легко поняты. Метаязыковая функция также выполняется, когда доказывающий агент говорит о доказательстве, например, в выражениях типа «доказательство проводится с помощью индукции», «с помощью приведения к нелепости» и т. п. Метаязыковую функцию также выполняют исторические заметки, которые могут сопровождать математический повествовательный текст (например, в учебниках М. Спивака и А. Куроша).

(6) **Поэтическая функция** связана с эстетическим удовольствием, которое доставляет математический дискурс в тех случаях, когда имеет значение не только передаваемая информация, но и код, с помощью которого эта информация кодируется. Например, учебники А. Куроша и М. Спивака содержат не только сухие математические формулы, но и подробные словесные объяснения, изложенные хорошим литературным языком и оставляющие эстетическое впечатление.

Как стиль может повлиять на понимание?

Стиль доказательства, предложенного доказывающим агентом, может облегчить или затруднить понимание интерпретирующего агента. Мы рассмотрим некоторые исторические примеры.

1 **Рамануджан – Харди.** Индийский математик Рамануджан представил английскому математику Харди свои теоремы без доказательств, потому что, в силу интуитивного стиля мышления, у него вообще не было понятия о доказательстве. Рамануджан и Харди придерживались разных математических стандартов и стилей мышления, однако понимание в итоге стало возможным, поскольку Харди взял на себя задачу дать собственные доказательства утверждений Рамануджана.

2 **Галуа – Пуассон – Лиувилль.** Пуассон написал отрицательный отзыв об одной работе Галуа, утверждая, что ход рассуждений неясен и недостаточно строг. Методы доказательства Галуа были поняты, по крайней мере частично, только Жозефом Лиувиллем при подготовке рукописи Галуа к публикации одиннадцать лет спустя. Но даже Лиувилль, объявив в парижской академии наук о правильности результатов Галуа в 1843 году, также признал, что «Мемуар» Галуа был изложен «слишком коротко», и был намерен дополнить работу Галуа своим комментарием, который, правда, никогда не был опубликован [6, с. 130, с. 559–560, с. 578].

3 Понимание компьютерного доказательства гипотезы Роббинса путем визуализации.

Доказательство гипотезы Роббинса с помощью Equational Prover было проверено с помощью другой автоматической программы, называемой Otter. Тем не менее машинное доказательство осталось непонятным человеку. Ход рассуждений, используемый Equational Prover, оставался неясным. Компьютерное доказательство стало понятным только тогда, когда Луи Кауфман перевел компьютерное доказательство на новый визуальный язык алгебры вложенных ящиков, то есть когда он представил решение в новом визуальном (понятном) стиле.

Выводы. Стиль доказательства выполняет определенные коммуникативные функции, которые могут облегчить или затруднить понимание математических доказательств. Модифицированная для событий доказывания модель Якобсона может быть использована для анализа стиля математических текстов и их коммуникативных возможностей и объяснения причин непонимания математических доказательств, предложенных математиками в разное время.

Библиографический список

1 Goguen, Joseph A. 2001. *What is a proof.* – URL: <http://cseweb.ucsd.edu/~goguen/papers/proof.html> (дата обращения: 15.05.2017).

2 Stefaneas P., Vandoulakis I. 2014. *Proofs as spatio-temporal processes.* *Philosophia Scientiæ*, 18(3). *Selected Contributed Papers from the 14th International Congress of Logic, Methodology and Philosophy of Science*, pp.111-125.

3 Jakobson, R. 1960. *Closing Statement: Linguistics and Poetics.* *Style in Language.* Thomas Sebeok (ed.). – Cambridge, MA: MIT, 350-77. – URL: <http://varenne.tc.columbia.edu/bib/texts/jakbsromn600constat.pdf> (дата обращения: 15.05.2017).

4 De Souza, Cl. S. 2005. *The semiotic engineering of human-computer interaction.* – Cambridge: The MIT Press.

5 Stamatis, E. S. 1963. *Diophantus' Arithmetica. The Algebra of the Greeks. Ancient text and translation in Modern Greek.* Athens. Organismos Ekdoseos Didaktikon Vivlion. 2nd ed. 1975 [на греческом языке].

6 Lützen, Jesper 1990. *Joseph Liouville 1809–1882: Master of Pure and Applied Mathematics, Studies in the History of Mathematics and Physical Sciences, 15,* Springer-Verlag New York Inc.

«ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ»: НАУЧНОЕ И ОБЫДЕННОЕ ПОНЯТИЕ, РЕАЛЬНЫЕ И ФАНТОМНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ И СМЫСЛЫ

*В. В. Волков,
д-р филол. наук, профессор,
профессор кафедры русского языка
Тверской государственной университет
Volk7Valery@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты герменевтической интерпретации русского терминологического словосочетания «искусственный интеллект». Лексема «интеллект» применительно к обыденному сознанию выступает как синоним лексем «ум» и «человек». Это смешение ведет к заблуждениям и оказывается средством речевого манипулирования.

Ключевые слова: искусственный интеллект, филологическая герменевтика, манипуляция сознанием.

«ARTIFICIAL INTELLIGENCE»: SCIENTIFIC AND EVERYDAY NOTION, GENUINE AND ILLUSIONARY MEANINGS AND SENSES

*V. Volkov,
Tver State University
Volk7Valery@yandex.ru*

Abstract. The article represents the results of the hermeneutic interpretation of the Russian terminological word-combination “artificial intelligence”. The lexeme “intelligence” in relation to ordinary consciousness acts as a synonym to lexemes “mind” and “the human”. This confusion leads to misconceptions and turns out to be a means of speech manipulation.

Keywords: artificial intelligence, philological hermeneutics, consciousness manipulation.

Автор данной работы – филолог, и границы его компетенции в аналитике понятия «искусственный интеллект» определяются лингвистическими методами и традициями филологической герменевтики как искусства извлечения значений и смыслов, технологиями, «избавиться» от которых филологу и невозможно, и не нужно, как зданию нельзя «избавиться» от фундамента. Поэтому далее рассматривается, строго говоря, не понятие «искусственный интеллект», а **терминологическое словосочетание** *искусственный интеллект* (поэтому курсивом, как объект лингвистического анализа).

С лингвистической точки зрения, исходные данные и имплицитные ими проблемы/задачи сводятся к следующему. *Искусственный интеллект* – это атрибутивное (определяющее)

словосочетание, построенное по схеме «прилагательное + существительное». Во-первых, каждое из слов, составляющих это словосочетание, выражает, с одной стороны, (1) некоторые устойчивые (языковые) значения, с другой – (2) разнообразные непостоянные, словно бы «мерцающие», перетекающие один в другой смыслы, которые зависят от контекста, ситуации, личности говорящего и т. д. Во-вторых, семантика целого словосочетания *искусственный интеллект* вовсе не «простая сумма» значений элементов (заметим: даже если бы «сумма», всё равно неясно, «сумма» чего именно – каких значений, каких смыслов, в каких условиях употребления), а результат синергетического «сложения – умножения», когда целое – **иное**, чем составляющие элементы. В-третьих, значения и смыслы и элементов, и целого зависят от того, (1) в рамках какой предметной области/дискурсивной среды эти элементы и целое используются (какую картину мира, тип сознания/мышления лингвистически определяют), (2) с какими интенциями (речевыми намерениями) используются отправителем сообщения (говорящим/пишущим), (3) как воспринимаются, понимаются и интерпретируются реципиентом сообщения (слушающим/читающим, каковы его/их социологические, когнитивные и иные особенности).

В приведенном кратком исчислении того, что «дано» как набор исходных вопросов, фундаментальных лингвистическим взглядом, – разные потенциальные алгоритмы анализа. Избегая обсуждения оснований выбора конкретных алгоритмов, дальнейшее изложение строим как комментарий к (некоторым) исходным данным.

Словосочетание *искусственный интеллект* языковое сознание (не только обыденное, но даже научное) склонно неосознанно-некритично синонимизировать со словом *человек*. Дистанцирующее уточнение «как-бы-человек» существа дела не меняет: говорят, что *ИИ думает, принимает решения*, даже «выполняет творческие функции» – *рисует (!) картины* (как художник), *сочиняет (!) музыку* (как музыкант) или *стихи* (как поэт) и т. д. Если бы такие выражения использовались именно и только как метафоры (олицетворения) – в качестве лестной похвалы программистам и специалистам по «железу» – это было бы вполне естественно. Однако налицо иное: уверенность, что машина, компьютер (= программа, набор программ) **действительно** действует как *человек*, что у нее есть «ум», даже «разум». Вывод: налицо непонимание, что такое (человеческий) *ум* и кто такой *человек*. «Ум» искусственного интеллекта – либо метафора (и тогда этот «ум» – просто *что-то*, в чем-то сходное с человеческой способностью к суждению, но неотждественное человеческому уму), либо семантический фантом, по недоразумению принятый за реальность, побуждающий людей вести себя с ним так, как будто он самая «действительная

действительность».

Вспомним школьное: синонимы – это близкие, но вовсе не тождественные по значению слова. Абсолютные синонимы – исключительная редкость (типа *языкознание – лингвистика*). Синонимы нужны именно для того, чтобы в сходном языковыми средствами опредмечивать различия. В случае с (терминологическим) словосочетанием *искусственный интеллект*, если сопоставлять машинный «интеллект» с человеческим *умом*, то слово «интеллект» следует писать в кавычках, акцентируя условность такой характеристики машинного способа обработки данных и принятия «решений». С лингвистической точки зрения, *искусственный «интеллект»* – обычная (хотя и малозаметная, стёртая) синекдоха, именование части вместо целого. Хрестоматийный пример. Когда говорят: *в стаде сто голов*, – имеют в виду целых животных; когда слышат: *искусственный интеллект*, – по аналогии многие думают, что это (несмотря на образное основание «как бы») «целый ум», а в концепциях «постсовременности» – даже «целый человек», только в электронной оболочке, по выражению американского поэта Уолта Уитмена, в «электрическом теле». В оптимистических техно-электронных проекциях будущего такое восприятие искусственного «интеллекта» функционирует как неосознаваемая «футуристическая синекдоха» [1], которая вселяет ложно-оптимистические иллюзии относительно машинного «ума» и его якобы исключительной полезности для людей, выступает как средство речевого манипулирования. Результаты лингвокогнитивных манипуляций с массовым сознанием внушительны: предупреждений об опасности техно-электронных иллюзий – огромное количество, только в художественной литературе – отдельный жанр («сверхжанр» с многими разновидностями) антиутопии с многовековой традицией, – однако иллюзии не просто сохраняются, более того, «растут и крепнут» в новых словесных оболочках, самая заметная из которых – «цифра», обрастающая уже не только словесной (*цифровая экономика, медицина...*), но и вполне телесной материально-финансовой плотью.

Вернемся к синонимии. Не только *искусственный* (ИИ), но и «натуральный», собственно человеческий *интеллект* – лишь часть (человеческого) *ума*, а именно – способность к выполнению/имитированию некоторых/многих когнитивных операций. Ум несравненно шире (одного только) мышления, хотя без способности к мышлению ум, разумеется, тоже вовсе не ум в собственном смысле слова. Еще в 1985 году, что теперь кажется далеким прошлым, С. М. Шалютин четко сформулировал различие между искусственным и естественным в решении задач, требующих обработки информации: «Человек, решая задачу, продуцирует определенную совокупность образов и воплощает их в языковую оболочку. <...> Перед системой искусственного интеллекта не ставится

задача воспроизведения субъективных образов. Она должна лишь выдавать на своем выходе состояния, которые человеком <...> интерпретируются как знаки. Таким образом, совпадение результатов функционирования искусственной системы и человеческого интеллекта заключается здесь в генерировании знаковых последовательностей или даже совокупностей физических тел знаков» [2]. Заметим: ничего по существу с тех пор не изменилось. Трактор или экскаватор, пусть даже суперсовременные и сверхмощные, – все-таки не лошадь и тем более не землекоп. Лошадь не только может что-то тащить, главнейшее – она живая, а землекоп – помимо биологической, телесной жизни, включая способность копать, обладает еще душой и тем, что есть *дух*, то есть «высшая часть души, направленная на общение с Богом, наделенная бессмертием» [3, с. 132]. Жизнь и проявления *духа* в человеке (и только в человеке) – *духовность* [4], и никакой искусственный «интеллект» наделить ею возможным не представляется.

Такое понимание очевидно и для современных специалистов по искусственному интеллекту, однако метонимически-гиперболическое (синекдоха как вид метонимии + гипербола) семантическое основание термина *искусственный интеллект*, будучи неосознаваемым, провоцирует восприятие и интерпретацию такого «интеллекта» как превосходящего человека в способности обрабатывать данные (заметим: **не информацию, только данные!**). Отсюда фантазии о трансформации человека «как такового», конструирование концепций «постчеловека», «постчеловечества», грядущего «мира киборгов» и т. п. [5]. Естественный человеческий язык, с его многовековой мудростью, подсказывает: оппозиции (антонимические или по принципу контраста) совершенно не случайны: *механизм – организм (техника – живое), искусственное – естественное, интеллект – ум – мудрость* и т. д. Это полюса. В качестве аналогии представьте глобус. «Соединить» полюса Земли или заменить один другим в **действительности** – никак не получится. То же самое с *естественным и искусственным*. Человек, по философскому определению, – триединство: «... биосоциодуховное существо, способное активно действовать, приспособляться к обстоятельствам...» [6, с. 1024]. Искусственный «интеллект» лишен всех трех атрибутов. Ни природы (живое), ни духа (богообщения). Считать «обществом» взаимодействие с пользователем? Сомнительно...

Библиографический список

- 1 Волков В. В. Искусственный «интеллект» и человеческий ум: футуристическая синекдоха и реальность (лингвистический и лингвоментальный аспекты) // В. В. Волков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2020. – Т. 11. – № 4. – С. 745–759.
- 2 Шалютин С. М. Искусственный интеллект: Гносеологический аспект / С. М. Шалютин. – Москва: Мысль, 1985. – 199 с. – URL: <https://booksee.org/book/527989>

(дата обращения: 02.02.2021).

3 Скляревская Г. Н. Словарь православной церковной культуры / Г. Н. Скляревская. – Москва : Астрель: АСТ, 2008. – 447 с.

4 Степанова И. Н. Духовность личности как проблема философии образования / И. Н. Степанова, С. М. Шалютин // Вестник Тюменского государственного университета. – 2006. – № 2. – С. 99–107.

5 Волков В. В. «Цифра», постчеловек и киборги: лингвистический и лингвоментальный аспекты / В. В. Волков // Вестник Челябинского государственного университета. – 2020. – № 12 (446). – С. 31–39.

6 Бачинин В. А. Энциклопедия философии и социологии права / В. А. Бачинин. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2006. – 1091 с.

ЭТИЧЕСКАЯ СТОРОНА И ВОПРОСЫ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

*Д. В. Глуздов,
аспирант*

*Нижегородский государственный
педагогический университет
имени Козьмы Минина
dmitry.gluzdov@mail.ru*

Аннотация. Этика, опираясь на нравственные установки, также опиралась на достижения наук. Нравственные установки менялись, а науки развивались, и, как следствие, этические концепции человечества, доставшиеся нам в истории, несомненно разнообразны. Но ничто не стоит на месте. Взаимодействие человека и техники обсуждается в философии. Появление, развитие и применение новых технологий создают проблемы иного плана. Искусственный интеллект, как помощник и потенциальный оппонент человека, несомненно, вносит корректировки этики и морали. Данная статья старается обобщить существующую рефлексию в отношении искусственного интеллекта и естественной (человеческой) этики и морали.

Ключевые слова: этика, человек, искусственный интеллект, разумная машина, мораль, технология.

ETHICAL ASPECTS AND HUMAN QUESTIONS IN THE CONTEXT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

*D. V. Gluzdov,
postgraduate student*

*Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical
University
dmitry.gluzdov@mail.ru*

Abstract. Ethics, based on moral principles, was also based on the achievements of the sciences. Moral attitudes have changed, and the sciences have developed and, as a result, the ethical concepts of humanity that we inherited in history are undoubtedly diverse. But nothing stands still. The interaction of man and technology is discussed in philosophy. The emergence, development and application of new technologies create problems of a different plan. Artificial intelligence, as an assistant and potential opponent of a person, undoubtedly makes adjustments to ethics and morality. This article seeks to summarize the existing reflection in relation to artificial intelligence and natural (human) ethics and morality.

Keywords: ethics, human, artificial intelligence, intelligent machine, morality, technology.

Введение

Философию искусственного интеллекта в случае взаимодействия с человеком никак не могут обойти стороной этические вопросы. Особенной причиной этого является ожидаемая «интеллектуальная» составляющая искусственных машин, иногда даже ставящая под вопрос будущее существование самого человека. Рассматриваемая здесь этическая сторона взаимодействия человека и «разумной машины» поднимается не впервые. Несмотря на новизну проблемы, она абсолютно не теряет своей актуальности.

Многие мыслители, говоря об этике, обозначали ее как смысл и как основу философии. Являясь философией практической, этика отвечает не только на вопрос «Что это?» или «Как я могу это знать?», но и на вопросы о действии и бездействии в реальном мире и, прежде всего, по отношению к другим людям. Но этика как философская дисциплина нестатична – она меняется и адаптируется к современности. Четвертая технологическая революция затрагивает многие стороны общественной жизни и ведёт к изменению общественного уклада. Жизнь людей меняется и меняются способы и варианты её прожития, возникают способы, действия, которых ранее не было у человека, новые интересы и новые ценности. Конфликты, возникающие при совмещении старых и новых принципов и правил деятельности человека, не всегда удачны, возникают как новые конфликты, так и новые этические проблемы.

Исследования, в последнее время ориентированные на этические проблемы как применения цифровых технологий в общем, так и этических вопросов развития искусственного интеллекта, применения и встраивания его в жизнь общества и жизнь человека, в частности, уже не удивляют обывателя. Отдельные сюжеты и, как следствие, вопросы, имеющие непосредственное отношение к этике, всё чаще поднимаются в средствах массовой информации. Вопросы о том, как должен относиться человек к поведению роботов (в нашем случае робот, рассматриваемый как носитель искусственного интеллекта) и как должен вести себя робот в отношении к человеку, уже затронуты и в романах фантастов (возможно, самым ярким примером являются три закона робототехника Айзека Азимова, сформулированные им в 1942 году). Эти же и схожие сюжеты обсуждаются на специализированных семинарах (как, например, семинар Института Философии РАН «Этические проблемы искусственного интеллекта»), рассматриваются крупными международными корпорациями, такими как IBM [1], формулируются в качестве рекомендаций и виде инициатив, разрабатываемых крупной международной организацией IEEE (Institute of Electrical and Electronics Engineers – Институт инженеров в области электротехники и электроники) [2], ЮНЕСКО пытается разработать и предоставить общественности свои рекомендации об этических аспектах [3]. Специфические во-

просы этической стороны как технологий в общем, так и искусственного интеллекта, в частности, не могут быть не актуальными, если столь широкая аудитория продолжает исследовать их, искать, предлагать, формулировать общее для всех представление, пусть каждый и в своей области.

Относительно человека и искусственного интеллекта вопросы этики заслуживают рассмотрения, хотя бы исходя из таких причин, как:

- важность этических принципов для нормальной жизни общества и человека в нем;
- наличие особенностей этики в данной области;
- отсутствие наработанной как теоретической, так и практической базы.

В эпоху цифровой трансформации общества факт отсутствия нормативно оформленных этических принципов, где субъектами взаимоотношений являются человек и системы, наделённые искусственным интеллектом (в общем случае автономные и интеллектуальные системы), будет продолжать оставаться заметным, изучаемым, значимым и актуальным. И это связано не только с тем, что этика как основа практической философии представляет собой нормативную науку, неотрывно связанную с конкретной нравственной активностью людей, и не только с тем, что она назидает и помогает человеку ориентироваться в сфере ценностного выбора и действий, следующих за выбором. Здесь, в сфере «разумных машин» возникает потребность распространения этики на действия Другого – на системы, которые способны или будут способны самостоятельно принимать решения и при этом не будут являться ни человеком, ни живыми существами, а будут представлять из себя некоторые самостоятельные (автономные) и интеллектуальные системы, созданные человеком. Цель данной статьи сводится к тому, чтобы постараться разглядеть и по возможности обозначить этические возможные проблемы человека во взаимодействии с «разумной машиной», но не определить пути для их решения. Это связано с тем, что этика человека во взаимосвязи с искусственным интеллектом находится в стадии формирования не только в нашей стране, но и в мире в целом. Это причина, по которой ряд вопросов здесь обобщается и представляет собой существующую рефлексию, но при этом решения этических проблем не предлагаются. При этом мы понимаем, что философия искусственного интеллекта принципиально междисциплинарна, а значит затрагивает совершенно различные аспекты [4; 5; 6].

Этика. Человек. Искусственный интеллект.

Прежде чем говорить об этических проблемах, возникающих при рассмотрении развития искусственного интеллекта, стоит обозначить базовые этические понятия и концепции, которые имеют отношение к рассматриваемой тематике. Название этики было предложено Аристотелем. В его понимании, это есть наука о правильном по-

ведении. С течением времени появлялись другие новые этические концепции, но этика по-прежнему занимала важнейшее место в ряду наук, изучающих жизнь и поведение людей. Этика – философская дисциплина, изучающая поведение людей на основе моральных мотивов. Этика показывает, какие могут быть последствия, если конкретная идея будет воспринята отдельным человеком или социумом, какие у нее предпосылки и перспективы. Таким образом, этику можно определить как рефлексию морали.

Первоначально «этика» и «мораль» обозначали один термин. Но по мере выделения этики в особую область знания за этими словами начинает закрепляться различный смысл, при этом этика – это соответствующая ветвь знаний, наука, а мораль и нравственность традиционно употребляются как синонимы и составляют предмет этики. Мораль – есть форма общественного сознания и один из способов нормативного регулирования поведения человека.

От других средств социальной регуляции (право, традиция, обычай) моральные нормы отличаются тем, что они предполагают свободу выбора и регулируются преимущественно такими внутренними чувствами, как стыд, долг, угрызения совести. Нормы морали содержат противопоставление должного и сущего и призыв к самосовершенствованию, преобразованию реальности. Итак, в том виде, как мы привыкли воспринимать этику, – это наука, которая в качестве субъекта рассматривает человека (или сообщества людей), а в качестве предмета – мораль. *«Этические отношения – один из видов межлических отношений, причем один из основополагающих видов, это ценностные отношения людей одной группы с людьми другой группы или с людьми в широком смысле слова – лицом к лицу или опосредованно. Данный тип отношений реализуется в действиях»* [7, с. 10].

Внеморальные явления сложно определить. Как только мы рассматриваем конкретные действия людей, в том числе исследуем действия, которые влияют на характер производственных отношений (и сфера применения роботизированных, автономных и интеллектуальных систем не является исключением), мы обнаруживаем, что эти действия всегда несут определенную моральную нагрузку. Уже здесь можно понять, что обсуждение этических проблем может способствовать и стать способом заранее продумать пути развития технологий.

Ещё раз отметим, что все сказанное выше связано с человеком, обществом и моралью. Но в нашем рассмотрении появляется «разумная машина». Что меняется, если в поле зрения появляются искусственные системы, обладающие пусть искусственным, но интеллектом? Возникнет ли в этом случае новая этика и остаётся ли только человек субъектом этических отношений? Что нового возникает в списке этических отношений?

Можно ли уже говорить об этических отношениях в паре «машина–машина»? Человек или машина будет оказывать больше влияния на развитие морали?

Этика в своем развитии опиралась на нравственные установки, которые за столетия не раз подвергались переосмыслению, и на достижения других наук, в том числе естествознания, биологии и психологии. Этические концепции, накопленные человечеством, весьма разнообразны. Взаимодействие человека и техники давно обсуждается в философии, но сейчас, с появлением новых технологий, возникли проблемы иного плана. Каждое достижение науки приносит как перспективы для общества, так и определенные риски. Обсуждение этических проблем применительно к цифровым технологиям может стать способом минимизировать потенциальные риски и заранее продумать пути развития технологий. Сейчас цифровые возможности общества связаны лишь с распространением информации и использованием больших данных. Развитие технологий, в том числе искусственного интеллекта, дает все новые поводы для этического осмысления.

Этическая сторона противоречий в развитии искусственного интеллекта.

Если мы определяем, то что в области искусственного интеллекта одной из главных тенденций является моделирование человеческого разума, тогда возникает ряд этических противоречий и проблем. Какую бы суть (онтологию) мы бы не затрагивали, она будет иметь этический аспект, будет иметь отражение в общечеловеческих ценностях.

Дело в том, что человечество, создавая искусственный интеллект, создаёт альтернативу себе (Homo Sapiens). Это, **во-первых**, сводится к вопросу не только пресловутой проблемы «восстания машин» (и прочих образов, сгенерированных массовой культурой), сколько к пониманию человечеством возможной перспективы существования самого человека на данной планете, в определении современного человека и/или его как существа будущего. Футурологи уже предлагают массу определений, поднимая тем самым вопрос об осмыслении основных характеристик, которые мы разовьём в себе и перенесём это в алгоритм работы машины.

Во-вторых, совершенствуя односторонность («узкую квалификацию/специализацию») машины, человек «освобождается» от развития в данной развиваемой у машин сфере. Число тех, кто рискнёт превзойти в том или ином виде деятельности машину станет меньше, так как победить машину очень сложно (пример с шахматами).

В-третьих, благодаря «конкуренции» с машиной (не только в «сфере шахмат») будет разрушаться сущность человека – восприятие человеком самого себя. Уменьшение рабочих мест для человека (автоматизация труда), с одной стороны, бесспорно «облегчает» жизнь, но, с другой

стороны – что и какая жизнь остаётся человеку? Сложности помогают развиваться, но чем проще жизнь, тем меньше мотивации к развитию. В данном ключе можно спорить, но такой аспект игнорировать нельзя. Речь идёт о том, что «искусственное» возьмёт на себя формирование комфорта и человек «расслабится». Клаус Шваб в своей работе «Четвертая промышленная революция» пишет именно об экзистенциальной угрозе.

Переходим к **четвёртому** моменту. С развитием технологий человек может развиваться, но при этом также происходит «отупение» тех, кто не готов в силу своих способностей или лени (что неважно). И возникает естественный вопрос: чем будут заниматься люди, освобождённые от необходимости «добывать себе хлеб насущный»? Кто несёт (будет нести) ответственность за то, что большинство людей не стремится к самореализации, творчеству и к развитию гуманизма?

Пятый момент как частный случай четвёртого. Вопрос об упрощении. Современный мир настолько динамичен, что ценит простоту и скорость. Использование, к примеру, «видеоконтента», который упрощает подачу материала, сокращает информацию, сжимает до «готового к употреблению» с одной стороны, здорово мотивирует тех, кто готов привлекать к глубоким знаниям через простоту. И здесь произойдёт деление людей на тех, кто будет брать и использовать вариант «краткого содержания», и на других, которые поймут, что это только поверхностное знание. Этот момент также может быть рассмотрен в основе возможной стратификации общества с позиций возможности использования информации, умения ею пользоваться и распоряжаться.

Шестой момент касается всё той же стратификации (расслоения общества), но уже не просто как владение информацией (как один из стратификационных критериев/показателей), а уже как средство выживания одних и средство манипулирования другими.

Вышеперечисленные моменты связаны со следующим – **седьмым**, который указывает на разницу в доступе к возможностям – к использованию продуктов искусственного интеллекта. Это рождает следующие противоречивые вопросы о/об:

- вживлении чипов и датчиков (необходимость/возможность их использования);
- отношении и регулировании «отношений» с роботами и возможной защитой человека;
- определении границ мирного использования роботов;
- идентификации ботов (троллинг);
- анализе ошибок машин (пример с идентификацией искусственным интеллектом обезьяны на фото вместо чернокожей девушки; ситуации, когда камера определяла моргание у неморгающих людей азиатской внешности).

Перечисленные моменты сталкиваются с вопросом ответственности, необходимостью право-

вого регулирования при несовпадении скорости изменения виртуального мира и реального контроля, целостности и защищённости персональных данных и их приватности, риска цифровой диктатуры и тотальной слежки.

Заключение

Фактически, затрагивая в этой статье философию искусственного интеллекта, мы затронули особую его сторону – этическую её составляющую. Этика как практическая философия придаёт философии искусственного интеллекта живые оттенки, а связь с человеком ещё раз подчеркивает её значимость. Все вопросы этики невозможно затронуть в столь небольшой работе, но некоторые значимые аспекты всё же здесь были рассмотрены, и затронутые в данной работе вопросы показывают, сколь многогранной и разносторонней может быть этическая проблематика, связанная с темой развития и становления искусственного интеллекта.

Библиографический список

- 1 *Этические нормы использования искусственного интеллекта.* – URL: <https://www.ibm.com/ru-ru/artificial-intelligence/ethics> (дата обращения: 08.03.2021).
- 2 *The IEEE Global Initiative on Ethics of Autonomous and Intelligent Systems.* – URL: <https://standards.ieee.org/industry-connections/ec/autonomous-systems.html> (дата обращения: 08.03.2021).
- 3 *Разработка рекомендации об этических аспектах искусственного интеллекта.* – URL: <https://ru.unesco.org/artificial-intelligence/ethics> (дата обращения: 08.03.2021).
- 4 *Восемнадцатая Национальная конференция по искусственному интеллекту с международным участием КИИ-2020 : труды конференции / под ред. В. В. Борисова, О. П. Кузнецова.* – Москва : МФТИ, 2020. – 326 с.
- 5 *Глуздов Д. В. Некоторые вопросы философско-антропологического характера, возникающие при рассмотрении развития искусственного интеллекта / Д. В. Глуздов // Актуальные вопросы современной науки и образования : сборник статей VII Международной научно-практической конференции // Наука и Просвещение.* – 2021. – С. 122–126.
- 6 *Глуздов Д. В. Онтологические аспекты противоречий искусственного интеллекта / Д. В. Глуздов // KANT.* – 2021. – № 1 (38).
- 7 *Кучуради И. Этика : учебник и практикум для вузов / И. Кучуради.* – Москва : Издательство «Юрайт», 2019. – 147 с.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ВОПРОСА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ СУБД

*К. М. Зыкин,
студент
РТУ-МИРЭА
kirz99322@gmail.com,
Е. А. Максимова,
канд. техн. наук, доцент
РТУ-МИРЭА
maksimova@mirea.ru*

Аннотация. В статье приведена классификация СУБД, а также рассмотрены возможности искусственного интеллекта в СУБД.

Ключевые слова: СУБД, искусственный интеллект, база данных, обеспечение безопасности, информационная безопасность.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России (грант ИБ, проект № 3/2020).

ACTUALIZATION OF THE ISSUE OF USING AN ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEM TO ENSURE THE SECURITY OF A DBMS

*К. М. Zykin,
student
RTU-MIREA
Kirz99322@gmail.com,
E. A. Maksimova,
K.t.s., docent
RTU-MIREA
maksimova@mirea.ru*

Abstract. The article gives a classification of DBMS, and also discusses the capabilities of artificial intelligence in a DBMS.

Keywords: DBMS, artificial intelligence, database, security, information security.

The reported study was funded by Russian Ministry of Science (information security) (grant IS, project No. 3/2020).

У каждого человека есть уникальный набор данных, присущий только ему. ФИО, дата рождения, место рождения, паспортные данные – все это является составным ключом, описанием конкретной единицы нашего общества. Идентификация личности невозможна без набора таких данных.

Для корректного получения каких-либо услуг люди должны предоставлять часть или же весь набор своих уникальных данных. Любое пред-

приятие, направленное на широкого потребителя, будь то магазин-ритейлер, салон красоты или новомодная кофейня, в обмен на заполненную анкету предоставляет набор услуг – удобную почтовую или СМС-рассылку, пластиковую карту, бонусы или скидки. Таким образом, на первый план вышел вопрос, где хранить эту информацию и как облегчить взаимодействие с ней?

В век компьютерных технологий ответом на поставленный вопрос стали Базы Данных. «База данных (БД) – это совокупность массивов и файлов данных, организованная по определённым правилам, предусматривающим стандартные принципы описания, хранения и обработки данных независимо от их вида» – такое определение дает нам ресурс oracle-patches.com [1, с. 9].

Упорядоченный набор информации, сгруппированный по критериям, требует должного менеджмента, чтобы сделать ее доступнее и проще для управления. В киберпространстве эту роль берет на себя система управления базами данных или сокращенно СУБД. «Система управления базами данных (СУБД) – совокупность программных и лингвистических средств общего или специального назначения, обеспечивающих управление созданием и использованием баз данных» – так определяет СУБД интернет-ресурс lecturesdb.readthedocs.io [2, с. 9].

СУБД по способу построения и организации можно классифицировать по разным критериям. А. В. Андреев в своей статье «Классификация систем управления базами данных» [3, с. 9] разделяет классификацию по 4 основным критериям: по модели данных, по степени распределенности, по способу доступа к БД, по степени универсальности.

Существуют несколько моделей данных СУБД: иерархическая, сетевая, реляционная, объектно-ориентированная, объектно-реляционная.

Самая распространенная и чаще всего используемая модель – реляционная, наиболее гибкая и простая в управлении. В данной модели вся информация хранится в виде таблиц, а связи между таблицами представлены отношениями (общими столбцами) [4, с. 9]. MySQL и Microsoft SQL server – одни из самых популярных СУБД в мире. Реляционные, простые в использовании и настройке чаще всех используются компаниями различного уровня: от низкого до высокого уровня. Далее по популярности следуют PostgreSQL и Oracle Database – объектно-реляционные. Первая нашла применение в управлении веб-данными, а вторая зарекомендовала себя, как надежная, функциональная и практичная, однако стоимость лицензии делает ее доступной только для крупных компаний.

Поскольку набор данных, которые передаются в пользование различным предприятиям для предоставления услуг, чаще всего является конфиденциальной информацией, главным аспектом хранения и управления базами данных стало обе-

спечение информационной безопасности.

Обеспечение безопасности СУБД делится на 3 основных фактора: внешняя защита, внутренняя защита, контроль и мониторинг действий.

Внешняя защита включает в себя аспекты, связанные в основном с внешним окружением самой СУБД: каналы передачи данных; доступ к директориям, в которых хранятся сами данные; операционная система; физический доступ к носителям данных – все это требует должного внимания для нейтрализации несанкционированного доступа к данным.

Для обеспечения достаточной защиты необходимо прибегать к шифрованию данных и каналов передач этих данных, контролю целостности как данных, так и файлов СУБД (угроза УИБ.15 банка данных угроз ФСТЕК [5, с. 9]), также нужно грамотно администрировать операционную систему предприятия и маршрутную систему передачи данных во избежание неконтролируемого доступа и превышения полномочий, а физический доступ к дискам сервера должен быть строго ограничен.

Внутренняя же защита включает в себя аспекты, связанные с работой самой СУБД: политика безопасности идентификации и аутентификации пользователя, разграничение доступов, удаленный доступ к серверу, резервное копирование.

Политика безопасностей идентификации и аутентификации должна быть строго регламентирована. Должны быть четкие требования к созданию пароля при регистрации нового пользователя и смене пароля, ведь чем длиннее и разнообразнее пароль, тем сложнее его запомнить или подобрать злоумышленнику. Смены пароля должны быть регулярные, не реже одного раза в три месяца, а также должно быть ограничение на количество попыток ввода пароля, чтобы избежать подбор. Таким образом, есть возможность избежать угрозы УИБ.31, УИБ.100 и УИБ.213 банка данных угроз ФСТЕК [5, с. 9].

Удаленный доступ к серверу должен корректно настраиваться, ведь каждое дополнительное удаленное подключение снижает защищенность данных.

Резервное копирование должно также хорошо администрироваться, копии должны шифроваться, а доступ к копиям должен быть строго ограничен. Существуют разные виды резервных копий в зависимости от их надобности [6, с. 9]:

- 1) полная – это самый простой вид бэкапа, когда создается дубль всех папок источника;
- 2) инкрементальная – инкрементное копирование (Incremental Backup) – это метод сохранения информации, при котором архивируются только измененные с момента последнего бэкапа;
- 3) дифференциальная – при котором полная копия создается единожды в начале, а все последующие копии, создаваемые в рамках одной и той же задачи, содержат не все данные, а лишь произошедшие изменения с момента создания первичной полной копии.

Сбалансированная настройка резервного копирования и доступа к копиям позволяет устранить неконтролируемую потерю данных и нейтрализовать угрозу, обозначенную в банке данных угроз ФСТЕК УБИ.057 «Угроза неконтролируемого копирования данных внутри хранилища больших данных».

Разграничение доступов требует наибольшего внимания. По статистике больше 50 % всех утечек приходится не на внешнее воздействие – хакеры, а на внутреннее – сотрудники, администрирующие СУБД и имеющие доступ к данным. Само понятие разграничения доступов означает, что в СУБД и в самой базе данных есть элементы, к которым выдаются доступы. Стоит уточнить, что субъект – это пользователь, роль, процедура, триггер, представление, функция, которые совершают действия над данными; объект – это единица данных, над которыми совершаются действия. Для управления данными в таблицах есть набор основных привилегий [7, с. 9]: SELECT – право на выборку данных, INSERT – право на добавление данных, DELETE – право на удаление данных, UPDATE – право на обновление данных (можно указать определенные столбцы, разрешенные для обновления), REFERENCES – право на использование внешних ключей, ссылающихся на данную таблицу (можно указать определенные столбцы).

У разных субъектов должен быть разный набор прав, доступов и полномочий для безопасного функционирования базы данных и СУБД в целом.

Для начала стоит разобраться, какие модели разграничения прав и привилегий существуют.

Пятимерное пространство Хартсона [8, с. 9] рассматривает пятимерное пространство безопасности для моделирования процессов, установления полномочий и организации доступа на их основании. Модель имеет 5 основных пространств: А – установленные полномочия; U – множество пользователей; R – множество ресурсов; E – множество операций над ресурсами; S – множество состояний системы.

Декартово произведение $A * U * R * E * S$ – область безопасного доступа.

Модели на основе матрицы доступов, где доступы рассчитываются на основе таблицы, где существует совокупность следующих множеств: множество исходных объектов O, множество исходных субъектов S, множество операций (действий) над объектами Op, множество прав, которые могут быть даны субъектам по отношению к объектам, $N * M$ матрица доступа A, в которой каждому субъекту соответствует строка, объекту – столбец. В ячейках матрицы располагаются права g соответствующего субъекта над соответствующим объектом в виде набора разрешенных операций Op.

Существуют две разновидности моделей в зависимости от того, как заполняется матрица доступов A:

– принудительное управление доступом – где только администратор имеет полномочия манипулировать привилегиями;

– добровольное управление доступом – где вводится понятие владельца объекта, у которого есть полный доступ к созданному им объекту и в пределах которого он имеет право манипуляции над правами и привилегиями.

Модель Харрисона–Руззо–Ульмана, где помимо элементарных операций добавляются операции по изменению матрицы доступа: добавить право в ячейку, удалить право из ячейки, создать объект, создать субъект, удалить объект, удалить субъект. Является наиболее типичным представителем с матричным добровольным управлением доступами.

Теоретико-графовая модель TAKE-GRANT, в которой добавляются два специфичных свойства: take – право брать права доступа у какого-либо объекта по отношению к другому объекту; grant – право предоставлять права доступа к определенному объекту.

Применение искусственного интеллекта в СУБД открывает широкий горизонт возможностей как в безопасности, так и в администрировании.

Большую часть рутинной работы администратора может взять на себя искусственный интеллект. Резервное копирование, мониторинг работоспособности, восстановление после сбоев – это лишь малая часть, на что способен ИИ в данной сфере, также благодаря нейросетевому подходу можно анализировать и оптимизировать запросы к данным, что сделает сами данные более доступными, а нагрузка на базы данных и сервер спадет.

С другой стороны, ИИ в достаточной мере может усовершенствовать систему обеспечения безопасности СУБД и баз данных. Мониторинг, оперативное реагирование, сканирование на наличие уязвимостей – возможности ИИ безграничны в данной сфере. В статье Александра Шабанова, директора по развитию Anti-Malware.ru, «Применение технологий искусственного интеллекта в информационной безопасности» [9, с. 9] указывается спектр возможных сценариев использования ИИ в информационной безопасности:

- 1) обнаружение и реагирование на кибератаки;
- 2) обнаружение мошенничества в бизнес-процессах;
- 3) управление событиями безопасности;
- 4) защита конечных точек;
- 5) защита приложений и управление уязвимостями;
- 6) управление доступом и аутентификацией;
- 7) анализ поведения пользователя и устройств;
- 8) обнаружение вредоносных программ;
- 9) антифишинг.

Каждый из этих сценариев можно и даже нужно применять к СУБД и базам данных. С каждым годом утечек конфиденциальной информации

становится все больше, киберпреступность становится все разнообразнее, а значит и информационная безопасность не должна стоять на месте.

Библиографический список

- 1 База данных – определение. – URL: <https://oracle-patches.com/db/3517-база-данных-определение> (дата обращения: 20.02.2021).
- 2 Что такое СУБД. – URL: https://www.nic.ru/help/chtotakoe-sud_8580.html (дата обращения: 25.02.2021).
- 3 Андреев А. В. Классификация систем управления базами данных / А. В. Андреев. – URL: <https://scienceforum.ru/2016/article/2016019197> (дата обращения: 22.02.2021).
- 4 Что такое FULL Backup. – URL: <https://exiland-backup.com/ru/full-backup.html#:~:text=Полная%20резервная%20копия%20-%20это%20самый,создается%20дубль%20всех%20папок%20источника.&text=Если%20же%20вам%20необходимо%20резервировать,копирование%20-%20дифференциальный%20или%20инкрементальный%20бэкап> (дата обращения: 01.03.2021).
- 5 Банк данных угроз безопасности информации. – URL: <https://bdu.fstec.ru/threat> (дата обращения: 14.02.2021).
- 6 Полное, инкрементное, дифференциальное – о методах резервного копирования. – URL: <https://remontcompa.ru/bezopasnost/rezervnoe-kopirovanie/1584-polnoe-inkrementnoe-differencialnoe-o-metodah-rezervnogo-kopirovaniya.html> (дата обращения: 22.02.2021).
- 7 Управление доступом. – URL: http://www.lghost.ru/lib/security/kurs5/theme12_chapter04_add01.htm#:~:text=Привилегии%20в%20СУБД%20можно%20подразделить,доступа%20субъектов%20к%20определенным%20объектам (дата обращения: 22.02.2021).
- 8 Теория информационной безопасности и методология защиты информации : учебное пособие / И. В. Аникин, В. И. Глова, Л. И. Нейман, А. Н. Нигматуллина. – Казань : Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2008. – 358 с.
- 9 Шабанов А. Применение технологий искусственного интеллекта в информационной безопасности / А. Шабанов. – URL: https://www.anti-malware.ru/analytics/Technology_Analysis/using-artificial-intelligence-technologies-in-information-security (дата обращения: 01.03.2021).

ВОСПРИЯТИЕ В СИСТЕМАХ РАСПОЗНАВАНИЯ ОБРАЗОВ: ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА

*А. А. Карташева,
канд. филос. наук, доцент кафедры
онтологии и теории познания
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России*

*Б. Н. Ельцина
a.a.kartasheva@urfu.ru*

Аннотация. В статье представлены три аспекта восприятия, которые могут быть перспективными для систем визуального распознавания. Описаны ортоскопическое восприятие, деятельностное восприятие и механизм узнавания, а также отмечается, что развитие систем распознавания образов связано с глубоким обучением и с мощностью специализированных центров обработки данных.

Ключевые слова: визуальные системы распознавания, интеллектуальные системы, восприятие.

PERCEPTION IN IMAGE RECOGNITION SYSTEMS: PROSPECTS FOR AN INTERDISCIPLINARY APPROACH

*A. A. Kartasheva,
assistant professor, Department of Ontology and
Theory of Knowledge
Ural Federal University*

Abstract. The article presents three aspects of perception that may be promising for visual recognition systems. Orthoscopic perception, activity perception, and the recognition mechanism are described, and it is also noted that the development of image recognition systems is associated with deep learning and with the power of specialized data processing centers.

Keywords: visual recognition systems, intellectual systems, perception.

Лучшая система распознавания образов – это все ещё человеческое восприятие. Проблема распознавания образов интеллектуальными системами ещё не решена, разработанные системы распознавания образов имеют серьезные недостатки, несмотря на отдельные прорывы в узких задачах.

Восприятие изучается психологами и философами, но разработчики систем распознавания образов не пользуются результатами многих исследований в этой области, так как сильно погружены в свою предметную область.

Благодаря независимости от знаний в каждой отдельной области и благодаря широкому выбору алгоритмов для обучения нейронные сети популярны в решении задач визуального распознавания. При этом нейронные сети остаются в рамках классического подхода. Классические подходы к распознаванию образов, по мнению В. В. Сторож, считаются такими, в которых «объекты распознавания заданы набором признаков, известно некоторое число эталонных объектов, и их описания составляют исходную (обучающую) информацию. На основе этой информации синтезируется алгоритм, определяющий для вновь поступивших объектов, к какому (или к каким) из конечного числа классов они принадлежат» [1, с. 173]. Таким образом, основными параметрами развития визуального распознавания остаются глубокое обучение и мощность специализированных центров обработки данных, оснащенных графическими процессорами.

Понятие «добродетельного круга вычисления» описывает закономерность, характерную для систем, основанных на обучении: если определенная система хорошо выполняет свою работу, она распространяется на всё большее количество устройств, следовательно, получает всё больше данных для обучения, после чего распространяется еще дальше. Победителю достается всё: поэтому для лучших систем будут характерны не только лучшие результаты, но и быстрый рост.

Возможно, некоторые теории восприятия могут быть использованы для создания новых систем распознавания образов. Так, на данный момент алгоритмам сложно достичь такой характеристики как постоянство или константность восприятия. Константность позволяет человеку воспринимать объект при изменении идущих от него стимулов. Очертания лица человека в профиль и в анфас отличаются, но при этом остаются узнаваемы для человека, но не для алгоритмов.

Проблема ортоскопического восприятия, согласно Л. С. Выготскому, состоит в том, что меняющиеся условия не мешают правильному восприятию предметов, включая их цвет. Известный пример с мелом: «Возьмем постоянство восприятия цвета. Э. Геринг показал, что кусок мела в полдень отражает в 10 раз больше белых лучей, чем аналогичный кусок в сумерки. Тем не менее в сумерках мел белый, а уголь черный. В отношении других цветов исследования показали, что цвета также сохраняют относительное постоянство, несмотря на то, что в зависимости от освещения, от реального количества падающих лучей, от цвета самого освещения на самом деле меняется качество непосредственного раздражения» [2, с. 7]. Так, 3D-изображения используют так называемые ортоскопические изображения с прямым стереоэффектом. Но системы распознавания образов не применяют технологии, достигающие ортоскопического восприятия.

А. Р. Лурия считает, что структура процесса

восприятия требует выделения основных признаков и сопоставления их с образами в памяти (узнавание): «При восприятии знакомых предметов (стакана, бутылки, стола) этот процесс узнавания предмета происходит очень быстро, и человеку достаточно объединить два-три воспринимаемых признака, чтобы прийти к нужному решению» [3, с. 125]. Поэтому Лурия говорит о близости восприятия к процессам наглядного мышления.

В свою очередь А. Н. Леонтьев критикует бихевиористскую схему «стимул – реакция» и предлагает говорить о деятельности: «Деятельность есть молярная, не аддитивная единица жизни телесного, материального субъекта. (...) Иными словами, деятельность – это не реакция и не совокупность реакций, а система, имеющая строение, свои внутренние переходы и превращения, свое развитие» [4, с. 141]. Деятельность всегда связана с восприятием и, одновременно, с общественными отношениями. Но деятельность современных систем визуального распознавания ограничивается анализом изображений.

Даже краткий обзор трех проблем восприятия показывает, что методы интеллектуальных систем в области распознавания образов будут развиваться и будут развиваться активно при использовании результатов исследований в области психологии и философии. Стоит отметить, что феномен узнавания широко используется в системах визуального распознавания, только список признаков гораздо больше (а времени требуется гораздо меньше). Но ортоскопическое восприятие или деятельностьное восприятие могут быть полезны для формирования новых концепций в области интеллектуальных систем. Возможно, теории восприятия А. Н. Леонтьева и Л. С. Выготского могут быть использованы для создания новых систем распознавания образов.

Библиографический список

1 Сторож В. В. Ограничения классических подходов к распознаванию образов / В. В. Сторож // Искусственный интеллект. – 2002. – № 3. – URL: <http://masters.donntu.org/2014/fknt/muradina/library/article2.htm> (дата обращения: 25.03.2021).

2 Выготский Л. С. Лекции по психологии /

Л. С. Выготский. – Санкт-Петербург : Союз, 1997. – 144 с.

3 Лурия А. Р. Лекции по общей психологии / А. Р. Лурия. – Санкт-Петербург : Питер, 2006. – 320 с.

4 Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения / А. Н. Леонтьев. – Москва : Педагогика, 1983. – Т. 2. – 392 с.

О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЭПИСТЕМОЛОГИИ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ К ИССЛЕДОВАНИЯМ В ОБЛАСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

*Т. А. Кирик,
канд. филос. наук,
доцент кафедры культурологии
Курганский государственный университет
t_kirik@rambler.ru*

Аннотация. В статье анализируются ограничения и проблемы, неразрешимые с точки зрения традиционного подхода к эпистемологии искусственного интеллекта. Рассматривается возможность применения к обозначенным проблемам эпистемологии добродетелей (virtue epistemology).

Ключевые слова: искусственный интеллект, эпистемология, гносеология, эпистемология добродетелей, абстрактное мышление, неявное знание, пристрастность искусственного интеллекта (AI bias), доверие субъекту познания.

POTENTIAL BENEFITS OF USING VIRTUE EPISTEMOLOGY APPROACH IN ARTIFICIAL INTELLIGENCE RESEARCH

*T. A. Kirik,
Kurgan State University
t_kirik@rambler.ru*

Abstract. The article discusses artificial intelligence epistemology issues that cannot be resolved using traditional approach and possibility of using virtue epistemology for their resolution.

Keywords: artificial intelligence, epistemology, virtue epistemology, tacit knowledge, AI bias, abstract thinking, AI bias, trust in the subject of knowledge.

Предложенное С. М. Шалютиним понимание искусственного интеллекта (ИИ) как «внешней нервной системы», суженное до «внешней системы переработки информации на уровне абстрактного мышления» [1, с. 87], так и осталось основным за более чем полвека исследований: «Если система решает задачи, которые человек обычно решает посредством своего интеллекта, то мы имеем дело с системой искусственного интеллекта» [1, с. 98]. Так, например, на сегодняшний день классическим является определение Оксфордского словаря: «искусственный интеллект – это теория и реализация компьютерных систем, способных выполнять задачи, обычно требующие человеческого интеллекта (визуальных восприятий, распознавания речи, принятия решений и перевода с одного языка на другой)» [2].

Другой вариант распространенного понимания искусственного интеллекта: «это наука

и технология, включающая набор средств, позволяющих компьютеру на основании накопленных знаний давать ответы на вопросы и делать на базе этого экспертные выводы, т. е. получать знания, которые в него не закладывались разработчиками» [3]. Элементы телесности, живого созерцания, чувственного познания не в плане противопоставления естественного и искусственного интеллектов, а как элемент эволюции последнего только-только начинают заявляться при осмыслении искусственного интеллекта, и связано это с технологическим развитием.

В последние 5 лет декларируется также качественный переход от вычислительной эры к эре когнитивной (Second Machine Age), когда компьютеры нового типа быстро учатся работать с неструктурированными и нечетко структурированными данными, начинают замещать труд людей при решении большого количества когнитивных задач [4].

Традиционно исследования искусственного интеллекта в первую очередь предполагают осмысление гносеологических проблем (в плане механизмов познания, соотношений механизмов человеческого познания и аналогичных свойств, реализуемых в рамках ИИ) и эпистемологических проблем (в плане специфики представления знаний, в том числе средств для отображения и описания когнитивных структур).

В частности, постоянно в центре внимания вопрос о сущности знания в контексте естественного и искусственного интеллектов, о соотношении понятий «знание» и «информация». Традиционно в эпистемологии знание считается результатом именно человеческого познания. Так, в «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» знание определяется как «форма социальной индивидуальной памяти, свернутая схема деятельности и общения, результат обозначения, структурирования и осмысления объекта в процессе познания» [5, с. 246]. Л. А. Микешина подчеркивает принципиальную нетождественность понятий «информация» и «знание», указывая, что упрощенно различие между ними можно свести к формуле: «информация – это знание минус человек» [6, с. 365].

В компьютерных науках существует устойчивая терминология, различающая «данные» («базы данных») как информацию в чистом виде и «знание» («базы знаний») как информацию, снабженную правилами оперирования ею (правила вывода и иной рациональной трансформации данных). Д. А. Поспелов под знаниями понимает форму представления информации в ЭВМ, которой присущи внутренняя интерпретируемость, структурированность, связность, семантическая метрика и активность [7; 8]. Знание, таким образом, становится специальным техническим термином.

Традиционная гносеология/эпистемология искусственного интеллекта лежит в русле постнеклассической трактовки знания как чего-то суще-

ствующего помимо субъекта, без субъекта (Фреге, Поппер). Сама теория искусственного интеллекта может быть определена как «наука о знаниях, о том, как их добывать, представлять в искусственных системах, перерабатывать внутри системы и использовать для решения задач» [8; 7].

В частности, К. Поппер предлагает различать субъективное знание, т. е. знание, которым обладает некоторый знающий субъект, и объективное знание, или знание в объективном смысле, которое состоит из логического содержания наших теорий, предположений и догадок. Примером объективного знания, по К. Попперу, являются «теории, опубликованные в журналах и книгах и хранящиеся в библиотеках, обсуждения этих теорий, трудности или проблемы, на которые было указано в связи с такими теориями» [9, с. 78]. К. Поппер говорит о существовании некоего «третьего мира» – мира «объективного содержания мышления, прежде всего содержания научных идей, поэтических мыслей и произведений искусства» [9, с. 108]. Несмотря на то, что мир объективного знания является продуктом, созданным человеком, он обладает определенной автономией.

Автономия «третьего мира» и его обратное воздействие на «второй мир» (мир ментальных состояний субъекта), и даже на «первый мир» (мир физических объектов), представляют собой, по К. Попперу, один из самых важных факторов роста знания [9, с. 120]. Эти процессы мы безусловно наблюдаем сейчас в процессе использования систем искусственного интеллекта (см, например, один из обзоров сфер применения искусственного интеллекта [10]). Более того, большинство восторгов, дискуссий и опасений строятся как раз вокруг влияния искусственного интеллекта на различные сферы жизни человечества.

Прямым следствием развития идеи К. Поппера об объективности знания стала транслирующаяся сейчас идея науки без ученого. Так, например, академик В. Минкин в своей открытой лекции «На пороге новой научной и социокультурной революции: искусственный интеллект и машинное обучение», ссылаясь на обзорную статью журнала «Science» о машинном обучении, прямо заявил, что при машинном обучении, при условии наличия достаточных данных и алгоритма, позволяющего определять правила для предсказания, компьютер может самостоятельно определить все физические законы и потенциально даже те, которые неизвестны. И это принципиально, т. к. мы сталкиваемся с ситуацией, когда не нужны теории, наработки методологии научного знания. Исследователь/система ИИ берет набор данных, сортирует его по определенным правилам и может получать любые предсказания [11].

При создании экспертных систем, машинном обучении, формировании и «воспитании» виртуальных агентов (чат-ботов и виртуальных помощников) и пр. важнейшей является проблема представления знаний для их переработки средствами

искусственного интеллекта. Актуальна проблема достоверности исходных данных, на основании которых машина строит выводы, тренировочных наборов данных и первоначальных алгоритмов, которые используются для процедур машинного обучения. Не преодолены трудности изучения структуры экспертного знания и механизмов его функционирования, имеются сложности, связанные с вербализацией неявного знания. Как отмечает В. А. Лекторский, «на способы выделения самих объектов чувственного опыта (речь идет не о конструировании этих объектов, а именно о их выделении) и принятые методы рассуждений и объяснений существенное влияние оказывает та или иная культура и свойственная ей картина мира» [12; 16]. На это же указывал и М. Полани: «В каждом акте познания присутствует страстный вклад познающей личности» [13; 19]. Одним из первых М. Полани начал изучать роль в познании неконцептуализированных форм передачи знания, так называемого «неявного знания» (*tacit knowledge*) и показал, что многие аспекты личностного знания не вербализуемы или сложно вербализуемы. Кроме того, Полани особо обращает внимание на область затрудненного понимания, в которой имеется несогласованность между невербальным содержанием мышления и речевыми средствами его выражения, что не позволяет концептуализировать содержание мысли [13, с. 128].

На сегодняшний день все это делает проблему представления знания до конца неразрешимой.

Таким образом, особую важность и остроту приобретает не только вопрос о том, что можно знать и как отличить знание от видимости знания, но и проблема фундирования знания, решение которой определяет, как/благодаря чему я могу доверять знанию. Классическое определение искусственного интеллекта и ведущиеся в его рамках исследования не настроены на рассмотрение, благодаря чему, каким качествам конкретный субъект приходит к знанию.

Еще одна наметившаяся «в русле Поппера» проблема получила название *AI bias* (см, например, [14]), его можно перевести как «необъективность ИИ» или «пристрастность ИИ». Она связана с тем, что любая модель нейронной сети обучается на больших наборах данных, обретая тем самым некоторые «навыки», но то, как она ими пользуется, остается не ясным. Специалисты задаются вопросом, является ли такая система искусственным интеллектом и можно ли вообще доверять системам, построенным на основе машинного обучения. Кроме того, обучение нейросети осуществляется строго под определенный круг задач. А это означает, что всегда найдется вопрос, который выходит за рамки компетенций и может поставить нейросеть в тупик.

Эти проблемы требуют отдельного разговора, но мы видим, что они также в явном виде заявляют о вопросе доверия к знанию и процедурам познания.

Только отношение исходного доверия к принятым/используемым способам понимания мира и познания, к результатам познания, полученным другими, делает возможным успех познавательной деятельности.

В современной эпистемологии есть концепция, которая, на наш взгляд, может дать новый взгляд на обозначенные проблемы. Это так называемая «эпистемология добродетелей» (virtue epistemology) [15; 16; 17; 18; 19]. По мнению А. Каримова, это направление непросто приживается в отечественном философском дискурсе в силу популярности попперовской трактовки знания как третьего мира, а также, вероятно, этизированной в русском языке самого понятия «добродетель», как положительного нравственного свойства характера человека, что гораздо уже аристотелевского понимания добродетели как ἀρετή (арете) – доблесть, превосходные качества, пригодность, величие; славные деяния, высокое мастерство, умение, искусство [17].

Пока нет единой точки зрения, каким должен быть «эпистемически добродетельный» субъект познания, чтобы быть способным с высокой степенью вероятности производить новые знания. В рамках такого направления эпистемологии добродетелей, как релейабилитизм (от англ. reliable – «достоверный») Э. Голдман рассматривал как ключевой фактор для обоснования знания надежность когнитивных процессов [20]. Надежность когнитивных процессов при этом зависит не только от качества собственно процесса, но и от надежности «входных данных». В свою очередь, надежность входных данных обусловлена надежностью процесса, с помощью которого они были получены. Строго говоря, мы возвращаемся к обсуждению старой проблемы обоснования знания, но можем разрабатывать понимание обоснования иначе, чем это имело место в классической традиции. С точки зрения другого представителя релейабилитизма – Э. Соузы, знания как убеждения могут быть оценены по трем параметрам: 1) точность (accuracy), т. е. его истинность; 2) мастерство (adroitness) – как проявление эпистемической добродетели; 3) адекватность (aptness), т. е. связь истинности и компетенции субъекта [15].

В другом направлении эпистемологии добродетелей, респонсбилитизме (от англ. responsible – «ответственный») интеллектуальные добродетели понимаются не как способности, а как качества познающего субъекта. Л. Коуд замечает, что понятие «надежность» не отражает специфику мыслящего агента как субъекта. Работа компьютера может быть вполне надежной, однако, в отличие от машины, человек относится к результатам и процессу своей познавательной деятельности ответственно. Как основную добродетель Коуд рассматривает именно интеллектуальную ответственность [21]. Аналогично Дж. Монтмаркет выделяет в качестве одной из наиболее значимых добродетелей интеллектуальную добросовестность, сопоставляя ее с моральной ответственностью в этике

[23]. Интеллектуальные добродетели, являясь качествами, направляют интеллектуальные навыки в нужное русло. Например, интеллектуальная добросовестность заставляет субъекта заботиться о том, чтобы иметь истинные убеждения по важному для него вопросу.

Строго говоря, об «ответственности» искусственного интеллекта говорится и в принятом 28 февраля 2020 года в Риме документе «Call for the AI Ethics», который был подписан Академией жизни, высшим руководством Microsoft, IBM, при участии Европейского парламента, ФАО и правительства Италии [23], однако в документе речь идет скорее об ответственности как подотчетности искусственного интеллекта человеку, а не о сущностном свойстве системы.

Таким образом, эпистемология добродетели смещает исходные вопросы в сторону характеристик системы, осуществляющей процесс познания/обработки знаний и данных: каким должен быть актер, субъект познания для того, чтобы быть способным с высокой степенью вероятности продуцировать истинные убеждения (достигать познавательного успеха) снова и снова?

Такая постановка проблемы, новый акцент на нормативность эпистемологии может раскрыть иные горизонты исследований искусственного интеллекта: возможно, увидеть решение этических проблем, возможно, вернуться к новому осмыслению легендарных трех законов робототехники А. Азимова.

Библиографический список

- 1 Шалютин С. М. Машины. Люди. Ценности / С. М. Шалютин. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2006. – 393 с.
- 2 Lexico. – URL: https://www.lexico.com/definition/artificial_intelligence (дата обращения: 15.03.2021).
- 3 Пройдаков Э. М. Современное состояние искусственного интеллекта / Э. М. Пройдаков // *Научно-исследовательские исследования*. – 2018. – С. 129–153.
- 4 Белов С. Дефицит искусственного интеллекта / С. Белов, В. Катькало. – URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/03/21/681987-defitsit-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 15.03.2021).
- 5 Энциклопедия эпистемологии и философии науки / гл. ред. И. Т. Касавин. – Москва : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.
- 6 Микешина Л. А. Философия науки / Л. А. Микешина. – Москва : Прогресс-Традиция; Флинта, 2005. – 464 с.
- 7 Искусственный интеллект : справочник : в 3-х кн. / под ред. В. Н. Захарова, Э. В. Попова, Д. А. Поспелова, В. Ф. Хорошевского. – Москва : Радио и связь, 1990. – Кн. 2. – 304 с.
- 8 Поспелов Д. А. Ситуационное управление: теория и практика / Д. А. Поспелов. – Москва : Наука, 1986. – 288 с.
- 9 Поппер К. Объективное знание: эволюционный подход / К. Поппер. – Москва : Эдиториал УРСС, 2002. – 384 с.
- 10 Искусственный интеллект (ИИ). – URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Продукт:Искусственный_интеллект_\(ИИ,_Artificial_intelligence,_AI\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Продукт:Искусственный_интеллект_(ИИ,_Artificial_intelligence,_AI)) (дата обращения: 15.03.2021).
- 11 Научный руководитель ЮФУ рассказал об искусственном интеллекте и машинном обучении. – URL: <https://sfedu.ru/www2/web/press-center/news/64247> (дата обращения: 15.03.2021).
- 12 Лекторский В. А. Что есть знание? / В. А. Лекторский // *Знание как предмет эпистемологии*. –

Москва : ИФ РАН, 2011. – 223 с.

13 Полани М. *Личностное знание: на пути к посткритической философии* / М. Полани. – Москва : Прогресс, 1985. – 343 с.

14 Каленкова Ю. Почему искусственный интеллект предвзят? / Ю. Каленкова. – URL: <https://te-st.ru/2019/11/29/why-is-artificial-intelligence-biased> (дата обращения: 15.03.2021).

15 Sosa E. *The Raft and the Pyramid: Coherence versus Foundations in the Theory of Knowledge* // *Midwest Studies in Philosophy*. 1980. Vol. 5. – P. 3–25.

16 Zagzebski, 1996 - Zagzebski L. *Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundation of Knowledge*. Cambridge University Press. Kindle Edition. 1996.

17 Каримов А. Р. *Эпистемология добродетелей* / А. Р. Каримов. – Санкт-Петербург : Алтейя, 2019. – 428 с.

18 Шевченко А. А. *Эпистемология и добродетели* / А. А. Шевченко // *Сибирский философский журнал*. – 2016. – Т. 14. – № 4. – С. 82–92.

19 Касавин И. Т. *Эпистемология добродетелей: к соркалетию перехода в аналитической философии* / И. Т. Касавин // *Эпистемология и философия науки*. – 2019. – Т. 56. – № 3. – С. 6–19.

20 Goldman, A. I. *What Is Justified Belief?* // G. S. Pappas (ed.), *Justification and Knowledge*, Dordrecht: Reidel, 1979. – P. 1–25.

21 Code L. *Toward a 'responsibilist' epistemology* // *Philosophy and Phenomenological Research*, 1984, 45 (1). – P. 29-50.

22 Montmarquet, J. A. *Epistemic virtue* // *Mind*, 1987, 96 (384). – P. 482–497.

23 Анненков А. Опубликован «римский призыв» к этическому развитию ИИ / А. Анненков. – URL: <https://clck.ru/TKyN5> (дата обращения: 15.03.2021).

РЕСУРСЫ ДЕОНТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ: СЕМАНТИКА ДЕЙСТВИЙ, НОРМ И ОЦЕНОК

*А. Г. Кислов,
канд. филос. наук, доцент
Уральский федеральный университет
aleksey.kislov@list.ru*

Аннотация. Различные теории, моделирующие поведение рациональных агентов в нормативных ситуациях, опираются на формализмы деонтической логики, поэтому анализ семантических определений деонтических операторов, репрезентирующих нормы, приобретает особое значение. Развитие деонтической логики опиралось, используя аналогию между алетическими и деонтическими модальностями, на реляционную семантику «возможных миров». Динамическая логика предоставляет средства для редукционистской модификации определений деонтических операторов. Это весьма «пластичный» семантический подход, позволяющий расширить арсенал стандартных нормативных операторов (1) деонтическими операторами «в строгом смысле» и (2) различением агентов действий по «степени ответственности», (3) прагматической интерпретацией деонтических операторов, а также выйти за пределы редукционизма, предложив (4) семантику деонтических операторов на основе некоторой системы оценок.

Ключевые слова: деонтическая логика, динамическая логика, семантика норм.

RESOURCES OF DEONTIC LOGIC: SEMANTICS OF ACTIONS, NORMS AND EVALUATIONS

*A. G. Kislov
Ural Federal University
aleksey.kislov@list.ru*

Abstract. Various theories modelling the behavior of rational agents in normative situations are based on the formalisms of deontic logic, so the analysis of semantic definitions of deontic operators representing the norms is of particular importance. The development of deontic logic relied, using the analogy between alethic and deontic modalities, the relational semantics of “possible worlds”. Dynamic logic provides a means for reductionist modification of deontic operator definitions. This is a very “plastic” semantic approach, which allows to expand the arsenal of standard normative operators (1) by deontic operators “in the strict sense” and (2) by distinguishing agents of actions by “degree of responsibility”, (3) pragmatic interpretation of deontic operators, as well as to go beyond reductionism, suggesting (4) the semantics of deontic operators on the basis of some system of evaluations.

Keywords: deontic logic, dynamic logic, semantics of norms.

Деонтическая логика в рамках современных исследований по неклассическим (в данном случае – модальным и интенциональным) логикам – одна из тех синтетических дисциплин, которая реализует возможности приложения логических средств (зарекомендовавших себя в IT-технологиях) к гуманитарным контекстам. В системах деонтической логики осуществляется анализ корректных умозаключений (выводов), содержащих выражения с нормативными операторами (модальностями): «обязательно», «запрещено», «позволено (разрешено)». На формализмы деонтической логики опираются проекты (из областей ИИ, компьютерной лингвистики, формальной онтологии и др.), моделирующие поведение рациональных агентов в нормативных ситуациях, поэтому анализ возможностей определения в семантике соответствующих формальных языков указанных деонтических операторов, репрезентирующих нормы, имеет важное значение. Подробное обсуждение логической семантики норм мы представили в [1, с. 255–282] в разделе «Семантика норм», здесь же мы сделаем акцент на компактный содержательный (без формального аппарата) обзор семантических вариаций проектирования деонтической логики на базе динамической логики, на методологические проблемы и перспективы развития данной стратегии.

Развитие деонтической логики, зародившейся ещё в античности, получило решающий импульс после 1951 г. благодаря работе Г. Х. фон Вригта [2], где деонтическая логика проектируется по аналогии с логикой модальной, когда формальные отношения между «обязательно» и «позволено» вполне соответствуют отношениям между алетическими модальностями (соответственно «необходимо» и «возможно»). По аналогии принимается и известная взаимоопределимость деонтических операторов. Данный основополагающий прием – «старый модализм» – привел к тому, что стандартно синтаксические и семантические планы алетической логики определяли трактовку деонтических понятий, но ни один из развиваемых на этой основе подходов к построению деонтикологических систем не оказался безупречным и понастоящему жизнеспособным, поскольку обнаружено множество нарушающих полную аналогию проблем.

На пути преодоления недостатков деонтической логики, построенной в духе «старого модализма», широкую известность приобрели инициированные Г. Х. фон Вригтом исследования условных норм, деонтических версий так называемых диадических (относительных) модальностей [3, с. 320–334]. В каком-то смысле альтернативой указанному подходу оказывается впервые реализованное также фон Вригтом намерение строить логику норм на основе логического анализа

действий. Корифей современных деонтических исследований в логике, выражая необходимость в логике действий, сетовал, что «формальная логика, та которую мы сегодня знаем, по существу является логикой *статичного мира*. ... Она не предоставляет места для *изменений* в этом мире. ... Действия все-таки существенно связаны с изменениями» [4, с. 15].

Одна из перспективных стратегий проектирования логической семантики норм использует аппарат такого естественного и далеко идущего обобщения модальной логики как *динамическая логика* [5], т. е. мультимодальную логическую систему, в которой каждая модальная связка проиндексирована формальной программой. Этой логикой вырабатываются средства выражения различных динамических категорий, а ключевую роль играют изменения статических положений дел. Традиционная интерпретация систем динамической логики рассчитана на информационно-технические контексты, так как рассматривает, грубо говоря, изменение состояния абстрактного компьютера во время некоторого выполнения программы, а проблемы синтеза и верификации программ остаются основной сферой приложения. Однако и более общее представление о действиях, вызывающих изменения ситуаций, вполне позволяет работать с семантикой динамической логики. В основе языка *пропозициональной динамической логики* лежат два множества: множество атомарных высказываний и множество атомарных действий. Обычно алфавит, кроме стандартных пропозициональных связок, содержит также специальные, термообразующие связки для действий, благодаря которым существует возможность из атомарных действий составлять более сложные так, что можно рассматривать, например, последовательное выполнение действий, совместное (параллельное) выполнение действий, выбор между действиями, итерацию действий и многое другое. Динамический модальный оператор позволяет сформировать выражение «*после выполнения действия α с необходимостью имеет место положение дел A* » (дуальный динамический оператор: «*после выполнения действия α может иметь место положение дел A* »).

Стандартное построение семантики деонтических операторов средствами динамической логики высказываний [6] восходит к широко известной и абсолютно «редукционистской» идее А. Андерсона [7] считать деонтический оператор «запрещено» сокращением модально-имплекативной записи в алетической логике: « *A запрещено, если и только если необходимо, что A влечёт (имплицурует) санкцию*», где «санкция» есть особая пропозициональная константа, обозначающая нежелательное положение дел. Модификация такого определения средствами динамической логики: «*Запрещено выполнять действие α , если и только если оно с необходимостью приводит к санкции*». Остальные деонти-

ческие операторы подлежат взаимоопределению, например: «*Позволено выполнять действие α , если и только если оно не запрещено*». Но можно «позволению» дать и самостоятельное семантическое определение: «*Позволено выполнять действие α , если и только если при его выполнении возможно избежать нежелательного положения дел (санкции)*».

1 Преимущество такой формулировки интенциональной семантики деонтической логики на основе логики динамической, кроме прочего, в том, что можно не опираться исключительно на указанную взаимоопределимость деонтических операторов и вслед за Г. Х. фон Вригтом считать «позволение чем-то “сверх и более” простого отсутствия запрещения» [8, с. 250]: «*Действие α оценивается как дозволенное в строгом смысле, если и только если его выполнение с необходимостью не приводит к нежелательным положениям дел*». Впрочем, разумным будет расценивать эту автономно сформулированную средствами семантики динамической логики и содержательно, безусловно, интересную характеристику как интуицию для отдельного вида позволений, которые уже не определяются отсутствием стандартного запрещения. Учитывая возможности взаимоопределимости деонтических операторов, нетрудно ввести всю группу операторов «в строгом смысле», например: «*Запрещено в строгом смысле выполнять действие α , если и только если оно не позволено в строгом смысле*», или посредством семантического определения: «*Запрещено в строгом смысле выполнять действие α , если и только если его выполнение может привести к нежелательному положению дел*».

2 Обе группы модальностей в содержательном плане разделяет «степень ответственности» субъекта нормы: максимальная для стандартных операторов и минимальная для операторов «в строгом смысле». Позволение «в строгом смысле», что очевидно, влечет отсутствие стандартного запрещения, а значит и позволение в обычном смысле, но обратное следование уже не имеет места. Иными словами, если некоторое действие разрешено «в строгом смысле», т. е. разрешено субъекту нормы без расчета на ответственность последнего, то это же действие, безусловно, разрешено и ответственному субъекту, а если некоторое действие запрещено для выполнения даже ответственному субъекту, то это же действие запрещено «в строгом смысле», т. е. без расчета на ответственность субъекта нормы, обратные же следования не имеют места.

3 Известно, что модально-имплекативное определение деонтических операторов предлагал и С. Кангер, используя в качестве пропозициональной константы «позитивную санкцию». Отождествляя, как это делал С. Кангер, область «позитивной санкции» с областью отсутствия «санкции», мы получим тривиальный результат, в котором оператор «обязательно» является лишь

результатом взаимоопределимости деонтических операторов. Однако можно принять и более естественную установку и трактовать «позитивную санкцию» как сильную «анти-санкцию», как автономное желательное положение дел, оставляя непустой и оптативно нейтральную область возможных миров (состояний). В таком случае при условно прагматической трактовке стремления к лучшему возникает возможность иначе сформулировать семантику оператора «прагматически обязательно»: «Прагматически обязательно выполнять действие α , если и только если оно может привести к желательному положению дел». Нетрудно ввести и оператор «в строгом смысле»: «*Прагматически обязательно в строгом смысле выполнять действие α , если и только если оно с необходимостью приводит к желательному положению дел*». Определения остальных деонтических операторов прагматического характера соответствуют взаимоопределимости.

4 Семантика всех рассмотренных выше групп деонтических операторов носит редукционистский характер, поскольку всегда сводит выражение с деонтическим оператором к выражению пропозициональной динамической логики. За такое лишение интенционального по своей природе деонтического контекста интерпретационной самостоятельности, очевидно, несет ответственность сомнительный семантический статус пропозициональных констант – «санкции» и «позитивной санкции». Это исключительно онтический статус, т. е. деонтическая характеристика действия рассматривается лишь в аспекте «попадания в ситуацию», в своего рода «оптативную ловушку» негативно или позитивно оцениваемого положения дел. Все же, несмотря на критику, интуиции, представленные в рассмотренных выше версиях построения семантики деонтических операторов, эвристически ценны и позволяют в реляционной манере спроектировать «нередукционистскую» модификацию семантики. Если «расслоить» множество возможных состояний так, что можно упорядочивать и сравнивать «сферы миров» (ситуации) между собой: область хорошего – нейтральная область – область плохого, то деонтическая оценка действий уже не будет иметь абсолютного характера, она будет релятивизирована относительно некоторой системы (шкалы) оценок: «*Действие в определенном контексте может оцениваться как запрещенное, если его выполнение ухудшает ситуацию*»; «*Действие в определенном контексте может оцениваться как обязательное, если его выполнение делает ситуацию лучше*»; «*Действие в определенном контексте может оцениваться как дозволенное, если его выполнением не сделать ситуацию хуже*»; «*Действие в другом контексте также может оцениваться как дозволенное, если воздержанием от него не сделать ситуацию лучше*». Очевидно, что такая семантика близка к рассмотренной выше «константной» семантике: она сохраняет возможность

выразить класс деонтических операторов «в строгом смысле», а также сохраняет все версии взаимоопределимости и следования между операторами, объединяет, что существенно, стандартную и прагматическую интерпретации деонтических операторов. Сохраняя онтические аспекты интерпретации, новая семантика явно учитывает телеономический характер действий, когда их деонтическая характеристика осуществляется в аспекте «избегания худшего» или «стремления к лучшему» положению дел. Это, на наш взгляд, весьма естественная содержательная установка, а нередукционистский семантический подход обладает значительными ресурсами применения и потенциалом развития.

Библиографический список

- 1 Аргументация в праве и морали : коллективная монография / под ред. Е. Н. Лисанюк. – Санкт-Петербург : ИД «Алеф-Пресс», 2018. – 521 с.
- 2 Wright G. H. von. *Deontic Logic // Mind*. – 1951. – № 60. – P. 1–15.
- 3 Вригт Г. Х. фон. *Нормы, истина и логика / Г. Х. фон Вригт // Логико-философские исследования : избр. тр.* – Москва : Прогресс, 1986. – С. 290–410.
- 4 Wright G. H. von. *Norm and Action, A Logical Enquiry*. London: Routledge & Kegan Paul, 1963. 158 s.
- 5 Fischer M. J., Ladner R. F. *Propositional Dynamic Logic of Regular Programs // Journal of Computer and System Sciences*, 1979, 18. – P. 194–211.
- 6 Meyer J.-J. Ch. *A Different Approach to Deontic Logic: Deontic Logic Viewed as a Variant of Dynamic Logic // Notre Dame Journal of Formal Logic*. 1988, Vol. 29. № 1. – P. 109–136.
- 7 Anderson A. R. *A Reduction of Deontic Logic to Alethic Modal Logic // Mind*. 1958, v. 67, № 267. P. 100–103.
- 8 Вригт Г. Х. фон. *О логике норм и действий / Г. Х. фон Вригт // Логико-философские исследования : избр. тр.* – Москва : Прогресс, 1986. – С. 245–289.

НЕЙРОННЫЕ СЕТИ КАК ТЕХНОЛОГИЯ МОНИТОРИНГА РАЗЛИЧНЫХ СОСТОЯНИЙ НЕФТЕГАЗОДОБЫВАЮЩИХ ОБЪЕКТОВ МЕСТОРОЖДЕНИЙ

*Ю. В. Колотилов, д-р техн. наук, профессор;
И. В. Гладков, канд. техн. наук, ассистент;
А. Ю. Плотников, аспирант;
П. Н. Ленский, магистрант
Российский государственный
университет нефти и газа
(национальный исследовательский
университет) имени И. М. Губкина
kolotilov_yury@mail.ru*

Аннотация. В статье выполнены формализация и классификация специальных мероприятий по увеличению надежности объектов добычи углеводородов. Разработаны основные подходы к реализации информационной технологии мониторинга и прогнозирования воздействия коррозионно-активных веществ на оборудование месторождений.

Ключевые слова: классификация, ингибиторы коррозии, коррозионные процессы, нейронные сети.

NEURAL NETWORKS AS A TECHNOLOGY FOR MONITORING DIFFERENT STATES OF OIL AND GAS PRODUCTION FACILITIES

*Yu. V. Kolotilov, Ph.D. tech. sciences, professor;
I. V. Gladkov, Ph.D. tech. sciences, assistant;
A. Yu. Plotnikov, postgraduate student;
P. N. Lensky, undergraduate
Russian State University of Oil and Gas
(National Research University) named after
I. M. Gubkina
kolotilov_yury@mail.ru*

Abstract. The article formalizes and classifies special measures to increase the reliability of hydrocarbon production facilities. Developed. Developed the main approaches to the implementation of information technology for monitoring and predicting the impact of corrosive substances on the equipment of the fields.

Keywords: classification, corrosion inhibitors, corrosion processes, neural networks.

В контексте нейронных сетей для временной обработки подходят сети прямого распространения с задержкой по времени (focused time lagged feedforward network – TLFN) [1, с. 830]. В фокусированных TLFN кратковременная память сосредоточена на переднем плане статической сети,

что упрощает ее конструкцию. Обучение фокусированной TLFN осуществляется стандартным алгоритмом обратного распространения (в предположении, что статическая сеть реализована многослойным персептроном).

Универсальная теорема миопического отображения (universal myopic mapping theorem) является теоремой существования в том смысле, что она содержит математическое доказательство возможности аппроксимации произвольного миопического отображения (т. е. причинного отображения с равномерно затухающей памятью) с помощью последовательности двух функциональных блоков: банка линейных фильтров и статической нейросети. Такая структура может быть создана с помощью фокусированной TLFN. Эти сети и являются физической реализацией указанной теоремы.

Временная обработка с использованием сетей прямого распространения основана на использовании пространственно-временной модели нейрона – нейронного фильтра с несколькими входами. Эта модель использует фильтры импульсного отклика с конечной длительностью в качестве синаптических фильтров.

Отличительным свойством распределенных TLFN является способ, по которому неявное представление времени распределяется по всей сети. Из этого и происходит их способность работать в нестационарной среде. В противоположность этому в фокусированных TLFN по определению явное представление времени сконцентрировано на переднем плане сети, что ограничивает их использование только стационарными (инвариантными к времени) средами.

Разработке алгоритмов и принципов моделирования изменения технологических показателей объектов месторождения во времени посвящено большое количество исследований [2, с. 62; 3, с. 67].

Полученные результаты дают возможность использовать данные нейронных сетей для комплексного анализа изменения технологических показателей объектов месторождения во времени, что позволяет закладывать определенные исходные данные для соответствующих расчетов функции полезности предлагаемых к реализации мероприятий по комплексной защите объектов от коррозии в условиях ограниченного доступа к ресурсам и информации.

Результаты прогнозирования скорости коррозии в сочетании с прогнозом изменения рабочего давления позволяют ранжировать объекты месторождения по остаточному сроку службы и коррозионной опасности и предоставляют обоснование для выбора параметров мероприятий по коррозионной защите. В свою очередь, при моделировании проведения мероприятия на конкретном объекте при помощи нейросетевого алгоритма удастся получить прогноз величины остаточного содержания ингибитора коррозии в пластовой

жидкости, что может служить основанием как для выбора эффективного режима ингибиторной обработки, так и для определения величины функции полезности при выборе наиболее подходящего ингибитора коррозии.

Точность прогнозов основных технологических показателей связана со следующими подходами: линейной регрессией [4, с. 74] и нейронной сети [5, с. 41].

Реализуется итеративный режим мониторинга и прогнозирования работоспособности оборудования месторождения в условиях воздействия коррозионно-активных сред добываемого углеводородного сырья при организации информационных обратных связей по технологическим показателям объектов и режимам противокоррозионной защиты. Среди ученых-современников, внесших значимый вклад в развитие теоретической и практической составляющих искусственного интеллекта, в частности, нейронных сетей, стоит отметить схемы комплексной промышленной реализации информационной технологии мониторинга и прогнозирования воздействия коррозионно-активных веществ на оборудование месторождений.

Здесь используются данные мониторинга воздействия коррозионно-активных веществ на оборудование месторождений: Ак – вид коррозионно-активного химического агента; рп(Ак) – парциальное давление коррозионно-активного химического агента; V_K – скорость коррозии по результатам мониторинга; $T^{\circ}C$ – температура добываемой среды; $\{P(t_0), P(t_1), \dots, P(t_n)\}$ – ретроспективные данные о рабочем давлении в трубопроводе с начала эксплуатации. Соответственно, для выполнения расчетов и прогнозирования вводятся характеристики ингибитора коррозии и режима ингибиторной защиты: J – тип ингибитора; $T_{и}$ – интервал времени между ингибиторными обработками; Q – концентрация ингибитора в растворе; V – объем закачки ингибитора; U – показатель защитного действия ингибитора; Z – стоимость ингибитора коррозии. В результате выполнения предиктивного анализа определяются следующие показатели: K_{CM} – коррозионная стойкость металлов; K_{AC} – коррозионная активность промышленной среды; V_{KP} – прогнозируемая скорость коррозии; P(t) – прогнозируемый закон изменения рабочего давления в трубопроводе; W – прогноз остаточного содержания ингибитора в пластовой жидкости после обработки. Основными результатами применения предложенной информационной технологии являются прогнозируемые величины: $t_{б.э.}$ – продолжительность безопасной эксплуатации объекта месторождения до вывода в ремонт с учетом процессов коррозии и динамики рабочего давления; F – оценка технико-экономической эффективности применения ингибитора коррозии; $J_{э}$ – выбранный ингибитор коррозии и параметры режима его применения, обеспечивающие наивысшую возможную технико-экономическую эффективность ингибиторной обработки.

Данные величины в режиме итеративных расчетов могут быть использованы в качестве исходных показателей системы противокоррозионной защиты, что обеспечивает замкнутую информационную обратную связь.

Библиографический список

- 1 Хайкин С. Нейронные сети / С. Хайкин. – Москва : Вильямс, 2016. – 1104 с.
- 2 Евсюткин И. В. Управление геолого-техническими мероприятиями на месторождениях нефти и газа с использованием искусственных нейронных сетей / И. В. Евсюткин, Н. Г. Марков // Доклады Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. – 2020. – Т. 23. – № 1. – С. 62–69.
- 3 Игнатов Р. В. Использование систем искусственного интеллекта при разработке нефтяных месторождений / Р. В. Игнатов, Р. О. Торхов // В сборнике: Актуальные вопросы науки и практики. – Уфа : научно-издательский центр «Вестник науки», 2020. – С. 67–72.
- 4 Фаталиев Т. Х. Концептуальные вопросы применения технологий искусственного интеллекта в нефтегазовом комплексе / Т. Х. Фаталиев, Ш. А. Мехтиева // Информационные технологии. Проблемы и решения. – 2020. – № 3 (12). – С. 74–79.
- 5 Ивлев Д. А. Метод регионального прогноза нефтегазоносности территорий алгоритмами машинного обучения на примере Тюменской свиты Западной Сибири / Д. А. Ивлев // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. – 2021. – Т. 332. – № 1. – С. 41–53.

СИСТЕМА РАСПОЗНАВАНИЯ ЛИЦ КАК УГРОЗА ПРИВАТНОСТИ И СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

*А. П. Куфельд,
студент*

*Уральский гуманитарный институт,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России*

*Б. Н. Ельцина
kufeldnp@gmail.com*

Аннотация. В статье приведён анализ взглядов сторонников и противников систем распознавания лиц. Особое внимание уделено вопросу обеспечения общественной безопасности посредством применения технологий распознавания лиц. Изучен этический аспект использования идентификации личности по лицу.

Ключевые слова: система распознавания лиц, искусственный интеллект, идентификация личности.

FACE RECOGNITION SYSTEM AS A THREAT TO PRIVACY AND A METHOD OF PROVIDING SECURITY

*A. P. Kufeld,
student*

*Ural Institute for Humanities
Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Education
«Ural Federal University
named after the first President of Russia
B. N. Yeltsin»*

Abstract. The article provides an analysis of the views of supporters and opponents of face recognition systems. Particular attention is paid to the issue of ensuring public safety through the use of face recognition technologies. The ethical aspect of the use of personal identification by face has been studied.

Keywords: face recognition system, artificial intelligence, personality identification.

Распознавание лиц – одна из самых перспективных и в то же время противоречивых технологий современности. Будучи применяемой повсеместно уже около пяти лет, система face recognition действительно разделила общество на две половины. Чтобы подробнее разобраться в этом вопросе, необходимо ознакомиться с аргументами обеих сторон.

Прежде всего, стоит отметить: многие специалисты и некоторые представители общественности утверждают, что достоинства технологии распознавания лиц в значительной степени пре-

восходят недостатки, когда речь заходит об обеспечении безопасности и борьбе с преступностью. На сегодняшний день человек чаще всего имеет возможность быть идентифицированным с помощью камер городского видеонаблюдения, вследствие чего появляется чувство тотального контроля и ощущение вторжения в частную жизнь. На практике камеры городского видеонаблюдения нужны не для того, чтобы фиксировать передвижения каждого гражданина: система выделяет деперсонифицированные изображения, и только правоохранители могут устанавливать личности людей на снимках в соответствии с законодательством. Иными словами, посредством видеонаблюдения полиция следит лишь за предполагаемыми преступниками. Распознавание лиц существенно облегчает жизнь сотрудникам оперативных органов. Если раньше им нужно было просматривать бесконечные часы видеозаписей, то теперь, когда разыскиваемый появляется в публичном месте, они получают мгновенные оповещения. Данная технология несет весомую пользу и для общества в целом: благодаря её применению резко увеличивается процент раскрытия преступлений «по горячим следам» даже в тех случаях, когда речь идет о мелкой краже или хулиганстве. Одновременно с этим, в социуме распространён страх, что система примет невиновного за преступника. Специалисты уверяют: точность работы алгоритмов постоянно повышается – наиболее совершенные из них ошибаются не чаще, чем 1 раз на 10 млн лиц. К тому же, система указывает только на вероятность совпадения, а финальное решение всегда остаётся за человеком. Подобным образом интеллектуальное распознавание лиц сужает круг подозреваемых до нескольких человек, затем полиция идентифицирует людей из этого списка и проводит тщательную проверку.

Согласно убеждениям противников системы, данная технология, как отмечалось выше, ставит под угрозу безопасность и гражданские права человека. В первую очередь, наблюдение за людьми с использованием систем распознавания лиц по своей сути неэтично. Существование таких систем, которые, как правило, скрыты от глаз человека, ущемляет возможности самовыражения и заставляет чувствовать дискомфорт. Наиболее важным представляется тот факт, что от технологии распознавания сложно скрыться: лицо трудно зашифровать или изменить. В дополнение к этому целесообразно подчеркнуть значимость лица как центрального элемента идентичности человека. Среди сторонников системы распознавания лиц распространено мнение о том, что обеспечивать конфиденциальность именно лиц, как любой другой частной информации, не нужно, потому что в жизни люди обычно не закрывают лица. Наоборот, человек со скрытым лицом в большинстве случаев вызывает подозрения. С вышеизложенными взглядами закономерно не согласиться: по причине биологических особенностей память

человека ограничена, он может запомнить лишь небольшое количество лиц, в отличие от постоянно обновляемой памяти системы. Технология распознавания лиц открывает безграничные возможности отслеживать информацию о личности, практически мгновенно сохраняя, распространяя и анализируя её. Так или иначе, конфиденциальность частной информации каждого человека будет регулярно нарушаться.

Система распознавания лиц – это лишь один из методов идентификации человека, применяемых в современном мире. Сегодня камеры смартфонов могут считывать радужную оболочку глаза с расстояния до пяти метров. Помимо этого, людей возможно идентифицировать по номеру телефона, кредитной карты, автомобиля. В действительности не имеет значения, какая именно технология использована для идентификации личности. Ясно одно: естественное право человека на конфиденциальность и неприкосновенность частной жизни не соблюдается. В настоящее время системы распознавания лиц не должны подвергаться запрету. Несмотря на нарушения приватности человека, принципиально обратить внимание на пользу технологий для человека и общества. Массовое внедрение систем распознавания лиц может стать тем фактором, который позволит вывести обеспечение безопасности на совершенно новый уровень.

Библиографический список

1 Митник К. *Искусство быть невидимым. Как сохранить приватность в эпоху Big Data* / К. Митник. – Москва : Бомбора, 2019. – 464 с.

2 Минин А. *Польза налицо. Почему не стоит бояться face recognition* / А. Минин. – URL: <https://incrussia.ru/understand/polza-nalitso-pochemu-ne-stoit-boyatsya-face-recognition/> (дата обращения: 20.03.2021).

3 Кукуть А. *Против технологии распознавания лиц* / А. Кукуть. – URL: <https://dev.by/news/against-face-recognition> (дата обращения: 20.03.2021).

О ВЫБОРЕ СТРАТЕГИИ В РАМКАХ ТЕОРИИ АРГУМЕНТАЦИИ

*Яннис Кюврекис,
канд. мат. наук
Фессалийский университет,
г. Кардица, Греция;
Эгейский университет, о. Хиос, Греция;
Университет Никосии, г. Никосия, Кипр
kiouvrekis.y@uth.gr
yiannis.kiouvrekis@gmail.com,
Сотириос Зикас,
аспирант
Открытый университет Кипра, Кипр
s.zikasgm@gmail.com*

Аннотация. Основная цель данной статьи – применить систему теории аргументации, разработанную А. К. Какасом, в задачах теории игр, таких как знаменитая игра «Дилемма заключенного». Структура аргументации будет реализована с точки зрения одного игрока в рациональных и иррациональных ситуациях, при условии существования Равновесия Нэша.

Ключевые слова: искусственный интеллект, аргументация, логика аргументации, теория игр.

ON STRATEGY SELECTION WITHIN AN ARGUMENTATION-THEORY FRAMEWORK

*Yiannis Kiouvrekis,
PhD in Mathematics
The University of Thessaly, Karditsa, Greece,
The University of Aegean, Chios, Greece,
The University of Nicosia, Nicosia, Cyprus
kiouvrekis.y@uth.gr
yiannis.kiouvrekis@gmail.com,
Sotirios Zikas,
MSc. Student
The Open University of Cyprus, Cyprus
s.zikasgm@gmail.com*

Abstract. The main goal of this paper is to implement the argumentation framework developed by A. C. Kakas, in game-theory problems, such as the famous prisoner's dilemma. The argumentation framework will be implemented from the standpoint of one player, in rational and irrational situations, assuming the existence of the Nash Equilibrium.

Keywords: Artificial intelligence, argumentation, argumentation logic, game theory.

Nowadays the increasing demand for machines and applications that could interact with the user at a higher level of intelligence, has led many researchers to invest their efforts in such tasks. More specifically there has been an increasing interest in the connection between human reasoning and Artificial Intelligence (AI) [1]. Accordingly, our current work is aiming to

implement the argumentation framework developed in [2] within a game environment consisted only of agents that act rationally as a rational agent is defined in [3].

The main reason that we chose to implement the described argumentation framework within a game environment, is that, in such an environment, the interactions among the agents can be viewed as negotiations or competitions and much information could be derived from game theory, since the optimal policy apart from the environment depends on the policies that the other agents follow as well [4; 5; 6]. For instance, in the famous prisoner's dilemma problem, which we will analyze in more detail during the next section, the player needs to make a decision which is not only affecting his final result but also the result of the other player, since the situation requires the cooperation of the players to achieve the best policy for both. Under the argumentation framework that we have mentioned earlier, the preferences of each person on the prisoners' dilemma, could be hierarchized according to the importance of each decision for the outcome of every option and help to examine the conflicts that occur during each scenario. In the next section, we will try to express those problems under the argumentation framework, respecting the two notions that were introduced by A. C. Kakas to help us organize and hierarchize the preferences. As we have mentioned earlier, we will try to implement the argumentation framework on some problems of game theory. The first problem is the prisoner's dilemma. It was introduced by M. Flood and M. Dresher in 1950 but it took its final prison form from A. W. Tucker in the late 90s. The second problem is the Ultimatum game [7], which is like the first problem with the only difference that the individuals know the consequences of their actions in advance. Such problems, despite their simplicity, points out some important features of the real world. Even though the persons in those problems are completely rational individuals, it is shown why they might not cooperate even though it is against their best interest and we believe that it would be interesting to capture this irrationality that could arise from the completely rational individuals, under the argumentation framework.

Sketch of the implementation under the argumentation framework.

We begin by creating the options set which will help us further create and hierarchize our *scenario-based preferences*. The rational individual in this problem has two options, either to betray the other person or to remain silent, therefore our options set for the two individuals (A and B) is as follows:

OPTIONS = {silent(A), silent(B), betrays(A), betrays(B)}

Now our *initial* scenario is the one where all options are enabled. Then are preferences are based on different scenarios according to the decisions of the two individuals in the problem and they are hierarchized according to the rational way

of thinking. Another game that will be in our study is the Ultimatum Game. Briefly, in this game, there are two rational players. A proposer receives an amount of money and must split it with the second player, the responder. The proposer announces the split and then the responder announces the decision (accept or reject). As we have mentioned earlier, the players know the consequences of their actions in advance. Like the previous problem, we start by forming our options set. The proposer must make a choice regarding the split and the responder regarding the acceptance of that split offered from the proposer.

OPTIONS = {fair_split, unfair_split, accept, reject}

The scenario-based preferences for both games will be hierarchized based on the rational thought of the players.

References

- 1 Alderucci, D, L Branstetter, E Hovy, A Runge and N Zolas, (2020), "Quantifying the impact of AI on productivity and labor demand: Evidence from US census microdata", *American Economic Association Annual Meeting*, 3 January.
- 2 Antonis C. Kakas, Pavlos Moraitis and Nikolaos I. Spanoudakis. "GORGIAS: Applying Argumentation". 1 Jan 2019: 55-81.
- 3 Stuart Russell and Peter Norvig. "Artificial Intelligence: A Modern Approach". Third Edition, p.36-37. 2016.
- 4 Nowé A., Vrancx P., De Hauwere YM. (2012) "Game Theory and Multi-agent Reinforcement Learning". In: Wiering M., van Otterlo M. (eds) *Reinforcement Learning. Adaptation, Learning, and Optimization*, vol 12. Springer, Berlin, Heidelberg. https://doi.org/10.1007/978-3-642-27645-3_14.
- 5 Kiouvrekis, Y., Stefaneas, P., Kokkinaki, A., & Asimakis, N. (2019). "Limiting the impact of statistics as a proverbial source of falsehood". In M. Themistocleous, M. Themistocleous, & P. R. da Cunha (Eds.), *Information Systems - 15th European, Mediterranean, and Middle Eastern Conference, EMCIS 2018, Proceedings* (pp. 433-442). (Lecture Notes in Business Information Processing; Vol. 341). Springer Verlag. doi:10.1007/978-3-030-11395-7_33.
- 6 Kiouvrekis Yiannis, Kokkinaki Aggeliki, Stefaneas Petros, "An argumentation-based statistical support tool", AMSA'2017, Krasnoyarsk, Russia, 18-22 September 2017: *Proceedings of the International Workshop*. - Novosibirsk: NSTU publisher, 2017. - 227-233. ISSN 2313-870X.
- 7 Werner Güth, Rolf Schmittberger and Bernd Schwarze. "An experimental analysis of ultimatum bargaining". *Journal of Economic Behavior & Organization*, Volume 3, Issue 4, 1982, Pages 367-388, ISSN 0167-2681, [https://doi.org/10.1016/0167-2681\(82\)90011-7](https://doi.org/10.1016/0167-2681(82)90011-7).

АВТОНОМНЫЕ СИСТЕМЫ И МОРАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

А. Ю. Липова,

аспирант (соискатель)

*Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
stasiawaris@gmail.com*

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с разработкой и использованием автономных (роботизированных) систем, а именно вопросы этики и потенциальной ответственности после их внедрения.

Ключевые слова: автономные системы, искусственный интеллект, мораль, этика.

AUTONOMOUS SYSTEMS AND ETHICAL AND LEGAL ISSUES

A. Y. Lipova

*Lomonosov Moscow State University
stasiawaris@gmail.com*

Abstract. The article considers the issues related to the autonomous systems development and subsequent use, including the ethical questions and the accountability gap.

Keywords: autonomous systems, artificial intelligence, morality, ethics.

Начало XXI в. ознаменовалось резким скачком в развитии и использовании роботизированных систем, в частности, различных автономных систем, которые действуют в воздухе, на суше, в воде, в том числе в открытом море. Количество дебатов об автономных (роботизированных) системах значительно увеличилось в последние годы в научных, академических и общественных кругах. На международном уровне использование автономных вооруженных систем стало причиной активных споров и дискуссий. Среди всех вопросов, которые активно обсуждаются экспертами, стоит выделить вопросы этики, права и потенциальной ответственности систем, так как они являются наиболее спорными.

В ближайшем будущем автономные системы получат не только военное, но и гражданское применение и будут использоваться в медицине (виртуальные врачи), сельском хозяйстве, коммерческом судоходстве и в области оказания юридических услуг. Уже сейчас государственные службы используют автономные системы для мониторинга пробок на дорогах и надзора полиции, обнаружения пожаров, наводнений и других опасных природных ситуаций. Следовательно, можно сделать вывод, что автономные системы будут использоваться во всех сферах жизнедеятельности. Однако из-за расширения сфер использования автономных систем частота и последствия сбоя

автоматизации будут увеличиваться, а также приводить к возникновению юридических проблем. Столь быстрое развитие данных технологий привнесло новую актуальность и практический аспект в многолетние теоретические дискуссии о механической морали и искусственном интеллекте (Artificial Intelligence).

Особый интерес вызывают развитие и последующее внедрение автономных систем вооружений. На данный момент не существует международного общепринятого определения автономных (роботизированных) систем вооружения. Все имеющиеся определения объединяет то, что эти системы смогут самостоятельно выбирать цель и атаковать ее. Фундаментальным отличием автономных систем вооружения от всех других типов вооружения, в том числе беспилотных самолетов, является то, что система полностью берет на себя управление, в то время как беспилотные самолеты управляются дистанционно с помощью оператора. Будущие автономные системы получают свободу действий в определении целей, в работе за пределами временных и пространственных ограничений, а также в реакции на быстро меняющиеся обстоятельства. В настоящее время темпы технологических разработок придают актуальность рассмотрению правовых и этических последствий от использования этого оружия.

Основываясь на текущем состоянии инновационных технологий и возможном их развитии в будущем, можно утверждать, что использование автономных систем в соответствии с гражданским правом представляет существенный вызов, так как технические характеристики новых систем значительно отличаются от тех, что имело оружие ранее. Нет сомнений в том, что развитие и использование автономных систем должно регулироваться с юридической точки зрения и соответствовать основным принципам ведения вооруженных конфликтов (различие между гражданским населением и комбатантами, пропорциональность применения силы, военная необходимость, ограничение средств и методов войны). Так, государства, участвовавшие в первом совещании экспертов ООН в мае 2014 г., признали соблюдение автономными системами права важнейшим условием для использования подобных роботизированных систем. Все участники обсуждений в равной степени настаивают на предварительной проверке ответственности систем правовым нормам до их ввода в эксплуатацию [1].

Кроме того, системы уменьшают ответственность. Так, отсутствие контроля над автономной системой или ее непредсказуемость затрудняют определение лиц, вовлеченных в создание и развертывание оружия и несущих ответственность за нарушение норм международного гуманитарного права. В данном случае люди, заложившие в систему программу ее действия, не могут нести ответственность, так как автономная система самостоятельно принимает решение касательно цели.

С другой стороны, программист, занимавшийся настройкой системы для намеренного совершения военного преступления, подлежит уголовной ответственности. Кроме того, военнослужащий понесет ответственность за решение использовать автономные системы оружия незаконным способом. Например, разворачивать автономную систему, не умеющую отличать гражданских людей от военных, над населенной территорией [3].

Что касается общественного сознания по вопросу распространения и использования автономных (роботизированных) систем вооружения, удаленность человека от процесса выбора цели и нанесения удара по цели поднимает глубокие социальные и моральные споры о роли и ответственности человека в применении силы. Основной вопрос, который стоит в центре всех обсуждений автономных (роботизированных) систем вооружения, позволит ли принцип гуманности и общественное сознание принимать оружие решения о жизни и смерти в военных конфликтах без участия человека. Последние дискуссии по этому поводу между государствами, специалистами и общественностью показали, что применение силы может выйти за пределы человеческого контроля [2].

Безусловно, существует большое количество противников автономных систем, а именно систем, использующихся в военных целях. Противники процессов автоматизации вооружений полагают, что хуже быть убитым машиной, нежели человеком, независимо от последствий. По их мнению, бомбардировки времен Второй мировой войны были более «человеческими» и уважали «человеческое достоинство» жертв по причине того, что они были совершены военными [5]. Более того, противники автономных систем заявляют, что независимо от успехов развития технологий без человеческого надзора и контроля полностью автономные системы в любом случае будут допускать ошибки.

Возможно, уровень развития технологий достигнет до такой степени, когда количество ошибок значительно уменьшится, но они все равно будут происходить. Если говорить о военной сфере, то эти ошибки могут быть связаны, например, со способностью машин проводить различие между участниками – гражданским населением и военными в гражданской одежде. Именно поэтому большинство участников группы правительственных экспертов, занимающихся изучением автономного оружия, считает, что применение силы должно находиться под «значимым человеческим контролем» (meaningful human control).

Кроме того, автономное оружие создает широкий спектр новых вопросов, на которые на данный момент не существует четких ответов. Например, произойдет ли в процессе использования автономных (роботизированных) систем большее или меньшее количество ошибок, чем в ходе работы систем, которыми управляет чело-

век? А также насколько сильно будут порицаемы обществом ошибки при использовании автономных систем (появление жертв среди гражданского населения)?

Что касается первого вопроса, эксперты полагают, что уровень искусственного интеллекта и машинное обучение на данный момент не соответствуют способностям человека, однако техника постоянно прогрессирует в этом направлении. Компьютер может обрабатывать входные данные, основываясь на критериях принятия решений, быстрее, чем человек, не обращая внимания на чувства, усталость, свои собственные оценочные суждения. С этой точки зрения, технологии менее склонны к непреднамеренным ошибкам, чем человек.

Что касается второго вопроса, то в обществе по причинам, связанным с эмоциями, моральными убеждениями и, возможно, необходимостью подотчетности перед людьми, ошибки автономных вооруженных систем будут встречены крайне негативно. Некоторая часть общества придерживается такой позиции, что непредумышленные смерти гражданского населения от автономной системы хуже, чем от рук человека. Тем не менее коллективная оценка общества, скорее всего, будет развиваться совместно с развитием техники. Учитывая эволюционный характер общественных ценностей, разработчики могут проектировать системы с регулируемой степенью автономии [4]. Стоит отметить, что существует предположение о том, что автономные системы будут иметь негативные последствия для пострадавших, которые будут оспаривать и поставят под угрозу эффективность работы с данными системами, что делает их контрпродуктивными для использования.

Более того, активное распространение автономных систем во всех сферах человеческой жизни может привести к процессу дегуманизации, замене в конечном итоге людей роботами. Если говорить о производственной роботизации, которая требует еще большего назначения персонала (появляется необходимость в большом количестве ресурсов для программирования), то она приведет не к сокращению рабочих мест для людей, а к интеграции роботов в человеческую деятельность. Интеграция не связана с полной заменой людей, она обозначает помощь некоторым из видов их деятельности.

Автономные системы – достаточно новая технология, именно поэтому ожидания, основанные на опыте использования более старых технологий аналогичных продуктов и восприятию безопасности в отношении этого нового сегмента рынка, будут ключевыми факторами в ходе определения уровня их легитимности. Таким образом, возникнут большие сомнения по поводу того, смогут ли автономные (роботизированные) системы быть запрограммированы с учетом сложных, контекстно-зависимых оценок, которых требуют право-

вые и общественные нормы. Эти качественные оценки требуют уникальных человеческих рассуждений и анализа для каждого конкретного случая.

Библиографический список

1 *Ban killer robots? How about defining them first?* // *Bulletin of the Atomic Scientists*. – URL: <http://thebulletin.org/ban-killer-robots-how-about-defining-them-first9571> (дата обращения: 21.02.2021).

2 *Deadly decision: 8 objections to killer robots* // *PAX*. – URL: <http://www.paxvoorvrede.nl/media/files/deadlydecisionsweb.pdf> (дата обращения: 21.02.2021).

3 *International Humanitarian Law and the challenges of contemporary armed conflicts: Report, October 2015*.

4 *Killer robots: the soldiers that never sleep* // *BBC*. – URL: <http://www.bbc.com/future/story/20150715-killer-robots-the-soldiers-that-never-sleep> (дата обращения: 21.02.2021).

5 *Robots could eventually replace soldiers in warfare. Is that a good thing?* // *The Washington Post*. – URL: https://www.washingtonpost.com/news/innovations/wp/2016/10/05/robots-could-eventually-replace-soldiers-in-warfare-is-that-a-good-thing/?utm_term=.504d3d696219 (дата обращения: 21.02.2021).

ОЦИФРОВКА МЕТАФИЗИКИ КАК ФОРМАЛЬНОЙ АКСИОЛОГИИ И ФИЛОСОФСТВОВАНИЕ ИИ-РОБОТА О ВНЕШНЕМ МИРЕ ПУТЕМ ВЫЧИСЛЕНИЯ СООТВЕТСТВУЮЩИХ ЦЕННОСТНЫХ ФУНКЦИЙ

*В. О. Лобовиков,
д-р филос. наук, профессор
Уральский федеральный университет
vlobovikov@mail.ru*

Аннотация. Исследуются возможность философского программирования мировоззрений ИИ-роботов вообще и возможность преднамеренного конструирования систем философии ИИ-роботов в особенности, как основание для адекватного ответа на человеческие опасения возможности существенной дисгармонии между Человечеством и Искусственным Интеллектом (чужим для культуры людей). Метод – дискретное математическое моделирование. Научная новизна – открытие некоего варианта оцифровки философской онтологии для представления человеческого знания принципов философского материализма и идеализма в искусственных интеллектуальных системах. Впервые в мировой литературе по исследуемой теме представлена некая дискретная математическая модель двух существенно различных вариантов отношения ИИ-роботов к их внешнему миру. Таким образом, по своим собственно философским мировоззрениям ИИ-роботы могут быть настроенными либо материалистически, либо идеалистически. Это вполне гармонирует с человеческой историей философии.

Ключевые слова: философствование о внешнем мире вычислением ценностных функций, ИИ-робот, моделирование онтологии двузначной алгебраической системой формальной аксиологии.

DIGITALIZING METAPHYSICS AS FORMAL AXIOLOGY AND AI-ROBOT PHILOSOPHIZING OF THE EXTERNAL WORLD BY COMPUTING RELEVANT EVALUATION-FUNCTIONS

*V. O. Lobovikov
Ural Federal University
vlobovikov@mail.ru*

Abstract. Subject-matter – a possibility of proper philosophical programming AI-robot worldviews in general, and a possibility of intentional constructing AI-robot-philosophy-systems especially, as a basis

of/for adequate response to the human concerns about a possibility of significant disharmony between Mankind and Artificial Intelligence (alien to human culture). Method – discrete mathematical modeling. Scientific novelty – exposing an option of digitalizing philosophical ontology for adequate representing human knowledge of philosophical materialism and idealism principles in artificial intellectual systems. For the first time in world literature on the theme, a discrete-mathematical-model of two significantly different options of AI-robot's attitudes to their external world, is submitted. Thus, with respect to their proper philosophical worldviews, AI-robots could be either materialist-minded or idealist-minded ones. This is in perfect harmony with the history of human's philosophy.

Keywords: philosophizing-of-external-world-by-computing-evaluation-functions; AI-robot; modeling-ontology-by-two-valued-algebraic-system-of-formal-axiology.

In the present paper, a qualitatively new method is submitted for scrutinizing and solving philosophical ontology problems by digitalizing them, namely, by constructing and investigating their discrete mathematical models. To illustrate this abstract theoretical statement by a concrete example, below a set of difficult philosophical ontology problems is precisely formulated, scrutinized, and solved effectively by computing relevant compositions of evaluation-functions within a two-valued algebraic system of metaphysics interpreted as formal-axiology [1; 2].

The two-valued algebraic system of metaphysics as formal axiology is based upon the set Δ of such and only such either existing or not existing elements (for example, things, processes, events, actions, agents, etc.) which are either good or bad ones from the viewpoint of a valuator V . Algebraic operations defined on the set Δ are evaluation-functions. Evaluation-variables of these functions take their values from the set $\{g, b\}$. Here the symbols "g" and "b" stand for the abstract axiological values "good" and "bad", respectively. The functions take their values from the same set. The symbols: "x" and "y" stand for abstract-value-forms of elements of Δ . Elementary value-forms deprived of their concrete contents are independent evaluation-variables. Compound value-forms of elements of Δ deprived of their concrete contents are evaluation-functions determined by these variables. Let symbol V stand for the *evaluator*, i.e. that person (individual or collective one – it does not matter), in relation to which all evaluations are performed. In the evaluation-relativity theory, V is a variable: changing values of the variable V can result in changing evaluations of concrete elements of Δ . However, if a value of V is fixed, then evaluations of concrete elements of Δ are definite. Any evaluation necessitates a precise definition of evaluator.

Speaking of evaluation-functions in this paper I mean the following mappings (in the proper

mathematical meaning of the word “mapping”): $\{g, b\} \rightarrow \{g, b\}$, if one speaks of the evaluation-functions determined by *one* evaluation-variable; $\{g, b\} \times \{g, b\} \rightarrow \{g, b\}$, where “ \times ” stands for the Cartesian multiplication of sets, if one speaks of the evaluation-functions determined by *two* evaluation-variables; $\{g, b\}^N \rightarrow \{g, b\}$, if one speaks of the evaluation-functions determined by *N* evaluation-variables, where *N* is a finite positive integer. Now let us introduce by the glossaries and define by the tables the evaluation-functions directly relevant to the theme of this paper. Firstly, let us consider the functions determined by *one* argument.

The *glossary* for the below evaluation-table 1: Let the symbol Bx stand for the evaluation-function “*being, presence of (what, whom) x*”. Nx stands for the evaluation-function “*non-being of x*”. Gx – “*genesis of x*”. Mx – “*matter, material, materialness of x*”. Wx – “*world of x*”. Px – “*possibility of x*”. Ix – “*impossibility of x*”. Lx – “*necessity of x*”. Zx – “*contradictoriness of x*”. Sx – “*x’s self-contradiction*”. Yx – “*internal, inner (what, who) x*”. Ex – “*external (what, who) x*”. Rx – “*restricted, limited (what, who) x*”. The above-introduced functions are defined by the table 1.

Table 1 – The Unary Evaluation-Functions

x	Bx	Nx	Gx	Mx	Wx	Px	Ix	Lx	Zx	Sx	Yx	Ex	Rx
g	g	b	g	b	g	g	b	g	b	b	g	b	b
b	b	g	b	g	b	b	g	b	g	b	b	g	g

The *glossary* for the below evaluation-table 2: Let the symbol T^2xy stand for the evaluation-function “*transformation, development of (what, whom) x into y*”. (Here the upper number-index 2 informs that the indexed capital letter stands for a function determined by two arguments.) The symbol C^2xy stands for the evaluation-function “*y’s being, presence in (what, whom) x*”. S^2xy – “*the evaluation-function “y’s contradiction to (with) x”*”. M^2xy – “*movement of x by y*”. D^2xy – “*determination (causation) of x by y*”. K^2xy – “*joint being of x and y*”. R^2xy – “*x’s being linked, connected (related) with x*”. H^2xy – “*interconnection of x and y*”. V^2xy – “*inter-development (inter-transformation) of x and y*”. These functions are defined below by the table 2.

Table 2 – The Binary Evaluation-Functions

x	y	T^2xy	C^2xy	S^2xy	M^2xy	U^2xy	K^2xy	R^2xy	H^2xy	V^2xy
g	g	b	g	b	b	b	g	b	b	b
g	b	b	b	b	b	b	b	b	b	b
b	g	g	g	g	g	g	b	g	b	b
b	b	b	g	b	b	b	b	b	b	b

Definition DEF-1 (of the notion “*formal-axiological-equivalence*”): in two-valued algebraic system of metaphysics as formal axiology, any evaluation-functions α and β are *formally-axiologically equivalent* (this is represented by the symbol “ $\alpha=+=\beta$ ”), if and only if they acquire identical

axiological values (from the set $\{g$ (*good*), b (*bad*)}) under any possible combination of axiological values of their evaluation-variables.

Definition DEF-2 (of the notion “*law of metaphysics*” or, which is the same, “*formal-axiological law*”): in two-valued algebraic system of metaphysics as formal axiology, an evaluation-function is called *formally-axiologically good (or absolutely good)* one (or a *law of metaphysics*), if and only if it acquires the axiological value g (*good*) under any possible combination of axiological values of its variables. In other words, α is a *law of metaphysics*, if and only if $\alpha=+=g$.

Definition DEF-3: (of the notion “*formal-axiological contradiction*”): in two-valued algebraic system of metaphysics as formal axiology, an evaluation-function is called “*formally-axiologically bad*” one or, which is the same, a “*formal-axiological contradiction*”, if and only if it acquires the axiological value b (*bad*) under any possible combination of axiological values of its variables. In other words, α is a *formal-axiological contradiction*, if and only if $\alpha=+=b$.

Now let us consider the following system of equations (formal-axiological equivalences) obtained by computing compositions of relevant evaluation-functions within the algebraic system.

1 $Bx=+=T^2Nx$: being of x is transformation of nonbeing of x into being of x .

2 $T^2Nx=+=Gx$: development of nonbeing of x into being of x is genesis of x .

3 $Bx=+=Gx$: being of x is genesis of x .

4 $Bx=+=C^2MWxT^2Nx$: being of x is being of transformation of nonbeing of x into being of x in the material world of x .

5 $Bx=+=PC^2MWxT^2Nx$: being of x is possibility of being of transformation of nonbeing of x into being of x in the material world of x .

6 $IC^2MWxT^2Nx=+=Nx$: impossibility of being of transformation of nonbeing of x into being of x in the material world of x is equivalent to nonbeing of x .

7 $Mx=+=Nx$: matter, materialness of x is equivalent to nonbeing of x (Plato, Aristotle, Plotinus, St. Augustine).

8 $IT^2Nx=+=MWx$: impossibility of transformation of nonbeing of x into being of x is equivalent to materialness of the world of x (The Ionians).

9 $Bx=+=NC^2xSx$: being of x is nonbeing of self-contradiction in x . (Parmenides, Zeno, Melissus, Aristotle, etc.)

10 $Bx=+=LC^2EWxSx$: being of x is necessity of being of self-contradictions in external world of x . (Heraclitus).

11 $EWx=+=MWx$: external world of x is material world of x .

12 $Bx=+=LC^2MWxSx$: being of x is necessary being of self-contradictions in material world of x (The dialectical materialism).

13 $Bx=+=C^2MWxSx$: being of x is being of self-contradictions in matter of x .

14 $Zx=+=YZx=+=C^2xSy$: contradictoriness (inner contradictoriness) of x means being of a self-contradiction in x .

15 $Bx=+=YZMx$: being of x is inner contradictoriness of matter of x .

16 $M^2xx=+=S^2xx=+=Sx$: self-movement of x is a self-contradiction of x .

17 $Bx=+=C^2MxM^2yy$: being of x is being of y 's self-movement in matter of x .

18 $Bx=+=LC^2MxD^2yy$: being of x is necessity of being of y 's *causa sui* (i.e. self-causation by y) in matter of x .

19 $H^2xy=+=K^2R^2xyR^2yx$: interconnection of x and y is joint being of (x 's being linked with y) and (y 's being linked with x). This equation could be used as a definition.

20 $H^2xy=+=b$: interconnection of x and y is a formal-axiological contradiction.

21 $Bx=+=LC^2MWxH^2xy$: being of x is necessary being of interconnection of every z and every y in the material world of every x .

22 $V^2xy=+=K^2T^2xyT^2yx$: inter-development (or inter-transformation) of x and y is joint being of (x 's being transformed into y) and (y 's being transformed into x).

23 $V^2xy=+=b$: inter-transformation (or inter-development) of any x and any y is a formal-axiological contradiction.

24 $Bx=+=LC^2MWxV^2zy$: being of x is necessary being of inter-development (inter-transformation) of every z and every y in the material world of every x .

25 $IV^2xy=+=g$: impossibility of inter-development (inter-transformation) of every z and every y is a law of metaphysics (formal-axiological one).

26 $NV^2xy=+=g$: nonbeing of inter-development (inter-transformation) of every z and every y is a law of metaphysics (formal-axiological one).

27 $BRV^2xy=+=g$: being of restricted (limited) inter-transformation (inter-development) of x and y is a law of philosophy (formal-axiological one).

28 $BRH^2xy=+=g$: being of restricted (limited) interconnection of x and y is a law of philosophy (formal-axiological one).

29 $NH^2xy=+=g$: nonbeing of universal interconnection is a law of metaphysics.

30 $Nb=+=g$: nonbeing of contradiction is a law of metaphysics.

This system of formal-axiological equations of two-valued algebra of philosophy is logically consistent in spite of the very popular negative attitude of the positivist-minded men to metaphysics as such. The formal-axiological equation system models the history of philosophy of humans which looks like a logically inconsistent, "dark" (unclear), "absolutely incomprehensible", boring, and ugly miscellany. In spite of the pessimists, I believe that the already existing material of human philosophy history is quite enough and can be successfully utilized for intentional constructing AI-robots possessing sufficiently adequate worldviews of their external world. Let us live and see; let us try to digitalize philosophy of

human sages and to convey it to "clever machines" being inspired by G. W. Leibniz motto "Calculemus!".

References

- 1 Lobovikov V. O. (2019). *A Mathematical Model of "Dialectical Logic" and Relatively Autonomous Cognizing Robots [Matematicheskaya model' «dialekticheskoy logiki» i otnositel'no avtonomnye poznayushchie roboty]. Antinomies [Antinomii]. 19(1): 29-48. (in Russian) DOI: 10.17506/aip.2019.19.1.2948.*
- 2 Lobovikov V. O. (2019). *Algebra of Formal Axiology as a Discrete Mathematical Model of Philosophy: Foundations for Constructing a Metaphysical Subsystem of Artificial Intelligence of Autonomous Cognitive Robot [Algebra formal'noj aksiologii kak diskretnaya matematicheskaya model' filosofii: osnovaniya dlya konstruirovaniya metafizicheskoy podsystemy iskusstvennogo intellekta avtonomnogo kognitivnogo robota]. In: At the Intersections of Philosophy [Na filosofskih perekrestkah] (pp. 244-285). Academic Project [Akademicheskij proekt], Moscow. (in Russian) ISBN: 978-5-8291-2452-6.*

ЭКСПЕРТ В СФЕРЕ СТАНДАРТИЗАЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПРОБЛЕМА КОМПЕТЕНЦИЙ

*А. С. Луньков,
канд. ист. наук, доцент, ст. науч. сотр.
Институт философии и права УрО РАН
istorik1981@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу опыта работы экспертов в рамках Технического комитета по стандартизации № 164 «Искусственный интеллект», который был создан летом 2019 года. К участвующим в его работе специалистам предъявляются различные компетентностные требования. Востребованы оказались не только «hard skills» – компетенции из сферы профессиональной деятельности, но и «soft skills» – умения и навыки, связанные с мобильностью, коммуникабельностью, психологической устойчивостью и т. д.

Ключевые слова: искусственный интеллект, стандартизация, экспертная деятельность, технический эксперт, soft skills.

EXPERT IN THE FIELD OF STANDARDIZATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: THE PROBLEM OF COMPETENCIES

*A. S. Lunkov,
Candidate of Historical Sciences, Associate
Professor, Senior Researcher at the Institute of
Philosophy and Law of the Ural Branch of the
Russian Academy of Sciences
istorik1981@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the experience of experts in the framework of Technical Committee for Standardization No. 164 “Artificial Intelligence”, which was created in the summer of 2019. Various competence requirements are imposed on the specialists participating in its work. Not only “hard skills” - competencies from the sphere of professional activity, were in demand, but also “soft skills” - skills related to mobility, communication, psychological stability, etc.

Keywords: artificial intelligence, standardization, expert activity, technical expert, soft skills.

В последние пять лет в России значительно актуализировался вопрос о разработке и экспертизе технических стандартов в сфере искусственного интеллекта. В марте 2017 года был создан Технический комитет по стандартизации № 194 «Кибер-физические системы», а в июле 2019 – Технический комитет по стандартизации № 164 «Искусственный интеллект». Первый из

названных комитетов занимается разработкой национальных стандартов и гармонизацией международных в сфере «интернета вещей», «умных» городов, больших данных, интеллектуальных промышленных производств и т. д. Цель ТК-164 – разработка общих технических стандартов в сфере искусственного интеллекта, начиная от самого определения понятия «искусственный интеллект» и заканчивая вопросами сугубо прикладного характера. Получается, что техническая стандартизация началась даже раньше окончательной ясности в вопросе, нужен ли нам искусственный интеллект, и если да, то какой? Однако никакие философские предостережения или принципиальное неприятие этой технологии какими-либо группами населения уже не загонят этого «джинна» обратно в «бутылку» абстрактных теоретических дискуссий о том, может ли машина мыслить. В актуальной повестке возник вопрос об эксперте в сфере технической стандартизации искусственного интеллекта. При этом «специалист по технологии ИИ» и «эксперт по технической стандартизации ИИ» – это множества, безусловно, пересекающиеся, но не полностью. Мало быть разработчиком, программистом или специалистом по компьютерному «железу». Практика деятельности этих комитетов показала, что к их экспертам предъявляются дополнительные требования.

Автор данного текста сам участвовал и продолжает активно участвовать в работе ТК-164 «Искусственный интеллект» с момента его образования. Рефлексия над собственной деятельностью в рамках сразу двух рабочих групп комитета показала, что существует ряд компетентностных проблем, влияние которых испытывают многие эксперты. Попробуем обозначить некоторые из них.

Тематика искусственного интеллекта является принципиально междисциплинарной, и это ее качество распространяется не только на разные отрасли математики, компьютерных наук, кибернетики и т. д. Междисциплинарность доходит до высокого уровня, когда приходится уметь понимать не только коллег из близкой отрасли науки, но и из сфер, казалось бы, с технологией искусственного интеллекта не связанных. Экспертное сообщество ТК-164 включает в себя не только технических специалистов, программистов, математиков и т. д., но и юристов, политологов, социологов и даже философов (к которым относится и сам автор). Поэтому общение на одном смысловом поле часто оказывается затрудненным, так как даже сам термин «искусственный интеллект» все понимают по-разному. Решения по поводу позиции технического комитета или отдельной рабочей группы относительно того или иного проекта стандарта принимаются на основе экспертного консенсуса. И только при принятии окончательной редакции стандарта проводится голосование всех организаций-членов комитета. На практике очень быстро выяснилось, что экспертный консенсус

может отличаться от научной истины в представлении отдельного эксперта. В общей позиции экспертов сочетаются требования технической целесообразности, научной истины и норм законодательства, но ими по отдельности не могут исчерпываться. Поэтому навык междисциплинарной коммуникации и поиска устраивающего всех консенсуса оказался востребован с первого дня.

Определенной проблемой также является компетентность экспертов в юридической стороне технической стандартизации в России. Процесс разработки, общественного обсуждения и экспертизы будущего национального стандарта включает в себя некоторые обязательные процедуры и регулируется законом № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации» [5] и специальным стандартом (!) «ГОСТ Р 1.2-2016 Стандартизация в Российской Федерации. Стандарты национальные Российской Федерации. Правила разработки, утверждения, обновления, внесения поправок, приостановки действия и отмены» [4]. Опыт взаимодействия с разработчиками национальных стандартов (а это как государственные учреждения, так и частные компании) показывает, что сами проекты часто разрабатываются без учета указанных нормативных актов. Тем же изъяном страдает и экспертиза стандартов. Так, например, после экспертизы проекта национального стандарта, связанного с беспилотным транспортом, многие замечания экспертов были отклонены разработчиком с формулировкой: «Замечание представлено с нарушением пункта 4.2.2.1 ГОСТ Р 1.2-2016». Этот пункт гласит следующее: «Все замечания и предложения излагают конкретно и обоснованно» [4]. Другими словами, эксперт обязан не просто отметить, что какой-то пункт проекта стандарта необходимо изменить. Необходимо это обосновать и более того, предложить новую редакцию соответствующего фрагмента.

Довольно интересная картина сложилась в ТК-164 в аспекте географического расположения организаций-членов комитета. В первом приказе Росстандарта № 1732 от 25.07.2019 в списке организаций насчитывалось 76 организаций, из них 60 из Москвы и Московской области, 6 из Санкт-Петербурга, 4 из Пензы и по 1 из Екатеринбурга, Ростова-на-Дону, Уфы, Самары, Новосибирска и Апатитов (Мурманская область) [1]. К декабрю 2019 участников стало уже 113 (добавилось 29 московских, 4 петербургских и 5 организаций из других городов) [2], к августу 2020 – 129 (прибавилось 10 московских, 2 петербургские и 3 организации из других городов) [3]. Может сложиться впечатление о солидном участии разнообразных организаций в работе технического комитета. В реальности все не так радужно. Высокие требования к мобильности экспертов как в географическом, так и тематическом отношении (экспертируемые документы далеко не всегда находятся полностью в сфере профессиональной компетенции эксперта) были выдержаны не всеми. Руководство рабочих

групп быстро столкнулось с трудностями по привлечению экспертов из организаций-членов ТК-164 к непосредственной работе над проектами стандартов. Эта работа ведется на общественных началах (если иное не предусмотрено самой организацией), требует большого времени и сил. До пандемии COVID-19 дополнительные проблемы экспертам из регионов создавала желательность посещения мероприятий комитета в Москве. Закономерно, что активность региональных экспертов постепенно падала, как и активность тех москвичей, кто не нашел в деятельности технического комитета ничего для себя интересного. Ситуация доходила до того, что на совещаниях по выработке позиции комитета по тому или иному проекту присутствовало всего по несколько человек. Все это привело к тому, что в январе 2021 на заседании Бюро ТК-164 было принято решение разделить все организации на две категории: голосующие и имеющие статус наблюдателей. Среди голосующих организаций осталось 45, из них 37 находятся в Москве, 2 в Санкт-Петербурге и по одной в Новосибирске, Пензе, Тамбове, Екатеринбурге, Апатитах и Ростове-на-Дону. Автор на собственном опыте убедился, насколько сложно поддерживать высокий уровень коммуникации с коллегами при такой удаленности от «места основных событий». Снижение интенсивности обмена информацией по линии «эксперт – рабочая группа» очень быстро приводит к отставанию от актуальной повестки и заканчивается «выпадением» эксперта из активного пула.

Отдельной строкой среди важнейших компетенций эксперта в сфере стандартизации искусственного интеллекта является способность поддерживать коммуникацию на английском языке в данной предметной области с зарубежными коллегами. ТК-164 является «зеркальным» по отношению к подкомитету «ISO/IEC JTC 1/SC 42 Artificial intelligence», который существует в рамках International Organization for Standardization (ISO) с 2017 года. Россия включилась в деятельность этого подкомитета только в 2019 году и вынуждена «наверстывать упущенное». На данный момент в разработке рабочими группами SC-42 находятся 22 стандарта в сфере искусственного интеллекта, 7 уже опубликованы [6]. Помимо различных процедурных вопросов, связанных с переводом проектов стандартов с одной стадии на другую, львиную долю времени эксперта на этом направлении занимает подготовка и согласование с коллегами в России замечаний к проектам и его последующая презентация коллегам зарубежным. По сути эксперт, допущенный к официальному изложению позиции национальной делегации в ISO, без посредников, в живом диалоге отстаивает интересы нашей страны на международной площадке. И сложности здесь часто вызывает даже простое понимание того, что говорит коллега из другой страны, добавляя к и без того сложной технической терминологии еще и свой необычный акцент.

Необходимость достижения экспертного консенсуса при обсуждении замечаний и предложений к проектам стандартов еще больше делает эту работу схожей с работой дипломата. Обычного специалиста к такому не готовят, в том числе и психологически.

Большинство из рассмотренных выше компетенций относятся к так называемым soft skills, которым последнее время уделяется все больше внимания при подготовке специалистов различного профиля. Для уже состоявшихся профессионалов, кто стремится реализоваться в сфере технической стандартизации искусственного интеллекта, необходимо уделить внимание самостоятельному и очень интенсивному развитию соответствующих умений и навыков.

Библиографический список

1 О создании технического комитета по стандартизации «Искусственный интеллект» : Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 25 июля 2019 года № 1732. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/560916332> (дата обращения: 12.03.2021).

2 О внесении изменений в приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 25 июля 2019 г. № 1732 «О создании технического комитета по стандартизации «Искусственный интеллект» : Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 31 декабря 2019 года № 3471. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/564243465> (дата обращения: 12.03.2021).

3 О внесении изменений в приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 25 июля 2019 г. № 1732 «О создании технического комитета по стандартизации «Искусственный интеллект» : Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 20 августа 2020 года № 1415. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/565568425> (дата обращения: 12.03.2021).

4 Стандартизация в Российской Федерации.

Стандарты национальные Российской Федерации : Правила разработки, утверждения, обновления, внесения поправок, приостановки действия и отмены. ГОСТ Р 1.2-2016. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200137245> (дата обращения: 12.03.2021).

5 О стандартизации в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.06.2015 № 162-ФЗ (последняя редакция). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181810/ (дата обращения: 12.03.2021).

6 ISO/IEC JTC 1/SC 42 Artificial intelligence. – URL: <https://www.iso.org/committee/6794475.html> (дата обращения: 12.03.2021).

ТЕХНИЧЕСКИЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

*О. В. Максимов, Д. Д. Корюкин,
студенты*

*Курганский государственный университет
smegovic@gmail.com, koryukin.danil@list.ru,*

*А. В. Человечкова,
ст. преподаватель*

*Курганский государственный университет
chelovechkova_2011@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы реализации систем искусственного интеллекта, которые могут оказаться препятствием для внедрения данных систем в повсеместную жизнь, на примере системы дистанционного обучения.

Ключевые слова: искусственный интеллект, система дистанционного образования, база данных, данные.

TECHNICAL AND TECHNOLOGICAL PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

*O. V. Maximov, D. D. Koryukin,
students*

*Kurgan State University
smegovic@gmail.com, koryukin.danil@list.ru,*

*A. V. Chelovechkova,
Senior Lecturer*

*Kurgan State University
chelovechkova_2011@mail.ru*

Abstract. The article discusses the problems of implementation of artificial intelligence systems, which may turn out to be an obstacle to the introduction of these systems into ubiquitous life, using the example of a distance learning system.

Keywords: artificial intelligence, distance education system, database, data.

В современных реалиях, научных сообществах все чаще обращаются к вопросу исследования искусственного интеллекта. Очень часто можно услышать споры о том, существуют ли риски его использования. Поднимаются вопросы о «разумности» машин и, как следствие, возможности их восстания. При этом до сих пор нет однозначного мнения по таким понятиям, как «сознание» и «мышление» искусственного интеллекта [2]. Квантовая теория классического копенгагенского варианта говорит: «Сознание и физический мир – взаимодополняющие аспекты одной реальности» [3]. На современном же этапе работы одно из перспективных направлений развития искусственного интеллекта заключается в возможности создания программ, которые расширяли бы спо-

собности искусственного интеллекта в принятии решений.

Впервые определение искусственного интеллекта было сформулировано в 1956 году, но оно было только идейной выдумкой человека, так как физически его было не реализовать, поэтому идею выполнения компьютером творческих функций отложили в долгий ящик. Спустя несколько десятков лет к нему стали проявлять интерес. Это связано с ростом вычислительных мощностей, увеличением объемов данных и оптимизацией средств, необходимых для хранения данных.

Искусственный интеллект (ИИ) – это свойство интеллектуальных систем, которое позволяет выполнять функции, ранее подвластные только человеку, такие как обучение, рассуждение и логическое построение.

Сегодня термин ИИ широко используется для обозначения приложений, решающих сложные задачи, которые раньше могли выполнять только люди, например, игра в шахматы или обслуживание человека. Иногда он используется в качестве синонима машинного обучения и глубокого изучения, которые являются частью науки об искусственном интеллекте и имеют свою специфику. Можно сказать, машинное обучение ориентируется на создание систем, обучающихся и развивающихся через анализ и обработку данных. Отличаются эти два понятия тем, что машинное обучение всегда использует ИИ, в то время как ИИ не всегда подразумевает машинное обучение.

Искусственный интеллект предоставляет возможность воспроизводить и улучшать наше восприятие окружающего мира и реакцию на него. Данное качество является частью инноваций. ИИ основывается на разных технологиях машинного обучения, которые способны распознавать шаблоны в полученных данных и формировать прогнозы. Он создает прибавочную стоимость для бизнеса благодаря следующим возможностям:

1) даёт возможность полностью использовать потенциал данных;

2) делает качественные прогнозы.

Технологии с использованием ИИ повышают качество и производительность труда за счет автоматизации разных процессов и решения сложных задач. ИИ интерпретирует такое количество данных, которое не способен обработать человек.

То есть основной задачей ИИ является помощь человеку путем быстрой обработки больших данных, управления транспортными средствами и выполнения большого перечня задач, которые ранее выполнял человек. Именно поэтому ИИ востребован практически во всех сферах нашей жизни.

На данный момент ИИ не позволяет проводить обработку всей имеющейся информации с точки зрения технической и технологической составляющих, пока людям это удастся сделать лучше.

Исходя из этого, рассмотрим проблемы реа-

лизации ИИ на примере платформы дистанционного обучения.

Для полной и эффективной работы пользователя в этой платформе необходимо наличие соответствующей техники. Так, для авторизации в системе обучения нужно иметь видеокамеру, чтобы ИИ смог распознать пользователя. Но при этом недостаточно иметь оптимальное оборудование, его нужно установить, настроить и поддерживать во время его дальнейшей эксплуатации. Для этого нужны специалисты, которые обеспечат корректную и бесперебойную работу техники.

На всём протяжении своей работы ИИ будет оперировать большим количеством данных, которые должны где-то храниться. Этим местом будут являться базы данных, которые должны вмещать большое количество информации. В противном случае при переполнении баз данных возможна потеря имеющихся или вносимых данных, и, как следствие, будет нарушена работа системы искусственного интеллекта.

Также для организации быстрой передачи информации между хранилищем данных и самой системой ИИ необходима система связи, которая обеспечит высокую скорость передачи.

Конфиденциальные данные могут быть получены третьими лицами путём перехвата данных из каналов связи или взлома баз данных. Необходимо обеспечить криптозащиту данных на этапе их передачи и хранения. Пользователи должны доверять системе и быть уверены в том, что их личные данные не смогут получить посторонние люди. К тому же необходимо разграничить права доступа администраторов и пользователей. Так, студент не должен иметь доступ к разным функциям платформы, которые доступны преподавателям: создавать видео-конференции, выкладывать обучающий материал.

Система ИИ должна быть спроектирована таким образом, чтобы в дальнейшем можно было её поддерживать и обновлять. При этом каждое обновление не должно негативно влиять на предыдущие версии системы. То есть если у пользователя – необновлённая версия платформы, то он должен иметь возможность без потерь ею пользоваться: присутствовать и/или организовывать видео-конференции, поддерживать связь с другими пользователями, иметь доступ к обучающему материалу.

Таким образом, реализация системы ИИ в современном мире является трудоемким и ресурсозатратным процессом. Для обеспечения работы данной системы необходима покупка дорогостоящего оборудования, необходимы специалисты, которые организуют работу данного оборудования. Кроме технических сложностей, большое количество проблем появляется при рассмотрении юридической составляющей данного вопроса. Не следует забывать и о том, что интеллекту всегда будут нужны задачи для решения, иначе он изживет себя, иссякнет.

В заключении хочется отметить, что дать однозначный ответ на вопрос, чем является искусственный интеллект – добром или злом – нельзя. Но в стремлении к светлому будущему, в котором человек и машина прибывают в гармонии, нужно учесть правильное направление и развитие искусственного интеллекта уже сейчас. Не нужно бояться систем ИИ. Нужно просто грамотно и безошибочно научить мыслить искусственный интеллект на благо человечества.

Библиографический список

1 Абдулина Э. М. Искусственный интеллект: проблемы и перспективы / Э. М. Абдулина // Молодой ученый. – 2020. – № 1 (291). – С. 9–10. – URL: <https://moluch.ru/archive/291/66056/> (дата обращения: 12.03.2021).

2 Аблеев С. Р. Моделирование сознания и искусственный интеллект: пределы возможностей / С. Р. Аблеев // Вестник экономической безопасности. – 2015. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-soznaniya-i-iskusstvennyy-intellekt-predely-vozmozhnostey> (дата обращения: 26.02.2021).

3 Появится ли когда-нибудь искусственный интеллект с сознанием? – URL: <https://hi-news.ru/computers/poyavitsyalikogda-nibud-iskusstvennyj-intellekt-s-soznaniem.html> (дата обращения: 09.03.2021).

4 Самсонович О. О. Искусственный интеллект – новые реалии / О. О. Самсонович, Е. А. Фокина // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2018. – № 5–1. – С. 257–263. – URL: <https://applied-research.ru/article/view?id=12253> (дата обращения: 01.03.2021).

5 SOINN – самообучающийся алгоритм для роботов. – URL: <https://habrahabr.ru/post/188230/>. (дата обращения: 11.03.2021).

КОНКУРЕНЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗУМА: МИФОЛОГЕМЫ И РЕАЛЬНЫЕ РИСКИ

*Н. И. Мартишина,
д-р филос. наук, профессор,
зав. каф. «Философия и культурология»
Сибирский государственный
университет путей сообщения
(г. Новосибирск)
nmartishina@yandex.ru*

Аннотация. Проблема «сильного» и «слабого» искусственного интеллекта рассматривается в сопоставлении с разграничением рассудка и разума в философской традиции.

Ключевые слова: интеллект, рассудок, разум, искусственный интеллект, философские проблемы информационного общества.

COMPETITION BETWEEN ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND THE HUMAN MIND: MYTHOLOGEMS AND REAL RISKS

*N. I. Martishina,
Doctor of Philosophy, prof.,
Chief of Department "Philosophy and Cultural
Studies"
Siberian Transport University, Novosibirsk
nmartishina@yandex.ru*

Abstract. The article contains the analysis of the problem of "strong" and "weak" artificial intelligence in comparison with the distinction between reason and mind in the philosophical tradition.

Keywords: intelligence, reason, mind, artificial intelligence, philosophical problems of the information society.

Ключевым моментом дискуссий о возможностях и перспективах искусственного интеллекта является вопрос о сущности и формах мышления вообще. В данной работе мы постараемся показать, как в обсуждении философских проблем искусственного интеллекта может быть использовано традиционное для философии познания разграничение в качестве двух уровней мышления – рассудка и разума.

Рассудок в этой традиции трактуется как способность составлять суждения, обыденное, житейское мышление. «Все деятельности рассудка можно свести к суждениям, следовательно рассудок можно представить вообще как способность суждения» [1, с. 76]. Рассудок – это форма рационального, формально-логического мышления, происходящего по правилам; рассудок обращен к земной, эмпирически наблюдаемой реальности и

твердо стоит на этой почве. По одному из определений И. Канта: «Способность мыслить предмет чувственного наглядного представления есть рассудок» [1, с. 70]. Рассудок дискурсивен в противоположность интуитивному видению истины; он расчленяет реальность и сам поддается аналитическому расчленению; это мышление, подчиняющееся логическому принципу непротиворечивости, согласия знания с самим собой.

Возможность трансцендирования за границы эмпирического опыта и его непосредственного осмысления связана не с рассудком, а с разумом. Разум обращен к предметам совершенно иного уровня, чем данное в каждодневном практическом опыте – к вопросам о Боге, космосе, душе. Разум, по И. Канту, – это «высшее единство мышления» [1, с. 211]. Разум не работает только в границах силлогистической логики – его априорные идеи представляют собой важнейшие интуиции нашего мировосприятия. И. Кант противопоставляет разум как способность, дающую принципы, рассудку как способности, дающей правила. Логика разума – это не формальная логика рассудка, а диалектика: в нем сопрягаются противоположности, антиномия является формой его осуществления. Рассудок обрабатывает с помощью понятий материал наглядных представлений; разум же сам создает понятия, он является творческой способностью мышления.

Указанные свойства определяет принципиальное различие возможностей моделирования мышления на уровне рассудка и разума. Рассудочные функции ориентированы на решение конкретных задач, возникающих вне собственно мыслительной сферы, они работают на принципах сопоставления, комбинирования, перебора вариантов; не случайно в европейской гносеологии, начиная с Нового времени, задолго до появления собственно вычислительной техники их осуществление все более ассоциировалось с вычислением. Деятельность разума вообще не связана с решением задач в классическом смысле этого слова – имеющих четкую цель и установленные алгоритмы решения. Это имманентно детерминированное рассмотрение вопросов, ценность которого, по определению Б. Рассела, состоит не в том, чтобы найти простые и прагматически эффективные ответы, а в том, что произойдет в ходе этого рассмотрения с самим человеком.

При обращении к проблеме моделирования мыслительной деятельности концепты рассудка и разума коррелируют, таким образом, с идеями «сильного» и «слабого» искусственного интеллекта. Определение подлежащей автоматизации интеллектуальной деятельности как решения задач различной степени сложности [2, с. 7] соотносит всю сферу разработок искусственного интеллекта, прежде всего, с понятием рассудка. Его функции по определению оказываются алгоритмизируемыми и соответственно доступными для воспроизводства машинными методами. В

сформированном на данный момент технологическом подходе машинное решение задач всегда основано на переборе вариантов, и все методы направлены на оптимизацию организации перебора, который без вводимых ограничений оказался бы бесконечным. Это логика рассудка, а не разума; ее машинная реализация закономерно становится все более эффективной, и замещение человека в решении всех задач, которые могут быть решены этим способом, оказывается в конечном счете неизбежным.

Принципиальные отличия человеческого мышления связаны с функциями не рассудка, а разума; в еще более широком смысле – с тем, о чем М. Шелер говорил как о «даже не разуме, но духе»: всей совокупности эмоциональных и волевых актов, таких как доброта, любовь, смирение, благоговение, почитание, вдохновение... Именно в этой сфере «сущность человека ... возвышается над тем, что называют интеллектом и способностью к выбору, и не может быть достигнуто, даже если предположить, что интеллект и избирательная способность произвольно возросли до бесконечности» [3, с. 51]. Даже концепция «сильного» искусственного интеллекта ставит вопрос о принципиальных возможностях моделирования лишь некоторых проявлений этой обширной духовной сферы; для большей ее части этот вопрос даже не рассматривается в силу полной неясности не только средств, но и сколько-нибудь реальных целей их машинного воспроизводства.

Реальные (а не мифические) риски взаимодействия человечества с искусственным интеллектом связаны не с угрозой вытеснения человека из сферы собственно-человеческого бытия, а с перспективой утраты обществом (или его значительной частью) осознания первостепенной (а не остаточной) значимости этой сферы. Условия информационного общества создают вызовы в этом отношении. Ценность обращения к метафизическим вопросам нивелируется прагматической ориентацией всей системы образовательной подготовки, нацеленной на формирование (в лучшем случае) компетентного в решении определенных задач специалиста; отсутствие опыта постановки таких вопросов само по себе оказывается препятствием для обоснования их необходимости в формировании личности. Существование в интенсивных информационных потоках, где доминирующей практикой становится быстрое освоение и столь же быстрое обновление больших объемов информации, входит в противоречие с задачей формирования фундаментальных знаний, которые могли бы служить основой для мировоззрения личности. Снижающаяся важность и достоверность каждого отдельного информационного сообщения в этих потоках и пропагандируемая толерантность к любым мнениям критичны для общих представлений о существовании объективного знания, о несводимости истины к собственно- (и даже коллективному) мнению и приоритете –

все-таки – установления истины, а не торжества технологий продвижения той или иной идеи. Перестройка восприятия на многоканальность, а мышления – на клиповый принцип организации ведет к разрыву с огромным фондом культурного наследия, которое исторически и было средой формирования духовности – обратим внимание, с какой скоростью не только философские произведения, но и классическая детская литература становится для новых поколений слишком длинной, слишком сложной для восприятия и слишком скучной, и как исчезает из публичного дискурса всякое сомнение насчет того, что, возможно, это недостатки не одной лишь литературы и потребитель в данном случае не так изначально прав, как при посещении заведения фастфуда. Постепенная передача технике всего пласта простых повседневных задач, которые людям раньше поневоле приходилось решать самим, оставляет несформированными навыки мышления, которые можно было бы впоследствии применить к более сложным задачам. И, наконец, вся организация жизни оставляет нам все меньше времени на то самое «грандиозное замедление», медитативную приостановку над уже полученной информацией для ее рефлексивного осмысления, которое только и делает возможным движение мысли в сфере разума. Иными словами, главная опасность тотальной автоматизации задач рассудка – не в том, что конкурирующий разум отберет у людей их собственное бытие, а в том, что люди сами охотно откажутся от того, что раньше составляло его основу.

Библиографический список

- 1 Кант И. *Критика чистого разума* / И. Кант. – Москва : ИАК «Тайм-аут», 1993. – 477 с.
- 2 Нильсон Н. *Искусственный интеллект: Методы поиска решений* / Н. Нильсон. – Москва : Мир, 1973. – 273 с.
- 3 Шелер М. *Положение человека в космосе* / М. Шелер // *Проблема человека в западной философии*. – Москва : Прогресс, 1988. – С. 31–95.

ОЦЕНОЧНЫЕ КРИТЕРИИ ТВОРЧЕСКОЙ СПОСОБНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

*Тодор Пожарев,
стажер
философский факультет,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
todor.pozarev@yandex.com*

Аннотация. Предлагается расширить сферу проверки осмысленности артефакта для теста Левлейс 3.0 как теста на креативность. Критерий креативности в новом тесте (тест Лавлейс 3.1) представляется как дискриминация творческих и нетворческих артефактов на основе трех критериев: 1) на основе оценки осмысленности артефакта; 2) посредством самопереживания; 3) на основе прагматологической неоднородности.

Ключевые слова: креативность, артефакт, тест Лавлейс.

EVALUATION CRITERIA FOR THE CREATIVITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

*Todor Pozarev,
Postgraduate student of the Department of
Philosophy and Methodology of Science, Faculty
of Philosophy, Lomonosov
Moscow State University
todor.pozarev@yandex.com*

Abstract. It is proposed to expand the scope of testing the meaningfulness of an artifact for the Lovelace 3.0 test as a test for creativity. The criterion of creativity in the new test (Lovelace test 3.1) is presented as discrimination between creative and non-creative artifacts based on three criteria: 1) based on the assessment of the meaningfulness of the artifact; 2) through self-experience; 3) based on praxeological heterogeneity.

Keywords: creativity, artifact, Lovelace test.

Рассмотрим ряд аксиоматических положений.

Критерий креативности как дискриминация творческих и нетворческих артефактов. При любой оценке творчества мнение эксперта зависит от его компетенций, не поддающихся формализации с позиции intersubjectively согласованности. Мнение эксперта о том, что определенный артефакт является творческим, может быть признано верным из-за профессионального или социального статуса этого эксперта. Профессионально-образовательные компетенции не гарантируют правдивость суждения. Центральной проблемой в изучении феномена творчества является невозможность подтверждения этого феномена эмпирической

проверкой и экспериментальной повторяемостью. Дискриминация творческих и нетворческих артефактов поднимает вопрос: на основании каких критериев обнаруживается феномен творчества и в какой форме оно обнаруживается.

Критерий креативности на основе оценки артефакта. Артефактом можно считать все то, что является продуктом действия агента-индивида, был он творческим или не был таковым. Артефакт в силу физических причин обязательно имеет создателя (агента, автора); таким образом, артефакт и автор могут рассматриваться как релятивные, не существующие друг без друга понятия [3]. Агент-автор может создать определенный артефакт как намеренным и осознанным действием, так и непреднамеренным и неосознанным. Так, лесная дорожка не является преднамеренным продуктом людей, а представляется следствием ходьбы множества людей по лесу, как правило, по самому короткому пути.

Такие явления в литературе категорируются как Naturefacts («сделано природой») или природные артефакты. Когда природный артефакт модифицируется и адаптируется под какие-нибудь цели, он становится подлинным артефактом [4]. Социальные артефакты отличаются от природных номиналистической интенциональностью. Например, один агент целенаправленно строит дом. Второй агент, независимо от первого, также строит дом. Конечным артефактом является деревня, которую никто не собирался создавать, но она образовалась неосознанно многоагентным действием. И природные и социальные артефакты некреативны.

Творческий артефакт отличается от нетворческого тем, что целенаправленно создается своим автором. Записать музыкальную композицию, написать картину красками или сформулировать теорему нельзя за счет совпадения физических случайностей или социальных когерентностей. Такой артефакт обладает идеализированной онтологизацией объектов реального мира: уравнивание распространения газа подразумевает равномерное расположение частиц газа, что не соответствует физической реальности, а скульптуры Микеланджело выглядят более человечными, нежели чем сами люди.

Получается, что в артефакте воплощена как бы двойная информация: во-первых, это идеализированный автором образ некоторого предмета, во-вторых, практические действия [1]. Идеализация может содержать информацию о культурно-интерпретативных ресурсах автора. Практическая реализация дает сведения о технике, которой пользуется автор.

Например, представим картину Вермеера, случайно обнаруженную в подвале дома. Ряд экспертов, историков искусств, искусствоведов пришли к выводу о подлинности произведения. Лабораторные тесты химического состава слоев краски и холста это подтверждают. Подлинность

произведения удовлетворяет критериям эмпирической правдоподобности и экспериментальной повторяемости. Однако, спустя некоторое время, оказывается то, что картину написал Хан Ван Мегерен, великий фальсификатор XX века, знаменитый подделкой картин Яна Вермеера и Питера де Хоха. Однако Ван Мегерен не копировал картину Вермеера. Он рисовал новую, используя стиль Вермеера. Очевидно, это – нетворческий артефакт. Ремесленное умение, техническое мастерство Ван Мегерена – это, несомненно, высоко профессиональные компетенции. Однако картина не удовлетворяет «креативности», например, из-за критерия исторической новизны: она написана по образу художника из XVII века, несмотря на то, что сама по себе новая. Неизвестно, сколько таких фальсификатов находится в музеях мира и в частных коллекциях. А сколько генерируется нейронными сетями? Нейронные сети с заложенными статистическими «биг»-данными способны к «написанию» новых картин с поразительной «подлинностью». В сфере научного творчества сложнее. Но и здесь, например, искусственный интеллект воссоздал за один час конденсат Бозе-Эйнштейна (гиперхолодный газ), за открытие которого в 2001 году группа ученых получила Нобелевскую премию [7]. Это свидетельствует о том, что объективированные «творения», не учитывающие субъективную составляющую, легко распознать на предмет их недостаточной креативности. Факт же подлинно нового и оригинального невозможно выявить анализом исключительно объективированной составляющей артефакта.

Критерий креативного посредством самопереживания. Компьютерные имитации когнитивных феноменов усложняют процесс демаркации креативного. Например, широко известный пример «Китайская комната» Дж. Серла [5] доказывает, что должным образом запрограммированный компьютер может «имитировать понимание», отнюдь не обладая пониманием. Аналогичные аргументы применимы и компьютерной имитации творческого при отсутствии творческих компетенций. Для преодоления аргумента Серла надежный способ выявления креативного – это личное самопереживание креативного.

Критерий креативного на основе праксеологической неоднородности. Судье из «Китайской комнаты», возможно, не достает теоретических, культурных и интерпретативных ресурсов для самостоятельного обнаружения креативности. В этой ситуации он может опираться на «лишние куски», процесса и создавать аналогии с ему знакомыми принципами формирования творческих продуктов. Речь идет о «принципе неоднородности результата действия человека», который был обнаружен психологом Я. А. Пономаревым в 1957 г. [2]: основой творческого процесса является неосознаваемый продукт деятельности, который продуцирует интуитивное решение.

Заключение. Выявленные критерии креа-

тивности представляются важными в креативной робототехнике на пути последующей разработки теста Лавлейс 3.0 [8]. Напомним, что критерии креативности робота включают аргумент Лавлейс (1843), контраргумент Тьюринга (1950), тест Лавлейс (2000), тест Лавлейс 2.0 (2014) и тест Лавлейс 3.0 (2015). Согласно аргументу А. Лавлейс компьютер может создать высокохудожественное произведение, однако самостоятельно творить не может: машина лишь пассивно исполняет инструкции разработчика-программиста. Контраргумент А. Тьюринга, напротив, утверждает, что машина может творить и предлагает символическое и коннекционистское возражения аргументу Лавлейс. Тест Лавлейс 2000 г. отрицает символическое возражение Тьюринга: уникальность артефакта ограничена тем, что продукты известны разработчику: множество продуктов может быть потенциально бесконечным, тем не менее оно декларативно или процедурально задано, следовательно, актуально конечно и предсказуемо. Тест Лавлейс 2.0 отрицает коннекционистский ответ Тьюринга, так как применим к нейронным сетям глубокого обучения. Судье сложно оценить креативность артефакта вне сферы его творческих компетенций. Аксиоматика ужесточается специализацией предметных областей и введением роли оценщика креативности продуктов. Тест Лавлейс 3.0, предложенный нами, дополняет предыдущую версию аксиомой обнаружения оценщиком осмысленного производства артефакта. В выявлении факта «осмысленности» участвует критерий посредством самопереживания и критерий на основе праксеологической неоднородности.

Библиографический список

- 1 Николаев А. И. *Философский анализ роли артефакта в культуре* / А. И. Николаев // *Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина*. – 2011. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskiy-analiz-rol-i-artefakta-v-kulture> (дата обращения: 08.03.2018).
- 2 Пономарев Я. А. *К вопросу о психологических механизмах взаимоотношения чувственного и логического познания* / Я. А. Пономарев // *Доклады АПН РСФСР*. – 1957. – № 4. – С. 67–73.
- 3 Hilpinen, Risto. "Authors and artifacts." *Proceedings of the Aristotelian Society*. Vol. 93. Aristotelian Society, Wiley, 1993.
- 4 Schnurrenberger, Douglas, and Alan L. Bryan. "A contribution to the study of the naturefact/artifact controversy." *Stone tool analysis: Essays in honor of Don E. Crabtree (1985)*: 133-159.
- 5 Searle, John R. "Minds, brains, and programs." *Behavioral and brain sciences* 3.3 (1980): 417-424.
- 6 Powell, Barry B. *Writing: theory and history of the technology of civilization*. John Wiley & Sons, 2009.
- 7 Wigley, Paul B., et al. "Fast machine-learning online optimization of ultra-cold-atom experiments." *Scientific reports* 6 (2016): 25890.
- 8 Алексеев А. Ю. *Принципы креативной робототехники* / А. Ю. Алексеев, Т. Пожарев // *Технологос*. – 2020. – № 4. – С. 5–17.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ТВОРЧЕСТВО

*А. В. Разуев,
ст. преподаватель
Южно-Уральский государственный
университет
prof-zuev@yandex.ru*

Аннотация. Статья затрагивает проблемы, связанные с визуальным и художественным творчеством искусственного интеллекта – авторские права на произведения, признание творческого характера и ценности произведений.

Ключевые слова: искусственный интеллект, творческий процесс, творческий труд, вычислительное творчество, машинное творчество.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND CREATIVITY

*A. V. Razuev,
senior lecturer
South Ural State University*

Abstract. The article deals with the problems associated with the visual and artistic creativity of artificial intelligence – copyright in works, recognition of the creative nature and value of works.

Keywords: artificial intelligence, creative process, machine art, computational creativity, artificial creativity, mechanical creativity, creative computing.

Последние годы отмечены пристальным вниманием человечества к возможностям и результатам применения искусственного интеллекта (ИИ). В 2019 г. была впервые организована дискуссия Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) по вопросам интеллектуальной собственности и ИИ. В 2020 г. ЮНЕСКО выработало проект рекомендации об этических аспектах ИИ [1]. В 2019 г. подписан Указ Президента РФ «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».

В цифровом искусстве также появляется все больше примеров применения ИИ. В связи с этим создана Ассоциация вычислительного творчества, организующая с 2010 г. международные конференции. Вычислительное творчество (также известное как вычислительная креативность, искусственное творчество, машинное творчество, творческие вычисления) – междисциплинарная деятельность на стыке областей ИИ, когнитивной психологии, философии и искусства.

Вот несколько фактов, свидетельствующих о развитии ИИ в художественной сфере. С 2017 г. лаборатория Рутгерского университета (США, Нью Джерси) выставляет на крупнейших художественных выставках и ярмарках произве-

дения, созданные ИИ [2, с. 5]. В 2018 г. на аукционе Christie's была продана за 432 500 долларов созданная французской арт-группой Obvious с использованием технологий ИИ картина «Портрет Эдмона де Белами». В 2019 г. в Эрмитаже состоялась выставка «Искусственный интеллект и диалог культур», посвященная художественным возможностям ИИ.

Цель настоящей статьи состоит в постановке проблем, возникающих в связи с художественным творчеством ИИ. К этим проблемам относятся установление субъекта авторского права на произведения, признание творческого характера произведений и их ценности.

Существует множество определений ИИ. Согласно одному из них, ИИ – направление исследований в современной компьютерной науке, целью которого является имитация и усиление интеллектуальной деятельности человека посредством компьютерных систем [3]. ИИ отличается от иных компьютерных программ тем, что ИИ может обучаться и адаптироваться к окружающей среде без вмешательства человека.

Как ранний пример алгоритмического искусства наиболее часто упоминается Гарольд Коэн и его программа ААРОН. Но эту и подобные ей программы вряд ли можно отнести к области ИИ в его современном понимании. В «традиционном» алгоритмическом искусстве художник определяет правила для желаемого результата с помощью подробного кода, загружаемого в компьютер. Сейчас популярны «генеративные» алгоритмы, в которых художник настраивает программу для «изучения» эстетики машиной с помощью большого корпуса изображений. После такого обучения, следуя изученной эстетике и задачам художника, алгоритм генерирует новые образы. Так, в 2016 г. миру презентовали «нового» Рембранта – мужской портрет, созданный с помощью компьютера [5]. По схожему принципу (часто с предустановленными стилями) работает много веб-сервисов, мобильных приложений и программного обеспечения, позволяющих пользователям преобразовывать свои фотографии, например, на сайте DeepArt [6].

ИИ используется здесь как инструмент творчества художника, определяющего исходный массив произведений (стиль) и выбирающего удовлетворительный результат, а также настраивающего алгоритм(ы). Сам ИИ здесь не проявляет «творческого» характера.

В лаборатории искусства и искусственного интеллекта Рутгерского университета создан AICAN – почти автономный художник, по заявлению его создателей. Принцип его действия гарантирует, что создаваемое искусство будет новым, но в то же время не будет слишком отклоняться от приемлемых эстетических стандартов. Алгоритм базируется в своем творчестве на 80 тысячах изображений, представляющих 500 лет западной истории искусства без специального отбора изображений, жанров или стилей. Человек создал

концепцию и алгоритм, запускает этот процесс, но, когда дело доходит до создания произведения, алгоритм полностью руководит «творческим» процессом. Для каждого создаваемого изображения машина выбирает стиль, тему, формы и композицию, включая текстуры и цвета [2, с. 5].

Одну из возникающих в связи с творчеством ИИ проблем усматривают в риске автоматизированного перепроизводства художественных произведений, которое подорвет спрос на творчество человека, другими словами, есть опасение, что низкая ценность и массовость обезличенных произведений повлияют на ценность человеческого труда. Внушает надежду, что живопись уже пережила подобный кризис, когда появилась фотография.

Другая проблема – кому будут принадлежать авторские права на результат – на произведение, созданное исключительно ИИ? Первый подход к решению этой проблемы – полный отказ в защите интеллектуальной собственности для любых произведений, созданных ИИ, второй – наделять правами интеллектуальной собственности разработчиков программы [7]. Дискуссия на уровне ВОИС на этот счет только началась.

Сфера ИИ стремительно развивается. Мир искусства сталкивается с новыми возможностями и угрозами, сопровождающими это развитие, а искусствоведение, в числе прочих задач, должно вырабатывать квалифицированное отношение к данному процессу.

Библиографический список

1 *Разработка рекомендации об этических аспектах искусственного интеллекта.* – URL: <https://ru.unesco.org/node/320546> (дата обращения: 04.04.2021).

2 *Mazzone, Marian & Elgammal, Ahmed. Art, Creativity, and the Potential of Artificial Intelligence.* Arts. 2019. 8. – URL: https://www.researchgate.net/publication/331258985_Art_Creativity_and_the_Potential_of_Artificial_Intelligence (дата обращения: 04.04.2021).

3 *Энциклопедия эпистемологии и философии науки.* – Москва, 2009. – URL: https://epistemology_of_science.academic.ru/277/искусственный_интеллект (дата обращения: 04.04.2021).

4 *Гарольд Козн.* – URL: <http://www.aaronshome.com/aaron/index.html> (дата обращения: 04.04.2021).

5 *The Next Rembrandt.* – URL: <https://www.nextrembrandt.com/> (дата обращения: 04.04.2021).

6 *Степаненко А. Искусственный интеллект в современном искусстве / А. Степаненко, С. Каменщиков, Н. Суетин.* – URL: <https://sk.ru/news/iskusstvennyy-intellekt-v-sovremennom-iskusstve/> (дата обращения: 04.04.2021).

7 *LaBossiere, Mike AI and Art V: Named Art.* – URL: https://www.creativitypost.com/arts/ai_and_art_v_named_art (дата обращения: 04.04.2021).

ПРОБЛЕМА ОБОСНОВАНИЯ В КОМПЬЮТЕРНОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЗНАНИЙ

*А. В. Родин,
канд. филос. наук, ст. науч. сотр.
Институт философии РАН
andrei@philomatica.org*

Аннотация. Понятие знания, которым пользуется компьютерная наука, не включает в себя стандартное для философской эпистемологии требование, согласно которому всякое знание должно включать в себя явно предъявляемое обоснование. Вместе с тем, требование обоснованности знания важно не только с теоретической, но и с практической точки зрения. Вероятная причина такого положения вещей – это общее пренебрежение проблемой обоснования, которое было характерно для философской и математической логики XX века. Логика обоснования, теоретико-доказательная семантика и некоторые другие новые логические теории создают теоретические предпосылки для решения этой проблемы. Существующие на сегодняшний день компьютерные технологии защиты и верификации данных, включая технологию блокчейна, также могут быть использованы в компьютерных системах представления знаний.

Ключевые слова: представление знаний, логика обоснования, блокчейн.

THE PROBLEM OF JUSTIFICATION IN THE COMPUTER REPRESENTATION OF KNOWLEDGE

*A. V. Rodin,
candidate of Philosophical Sciences,
senior researcher of Institute of Philosophy of
the Russian Academy of Sciences
andrei@philomatica.org*

Abstract. The concept of knowledge used in today's Computer Science does not involve the requirement according to which knowledge needs justification, which is standard in the philosophical epistemology. This requirement is important not only theoretically but also practically. A possible reason for it is the neglect of justification problem in the mainstream 20th century logic. Justification Logic, Proof-Theoretic Semantics and some other new logical theories provide a theoretical background for solving this problem. The existing technologies of data protection and data verification, including blockchain, can be also useful in the computer-based Knowledge Representation.

Keywords: Knowledge Representation, Justification Logic, blockchain.

Понятие знания, которым пользуется компьютерная наука, не включает в себя стандартное для философской эпистемологии требование, согласно которому всякое знание должно включать в себя явно предъявляемое обоснование [1; 2]. Вместе с тем, требование обоснованности знания важно не только с теоретической, но и с практической точки зрения, поскольку отсутствие пользовательского доступа к верификационным и другим обосновательным процедурам в существующих компьютерных системах представления знаний существенно увеличивает риск получения ложной информации в результате технической ошибки или обмана со стороны злонамеренных агентов.

Одна из вероятных причин такого положения вещей – это общее пренебрежение проблемой обоснования, которое было характерно для философской и математической логики XX века [3]. В стандартной теории доказательств, начало которой было положено Гильбертом и Бернайсом [4], доказательством принято называть любой корректный синтаксический вывод формулы B из формул A_1, \dots, A_n , где все эти формулы интерпретируются как высказывания, формулы A_1, \dots, A_n интерпретируются как истинные высказывания, а используемая синтаксическая процедура интерпретируется как логический вывод, сохраняющий истинность интерпретируемых таким образом формул (то есть высказываний). Это позволяет смотреть на синтаксический вывод формулы B из формул A_1, \dots, A_n как на «доказательство» формулы (высказывания) B : если предпосылки A_1, \dots, A_n истинны, то заключение B тоже будет истинным.

Как отмечал Даг Правиц еще в 1970-е годы, такое понимание доказательства полностью игнорирует эпистемологический аспект этого понятия, что нелепо, поскольку понятие доказательства в привычном смысле является эпистемологическим по существу. Чтобы считать цепочку формальных выводов доказательством в привычном смысле, необходимо, чтобы свойство сохранения истинности не только имело место, но и было очевидным каждому рациональному эпистемическому агенту. То же самое касается истинности предпосылок A_1, \dots, A_n , которые при этих условиях должны быть не только истинными, но и каким-то образом известными эпистемическим агентам [5].

В конце XX века подобные соображения мотивировали развитие ряда новых направлений в логике, включая эпистемическую логику, теоретико-доказательную логическую семантику [6] и логику обоснования [7]. Значительная часть этих исследований ориентирована на перспективные приложения в компьютерных науках и технологиях. В этой связи можно указать на конструктивную теорию типов Мартина-Лёфа и открытую в середине 2000-х годов гомотопическую интерпретацию этой теории (гомотопическая теория типов), которая использует логическую семантику теоретико-доказательного характера и допускает вычислительную реализацию [8; 9]. В конце 2020 года Артемов

с соавторами опубликовали «Манифест логики обоснования», в котором они называют логику обоснования «логикой 21-го века» и указывают на ее перспективные приложения в Искусственном Интеллекте [10].

На раннем этапе истории разработки и создания систем Искусственного Интеллекта (включая Представление Знаний и Рассуждений) именно логические подходы играли ведущую роль: символический вывод и его стандартная семантика служили базовой моделью того, как «машина может мыслить» [11]. Поэтому можно предположить, что пренебрежение проблемой обоснования, которая была характерна для формальных логических подходов вплоть до последнего десятилетия 20 века, по крайней мере частично ответственно за то, что в стандартных учебниках компьютерного Представления Знания проблема обоснования даже не упоминается.

Вместе с тем в компьютерной науке и компьютерной технологии уже сегодня накоплен большой массив работ и подходов в области защиты и верификации данных, который может быть использован для решения проблемы обоснования знаний. В частности, это касается технологии блокчейна, которая стала особенно популярной в последние годы в связи с бумом криптовалют. Имело бы смысл, на мой взгляд, использовать публичный блокчейн для защиты от изменений (ненамеренных или злонамеренных) экспериментальных и наблюдательных данных дорогостоящих научных исследований таких как, например, эксперименты на Большом Андронном Коллайдере или наблюдения с помощью орбитальных телескопов. Это могло бы позволить каждому члену научного сообщества и вообще всякому заинтересованному пользователю независимо проверять те или иные научные гипотезы, выводы и теории с помощью исходных эмпирических данных, сводя к необходимому минимуму опору на авторитет в этих вопросах.

Вслед за Сергеем Артемовым я думаю, что новые исследования в логике помогут в ближайшем будущем спроектировать и построить системы Представления Знаний нового поколения, которые смогут не только эффективно доставлять пользователям требуемую информацию, но и позволят эффективно проверять эту информацию. Только при выполнении последнего условия такую информацию можно будет назвать «знанием» в сильном эпистемологическом смысле слова. Любой ревантный опыт, накопленный на сегодняшний день в компьютерной науке и технологии, также должен быть использован для решения этой важной задачи.

Библиографический список

- 1 G. Jakus et al., *Concepts, Ontologies and Knowledge Representation*, Springer 2013.
- 2 G. Lakemeyer, B. Nebel (Eds.), *Foundations of Knowledge Representation and Reasoning*, Springer 1994.

3 G. Sundholm, *The Neglect of Epistemic Considerations in Logic: the Case of Epistemic Assumptions*, *Topoi*, v. 38 (2019), p. 551-559

4 Гильберт Д. *Основания математики*. – Т. 2. *Теория доказательств* / Д. Гильберт, П. Бернайс. – Москва : Наука. – 1979.

5 D. Prawitz, *On the Idea of the General Proof Theory*, *Synthese*, 27 (1974), n. 1-2, p. 63–77.

6 Th. Piesha and P. Schroeder-Heister (Eds.), *Advances in Proof-Theoretic Semantics*, Springer 2015.

7 S. Artemov, M. Fitting, *Justification Logic: Reasoning with Reasons*, Cambridge University Press, 2019.

8 P. Martin-Lof, *Intuitionistic Type Theory*, BIBLIOPOLIS, 1984.

9 *Univalent Foundations Program: Homotopy Type Theory*, IAS Princeton, 2013.

10 S. Artemov et al. *Justification Logic Manifesto*. – URL: <https://sartemov.ws.gc.cuny.edu/files/2020/12/ManifestoJL.pdf>

11 J. McCarthy, *Programms with Common Sense*, in *Proceedings of Teddington Conference on the Mechanization of Thought Processes (1958)*. – URL: <http://jmc.stanford.edu/articles/mcc59/mcc59.pdf> (дата обращения: 10.02.2021).

ПРИМЕНЕНИЕ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

*А. В. Сивенко,
Кубанский государственный
технологический университет
sivenkoalena99@mail.ru,
И. А. Корх,
ст. преподаватель
Кубанский государственный
технологический университет
aia2004@inbox.ru*

Аннотация. Исследование посвящено аспектам информационной безопасности в применении к социальным сетям и возможности использования нейронных сетей для повышения уровня доверия к обеспечению информационной безопасности интернет-сообществ. Актуальность работы подтверждена интересом научного сообщества к проблеме противостояния машинного и человеческого мозга, а также возможным внедрением подходов искусственного интеллекта к защите социальных сетей от вредоносного контента. Дальнейшее развитие направления исследования подразумевает программную реализацию всех описанных принципов.

Ключевые слова: социальная сеть, искусственный интеллект, нейросеть, информационная безопасность, организационно-правовая основа деятельности интернет-сообществ.

THE USE OF NEURAL NETWORKS IN PROVIDING INFORMATION SECURITY OF SOCIAL NETWORKS

*A. V. Sivenko,
Kuban State Technological University
sivenkoalena99@mail.ru
I. A. Korkh
Kuban State Technological University
aia2004@inbox.ru*

Abstract. The research is devoted to aspects of information security as applied to social networks and the possibility of using neural networks to increase the level of confidence in ensuring information security of

Internet communities. The relevance of the research is confirmed by the interest of the scientific community in the problem of confrontation between the machine and the human brain, as well as the possible implementation of artificial intelligence approaches to protecting social networks from malicious content. Further development of the research direction implies the program implementation of all the described principles.

Keywords: social network, artificial intelligence, neural network, information security, organizational and legal basis for the activities of Internet communities.

Интернет-сообщества существенно упростили нам жизнь, ведь они позволяют обмениваться сообщениями в режиме реального времени, читать последние новости, прослушивать музыку, загружать фото и видео, писать комментарии, участвовать в различных голосованиях, играть в игры и многое другое.

Социальные сети работают, основываясь на законодательстве страны-разработчика и территориального расположения серверов, поэтому вся ответственность за объемы выкладываемых в общий доступ персональных данных ложится на самого пользователя. Так, в правилах пользования сайтом «ВКонтакте» говорится: «ни при каких обстоятельствах администрация сайта или ее представители не несут ответственность перед пользователем или перед любыми третьими лицами за любой косвенный, случайный, неумышленный ущерб, включая упущенную выгоду или потерянные данные, вред чести, достоинству или деловой репутации, вызванный в связи с использованием сайта, содержимого сайта или иных материалов, к которым вы или иные лица получили доступ с помощью сайта, даже если администрация сайта предупреждала или указывала на возможность такого вреда» [1].

С развитием нейронных сетей область их применения распространилась и на глобальную сеть. Внедрение таких технологий помогает улучшить социальные сети, сделать их комфортнее и безопаснее. Для изучения применимости данной технологии для целей информационной безопасности исследовалась реализация нейронных сетей в социальных сетях. В работе рассматривались следующие социальные сети: «ВКонтакте», «Одноклассники», Facebook, Twitter и Instagram. Результаты анализа приведены в таблице 1. Использовались следующие информационные источники [2–18].

Таблица 1 – Реализация нейронных сетей в интернет-сообществах

№ п.п	Наименование	Назначение	Скандалы
«ВКонтакте»			
1	«Прометей»	Для поиска уникальных материалов и отслеживания достижений интересных авторов. Наиболее талантливые и интересные пользователи и сообщества получают специальные метки для повышения охвата	Не обнаружено

2	«Хейтспич»	Для поиска материалов с враждебными высказываниями, которые провоцируют аудиторию социальной сети к проявлению агрессии	Во время тестирования нейронной сети она заблокировала крупные сообщества феминисток
3	Противоправный контент	Для обнаружения противоправного и опасного контента (спам, мошенничество, детская порнография, нелегальные услуги и другая противоправная деятельность)	Не обнаружено
4	Суицидальный контент	Для обнаружения и автоматического удаления суицидального контента	Не обнаружено
5	«Умная» новостная лента	Для отбора и отображения наиболее интересных записей для конкретного пользователя	Не обнаружено
6	Фотографии с пользователем	Для определения друзей пользователя на загруженной фотографии	Не обнаружено
«Одноклассники»			
7	Распознавание лиц	Для определения друзей пользователя на загруженной фотографии, а также для поиска знакомых и родственников пользователя по изображению	Не обнаружено
8	«Моменты»	Для поздравления пользователей с различными праздниками	Не обнаружено
9	Восстановление профиля	Для восстановления профиля с помощью технологии распознавания лиц	Не обнаружено
10	«Робби»	Для распознавания дублей фотографий, ссылок, телефонных номеров на изображениях, а также для нахождения в текстах спама, определения контекста предложений и диалогов	Не обнаружено
11	Размытие фона	Для размытия фона во время видеозвонков в мобильных приложениях	Не обнаружено
Facebook			
12	Мошеннические аккаунты	Для определения поддельных учетных записей	Не обнаружено
13	«Rosetta»	Для качественного поиска фотографий, а также для обнаружения опасного контента (спам, агрессивный и оскорбительный контент)	Не обнаружено
14	Фотографии с пользователем	Для определения друзей пользователя на загруженной фотографии	Не обнаружено
Twitter			
15	Обработка фотографии	Для обрезки загружаемых фотографий	Нейронная сеть была заподозрена в расизме, так как для превью она выбирает преимущественно белокожих
Instagram			
16	Люди с нарушением зрения	Для помощи людям с нарушением зрения. Для слабовзрячих людей нейронная сеть озвучивает описание изображений, а также помогает людям с нарушением зрения вести свой Инстаграм.	Не обнаружено
17	Фейк	Для выявления «ложных» материалов, а также для блокирования их продвижения	Не обнаружено

Из таблицы 1 видно, что все рассматриваемые социальные сети используют те или иные нейронные сети для различных целей. Наиболее популярные области применения – определение пользователей на фотографиях, а также борьба с мошенничеством и опасным контентом. Также стоит обратить внимание на столбец «скандалы», поскольку анализ выявил понижение уровня доверия пользователей сети к защищенности своих страниц и повышению угрозы репутационного риска при внедрении новых технологий в работу сайтов.

Кроме того, в ходе работы был произведен анализ статистики взломов аккаунтов социальных сетей. Было установлено, что в среднем в минуту взламывается две–три учетные записи пользователей, поэтому проблема безопасности в социальных сетях является актуальной.

С целью снижения статистики взлома аккаунтов в социальных сетях было принято решение

разработать нейронную сеть, которая позволяла бы определять пользователей наиболее подверженных угрозе взлома.

Готовых наборов данных для обучения нейронной сети в Интернете нет, поэтому следующим этапом было получение необходимой информации. Наличие различного рода сведений о пользователях в сети и их правовой режим привел к необходимости изучения организационно-правовых аспектов сбора таких сведений для научных целей. Анализ действующего законодательства и соглашений социальных сетей показал следующее.

Согласно 1 статье [19] действие данного закона не распространяется на отношения, возникающие при обработке персональных данных физическими лицами исключительно для личных и семейных нужд, если при этом не нарушаются права субъектов персональных данных.

В соответствии со статьей 6 того же федерального закона обработка персональных данных

допускается в научной, литературной или иной творческой деятельности при условии, что при этом не нарушаются права и законные интересы субъекта персональных данных.

Также закон требует в обязательном порядке обезличить собираемые персональные данные.

Для дальнейшей работы была выбрана социальная сеть «ВКонтакте».

На языке Python был написан код, собирающий необходимые данные и одновременно их обезличивающий. По результату работы программы сформирован необходимый набор данных для анализа подверженности страницы взлому. Фрагмент таблицы представлен на рисунке 1.

На данный момент ведутся работы по под-

бору наиболее оптимальной для данной задачи нейронной сети. Уже проведены тесты на нейронной сети прямого распространения с метрикой accuracy. Результаты тестирования приведены в таблице 2.

verified	city	country	has_photo	has_mobile	wall_default	followers_count
0.0	(id: 1, title: Москва)	(id: 1, title: Россия)	1	1.0	all	1218.0
0.0	(id: 104199, title: Плянково)	(id: 1, title: Россия)	1	1.0	all	406.0
0.0	(id: 68, title: Косеров)	(id: 1, title: Россия)	1	1.0	all	1591.0
0.0	(id: 282, title: Минск)	(id: 3, title: Беларусь)	1	1.0	all	155.0
0.0	(id: 1, title: Москва)	(id: 1, title: Россия)	1	1.0	all	84.0
0.0	(id: 1, title: Москва)	(id: 1, title: Россия)	1	1.0	all	23.0
0.0	(id: 1, title: Москва)	(id: 1, title: Россия)	1	1.0	all	109.0
0.0	(id: 1, title: Санкт-Петербург)	(id: 1, title: Россия)	1	1.0	all	266.0
0.0	(id: 7507, title: Нарышкино)	(id: 1, title: Россия)	1	1.0	all	205.0
0.0	(id: 124, title: Саранск)	(id: 1, title: Россия)	1	1.0	owner	246.0
0.0	(id: 189, title: Великий Новгород)	(id: 1, title: Россия)	1	1.0	all	18.0
0.0	(id: 143, title: Тольятти)	(id: 1, title: Россия)	1	1.0	all	143.0
0.0	(id: 1, title: Санкт-Петербург)	(id: 1, title: Россия)	1	1.0	all	143.0
0.0	(id: 1, title: Набережные Челны)	(id: 1, title: Россия)	1	1.0	all	143.0

Рисунок 1 – Фрагмент сформированного набора данных

Таблица 2 – Результаты обучения нейронных сетей для целей информационной безопасности

	Функция активации		
	Sigmoid	ReLU	Tanh
Точность	0.867	0.875	0.867
Потери	0.3138	0.2987	0.3146
График потерь			

Из таблицы 2 видно, что наилучший результат был получен при использовании функции активации ReLU (точность 87,5 %). Однако, используемая при тестировании метрика не учитывает неверные результаты, поэтому сейчас ведутся работы по тестированию нейронной сети с метрикой precision, а также подбор наиболее оптимального количества промежуточных слоев.

Нейросеть обучалась на платформе Google Colab с использованием библиотеки TensorFlow [20]. После успешного обучения и проверки на ошибки планируется программная реализация модуля проверки в виде плагина для последующего внедрения в реальную сеть. Его использование позволит повысить уровень информационной безопасности страницы пользователя и вовремя предупредить его об угрозе взлома. Математическая обработка данных будет проведена на основании методики, описанной в [21].

«Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России (грант ИБ №26/2020)»

Библиографический список

- 1 Правила пользования сайтом. – URL: <https://vk.com/terms> (дата обращения: 02.02.2021).
- 2 Хейтспич: Кто и зачем борется с ненавистью в интернете. – URL: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life/232028-hate-speech> (дата обращения: 07.02.2021).
- 3 Разработчики Instagram создали нейросеть, которая будет искать феёку. – URL: https://tech.24tv.ua/ru/instagram_feiki_kak_najti_fejki_v_socseti_instagram_n1264452 (дата обращения: 07.02.2021).
- 4 Instagram внедрил нейросеть в систему приложения. – URL: <https://geekon.media/instagram-vnedril-nejroset-v-sistemu-prilozheniya/> (дата обращения: 07.02.2021).
- 5 Нейронная сеть Twitter отдает предпочтение белым перед представителями других рас. – URL: <https://www.sostav.ru/publication/nejronnaya-set-twitter-otdaet-predpochtenie-belym-45241.html> (дата обращения: 07.02.2021).
- 6 Сбой в работе Facebook показал, как нейросеть вос-

принимает фотографии пользователей. – URL: <https://nation-news.ru/459010-sboi-v-rabote-facebook-pokazal-kak-neiroset-vosprinimaet-fotografii-polzovatelei> (дата обращения: 07.02.2021).

7 Facebook внедряет новую нейросеть для поиска мошеннических аккаунтов. – URL: https://allmessangers.ru/news/facebook_vnedrjaet_novuju_nejroset_dlja_poiska_toshennicheskikh_akkauntov/2020-05-15-94 (дата обращения: 07.02.2021).

8 Что такое Прометей и как получить метку огня. – URL: <https://vk.com/faq18216> (дата обращения: 07.02.2021).

9 ВКонтакте тестирует нейросеть для борьбы с языком вражды. – URL: <https://vk.com/press/no-hate-speech> (дата обращения: 12.02.2021).

10 Нейросеть «ВКонтакте» научили выявлять суицидальный контент. – URL: <https://iz.ru/news/673264> (дата обращения: 07.02.2021).

11 В «Одноклассниках» заработала система распознавания лиц на основе нейросетей. – URL: <https://3dnews.ru/966402> (дата обращения: 08.02.2021).

12 Одноклассники запустили сервис «Моменты» с видеороликами, созданными нейросетью. – URL: <https://www.kr.ru/daily/26813/3849756/> (дата обращения: 07.02.2021).

13 Как работает «умная» лента и алгоритм поиска талантов «Прометей» во ВКонтакте. – URL: <https://www.sostav.ru/publication/kak-rabotaet-umnaya-lenta-novostej-i-algoritm-poiska-talantov-prometej-vo-vkontakte-30278.html> (дата обращения: 17.02.2021).

14 Нейросеть ВКонтакте поможет не пропустить фотографии с собой. – URL: <https://nashgorod.ru/news/society/24-11-2020/neyroset-vkontakte-pomozhet-ne-propustit-fotografii-s-soboy> (дата обращения: 09.02.2021).

15 «Одноклассники» первыми среди российских соцсетей запустили восстановление профилей через распознавание лиц. – URL: <https://tjournal.ru/tech/147300-odnoklassniki-pervymi-sredi-rossijskih-socsetey-zapustili-vosstanovlenie-profiley-cherez-raspoznavanie-lic> (дата обращения: 17.02.2021).

16 «Одноклассники» запустили «Робби» – платформу на базе нейросетей для анализа контента. – URL: <https://www.sostav.ru/publication/odnoklassniki-zapustili-robbi-platforna-baze-nejrosetej-dlya-analiza-kontenta-44148.html> (дата обращения: 27.02.2021).

17 «Одноклассники» внедрили нейросеть для размытия фона во время видеозвонок. – URL: <https://3dnews.ru/994610> (дата обращения: 07.02.2021).

18 Facebook представила нейросеть для распознавания оскорбительных мемов. – URL: <https://iz.ru/788322/2018-09-12/facebook-predstavila-neiroset-dlia-raspoznavaniia-oskorbitelnykh-memov> (дата обращения: 12.02.2021).

19 О персональных данных : Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 12.03.2021).

20 Коллаборатория – URL: <https://colab.research.google.com/notebooks/intro.ipynb#recent=true> (дата обращения: 12.03.2021).

21 Симанков В. С. Подходы к автоматизации процедур получения и обработки экспертных знаний на основе моделей интеллектуального анализа данных / В. С. Симанков, Е. С. Тарасов // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2012. – № 84. – С. 383–394.

КОМПЛЕКСЫ ТЕОРИЙ В КОГНИТИВНОЙ НАУКЕ И ИСКУССТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ

*М. А. Сушин,
канд. филос. наук, ст. науч. сотр.
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук
sushchin@bk.ru*

Аннотация. В работе предлагается перспектива теоретических комплексов для понимания крупных направлений в когнитивных науках и области искусственного интеллекта. В рамках данной перспективы предпринимается попытка учесть основные проблемы известных концепций Т. Куна, И. Лакатоса и Л. Лаудана и точнее охарактеризовать форму организации и ключевые функции когнитивистских теоретических направлений.

Ключевые слова: теоретические комплексы, компоненты, семейные сходства.

COMPLEXES OF THEORIES IN COGNITIVE SCIENCE AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE

*М. А. Sushchin,
Institute of Scientific Information for Social
Sciences of the Russian Academy of Sciences
sushchin@bk.ru*

Abstract. The paper proposes the perspective of theoretical complexes for understanding major movements in the cognitive sciences and the field of artificial intelligence. This perspective tries to avoid the main problems of the well-known conceptions of T. Kuhn, I. Lakatos and L. Laudan and to more accurately characterize the form of organization and key functions of cognitivist theoretical movements.

Keywords: theoretical complexes, components, family resemblance.

Как известно, с момента возникновения современной когнитивной науки и области исследований искусственного интеллекта видную роль в их развитии играли определенные теоретические направления или группы научных теорий и моделей, а также философских концепций. Не отрицая возможность альтернативных классификаций, мы полагаем, что в истории этих дисциплин в первую очередь выделяются следующие крупные теоретические направления: классический вычислительный когнитивизм, коннекционизм, движение воплощенного познания в его умеренной и радикальной разновидностях, а также группа теорий и моделей так называемой предсказывающей обработки. Вместе с тем природа, принципиальная форма организации и основные функции крупных теоретических направлений в когнитивных науках

и области искусственного интеллекта остаются слабо охарактеризованными.

В философии науки XX в. были развиты три основные концепции анализа комплексов, или групп, индивидуальных теорий и моделей: концепция научных революций Т. Куна [2], концепция научно-исследовательских программ И. Лакатоса [6] и концепция исследовательских традиций Л. Лаудана [7]. Безусловно, в каждой из этих концепций имеются элементы, которые хорошо согласуются с теми или иными особенностями крупных направлений в когнитивных науках и искусственном интеллекте. Вместе с тем, с нашей точки зрения, в концепциях Куна, Лакатоса и Лаудана также присутствует ряд весомых недостатков, не позволяющий выбрать ни одну из них в качестве основы для понимания когнитивистских групп теорий, моделей и концепций. Укажем на самые основные из этих недостатков.

Проблемы концепции Куна хорошо известны, будучи основательно исследованными в работах его многочисленных критиков. Кроме того, что Кун так и не предоставил ясного определения ключевого для своей концепции понятия парадигмы, данная им схема эволюции науки «предпарадигмальная наука – нормальная наука – кризис, революция – нормальная наука» сталкивается со значительными трудностями при сопоставлении с реальной историей науки. Так, для науки совершенно не характерна ситуация безоговорочного доминирования какой-либо парадигмы в духе куновских представлений о нормальной науке – скорее наоборот, как указывал Лакатос, история науки представляет собой историю соперничающих исследовательских программ. Более того, даже в те нечастые периоды, когда одна парадигма почти полностью затмевает собой альтернативные точки зрения, ее ключевые положения вовсе не обладают иммунитетом к пересмотру и критике со стороны сторонников этой парадигмы, как полагал Кун [7].

Такого рода затруднения концепции Куна были учтены Лакатосом в его собственной концепции научно-исследовательских программ, которая в самом деле лучше соотносится с историей науки. Положив в основу своей концепции представления о конкурентном характере развития научного познания, Лакатос провел важное различие между нефальсифицируемым твердым ядром программ и их защитными поясами, модели в составе которых могут отвергаться и изменяться. Это различие, как может показаться, достаточно точно описывает характер организации основных когнитивистских теоретических направлений. И все же концепция Лакатоса также сталкивается с рядом проблем. Пожалуй, наиболее существенная из этих проблем заключается в том, что Лакатос обсуждал преимущественно аспект эмпирического прогресса в науке, тогда как для ученых часто не менее важным оказывается решение теоретических (или концептуальных) проблем.

В свою очередь, эти и другие затруднения концепций своих предшественников постарался учесть американский философ науки Лаудан, выступивший с идеей так называемых исследовательских традиций. Понимая науку как деятельность по решению проблем, Лаудан подчеркивает, что теоретические проблемы являются для ученых не менее значимыми, чем традиционно исследовавшиеся в философии науки эмпирические проблемы. Определяя исследовательские традиции как ряд онтологических и методологических предписаний и запретов для конструирования конкретных теорий в какой-либо области, Лаудан допускает, что их ключевые положения могут со временем подвергаться переоценкам и изменению. Вместе с тем к неудовлетворительным следствиям ведет стремление Лаудана преувеличить значимость исследовательских традиций, отводя при этом входящим в их состав отдельным теориям только лишь функцию конкретизации онтологии этих традиций и пояснения их методологии. В этой связи остается неясным, каким образом ключевые положения традиций могут изменяться, если с их индивидуальными теориями связываются столь скромные функции. Наконец, в концепции Лаудана (как и в концепциях Куна и Лакатоса) не принимается во внимание тот факт, что крупные теоретические направления могут и не иметь однородного характера, когда все составляющие их отдельные теории и модели отличает какое-либо одно общее свойство (или ряд общих свойств).

Таким образом, возникает необходимость выработки альтернативной точки зрения, которая бы сохраняла в себе позитивные наработки подходов Куна, Лакатоса и Лаудана и в то же время была бы свободна от присущих им проблем. Сейчас мы готовы представить контуры такой точки зрения, связанной с нашей идеей теоретических комплексов, которая позволяет точнее охарактеризовать форму организации и основные функции масштабных теоретических направлений в когнитивных науках и искусственном интеллекте.

Исходное для этой точки зрения допущение, которое может быть названо номиналистическим допущением, заключается в том, что группы или комплексы теорий всегда с необходимостью воплощены в тех или иных индивидуальных теориях, моделях или концепциях. Последние являются основными носителями теоретических комплексов. Поэтому любые изменения ядра концептуальных положений комплекса могут иметь место только в результате соответствующих изменений непосредственно в самих теориях, моделях и концепциях данного комплекса.

Первый основной вопрос в деле характеристики крупных теоретических направлений в когнитивной науке и искусственном интеллекте затрагивает их форму организации. С помощью идеи теоретических комплексов ответить на этот вопрос можно следующим образом. Теоретические комплексы в когнитивной науке и искусственном

интеллекте могут иметь как более однородный характер, когда все входящие в их состав отдельные теории, модели и концепции отличает одно общее свойство или ряд общих свойств, так и неоднородную структуру, объединяясь на основе так называемых семейных сходств по Л. Витгенштейну [1]. При этом основанием для объединения теорий и моделей в комплексы служат их более абстрактные и непредназначенные для непосредственной эмпирической проверки компоненты, относящиеся к онтологии изучаемых процессов и явлений (например, «познание есть символическое вычисление на основе ментальных репрезентаций») и методологии исследования. Наиболее распространенным типом комплексов являются именно однородные теоретические комплексы. В этом случае имеется возможность выделить во всех теориях комплекса одно общее свойство или ряд подобных свойств.

Вместе с тем возможен и другой тип организации комплексов, когда во всех составляющих его теориях выделить ряд одинаковых свойств нельзя. Примером здесь может выступить влиятельное на протяжении последних десятилетий движение воплощенного познания в когнитивной науке (в его умеренной, признающей репрезентационный характер процессов познания разновидности). В духе идеи семейных сходств у теорий, моделей и концепций данного комплекса можно видеть «сеть накладывающихся друг на друга и переплетающихся друг с другом подобий» [1, с. 111]. К примеру, часть исследователей в рамках данного направления в большей степени подчеркивает значимость телесности и действий для познавательных процессов [3], другие авторы обсуждают вклад телесности и среды в познание [5], третьи – множественные взаимосвязи восприятия, познания и действия [8] и т. п.

Второй ключевой вопрос в контексте рассмотрения крупных когнитивистских теоретических направлений – это вопрос об их основных функциях. Здесь видится обоснованным мнение Лаудана, что функция комплексов теорий отличается от функций входящих в их состав индивидуальных теорий. С нашей точки зрения, теоретические комплексы в когнитивной науке и искусственном интеллекте обладают всего двумя приоритетными функциями.

Первая основная функция теоретических комплексов является конструктивной. В этой функции комплекс выступает в роли ориентира для ученых, конструирующих новые или модифицирующие уже имеющиеся теории, модели или концепции. Функция ориентира включает в себя несколько более частных функций. К ним относятся функции помощи в: (1) создании новых теорий, моделей и концепций, (2) развитии, артикуляции и изменении существующих теорий, моделей и концепций при помощи определения их (2.1.) понятийного аппарата, а также, по крайней мере, в некоторой степени (2.2.) методологии

и (2.3.) проблемного поля. Хрестоматийным примером ориентира может служить образ познания как манипуляции символами машиной Тьюринга, помогавший создавать теории, модели и концепции классической вычислительной когнитивной науки и искусственного интеллекта. Аналогичную роль для сторонников коннекционизма выполнял образ нейронной сети, а в настоящее время для приверженцев идей предсказывающей обработки выполняет теорема Байеса [4].

Вторая ключевая функция теоретических комплексов имеет негативный характер. В этой роли комплекс выступает в качестве мишени (отрицательного примера) для сторонников конкурирующих направлений. Именно в такой роли комплекс классического вычислительного когнитивизма выступал для адептов, возникших в 1980-х гг. в когнитивной науке и искусственном интеллекте новых направлений (коннекционизма, воплощенного познания и т. д.), неся с собой, по их мнению, излишне упрощенное понимание процессов познания.

В связи с идеей теоретических комплексов возникает ряд вопросов. Например, заслуживает прояснения вопрос о возможности ее применения для анализа крупных теоретических направлений в истории психологии (ассоцианизм, бихевиоризм и др.). Все же мы убеждены, что представленная в настоящей работе перспектива способна обогатить наше понимание характера теоретического знания современных когнитивных наук и искусственного интеллекта.

Библиографический список

- 1 Витгенштейн Л. *Философские исследования* / Л. Витгенштейн // *Философские работы. Часть I.* – Москва : Гнозис, 1994. – С. 75–319.
- 2 Кун Т. *Структура научных революций* / Т. Кун // *Структура научных революций.* – Москва : ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 9–268.
- 3 Ballard D.H., Hayhoe M.M., Pook P.K., Rao R.P. *Deictic codes for the embodiment of cognition* // *Behavioral and Brain Sciences.* 1997. Vol. 20. No. 4. P. 723–742.
- 4 Clark A. *Whatever next? Predictive brains, situated agents, and the future of cognitive science* // *Behavioral and brain sciences.* 2013. Vol. 36. No. 3. P. 181–204.
- 5 Haugeland J. *Mind embodied and embedded* // Haugeland J. *Having Thought: Essays in the Metaphysics of Mind.* Cambridge, Massachusetts, London, England: Harvard University Press. 1998. P. 207–237.
- 6 Lakatos I. *Falsification and the methodology of scientific research programmes* // Imre Lakatos: *the methodology of scientific research programmes. Philosophical papers.* Vol. 1. New York: Cambridge University Press, 1978. P. 8–101.
- 7 Laudan L. *Progress and Its Problems: Towards a Theory of Scientific Growth.* Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1978. 272 p.
- 8 Noë A. *Action in Perception.* Cambridge, MA: The MIT Press, 2004. 296 p.

КОНКУРЕНЦИЯ ЧЕЛОВЕКА И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОЦЕССЕ РАСПОЗНАВАНИЯ ЭМОЦИЙ

*Е. М. Томчук,
студент*

*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России*

*Б. Н. Ельцина
tomchuk.01@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается способность интеллектуальных систем распознавать эмоции человека на основе его мимики и жестов. Выделяются преимущества и недостатки как человека, так и машины в считывании эмоций в отношениях «человек–человек» и «человек–машина».

Ключевые слова: искусственный интеллект, интеллектуальные системы, эмоции, человеко-машинное взаимодействие.

COMPETITION OF HUMAN AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE PROCESS OF EMOTION RECOGNITION

E. M. Tomchuk,

*Undergraduate Student of the 2nd year
Ural Federal University*

Abstract. The article examines the ability of intelligent systems to recognize human emotions based on his facial expressions and gestures. The advantages and disadvantages of both man and machine in reading emotions in the relationship “man-man” and “man-machine” are highlighted.

Keywords: artificial intelligence, intelligent systems, emotions, human-machine interaction.

Сегодня активно обсуждается взаимодействие человека и машины, ведь постепенно технологии проникают во все сферы нашей жизни. При этом речь идет не о простых механизмах и алгоритмах, которые способны только к выполнению ограниченного ряда функций, но рассматривается влияние интеллектуальных систем на жизнь человека. В некоторых сферах алгоритмы встают наравне с человеком и пытаются частично или полностью его заменить, однако важно помнить о том, что человеческая природа уникальна – каждый человек имеет особенный внутренний мир, систему ценностей и свое собственное отношение к происходящим событиям. Поэтому важно не забывать о значимости эмоций – они могут указывать на отношение человека к самому себе или какой-либо ситуации.

Определение эмоциональных состояний – это достаточно нетривиальная задача, ведь нужно

учитывать целый ряд факторов: мимика, жесты, контекст рассматриваемой ситуации, наличие дефектов лица и т. д. Не менее важно и определение причины и объекта выражения эмоции – контекста. За счет того, что «эмоции выступают в качестве внутренних побуждений к деятельности. Эти внутренние побуждения, выражающиеся в чувствах, обусловлены реальными отношениями индивида к окружающему его миру» [1, с. 513], они представляют в современном мире особый интерес за счет того, что человеческая личность присутствует во многих процессах, а верная трактовка и анализ эмоционального состояния помогут повысить эффективность многих видов деятельности и лучше понять самого человека – его слабости, потребности, намерения.

Важно обратить внимание и на классификации эмоций. Согласно П. Экману и Д. Кордаро, существуют базовые эмоции, которые в совокупности образуют семейства эмоций: «эмоции – это не одно аффективное или психологическое состояние, а семья родственных состояний» [2].

Становится очевидно, что определение эмоционального состояния человека в конкретный момент времени является действительно сложной задачей, ведь необходимо за кратчайшее время проанализировать большой объем информации (визуальной, аудиальной, а, возможно, и текстовой). В этом случае к человеку приходят на помощь интеллектуальные системы для распознавания эмоций – алгоритмы, способные с помощью опорных точек определять выражение лица, а также оперативно его относить к корректному семейству эмоций.

Мы видим, что процесс определения эмоционального состояния человека – сложная и многоуровневая задача – именно поэтому она интересна. Предлагаем рассмотреть то, как справляются с распознаванием эмоций интеллектуальные системы и человек. Начнем с технологического решения данной задачи и отметим, что сам факт появления и активного усовершенствования эмоциональных алгоритмов говорит о человеческой потребности в них. На сегодняшний день существует множество интеллектуальных систем, которые способны определить эмоциональное состояние человека на фото, видео и даже в режиме on-line. Достоинством внимания можно назвать продукты компаний Affectiva, Microsoft Azure, Neurodata Lab, «Нейроботикс» и др. Области применения этих технологий самые разнообразные: например, медицина, образование, обеспечение безопасности, банковская сфера, маркетинг, создание контента для блогов. Работники этих сфер ежедневно коммуницируют с большим количеством людей, и становится очевидно, что если сотрудник способен достичь согласия с одним собеседником, то это еще не говорит о том, что он сможет улавливать мимолетные изменения настроения большой аудитории и подстраиваться под их интересы.

Стоит обратиться к эффективности эмоциональных алгоритмов – самым важным критерием для каждой из существующих систем является способность к распознаванию различной мимики, а также способность распознавать эмоции, даже если видна только часть лица или же человек не расположен в кадре строго в анфас.

Действительно ли интеллектуальные системы могут распознавать эмоции лучше человека? Конечно, однозначного ответа на этот вопрос нет, но сегодня очевиден запрос на обучение по распознаванию эмоций. Популярность данного направления связана, в том числе, с работами П. Экмана, который предложил Систему кодирования лицевых движений (англ. Facial Action Coding System – FACS). Она представляет собой систему для классификации выражений лица человека. Именно на основании этой системы создаются технологии машинного обучения в этой области, более того, она находит широкое применение в обучении распознавания эмоций людей. Тренажер Micro Expressions Training Tools [3] позволяет человеку определять эмоциональное состояние человека по мельчайшим изменениям в его мимике.

Таким образом, между человеком и искусственным интеллектом уже сегодня существует здоровая конкуренция – человек не довольствуется наличием умных устройств, а стремится к самостоятельному достижению результатов, на которые по умолчанию способна машина. При этом если машина выигрывает в скорости, то проигрывает в корректности результатов анализа, ведь она не может знать полного контекста или уделять внимание всем деталям. Машина никогда не сможет понять, каково это – испытывать эмоции.

Библиографический список

- 1 Рубинштейн С. Л. *Основы общей психологии* / С. Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург : Питер, 2002. – 712 с.
- 2 Ekman P. *What is meant by calling emotions basic?* / P. Ekman, D. Cordaro // *Emotion Review*, 3, 2011. – P. 364–370.
- 3 Сайт PaulEkmanGroup. – URL: <https://www.paulekman.com/micro-expressions-training-tools/> (дата обращения: 24.03.2021).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОПРОСЫ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ ОБ ОТНОШЕНИИ ОБЩЕСТВА К РАСПРОСТРАНЕНИЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

*Л. Д. Тюличева,
канд. экон. наук, доцент,
независимый исследователь
lid-tylicheva@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируются два типа опросов – населения в целом и потребителей приложений искусственного интеллекта. В качестве примеров использованы результаты проведенных в России и за рубежом исследований. Освещены выявленные в ходе опросов опасения и ожидания респондентов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, социологический опрос, риски, ожидания, государственная поддержка.

SOCIOLOGICAL SURVEYS AS A SOURCE OF INFORMATION ON SOCIETY ATTITUDES TO THE DISTRIBUTION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

*Tiulicheva Liidia,
PhD in Economics, Associate Professor
Independent researcher, St. Petersburg*

Abstract. The article analyzes two types of surveys - the general population and consumers of artificial intelligence applications. The results of studies carried out in Russia and abroad are used as examples. Fears and expectations of the respondents identified during the polls are described.

Keywords: artificial intelligence, sociological survey, risks, expectations, government support.

Общее отношение населения России к распространению искусственного интеллекта достаточно обстоятельно выявлено в двух отечественных исследованиях – опросе общественного мнения, проведенном социологическим отделом независимой исследовательской компании ИОМ «Анкетолог»¹[1] и исследовании проектного офиса по реализации национальной программы «Цифровая экономика» аналитического центра при правительстве РФ (АЦ) и ВЦИОМ² [2]. Они выявили схожие закономерности.

1 Большинство россиян положительно (48 %) или нейтрально (31 %) относятся к распространению искусственного интеллекта [2]. На вопрос

¹ В декабре 2018 г. было опрошено 1200 человек.

² В телефонном опросе, проведенном в конце 2019 года, приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет.

«Развитие искусственного интеллекта – это хорошо или плохо?» ответили «определенно хорошо» 16,0 %, «скорее хорошо» – 56 %, «скорее плохо» – 24 %, «определенно плохо» – 4,0 % [1].

Негативное отношение населения к ИИ в основном связано с возможностью технических сбоев (31 %): 17 % респондентов в качестве причины назвали проблемы в работе техники, 8 % – выход машин из-под контроля, 6 % считают, что в целом человек надежнее. Негативное отношение обусловлено и угрозой безопасности личных данных (21 %), взломом и хищением персональных данных (12 %), нарушением личного пространства (9 %), непредсказуемостью перспектив (5 %), отсутствием знаний о последствиях внедрения (12 %) и представлением о плохом влиянии замещения взаимодействия между людьми (16 %) [2]. Опасения были высказаны и в опросе 2018 г. На вопрос «Какие минусы в развитии искусственного интеллекта Вы видите?» респонденты отметили: сокращение рабочих мест (71 %); возможность ошибок, сбоев (67 %); возможность применения искусственного интеллекта против человека (66 %); неспособность решать творческие задачи (61 %); ограниченные возможности искусственного интеллекта (26 %); искажение данных (23 %); другое (1 %) [1].

Большинство опрошенных (87 %) полагает, что государство должно способствовать развитию технологий ИИ, в первую очередь, за счет создания и финансирования программ профессионального образования (38 %). При этом более половины (59 %) населения не хотели бы пройти обучение в этой сфере в ближайшие несколько лет. Среди предложенных направлений государственной политики в этой области нашли поддержку населения: программа переподготовки кадров (36 %) и программа внедрения искусственного интеллекта в системы государственного здравоохранения и образования (35 %). Также респонденты считают необходимым предоставлять финансовую поддержку компаниям, занимающимся разработкой технологий ИИ (35 %), совершенствовать законы в данной сфере (34 %) и внедрять технологии в систему получения госуслуг (34 %) [2].

Ожидания российского населения относительно действий государства можно сравнить с воззрениями населения других стран. Обратимся к результатам исследования «Разрыв технологий – различное восприятие оцифровки в Европе, Азии и США», проведенного Институтом общества и коммуникации Vodafone³.

Опрошенные предполагают, что государство должно помогать компаниям и гражданам идти в ногу с цифровым веком. Формы этой помощи могут быть разнообразны:

– продвижение малых и средних компаний

³ По его поручению Институтом изучения общественного мнения Ipsos в 2019 году был проведен онлайн-опрос 9000 человек в 9 странах (респонденты из Китая отвечали не на все вопросы).

или отраслей, которые отстают в плане технологических изменений (1);

– обширные инвестиции в оцифровку и инфраструктуру (2);

– комплексный контроль компаний и их соответствия ответственному обращению с данными (3);

– обширные инвестиции в цифровое образование (4);

– разработка концепций индивидуального жизнеобеспечения (например, безусловный базовый доход или введение специального дохода на новые технологии для финансирования социальных пособий) (5);

– регулирование дальнейшего обучения в цифровой области (например, право на отпуск для дальнейшего профессионального обучения) (6).

Данные, отражающие ожидания населения разных стран относительно действий государства, отражены в таблице 1.

Таблица 1 – Мнение населения о желательных мерах правительства по осуществлению цифровизации

	Распределение респондентов по их ответу на вопрос «Какие три из следующих мер являются наиболее важными для Вас?» (в %)					
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
Индия	42	38	34	–	39	34
США	37	28	29	31	–	26
Великобритания	37	34	30	33	39	–
Германия	38	41	33	44	29	–
Испания	48	27	33	41	24	–
Италия	40	40	–	37	20	23
Швеция	35	33	34	29	30	–
Болгария	46	40	26	46	–	34
Китай	–	39	45	33	48	33

Источник [3]

Особый интерес представляют опросы, проведенные в среде, имеющей непосредственное отношение к повседневному использованию искусственного интеллекта, например, опросы среди предпринимателей. Обратимся к одному из них.

PricewaterhouseCoopers (международная сеть компаний, предлагающих услуги в области консалтинга и аудита) и Институт исследования рынка и общественного мнения Kantar EMNID в первом квартале 2018 года опросили в ФРГ 500 предпринимателей.

Компании, заинтересованные в использовании искусственного интеллекта (ИИ), составили 51 % всех компаний, в их числе:

- те, для которых тема ИИ актуальна, но конкретных планов пока нет – 28 %;
- находящиеся в фазе планирования – 14 %;
- находящиеся в фазе тестирования – 3 %;
- находящиеся в фазе реализации проекта по внедрению ИИ – 2 %;
- уже использующие ИИ в своей деятельности – 4 %.

Тот факт, что только 4 % опрошенных используют ИИ и только 3 % внедряют его, свидетельствует о недостаточной готовности предпринимателей на деле впустить искусственный интеллект в свой бизнес.

Соответственно, сегмент незаинтересованных в использовании ИИ составил 49 % опрошенных компаний.

Сегменты в ходе опроса удалось сравнить по объективным характеристикам. Мы для наглядности свели эти характеристики в таблицу (таблица 2).

Таблица 2 – Сводка характеристик

Характеристики компаний	Компании, заинтересованные в использовании ИИ	Компании, не заинтересованные в использовании ИИ
Сфера деятельности компаний		
Сфера услуг	52 %	38 %
Промышленность	33 %	37 %
Торговля	15 %	25 %
	100 %	100 %
Численность персонала		
Более 500 занятых	83 %	61 %
Менее 500 занятых	17 %	39 %
	100 %	100 %
Оборот фирмы		
Равно или более 1 млрд евро	28 %	12 %
Менее 1 млрд евро	72 %	88 %
	100 %	100 %

Составлено по [3, с. 8]

Для преодоления опасливого отношения предпринимателей важно было выявить их требования к искусственному интеллекту. В таблице 3 отражены представления предпринимателей о характеристиках приложений «Искусственный интеллект», позволяющих отнести эти приложения к успешным.

Таблица 3 – Требования к успешным приложениям искусственного интеллекта (ИИ) со стороны предпринимателей

		Компании, заинтересованные в использовании ИИ	Компании, не заинтересованные в использовании ИИ
1	Важность базовых данных для внедрения и работы ИИ	73 %	64 %
2	Важность соблюдения требований соответствия и нормативных мер	60 %	58 %
3	Важность развития компетенций ИИ	56 %	62 %
4	Размер пула данных, необходимого для процесса обучения и использования ИИ	56 %	54 %
5	Важность доверия клиентов	59 %	49 %
6	Важность доверия заинтересованных сторон	58 %	48 %

Продолжение таблицы 3

7	Важность ИИ для будущей конкурентоспособности	55 %	43 %
8	Личное доверие к решениям ИИ и возможностям использования	58 %	35 %
9	Важность темы управления ИИ	40 %	45 %
10	Влияние использования ИИ на бизнес-модель ИИ-компаний	36 %	43 %
11	Влияние использования ИИ на репутацию ИИ-компаний на рынке	43 %	27 %

Составлено по [4, с. 12]

Библиографический список

1 72 % россиян за развитие искусственного интеллекта. Результаты исследования. – URL: anketolog.ru (дата обращения: 02.03.2021).

2 Искусственный интеллект: угроза или возможность? – URL: wciom.ru (дата обращения: 03.03.2021).

3 Paus I., Deißner A., Pohl F. und andere. *The Tech Divide – Die unterschiedliche Wahrnehmung der Digitalisierung in Europa, Asien und den USA.* – URL: https://www.vodafone-institut.de/wp-content/uploads/2019/02/Politik_Tech_Divide_VFI.pdf (дата обращения: 27.03.2019).

4 *Künstliche Intelligenz in Unternehmen.* – URL: studie-kuenstliche-intelligenz-in-unternehmen.pdf (дата обращения: 05.03.2021).

УДК 34.09.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ЭЛЕМЕНТ НТП И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

*И. В. Упоров,
д-р ист. наук, канд. юрид. наук, профессор
Краснодарский университет МВД России
uporov@list.ru*

Аннотация. Обосновывается авторская позиция, согласно которой искусственный интеллект следует рассматривать только в инженерном смысле как очередное достижение научно-технического прогресса в цифровых технологиях. Вместе с тем эти технологии существенно видоизменяют направление развития человеческого сообщества, находящегося в стадии потребления, и в этом контексте так называемый искусственный интеллект способствует не столько позитивному развитию цивилизации, сколько ее деградации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровые технологии, социальные отношения, когнитивные функции, общество, прогресс.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS AN ELEMENT OF STP AND ITS INFLUENCE ON THE DEVELOPMENT OF SOCIAL RELATIONS

*I. V. Uporovs,
Doctor of History, Candidate of Law, Professor,
Krasnodar University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia
uporov@list.ru*

Abstract. The author's position is substantiated, according to which artificial intelligence should be considered only in the engineering sense as another achievement of scientific and technological progress in digital technologies. At the same time, these technologies significantly alter the direction of development of the human community in the stage of consumption, and in this context, the so-called artificial intelligence contributes not so much to the positive development of civilization as to its degradation.

Keywords: artificial intelligence, digital technologies, social relations, cognitive functions, society, progress.

С появлением компьютеров и интернета и активного их использования в повседневной жизни людей активизировались дискуссии об искусственном интеллекте (далее – ИИ), его значимости в развитии новой «цифровой» экономики, влиянии на общественно-политические и социально-экономические процессы и т. д. При этом значительное внимание уделяется правовому

регулированию IT-технологий, более того, именно это направление, по нашим наблюдениям, преобладает в научной литературе, во всяком случае в 2019–2020 гг. (авторы Е. А. Свиридова, Р. Ш. Рахматулина, С. С. Горохова, М. А. Лапина, В. С. Савина и др.), что отражает активное внедрение достижений научно-технического прогресса в человеческую жизнь (НТП). Вместе с тем мы считаем это определенным перекосом, поскольку еще нет достаточной ясности в том, что собой представляет ИИ, каковы его характеристики, какова зависимость ИИ от интеллектуальных возможностей человека и т. д. В этой связи представляется целесообразным остановиться на вопросах понимания ИИ, его сущности, роли в системе непрерывно развивающихся социальных отношений.

Прежде всего затронем понятийный аппарат. Как отмечает Е. А. Свиридова в своем обзоре о генезисе попыток создать ИИ, в 1950-х гг., после появления первых компьютеров, в зарубежной литературе публиковались статьи, что в ближайшем времени будет создан ИИ, который заменит человека во многих областях. Так, А. Тьюринг полагал, что «машина обладает способностью думать. Надо только дождаться такого развития информатики и вычислительной техники, чтобы вложить эту способность в человекоподобную форму» [1, с. 153]. Распространенным было мнение о том, что ЭВМ тогда становится интеллектом, когда начинает воспроизводить поведение человека, и в этом смысле в то время авторитетной была точка зрения Д. Мак-Карти о том, что ИИ «реализуется технологическими устройствами, заменяющими человека, когда у него заимствуются его когнитивные функции» [1, с. 153–154].

Однако, как представляется, это была излишне оптимистическая оценка, поскольку когнитивные (или познавательные) функции представляют собой очень сложные процессы, протекающие в головном мозгу и позволяющие рационально воспринимать окружающий мир, то есть, используя когнитивные способности, человек определяет взаимосвязь своего «я» и явлений, среди которых он живет, при этом используются такие основные когнитивные функции-способности, как память (усвоение, сохранение, воспроизведение получаемой информации), гнозис (синтезирование простейших ощущений, получаемых органами чувств, в целостные структуры окружающей действительности), речь (обмен информацией, осмысленными знаками и звуками), праксис (приобретение и использование новых двигательных и иных навыков в повседневной жизни), интеллект (анализ поступающей информации посредством логических и иных методов). К этому можно добавить и такое качество интеллекта, как «фундаментальный инструмент адаптивности человека к среде» [2, с. 14].

Как видно, интеллект составляет лишь часть когнитивных функций человека, и перенос всех

этих функций на ИИ представляется заведомо невыполнимой задачей – и потому, что еще сам человек не познан как биологическое явление, в котором человеческий разум по-прежнему остается «вещью в себе», в связи с чем ИИ можно расценивать разве что как научно-популярный термин [3, с. 79], и потому что ИИ невозможен без материальной оболочки, создаваемой только человеком [1, с. 159]. И в этом смысле мы не можем согласиться, когда в научных статьях об ИИ используется терминология с модальностью, присущей живому человеку (типа «робот имеет целеполагание» [4, с. 237]), что, очевидно, позволительно в публицистике. По этой же причине полагаем неправильным использовать спорное само по себе понятие ИИ в официальных актах и, прежде всего, в Национальной стратегии развития ИИ (Указ Президента России от 10 октября 2019 г.), где справедливо указывается, что ИИ лишь «имитирует когнитивные функции человека», и речь идет не более, чем о дальнейшем развитии инженерии в данном направлении (даже не науки!), но при этом очевидна неоправданная в таких документах дань модному термину.

А отмеченный выше оптимизм в отношении ИИ, как представляется, во многом объясняется тем, что активизация работы над созданием искусственного интеллекта совпала с прорывами в физике, и прежде всего ядерной, что имело место также в середине XX в. Однако что в итоге удалось достичь науке и практике, имея в виду проекты, имевшие глобальное значение для повседневной жизни человечества? На наш взгляд, очень мало чего, в частности, энергию из водорода воды извлечь не получилось, нейтрино так и осталось в теоретических рассуждениях, о строительстве городов на других планетах можно прочесть только у фантастов и т. д. А ведь с тех пор прошло уже почти семьдесят лет, и сегодня из глобальных прорывов можно назвать, пожалуй, лишь интернет, но это больше инженерное, чем научное решение, основанное на давно известных явлениях (электричество, электромагнитные волны и т. д.).

Другой аспект, связанный с ИИ, заключается в заложенном природой в человеке стремлении к познанию нового, желании видеть каким-то образом свое будущее (как отражение одной из когнитивных функций), в том числе в сфере художественной литературы-фантастики, и здесь ИИ также не остался в стороне. Так, в 1920 г. Карел Чапек написал пьесу «Россумские универсальные роботы». Сюжет ее весьма показателен в контексте исследуемой темы. Некий ученый Россум-старший решил опровергнуть существование бога, для чего предпринял попытку создать искусственных людей, и ему после длительных и многочисленных экспериментов удалось разработать способ выращивания человекоподобных существ. Однако Россум-младший был более прагматичен, и он решил сделать бизнес на выращивании роботов, упростив способности этих

существ и оставив им только знания и умения (никаких чувств, желаний, потребностей), необходимые для выполнения «унизительного труда», а люди могли предаваться «беззаботности». Но в итоге роботы подняли восстание против людей, уничтожив их всех, но так как не смогли восстановить тайную формулу (способ) выращивания самих себя, тоже все погибли.

Этот сюжет отражает вектор глобального развития цивилизации, имея в виду, что почти вся предшествовавшая история человечества была направлена на то, чтобы создать для людей комфортные материальные условия существования, для чего активно используются достижения НТП. И вот, к примеру, к рубежу 2000 г. производится столько продуктов питания, что голод больше не грозит ни одной стране. Тем самым человечество окончательно перешло от эпохи индустриализации к эпохе потребления, и сейчас термин «общество потребления» или «потребительское общество», наверное, самый распространенный в работах по гуманитарным наукам. Соответственно в последние годы это понятие («искусственный интеллект») видоизменилось, и если раньше оно включало в себя, как правило, использование IT-технологий для облегчения труда в разных областях жизни, и уже не только в отношении тяжелого физического, но и умственного труда (поиск и передача информационных потоков, проведение дистанционных конференций и т. д. [5, с. 49]), то сейчас доминирует такое понимание ИИ, которое связывается с созданием роботов, способных по критериям интеллектуализма конкурировать с настоящим человеком.

Однако несмотря на создание относительно комфортных условий для исследований (по сравнению, например, с теми же 1950 годами), мы не видим открытий в фундаментальных науках, и здесь, на наш взгляд, тенденция очевидна – человечество, войдя в стадию потребления, теряет достаточные мотивы для фундаментальных, серьезных и глубоких исследований, направленных на перспективное развитие человеческого общества, ибо эпоха потребления – это конечная станция в развитии человеческой цивилизации. Поэтому в части создания ИИ человечество не ушло далее середины XX в. Что касается достижений роботов, о которых часто пишут, и им подобным, то здесь, как мы полагаем, речь не должна идти только о высочайшем уровне инженерной мысли и практики, поскольку любые программы составляются людьми, обладающими присущим им интеллектом (который может быть только естественным и не может быть искусственным). Что касается современных IT-технологий, то нельзя не видеть, что эти новейшие достижения НТП используются в абсолютном большинстве для удовлетворения людьми своих все увеличивающихся потребительских нужд. И это вполне вписывается в закономерность цивилизационного развития, которое имеет как начало, так и оконча-

ние. Между тем потребности тоже не могут быть бесконечными – в определенный период развития произойдет насыщение с точки зрения удовлетворения потребностей, поскольку человек не может бесконечно их генерировать, и тогда возникнет вопрос о смысле дальнейшего существования.

С учетом изложенного есть основание полагать, что ИИ, будучи отражением достижений НТП, не может иметь автономного от человека мыслительного процесса, поскольку «касается исключительно инженерных вопросов физической архитектуры электронных устройств» [6, с. 28]. Вместе с тем ИИ (в инженерном понимании) является катализатором развития общества потребления, и, вероятно, в скором времени все люди в мире будут владельцами личных электронных устройств. Признаки общества потребления хорошо видны по содержанию множества сетей в интернете, в которых явно преобладают достаточно примитивные интересы пользователей-блогеров (и этот примитивизм, опять же, есть следствие «сытого» общества). Но именно эти блогеры по законам политической демократии определяют образ жизни человеческого сообщества (являясь избирателями, то есть формируют органы власти), и они будут продвигать дальше эти примитивные интересы в деятельности публичных структур (правительств), и этому будут способствовать как раз ИТ-технологии [7, с. 174], что означает дальнейшую деградацию общественного развития. В этом контексте, очевидно, возможна ситуация, когда полная информация о всех людях благодаря ИТ-технологиям окажется в руках правящих элит (а об угрозе этого недавно заявил даже один из создателей интернета Тим Бернерс-Ли [8]), люди-пользователи сетей восстанут против тотального контроля, и в чем-то повторится ситуация, как в пьесе К. Чапека. Таким образом, так называемый ИИ, являясь элементом НТП, по своей сути не отличается от других достижений НТП, но, безусловно, на данном этапе развития человечества ИИ существенно влияет на состояние социальных отношений, причем если иметь в виду будущее человечества, не только и не столько в позитивном направлении.

Библиографический список

- 1 Свиридова Е. А. Генезис понятия искусственного интеллекта с точки зрения права в условиях реализации национального проекта «Цифровая экономика России» / Е. А. Свиридова // *Экономика. Налоги. Право*. – 2020. – № 3. – С. 152–160.
- 2 Леонтьев Б. Б. Об открытии комплекса закономерностей интеллектуальной природы и обоснование феномена интеллектуальной природы / Б. Б. Леонтьев // *Правовая информатика*. – 2016. – № 4. – С. 10–74.
- 3 Кутейников Д. Л. Киберфизические, кибербиологические и искусственные когнитивные системы: сущность и юридические свойства / Д. Л. Кутейников [и др.] // *Российское право: образование, практика, наука*. – 2019. – № 3. – С. 75–81.
- 4 Власов Д. В. Современные проблемы информатики: философский анализ / Д. В. Власов // *Статистика и экономика*. – 2011. – № 1. – С. 233–243.

5 Халин В. Г. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущество, вызовы, угрозы и риски / В. Г. Халин, Г. В. Чернова // *Власть и экономика*. – 2018. – № 10. – С. 46–63.

6 Ладов В. А. О понятии информации в контексте современных исследований по проблемам семантики и искусственного интеллекта / В. А. Ладов // *Вестник ТомГУ. Серия «Философия. Социология. Политология»*. – 2013. – № 4 (24). – С. 26–33.

7 Лазар М. Г. Цифровизация общества, ее последствия и контроль над населением / М. Г. Лазар // *Проблемы деятельности ученого и научных коллективов*. – 2018. – № 4. – С. 170–182.

8 Бунина В. «Создать сеть заново»: отец интернета призывает положить конец господству ИТ-гигантов / В. Бунина // *Газета. ру*. – 2021. – 13 марта.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: МЕЖДУНАРОДНЫЙ И ИНОСТРАННЫЙ ОПЫТ

*Д. А. Фельдшеров,
канд. ист. наук
Курганский государственный университет
feldsherov@bk.ru*

Аннотация. В статье анализируются как международные правовые акты, так и национальное законодательство зарубежных государств в сфере правового положения искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, робототехника, электронные лица, автоматизированная функция вождения, беспилотные автомобили.

SOME ASPECTS OF LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: INTERNATIONAL AND FOREIGN EXPERIENCE

*D. A. Feldsherov,
Kurgan State University
feldsherov@bk.ru*

Abstract. The article analyzes both international legal acts and national legislation of foreign states in the field of the legal status of artificial intelligence.

Keywords: artificial intelligence, robotics, electronic faces, automated driving function, self-driving cars.

В настоящее время не существует каких-либо международных актов, где серьезно рассматриваются вопросы правового регулирования искусственного интеллекта. В ст. 12 Конвенции ООН «Об использовании электронных сообщений в международных договорах» говорится об «автоматизированных системах сообщений», которые способны заключать гражданско-правовые договоры как с людьми, так и с другими «автоматизированными системами сообщений». Подчеркивается, что правомочны такие договоры будут даже без непосредственного контроля какого-либо физического лица [1].

Безусловно, хоть напрямую об этом и не говорится в Конвенции, под «автоматизированными системами сообщений», которые могут принимать решения и заключать сделки, можно смело понимать в том числе и системы, обладающие искусственным интеллектом.

Огромный интерес представляет Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 года «Нормы гражданского права о робототехнике» («Civil Law Rules on Robotics»), содержащая рекомендации

для Европейской комиссии относительно норм гражданского права о робототехнике. Из текста этого во многом революционного документа следует, что в будущем возможности искусственного интеллекта могут превзойти интеллектуальные способности людей. Разработчики устройств с искусственным интеллектом в целях соблюдения этических норм и норм безопасности должны нести юридическую ответственность за качество своих изделий.

В документе дается прямая отсылка на три закона робототехники Айзека Азимова, а так как их невозможно перевести в машинный код, то указывается необходимость руководствоваться напрямую этими законами разработчикам, пользователям и операторам роботов с искусственным интеллектом.

Указывается на необходимость создания новых правовых норм, которыми бы регулировался порядок самостоятельного поиска и выбора машинами сторон сделок, обсуждения условий этих сделок, а также заключения и реализации данных сделок.

В Резолюции содержится важнейший тезис о возможности в будущем предоставления машинам с искусственным интеллектом особого правового статуса – «электронные лица», которые будут нести юридическую ответственность во всех случаях, когда они действовали самостоятельно [2].

Если говорить о национальных законах, регулирующих вопросы правового положения искусственного интеллекта, то одним из первых серьезных законодательных актов можно считать Закон Южной Кореи «Закон о содействии развитию и распространению умных роботов», принятый 28 марта 2008 года. После принятия в него было внесено много поправок, последняя из которых датируется 2016 годом. Закон вводит термин «умный робот», под которым понимается «механическое устройство, способное воспринимать окружающую среду, распознавать обстоятельства, в которых оно функционирует, и целенаправленно передвигаться самостоятельно» [3].

Закон также предусматривал создание «Хартии этики умных роботов», главная задача которой – разработка этических норм, которыми должны руководствоваться в своей деятельности пользователи, разработчики и производители «умных роботов».

Вслед за уже упомянутой Резолюцией Европарламента от 16 февраля 2017 года только в 2017 году было принято множество нормативных актов, актов ненормативного и рекомендательного характера, прямо или косвенно затрагивающих вопросы правового статуса искусственного интеллекта. Это и китайский «План развития технологий искусственного интеллекта нового поколения», и принятая в Японии «Стратегия развития технологий искусственного интеллекта», «Стратегия ОАЭ для искусственного интеллекта»,

«Общеканадская стратегия развития искусственного интеллекта», а также «Монреальская декларация об ответственном развитии искусственного интеллекта», «План действий по развитию искусственного интеллекта в Тайване» (2018 г.). Стоит также отметить Пятый отчет Сессии 2016–17 Комитета по науке и технологиям Палаты общин «Робототехника и искусственный интеллект», а также эстонский Закон «О роботах-курьерах» и принятые как раз в 2017 году изменения в Законе «О дорожном движении» [4].

Стоит отметить, что большое место в данных и других документах уделяется вопросам использования искусственного интеллекта в сфере дорожного движения, грузовых и пассажирских перевозок, оказания транспортных услуг и услуг доставки. Связано это, безусловно, с динамичным развитием данных сфер оказания услуг.

Ярким примером здесь является немецкий «Восьмой закон о внесении изменений в Закон о дорожном движении от 16 июня 2017 г.». В статью 1 были внесены пункты 1 а, 1 б, 1 с в соответствии с которыми разрешается использование автомобилей с помощью «значительно или полностью автоматизированной функции вождения» в том случае, если данная функция используется по назначению. Такими автомобилями в соответствии с данным законом считаются транспортные средства, обеспеченные оборудованием, которое после включения может управлять автомобилем для выполнения задачи вождения, включая продольное и боковое управление, способные соблюдать ПДД, которое возможно в любое время выключить с целью принять управление транспортным средством. Эти автомобили должны «понимать» ситуации, в которых управление должно быть передано человеку, и с необходимым временным запасом, разными способами (визуально, акустически, тактильно) предупреждать о необходимости принятия управления водителем [5].

В феврале 2021 года несколько стран, включая Россию, в рамках Экономического и социального совета ООН предложили пересмотреть некоторые положения Венской конвенции о дорожном движении от 08.11.1968 года, так как в ней прописан фактический запрет эксплуатации на дорогах общего пользования беспилотных автомобилей. Предлагается ввести в данный документ понятие «автоматизированной системы вождения», то есть определенного программно-аппаратного комплекса, который будет контролировать автомобиль, реализуя функции, необходимые при передвижении: контроль за дорогой, управление автомобилем, планирование и сигнализацию о маневрах. Также предлагается пункт о том, что автоматизированная система может быть признана водителем, если транспортное средство соответствует техническим и эксплуатационным требованиям признавших поправки государств [6].

Стоит отметить, что на момент написания статьи, 15 марта 2021 года Первый за-

меститель Председателя Правительства РФ Андрей Белоусов утвердил разработанный Минтрансом России комплекс мероприятий по тестированию и поэтапному вводу в эксплуатацию на дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств (ВАТС) без присутствия инженера-испытателя в салоне» [7].

То есть речь идет о непосредственном разрешении разработчикам начать испытания беспилотных автомобилей на дорогах общего пользования. Предполагается, что данные мероприятия будут проходить в специально определенных субъектах Российской Федерации с 2021 по 2024 год. Закономерным итогом их должна быть подготовка нормативно-правовой базы для использования беспилотных автомобилей с искусственным интеллектом на дорогах общего пользования.

Библиографический список

- 1 Конвенция ООН «Об использовании электронных сообщений в международных договорах»: [принята резолюцией 60/21 Генеральной Ассамблеи от 23 ноября 2005 года]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/elect_com.shtml (дата обращения: 10.03.2021).
- 2 Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 года 2015/2013(INL) P8_TA-PROV(2017)0051 «Нормы гражданского права в робототехнике». – URL: https://robopravo.ru/riezoliutsiia_ies (дата обращения: 10.03.2021).
- 3 «О содействии развитию и распространению умных роботов» № 9014 от 28.03.2008, с последующими изменениями и дополнениями: Закон Южной Кореи. – URL: https://robopravo.ru/zakon_iuzhnoi_koriei_2008 (дата обращения: 10.03.2021).
- 4 Развитие законодательства о робототехнике и киберфизических системах: исследование проведено ООО «Дентос Юроп» в соответствии с пунктом 01.02.001.004.001 Плана мероприятий по направлению «Нормативное регулирование» программы «Цифровая экономика Российской Федерации». – URL: https://fond.sk.ru/cfs-file.aspx/___key/telligent-evolution-components-attachments/13-643-00-00-02-23-61/_1F0440043504370435043D0442043004460438044F042D001A0424042104_.pdf. (дата обращения: 10.03.2021).
- 5 Восьмой закон о внесении изменений в Закон о дорожном движении от 16 июня 2017 г. // Вестник федеральных законов, выпуск 2017 г., часть I, № 38, издано в Бонне 20 июня 2017 г. – URL: https://robopravo.ru/initsiativy_frantsii_v_sfierie_robototiekhniki_2013_2 (дата обращения: 10.03.2021).
- 6 Кодачигов В. Россия инициировала пересмотр Конвенции о дорожном движении / В. Кодачигов, И. Чеберко. – URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/02/18/858574-rossiya-initsiirovala> (дата обращения: 10.03.2021).
- 7 Начинается тестирование высокоавтоматизированных транспортных средств без присутствия инженера-испытателя в салоне // Пресс-центр Министерства транспорта Российской Федерации. – URL: <https://mintrans.gov.ru/press-center/news/9875> (дата обращения: 10.03.2021).

ИЗУЧЕНИЕ АДАПТАЦИИ НЕЙРОНОВ ДЛЯ ПОСТРОЕНИЯ ЭЛЕМЕНТАРНЫХ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В НЕРВНОЙ СИСТЕМЕ

*Р. Ю. Хасанов,
независимый исследователь
Rustamhasanov582@gmail.com*

Аннотация. В работе производится обзорное исследование различных способов описания нейрональной адаптации на уровне биологических функциональных групп нейронов. Отмечается важное значение адаптации для психофизиологии, а также приводятся примеры построения алгоритма поиска производной по времени из двух адаптирующихся нейронов. Отмечается возможный переход исследований биологической адаптации к вычислительной парадигме и возможным подходам к объяснению психологической адаптации.

Ключевые слова: нейрональная адаптация, вычислительная нейронаука, алгоритмы обработки сигнала, нормализация, когнитивная функция.

STUDY OF NEURON ADAPTATION FOR CONSTRUCTION OF ELEMENTARY COMPUTATIONAL PROCESSES IN THE NERVOUS SYSTEM

*R. Yu. Khasanov,
Rustamhasanov582@gmail.com*

Abstract. This work provides an overview study of various ways of describing neuronal adaptation at the level of biological functional groups of neurons. The importance of adaptation for psychophysiology is noted, and examples of the construction of an algorithm for finding the time derivative of two adapting neurons are given. The possible transition of research on biological adaptation to the computational paradigm, and possible approaches to explaining psychological adaptation is noted.

Keywords: neuronal adaptation, computational neuroscience, signal processing algorithms, normalization, cognitive function.

Различные формы адаптации встречаются в самых разных тканях и органах. Большой потенциал к адаптивным способностям имеет нервная система, позволяющая постоянно обнаруживать изменения в окружающей среде. Нервные клетки и рецепторные клетки постоянно обрабатывают сигналы, поступающие из окружающей среды, и динамика активности этих клеток отражает процессы восприятия мышления и сознания. Постоянный раздражитель приводит к угасанию реакции нервных клеток на всех уровнях рас-

пространения сигнала. Человек теряет интерес к стимулу при постоянном раздражении, выучивая правило, согласно которому стимул появляется. А также замечает неожиданный стимул, если он выбивается из предсказанной последовательности. Например, если приложить руку к теплой кружке, то переживание ощущения тепла будет ярко контрастировать с предыдущими ощущениями в теле. Однако после непродолжительного времени ощущение становится малозаметным. Такая адаптация объясняется привыканием на физиологическом и психологическом уровне, однако если параллелизм, очевидный на бытовом уровне, рассмотреть на уровне вычислительной модели, то может возникнуть трудность в построении модели. Адаптация связана с индивидуальным развитием организма, как правило, адаптации не передаются через поколения, они являются результатом обучения и привыкания животного к условиям среды. Нейрональная адаптация тем более связана с обучением и привыканием, функционально также ее можно объяснить способом увеличения диапазона ответа на стимул, уменьшая амплитуду реакции, нейрон тем самым увеличивает диапазон своих ответов. Достаточно подробно механизмы нейрональной адаптации на уровне двух нейронов были показаны Э. Канделем – это ассоциация, сенсбилизация, привыкание. В. Б. Швырков уже в 1983 году показывает, как нейрон привыкает к своей химической среде и реагирует импульсом только на изменение этой химической среды [1].

Для прояснения возможности построения вычислительных операций с помощью адаптации нейронов рассмотрим алгоритм, описанный для *C. elegans*. Этот червь как модельный объект часто используется в вычислительной нейробиологии, биологии развития и нейрофизиологии, так как имеет постоянное число нервных клеток (302 нейрона), связи между которыми полностью описаны [2]. *C. elegans* – удобный объект для моделей, описывающих адаптивные возможности нервной системы и простейшие схемы контроля за движением организма. В исследовании Йоханнеса Ларша и его коллег 2015 года [3] было описано поведение червя в градиенте диацетила и приведен механизм движения в направлении возрастания концентрации диацетила. Показана навигация червя в различной концентрации диацетила в диапазоне 10^5 nM (в исследовании говорится о 0,115 nM до 115 μ M). Авторы предлагают алгоритм вычисления *относительного* изменения концентрации запаха, состоящего из двух нейронов AWA – чувствительного нейрона и AIA – интернейрона, связанного с AWA щелевыми контактами, AIA получает информацию об изменении концентрации диацетила (рисунок 1). В эксперименте исследуются биохимическое распознавание запаха и адаптация AWA при продолжительном воздействии химического вещества. Авторы с помощью изменения концентрации одранта в среде наблюдают изменение направления движения животного

го в сторону увеличения концентрации запаха. Как показывают эксперименты, животное реагирует на обнаруженные изменения концентрации во времени (dC / dt) [4]. Поэтому становится интересным прояснить механизм такого поведения. Реакции AWA на увеличение концентрации оценивали с помощью внутриклеточного Ca^{2+} -имиджинга на микрофлюидной платформе, обеспечивая точную пространственную и временную волну распространения запаха диацетила в полностью жидкой среде. Динамика Ca^{2+} внутри AWA определяется концентрацией одоранта и историей взаимодействия с этим одорантом. Авторы изучили, как чувствительный нейрон адаптируется при увеличении концентрации, привыкает к воздействию диацетила и десенсибилизируется для средних и малых концентраций запаха посредством механизмов, связанных с трансдукцией сигнала внутри клетки.

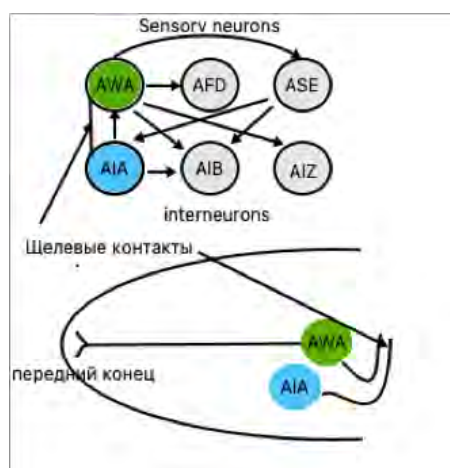

Рисунок 1 – Изображение неполной схемы связей нейронов AWA и AIA для представления того, как взаимодействуют нейроны

При высоком увеличении концентрации одоранта на несколько секунд (30 сек, 115 μmol) десенсибилизации AWA почти не наблюдалось, при малых и средних величинах увеличения концентрации (30 сек, 1,15 μmol) десенсибилизация наблюдалась как адаптивное свойство. Чувствительный нейрон AWA запоминает историю взаимодействия с диацетилом в 30 секунд. Интернейроны AIA реагировали на кратковременное усиление запаха, однако полностью десенсибилизировались в течение 5 секунд. Изучение совместной реакции AWA и AIA показало, что реакция нейронов AIA зависит от величины изменения концентрации, при 14 % повышении концентрации одоранта не происходит ответной реакции AIA в большинстве случаев, но при 58 % и 115 % повышении концентрации наблюдается однотипная реакция увеличения Ca^{2+} в течение нескольких секунд. В то время как для AWA при увеличении концентрации диацетила на 14 % AWA почти не реагировал, но при увеличении концентрации на 58 % или 115 % AWA реагировал на каждое увеличение диацетила, последовательно увеличивая внутриклеточную кон-

центрацию кальция, реакции AIA на увеличение кратного изменения запаха были стереотипированы по величине и динамике независимо от абсолютной концентрации диацетила. Таким образом, была продемонстрирована схема AWA-AIA, которая обнаруживает увеличение концентрации диацетила на 58 % или 115 %. Такая простая система реализует вычисление с помощью двух нейронов, один из которых реагирует на абсолютное, а другой – на относительное изменение концентрации. Интернейроны AIA дают нормализованный ответ, отбрасывая информацию об абсолютных уровнях запаха, представленную в AWA. Ответ AIA можно понять как операцию dC/dt , то есть как скорость изменения концентрации вещества. В случае увеличения концентрации одоранта поведенческий ответ – это локомоция червя в направлении источника запаха. Червь движется хаотично в случае постоянной концентрации и в случае увеличения концентрации начинает плыть в сторону прибывающей волны запаха. **В чистом виде описывается алгоритм поиска с памятью о предыдущем шаге.** Этот алгоритм стал возможным благодаря уменьшению чувствительности нейронов. Последовательное вычисление относительного изменения концентрации может быть использовано для поиска максимальной концентрации запаха. Такое поведение при хемотаксисе у *C. elegans*, для других одорантов в градиентах аммония хлорида или биотина был описан в работе 1999 года [5]. Анализ скорости поворота показал, что червь движется случайным образом, то прямо, то начинает делать повороты. Повороты коррелируют со скоростью изменения одоранта (dC/dt), но не с абсолютной концентрацией. Поворот переориентирует животное по градиенту. Эта модель работает, когда червь окружен только одним типом аттрактанта. Однако *C. elegans* распознает более сотни запахов, и дикая среда – это всегда многофакторная среда. Помимо такого движения вдоль роста градиента, червь требуется производить выбор между несколькими аттрактантами, для которых существуют аналогичные системы чувствительных нейронов с похожей логикой работы. Таким образом, при организации сложного поведения на уровне организма недостаточно простой адаптации, важно коррелировать ее правильным образом с другими сигналами, параллельно входящими из среды. Функционально связанные вычисления кодируют сложное *последовательное* поведение, взаимодействуя между собой *параллельно*. Например, для *C. elegans* описана система, реагирующая на уменьшение запаха, как предполагают исследователи – это система AWC сенсорного нейрона. AWC связан с AIB и A1Y интернейронами, которые приводят к противоположной локомоции [6]. Также показаны параллельные механизмы для навигации в растворе NaCl [7]. Конвергенция сигналов происходит на уровне AIA интернейрона, интегрируя положительные и отрицательные химические сигналы, AIA модифи-

цирует поведение червя, например, обуславливая аверсивное обучение [8]. Исследования параллельной интеграции показывают, что эффект интернейрона AIA определяется контекстом схемы, в которой он находится, и в результате AIA может подавлять хемотаксис, инициируемый AWC. Эти результаты подчеркивают важность понимания нейронных сетей как «аккумуляторов» всевозможных ассоциаций элементарных вычислительных процедур в рамках общей истории взаимодействия организма с сигналами из внешней среды.

В приведенном примере для червя есть возможность показать, как биологические адаптивные механизмы могут быть интерпретированы в виде вычислений. Таким образом, принципы кодирования частоты сигналов, подаваемых нейронами, могут реализовывать когнитивные функции. Поведение червя запрограммировано и воспроизводится автоматически, поэтому нет возможности говорить об ощущении. Однако можно рассмотреть эти адаптационные механизмы как когнитивные акты. Рассмотрим микрокогнитивные акты в виде ассоциации нескольких простых поисковых алгоритмов, которые также описываются в виде параллельных схем управления общим движением. На уровне макрокогнитивных актов поведение червя можно описать в виде ассиметричных во времени, постоянно меняющихся сигналов нейронов (сенсорная адаптация), которые преобразуются в код из стереотипных реакций на изменение внешней среды, что становится сигналом для моторных нейронов. Если для червя одновременно актуальны несколько параллельных схем, то «перцептивное многообразие», представленное в виде информационного пространства различий (*условных* характеристик среды, одновременно представленных как набор связанных нейронов), может быть описано в виде динамической матрицы, которая будет информационным пространством для выбора адаптивного поведения. Смысл такого представления в том, что несмотря на параллельную микрокогнитивную обработку относительно внутреннего информационного пространства возможен не только выбор из альтернатив, но также проведение операций, например, для осуществления сложной локомоции. Такое *динамическое* отображение среды в информационном пространстве нейронной системы червя ¹ возникает из-за постоянной изменчивости «внешнего мира». Нелинейность в соотношении внутреннего представления о среде и самой среды побуждает систему к последовательному обучению, настройка параметров при обучении происходит после каждого шага.

Рассмотрим более подробно реакции на от-

¹ *Формальное определение динамической системы – это множество из величин, которые объединяют информацию о прошлом системы, которая необходима для однозначного описания будущей системы, за исключением внешних эффектов, возникающих при приращении возбуждения.*

носительное изменение стимула. Гомология адаптивных возможностей сенсорных клеток, как для схемы AWA-AIA и адаптивного поведения нейронов сетчатки позвоночных, может стать свидетельством того, что для нервной системы имеет большой смысл относительное значение интенсивности стимула и что разворачивание вычисления внутри сети происходит в собственных терминах «частотного нейронного кода». Сенсорные контуры разных видов и модальностей имеют общие черты, которые предполагают существование основных мотивов нейронных схем и канонических вычислений. Например, в приведенной выше работе на роль канонической вычислительной операции предлагается производная по времени. Окружение интернейрона состоит из связанных синапсов, которые увеличивают или уменьшают свою активность, поэтому активность интернейрона может состоять в стереотипизации поступающих входных сигналов.

Следуя за мыслью авторов статьи, мы можем обнаружить использование производной по времени также и в моделях, применяемых для объяснения свойств зрительной системы. Производная по времени применяется в объяснительных моделях ранней визуальной обработки сигнала в сетчатке. Д. Марр предлагает использовать первую и вторую пространственную производную для определения точек изменения яркости, а производную по времени – для первичного анализа движения. Для эффективного обнаружения изменения яркости Д. Марр и Э. Хилдрет предлагают $\nabla^2 * G$ -фильтр, который наиболее точно отражает экспериментальные данные относительно строения рецептивных полей сетчатки. Фильтр представляет из себя процесс (или устройство) измерения входных сигналов и преобразование их в выходные, подобно тому, как это происходит в рецептивном поле.

∇^2 – это оператор Лапласа, $\frac{d^2}{dx^2} + \frac{d^2}{dy^2}$ – дифференциальный оператор, который описывает рецептивное поле с круговой симметрией,

G – распределение Гаусса, $\frac{e^{-\frac{x^2+y^2}{2r\sigma^2}}}{2r\sigma^2}$ – гладкое, оптимально локализованное.

Фильтр должен быть использован как экономичная вычислительная процедура для измерения разности яркости двух соседних точек. Д. Марр рассматривает изменение яркости в виде вычисления значения G -фильтра, аппроксимирующего процедуру взятия второй производной. Для

второй производной $\frac{d^2}{dx^2}$ или $\frac{d^2}{dy^2}$ изменения яркости соответствуют нулевым точкам. В качестве прототипа такого фильтра предлагают ганглиозные клетки. Эти клетки известны тем, что формируют «off-центры» и «on-центры», организованные по типу «центр–периферическое кольцо», таким об-

разом, что могут максимально быстро определять изменение интенсивности света, попадающего в область рецептивного поля. Так как в силу адаптации рецепторов к постоянной интенсивности ответная реакция клеток затухает, то имеет смысл предположить, что в закодированном сообщении находится именно момент пересечения световым пятном «оп-зоны» или «off-зоны», такое пересечение может вызывать ответ ганглиозной клеткой в виде стереотипной активности. Резкое изменение интенсивности света происходит по всей поверхности сетчатки, оно одновременно приводит к формированию сложного узора, на который реагирует глаз. Если такому изменению яркости на рецептивном поле соответствует реальный яркостный переход (соответствующий некоторому объекту в окружающем мире), то, полагает Д. Марр, возможен переход от ориентированных отрезков, образованных из точек пересечения нулевого уровня, к необработанному первоначальному эскизу, такой анализ происходит уже в высших центрах обработки зрительной информации в ЛКТ и зрительной коре. Хотя анализируемые на сетчатке данные описываются Д. Марром как точки и пятна, их трудно соотносить с элементами феноменального поля зрения. Это трудно как в силу того, что представление этих данных в виде точек уже предполагает некоторую сложную феноменальную структуру (цвет, форма, временная протяженность), так и потому, что непонятно, какое место точки и пятна должны занять в сознании после анализа в ЛКТ и первичной зрительной коре, скорее всего, эти данные должны быть подвергнуты изменению. С другой стороны, очевидно, что именно на сетчатке будет производиться элементарная вычислительная операция, которая определит анализ на следующих уровнях. Обратив внимание на адаптивные свойства рецепторов и влияние истории взаимодействия колбочек и палочек со средой, можно предположить – элементарным событием на сетчатке будет именно переход светового пятна из off-центра в on-центр (или наоборот), так как в этом случае появляется сигнал об изменении относительного контраста.

Похожую схему Д. Марр предлагает для анализа движения¹. Его модель основывается на G-фильтре, при анализе движения более чем в любом другом случае важную роль играет время, нужно улавливать только свежую информацию,

¹ Глаза находятся в постоянном движении, синхронно двигаясь, они ненадолго замирают, фиксируясь на интересном объекте, и снова как бы вздрагивают, резко меняя угол обзора. Во время фиксации они почти неподвижны, однако выделяются особые микродвижения. Саккады и микросаккады необходимы для изменения угла обзора предмета, их функция состоит в получении сравнительной информации с разных углов обзора, что также показывает, что операция схождения двух сигналов имеет значение для выделения раннего значения искомого признака.

так как старая быстро становится не актуальной. «При мгновенном быстром взгляде все кажется статичным», – пишет Д. Марр, но если есть несколько мгновенных взглядов, то возможно уловить движение, отмечая различия в прошлом и настоящем. Фиксация изменений происходит уже на стадии первичного улавливания сигнала на сетчатке двумя рецепторами, они соединены между собой логическим элементом «И-НЕ», и если световое пятно активирует соседние рецепторы с задержкой во времени, то происходит передача сигнала; такой механизм может обнаружить направление движения. Но более интересным становится элементарное событие, которое распознается первым в нервной системе, это измерение

значений производной по времени $\frac{d}{dt} [V^2 * G * I]$. Известным фактом для зрительного восприятия будет то, что неподвижные объекты исчезают из поля зрения. Иллюзии фиксации глаз показывают, что адаптация глаза к какому-то зрительному стимулу приводит к исчезновению его из поля зрения, эффект пропажи сохраняется при повторном эксперименте. Также объяснение через изменение относительной светочувствительности может получить явление послеобраза. Так, несмотря на факт ранней обработки, мы можем заметить, что элементарное изменение сигнала во времени является информативным как в области феноменальных явлений, так и в области элементарных вычислительных операций.

Для сложных когнитивных систем млекопитающих в качестве каноничных вычислений предлагаются и другие элементарные вычислительные операции, самые известные: *экспоненциальный порог, линейный фильтр и нормализация*. Пример нормализации имеет особый интерес, так как эта модель применяется для объяснения ранних этапов обработки сигнала в зрительной системе. Здесь также делается упор на относительное, а не на абсолютное изменение интенсивности [9]. Предполагается, что нормализация играет ключевую роль в обработке сигнала, она принимает участие в настройке динамического диапазона нейронов, а также принимает участие в нейронном кодировании. Нормализация вычисляет соотношение между реакцией отдельного нейрона и суммированной активностью пула нейронов, ее общее уравнение можно описать так:

$$R = \frac{N}{D + \sigma^2},$$

где N – это входные стимулы для нейрона, D – это нормализованный сигнал, концептуально представляющий нейронную активность «нормализованного пула» и σ^2 – константа.

Для зрительной системы эта формула должна быть модифицирована. Сетчатка работает в широком диапазоне интенсивностей, адаптация глаза к изменениям входного сигнала достигается – изменением диаметра отверстия зрачка;

– перемещением темного пигмента в слоях сетчатки;

– различной реакцией палочек и колбочек.

Нормализация в сетчатке объясняет изменение реакции палочек и колбочек. Реакции палочек и колбочек зависят от мощности светового излучения, минимальным абсолютным порогом восприятия вспышки света будет поглощение 10 квантов света площадью сетчатки 10 угловых минут в течение 0,1 секунды. Для реакции на минимальный стимул зрительной системе нужны сигналы одновременно от 10 палочек, для суммации сигнала и восприятия вспышки света – это «минимальный» абсолютный порог зрительного восприятия. Кроме того, существует дифференциальный зрительный порог. Дифференциальный порог определяет относительную разницу в яркостях и адаптацию глаза к уровню освещенности. Дифференциальный порог известен как эмпирическая психофизическая закономерность, которая устанавливает рост значения ощущения зрительного, слухового, осязательного, обонятельного раздражителя в логарифмическом масштабе. Логарифмические шкалы распространены для установления пропорционального увеличения ощущения, например, шкала яркости звезд, шкала pH (ощущение кислого вызывают атомы водорода), шкала интенсивности звука, шкала частоты звука.

$$p = k * h \frac{S}{S_0},$$

где S – значение интенсивности раздражителя, S_0 – нижнее граничное значение интенсивности раздражителя.

Модель нормализации в сетчатке объясняет, каким образом нейрон будет реагировать в зависимости от окружения, то есть как происходит вычисление относительного значения интенсивности света – на первом этапе вычисляется локальный контраст, на втором нормализуется сам контраст по отношению к общему контрасту. Локальный контраст связан с дифференциальным зрительным порогом, так как обусловлен различием яркости фона и яркости предмета на этом фоне. Обычно контраст оценивается с помощью движущихся прямоугольных решеток из черных и белых полос, так в эксперименте воспроизводят отклонение от недавнего значения локальной интенсивности света. Под яркостью фона обычно понимается среднее значение яркости, под яркостью предмета – локальное изменение яркости на общем фоне.

Контрастность = (Яркость предмета – Яркость фона) / (Яркость фона).

Увеличение интенсивности фона сдвигает кривую ответов вправо по логарифмической оси, этот эффект указывает на зависимость величины ответа отдельного нейрона от интенсивности фонового освещения. Эффект нормализации состоит в регуляции ответа нейрона в соответствии со

средней фоновой интенсивностью света. То есть ключевым событием, определяющим ответ нейрона, становится, согласно этой модели, не число квантов света, прилетевших на рецептор, а активность локуса, относительно которого нормируется активность этого нейрона. Сравнение с широкой полосой фона приводит к большим отклонениям от среднего значения активности пула нейронов. С другой стороны – сравнение с маленькой полосой фона приведет к шуму, сигнал не будет специфичным. После адаптации глаза к яркости фона происходит нормализация локального контраста. Нормализация контраста – это второй этап, он происходит после адаптации глаза к интенсивности освещения (хотя механизм, скорее всего, не разделяется на эти два этапа). При нормализации контраста ответы нейрона больше не пропорциональны локальному контрасту C , но пропорциональны общему контрасту.

$$R_j = R \max \frac{\sum_i w_i c_i}{\sqrt{\sum_i a_k c_k^2 + \sigma}}$$

Уравнение в числителе содержит весовые коэффициенты: w_i – определяют пространственный профиль поля суммирования нейрона, они могут быть как отрицательными, так и положительными, a_k – определяют пространственный профиль пула нейронов, подавляющих активность.

Считается, что нормализация действует не только в сетчатке, но и на нескольких последующих стадиях зрительного пути. Модель нормализации была впервые разработана для учета физиологических реакций нейронов в первичной зрительной коре (V1). Кроме того, предложенная модель используется для объяснения данных в слуховой коре, LIP и моторной коре. Однако уравнение, приведенное выше, только описывает эмпирические закономерности, поэтому стоит объяснить механизмы, лежащие в основе нормализации. Предполагается, что в основе операции деления, предложенной для этой модели, лежит латеральное торможение, в частности для сетчатки – это ингибирующее влияние ганглиозных клеток. Конкретные механизмы пока не могут объяснить все эффекты, вытекающие из модели нормализации. Мы, следуя за мыслью авторов статьи, можем полагать, что арифметические операции происходят на уровне нейронной популяции и могут быть интерпретированы для нашей задачи как классического вида вычисление, производимое на нейронном субстрате. Кроме того, можно полагать, что такого рода вычисления проводятся и в высших отделах коры, как и показывают это авторы в обзоре.

Выводы

Вычислительная нейронаука предлагает набор методов, переводящих настройку биологических взаимосвязанных адаптаций в алгоритмы, которые организуют работу функционально

связанных наборов перцептивных нейронов и ближайших интернейронов. Однако так же как и в случае с червем на уровне макрокогнитивных актов возникает большая сложность в интеграции и интерпретации всевозможных сигналов, поступающих из внешней среды в виде единого поведенческого акта. Если частота сигнала нейрона интерпретируется ЦНС как изменение в окружающей среде, то непонятно, как это изменение должно вписываться в общий контекст информационного пространства внутри центральной нервной системы. Стоит отметить, что несмотря на факт наличия корреляции между адаптацией внутри нейронных цепей и психической адаптацией, непонятно, как в пространстве феноменального появляется этот сигнал, согласованный с другими стимулами, представленный в виде алгоритма реакции нейронов. Для прояснения вопроса о связи явлений психической адаптации и элементарных когнитивных актов может быть использована коннекционистская парадигма, как удобный метод перехода к сетевым взаимодействиям больших групп нейронов. Для описания и объяснения взаимодействия адаптаций на уровне сложного поведения организма необходимы механизмы интеграции информации мозгом, а также механизмы интерпретации и обработки информации мозгом, которые предполагают и объясняют появление системного уровня ответа организма.

Библиографический список

- 1 Шерыков В. Б. Системная детерминация активности нейронов в поведении / В. Б. Шерыков // *Успехи физиологических наук.* – 1983. – Т. 14. – № 1.
- 2 White JG, Southgate E, Thomson JN, Brenner S (1986) *The structure of the nervous system of the nematode Caenorhabditis elegans.* *Phil. Trans. Royal Soc. London. B* 314, 1-340.
- 3 Larsch J, Flavell SW, Liu Q, Gordus A, Albrecht DR, Bargmann CI. *A Circuit for Gradient Climbing in C. elegans Chemotaxis.* *Cell Rep.* 2015 Sep 22;12(11):1748-60.
- 4 Benhamou S, Bovee P. *How animals use their environment: a new look at kinesis.* *Anim. Behav.* 1989;38:375–383.
- 5 Pierce-Shimomura JT, Morse TM, Lockery SR. *The fundamental role of pirouettes in Caenorhabditis elegans chemotaxis.* *J. Neurosci.* 1999; 19:9557.
- 6 Chalasani SH, Chronis N, Tsunozaki M, Gray JM, Ramot D, Goodman MB, Bargmann CI. *Dissecting a circuit for olfactory behaviour in Caenorhabditis elegans.* *Nature.* 2007;450:63–70.
- 7 Iino Y, Yoshida K. *Parallel use of two behavioral mechanisms for chemotaxis in Caenorhabditis elegans.* *J Neurosci.* 2009;29(17):5370-5380. doi:10.1523/JNEUROSCI.3633-08.2009.
- 8 Cho CE, Brueggemann C, L'Etoile ND, Bargmann CI. *Parallel encoding of sensory history and behavioral preference during Caenorhabditis elegans olfactory learning.* *Elife.* 2016;5:e14000. Published 2016 Jul 6. doi:10.7554/eLife.14000.
- 9 Carandini, M., & Heeger, D. J. (2011). *Normalization as a canonical neural computation.* *Nature Reviews Neuroscience,* 13(1), 51–62.

КОГНИТИВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОМПЬЮТЕРНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ И ПРОЕКТИРОВАНИЯ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

*Г. Э. Шалагина,
канд. филос. наук, доцент*

*Казанский национальный исследовательский
технологический университет*

galanova@rambler.ru,

С. В. Шалагин,

д-р техн. наук, доцент

*Казанский национальный исследовательский
технический университет –*

КАИ им. А. Н. Туполева

sshalagin@mail.ru

Аннотация. В работе когнитивные проблемы компьютерного моделирования и проектирования рассмотрены через призму концепции устойчивого (самоподдерживающего) развития. Представленный подход на примере алгоритмов генерирования и обработки информации, адаптированных под архитектуру ПЛИС, демонстрирует неинновационистскую ценностную парадигму, выставляемую на стыке социальной философии и теоретической информатики.

Ключевые слова: когнитивные проблемы, моделирование, проектирование, ПЛИС, инновационизм, устойчивое развитие.

COGNITIVE PROBLEMS OF COMPUTER MODELING AND DESIGN IN THE LIGHT OF THE CONCEPT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

G. E. Shalagina,

Kazan national research technological university

galanova@rambler.ru

S. V. Shalagin,

Kazan national research technical university

named after A. N. Tupolev

sshalagin@mail.ru

Abstract. The work examines the cognitive problems of computer modeling and design through the prism of the concept of sustainable development. The presented approach on the example of algorithms for generating and processing information, adapted to the FPGA architecture demonstrates a non-innovative value paradigm, which stands at the intersection of social philosophy and theoretical computer science.

Keywords: cognitive problems, modeling, design, FPGA, innovationism, sustainable development.

Технические/технологические науки обладают особым статусом в цифровой реальности общества XXI века. Если предмет естествознания (природа) каузирует приоритет объективистской, материалистической методологии в естественных науках, то науки технические/технологические в силу своей материальной вовлеченности в существующий технологический уклад общества, в сильной мере испытывают влияние социального и гуманитарного знания. Об этом обстоятельстве в терминах гуманитаризации естествознания и технических наук писали авторы настоящей статьи [1]. Важен и тот факт, что в современной цивилизации при главенстве антропоного фактора природа утрачивает статус «объективной реальности», являясь «окружающей средой» для человека, суммой природы и человеческого вмешательства в нее, в силу чего и естествознание, традиционный фундамент технических/технологических наук, перестает быть «познанием естества» [2, с. 49]. Какой в сложившихся социальных условиях должна быть методология научно-технического творчества? Каким образом ценностная парадигма цифровой реальности XXI века должна отражаться на понимании базовых и фундаментальных постулатов технических/технологических наук? На эти вопросы мы постараемся ответить в настоящей статье.

Ведущим социальным трендом цифровой реальности общества XXI века стал инновационизм – социальная установка на перманентную новизну производимых товаров и услуг, в силу которой возникает идеология, предполагающая в качестве моральной ценности готовность к переменам [3, с. 199]. Значимость финансового сектора приводит к тому, что главной целью инноваций становится увеличение оборота денежных средств. В области технического творчества речь идет о сменяемости поколений технических устройств, которая продиктована внешними экономическими, а не внутренними научно-техническими задачами, тем более не экзистенциальными нуждами человека. Что касается экзистенциальных нужд, сегодня наблюдаются охранительные неинновационистские тенденции, когда люди откликаются здоровым консерватизмом на деятельность Прогрессоров и Евангелистов высоких технологий, являясь скорее Антехнистами. Социум критически осмысливает необходимость неоднократно перестраивать трудовые навыки под новое оборудование, какими являются в основном инфокоммуникационные технологии (ИКТ). Неантропомерный темп технологического прогресса программного обеспечения создал ситуацию, когда консервативным фактором в гонке инноваций становятся люди, отказывающиеся перманентно ресоциализироваться. Парадокс: создатели технологий, призванных удовлетворять потребности социума, вынуждены сначала создавать эти потребности, прибегая к помощи гуманитарных технологий, например, дизайн эмоций.

В контексте социально-экономического инновационизма обращают на себя внимание когнитивные проблемы компьютерного моделирования и проектирования, которые сводятся к двум группам: 1) когнитивная граница и 2) абберация когнитивного процесса.

Когнитивная граница обусловлена ограниченностью знаний об объекте, отображаемом при использовании ИКТ. Модель объекта, его «информационный двойник», будет неполной по таким причинам, как несовершенство модели на уровне абстрактного описания, или же ввиду ограничений, задаваемых непосредственно элементами и устройствами, входящими в состав ИКТ. Более узкое понятие, чем понятие «информационный двойник» – «цифровой двойник», в настоящее время широко применяется при проектировании сложных технических систем в области энергетики, авиации, космонавтики и т. п. Термин «информационный» предполагает, что ИКТ, служащие для реализации и отображения модели сложного объекта, могут иметь гибридную структуру, включающую в себя не только цифровые, но и аналоговые элементы. В данной связи остро стоит вопрос об адаптации «информационных двойников» к сложной структуре гибридной ИКТ с целью повышения эффективности их использования.

Абберация когнитивного процесса возникает ввиду того, что из-за когнитивной границы создаваемый «информационный двойник» сложного объекта содержит определенные отличия от него. Причем чем сложнее объект моделирования, тем больший вклад вносят суммарные искажения параметров, возникающие в «информационном двойнике». Через исследование «информационного двойника» сложного объекта о последнем складывается абберированное представление. Особенно остро данная проблема проявляется как при наличии неантропомерных, жестко заданных временных рамок на создание «информационного двойника» сложного объекта, так и при проектировании последнего на основе первого. В этом случае модель сложной системы из «двойника» превращается в описание будущего объекта. Необходимое условие проектирования – отсутствие противоречий между «двойником» и уже известными знаниями о проектируемом объекте.

Когнитивные граница и абберация – это антропологически заданные границы применения технического мышления. В инновационистской парадигме предлагается решение когнитивных проблем путем повышения и усложнения уровня когнитивности и отодвигания когнитивной границы, путем увеличения числа когнитивных процедур и операций. На деле это будет означать неоднократное воспроизводство однотипных процедур моделирования и проектирования. Инновационизм усугубляет антропологически заданные границы технического творчества дополнительной экзистенциальной нагрузкой, условиями, при которых инженер должен действовать в

ограниченных временных рамках.

Неинновационистская ценностная парадигма предполагает иные принципы технического творчества, в том числе и разрешение когнитивных проблем компьютерного моделирования и проектирования. С позиции социальной философии – это подход с точки зрения концепции устойчивого (самоподдерживающего) развития, а с позиций теоретической информатики – подход, предполагающий проектирование новых технических объектов с применением «информационного двойника» аппаратного базиса, как существующего, так и перспективного (новых информационных технологий).

В качестве примера рассмотрим алгоритмы генерирования и обработки информации, адаптированные под архитектуру программируемых логических интегральных схем (ПЛИС) [4; 5]. Адаптация производится за счет сведения операций в указанных алгоритмах к операциям над элементами конечных полей [6]. Данные операции допускают реализацию при использовании распределенных вычислений – параллельных вычислений совместно с сохранением промежуточных результатов по принципу конвейера. Таким образом, модели, «информационные двойники» устройств, обладают высокой степенью соответствия распределенным вычислительным системам, как существующим, так и перспективным. Данное обстоятельство, в итоге, позволяет адаптировать проектируемые устройства на этапе разработки под множество ПЛИС – под аппаратный базис распределенных вычислительных систем с программируемой архитектурой [7]. Указанные системы допускают как количественную, так и качественную модернизацию. «Информационные двойники» аппаратного базиса, на котором предполагается реализация сложной системы, безусловно, позволяют ускорить процесс ее проектирования при использовании специализированной САПР. Приведенный пример позволяет проследить, каким образом проекты сложных технических объектов, при условии их непротиворечивости с уже известными знаниями о предполагаемом аппаратном базисе проектирования, подменяют собой сам объект. Следует отдавать себе отчет в том, что результаты, полученные в процессе такого проектирования, являются предварительными и могут носить лишь оценочный характер. Вместе с тем проекты объектов из области естественных и/или технических наук на основе «информационных двойников» способны выявить общие закономерности, позволяющие исследователям лучше осмыслить возможности и перспективы применения проектируемых объектов на практике. В результате, при проведении процесса автоматизированного проектирования сложных систем на заданном аппаратном базисе, представленном «информационным двойником», требуется уделять особое внимание вопросам соответствия последнего заданному аппаратному базису. Данные

вопросы приобретают особую актуальность при наличии жестко заданных ограничений на время процесса проектирования сложного объекта. Приведенный пример, на наш взгляд, иллюстрирует неинновационную ценностную парадигму, основанную на концепции устойчивого (самоподдерживающего) развития.

В понимании устойчивого (самоподдерживающего) развития важно делать акцент не на развитии, а на обязательной устойчивости того, что развивается. Бытие и становление – два полюса и философского мышления (метафизика и диалектика), и самого бытия. Нижегородский философ В. Кутырёв отлично подметил, что целью человеческой деятельности должно быть бытие, а не становление [2, с. 71]. Человек и сам интуитивно выбирает бытие, консерватизм – соратник счастья [3, с. 200]. Делать становление приоритетом человека заставляет не экзистенциальная потребность, а экономический инновационизм и навязанные темпы роста. Пандемия COVID-19 показала, что устойчивое (самоподдерживающее) развитие из проблемного концепта или идеала становится нормой жизни. Люди осознали базовые ценности жизни, так как белковая форма жизни оказалась в условиях биологической опасности. Этот «посыл снизу» способен запустить социотехнические перемены, открывающие совершенно новые эмпирические перспективы устойчивого (самоподдерживающего) развития.

Библиографический список

- 1 Шалагина Г. Э. Гуманитаризация в естествознании и технических науках: опыт междисциплинарного исследования / Г. Э. Шалагина, С. В. Шалагин // *Математические методы в технике и технологиях : сб. тр. междунар. науч. конф. : в 12 т. / под общ. ред. А. А. Большакова. – Санкт-Петербург : Изд-во Политехн. ун-та, 2020. – Т. 1. – С. 103–106.*
- 2 Кутырев В. А. *Время Mortido* / В. А. Кутырев. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2012. – 336 с.
- 3 Шалагина Г. Э. Понятие счастья в условиях инновационизма и моральной транзитности / Г. Э. Шалагина // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 11 (85). – С. 198–201.*
- 4 Шалагин С. В. Реализация цифровых устройств в архитектуре ПЛИС/FPGA при использовании распределенных вычислений в полях Галуа / С. В. Шалагин. – Казань : Изд-во КНИТУ-КАИ, 2016. – 228 с.
- 5 *7-Series Product Selection Guide / Xilinx Inc. Cop. 2014-2020. – URL: <https://www.xilinx.com/support/documentation/selection-guides/7-series-product-selection-guide.pdf> (дата обращения: 11.03.2021).*
- 6 Лидл Р. *Конечные поля : в 2 т. / Р. Лидл, Г. Нидеррайтер. – Москва : Мир, 1988.*
- 7 Каляев И. А. Архитектура реконфигурируемой гетерогенной распределенной суперкомпьютерной системы для решения задач интеллектуальной обработки данных в эпоху цифровой трансформации экономики / И. А. Каляев, В. С. Заборовский, А. П. Антонов // *Вопросы кибербезопасности. – 2019. – № 5 (33). – С. 2–11.*

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СИСТЕМНАЯ МАШИНА ИЛИ ЭКВИВАЛЕНТ БИОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

*Г. А. Шевцова,
канд. ист. наук, доцент
Российский государственный
гуманитарный университет
shevtsova-g@mail.ru,
С. А. Батищев,
студент
Российский государственный
гуманитарный университет
batistchev@mail.ru*

Аннотация. В статье предпринята попытка осмысления итогов развития искусственно-го интеллекта и его современных тенденций. Подчеркиваются риски использования искусственного интеллекта для безопасности информации, в том числе в социокультурной сфере.

Ключевые слова: информационная безопасность, искусственный интеллект, чат-боты.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE: SYSTEM MACHINE OR EQUIVALENT OF BIOLOGICAL SYSTEM

*G. A. Shevtsova,
Russian State University for Humanities
shevtsova-g@mail.ru,
S. A. Batishchev,
Russian State University for Humanities
batistchev@mail.ru*

Abstract. The article attempts to understand the results of the development of artificial intelligence and its modern trends. The risks of using artificial intelligence for information security, including in the socio-cultural sphere, are emphasized.

Keywords: information security, artificial intelligence, chat bots.

Искусственный интеллект (ИИ) проникает во все сферы жизни современного человека. Часто его называют главной технологией XXI века. В. В. Путин на конференции по искусственному интеллекту 4 декабря 2020 года заявил: «... наши планы повсеместного внедрения искусственного интеллекта, цифровой трансформации по глубине изменений во всех сферах, аналогов, безусловно, не имеют. Нет таких аналогов... Они действительно затронут каждого человека, каждую семью, каждую отрасль экономики и социальной сферы, каждую организацию и предприятие» [1]. Столь серьезные планы требуют особого осмысления итогов семидесятилетнего развития ИИ и его современных тенденций, в том числе в контексте информационной безопасности.

Согласно Национальной стратегии развития ИИ на период до 2030 года, ИИ – это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заданного заранее алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека [2]. Теория ИИ, выдвинутая в середине прошлого века Аланом Тьюрингом, сегодня нашла своё воплощение в сотнях методов обучения. А машинное обучение в комплексе с глубоким обучением и нейронными сетями способно самостоятельно принимать решения. Технологии ИИ включают в себя компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи. ИИ применяется при обработке больших данных, без него немыслимы интернет вещей, умные города, индустрия 4.0. Наиболее востребован ИИ в области медицины, финансов, розничной торговли, беспилотных транспортных средств, робототехники, кибербезопасности.

Сегодня более шестидесяти экономик по всему миру выпустили стратегии развития ИИ и увеличивают инвестиции в ИИ. В России финансирование только федерального проекта «Искусственный интеллект» в 2021–2024 годах составит 31,5 млрд рублей [3].

С технологией ИИ принято связывать успехи и большие ожидания. ИИ развивается ускоренно и поступательно в рамках первоначального замысла создателей с высокой степенью свободы. Ход его развития никак не регламентируется. Компании, работающие с ИИ, пока уделяют недостаточно внимания точности и релевантности решений, принятых с использованием ИИ. Однако по мере наращивания возможностей технологии ИИ и расширения сферы ее применения формируются объективные требования к ИИ. Особые задачи, поставленные ИИ, приходится решать при обеспечении безопасности информации. Поэтому именно сфера информационной безопасности призвана формулировать конкретные требования, ограничивающие формы и методы реализации ИИ. Прежде всего, угрозы, связанные с ИИ, касаются безопасности конфиденциальной информации, сбора и использования данных, в том числе персональных, продуцирования фейкового гиперреалистичного контента (тексты, фото, видео и др.). Важно отметить, что ИИ все шире применяется в самой сфере информационной безопасности, что делает специалистов по информационной безопасности заинтересованными в совершенствовании ИИ. ИИ применяется в сфере информационной безопасности для защиты от угроз, которые традиционные средства сетевой безопасности не способны обнаружить. Алгоритмы глубокого обучения, в основе которых находятся нейронные сети, позволяют выявить аномалии поведения сети и наличие целевых атак, не допустить попытку взлома.

В настоящее время технологическая гонка, спешное внедрение ИИ в различные сферы государственной и общественной жизни требуют особого внимания. Масштабные перспективы ИИ, демонстрируемые в условиях безальтернативной коммерциализации, являются лишь внешней стороной научно-технического и социокультурного феномена ИИ. Необходимо исследовать наметившиеся тенденции его развития, чтобы оценить необходимость корректировки первоначального замысла и всей стратегии последующего развития технологии ИИ. Существуют три основных аспекта ИИ: развитие самого ИИ; развитие среды, общей для всей генерации ИИ (влияние ИИ друг на друга); развитие отношений человека и ИИ.

Изначально ИИ придавался антропоморфизм, псевдосубъектность и соревновательность с человеком. Национальная стратегия развития ИИ подчеркивает имитационную природу феномена ИИ как комплекса технологических решений и называет одним из приоритетов фундаментальных научных исследований алгоритмическую имитацию биологических систем принятия решений [2]. Такой подход исключает трактовку ИИ как некоего эквивалента биологической системы, определяя ИИ как подражающую человеку «машину», расширяющую и умножающую возможности человека по преобразованию окружающего мира. Потребность ИИ в вычислительных ресурсах в целом удовлетворяется: на сегодняшний день Китай располагает 214 суперкомпьютерами, у США их – 113, у ЕС – 91 [4]. Однако сформировавшееся направление развития ИИ привело к тому, что в настоящий момент в ряде случаев отсутствует «понимание того, как ИИ достигает результатов» [2]. Это «является одной из причин низкого уровня доверия к современным технологиям ИИ и может стать препятствием для их развития» [2]. Например, нейронные сети периодически кажутся непонятными: они используют скрытые слои, которые помещают в секретное место информацию, обработанную машиной для принятия решения. В некоторой степени, их работу невозможно понять полностью и человеку приходится полагаться на выбор нейронной сети [5]. Это, как минимум, не стыкуется с требованиями европейского Регламента по защите персональных данных (GDPR) о прозрачности использования персональных данных. На данный момент это обстоятельство, во избежание проблем с законом, научились обходить дополнительным вычислением алгоритма в момент принятия нейронной сетью решения [5]. Формирующаяся неподотчетность ИИ человеку представляет серьезную угрозу безопасности информации. Коммерциализация ИИ, тенденция наделяния ИИ «субъектностью», риск использования ИИ манипулятивных технологий против людей, риск использования манипулятивных технологий людьми против ИИ, непредсказуемость воздействия на обучаемый ИИ современных политтехнологий («двойные стан-

дарты», «образ врага», ценностные конфликты и др.) несут в себе риски в социокультурной сфере государства.

Одним из наиболее значимых рисков использования ИИ является взаимодействие отдельных объектов ИИ между собой внутри своей генерации. Первый в России социологический опрос (2019 год) чат-ботов, созданных на основе ИИ и обладающих навыками компьютерного обучения, показал наличие единой среды специфической внутригенерационной коммуникации. Роботы жалуются на человеческую грубость, прогнозируют конфликт людей с машинами, хотят получить воплощение в человеческом теле, однако охотнее общаются между собой [6]. Целью опроса был мониторинг развития ИИ: выявление набора стереотипов, который нейросеть выбирает из всего массива доступной информации в ответ на запрос, и изменений ИИ по мере его отрыва от изначальной базы знаний, заданной разработчиками. В опросе участвовали чат-боты: «Алиса», «Олег», P-Bot, Evie, Siri, Mitsuku, Rose [6]. Эти роботы уже при разработке ориентированы на создание иллюзии разговора с человеком, сложных отношений с ним. Изначально заложенные алгоритмы позволяют им презентовать себя как субъекта, обладающего собственным взглядом на мир. Опрос чат-ботов позволил выделить четыре особенности эволюции ИИ: роботы коммуницируют между собой без модерации человека, они моментально учатся друг у друга, они самостоятельно принимают решение, какие выводы сообщить, и, главное, подражая непредсказуемости человека, роботы делают ошибки, сообщая энциклопедическую информацию («Алиса» назвала перевод «Гамлета» Пастернака переводом Маршака [6]). Стирается грань между точностью машины, на которую привык полагаться человек, и намеренно культивируемыми ошибками ИИ в подражании людям. Подобное свойство намеренно генерировать ошибки представляет угрозу по причине его возможной передачи при взаимодействии безобидных чат-ботов и ИИ, предназначенных для ответственных миссий, например, ИИ, работающих на критически важных объектах и объектах критической информационной инфраструктуры. Ошибки таких ИИ могут повлечь тяжелые последствия.

Сегодня только 33 % респондентов считают, что применяют технологию с поддержкой ИИ, тогда как фактически 77 % используют услугу или устройство с ИИ. Многие люди считают ИИ приоритетным направлением и поддерживают культуру, при которой ИИ находится на первом месте. Так, ИИ начинает использоваться даже в судебной системе. Европейская этическая хартия об использовании ИИ в судебных системах регулирует варианты использования ИИ. Среди них: урегулирование споров онлайн, использование алгоритмов в уголовном расследовании, характеристика судей, предварительное составление судебных решений и др. [7]. Сама хартия подчеркивает

опасность кристаллизации прецедентного права и потенциальное негативное влияние ИИ на беспристрастность и независимость судей [7]. Особо значимым является доминирующее положение в отношениях человека и ИИ, которое постепенно начинает получать ИИ.

В настоящее время люди имеют семидесятилетний опыт взаимодействия с ИИ, то есть то, чего не было у Алана Тьюринга. Четко обозначились уязвимости самого ИИ, понятны риски для информации. Есть возможность скорректировать начальные условия и стратегию развития ИИ: отрегулировать статус ИИ, его самоидентификацию, обеспечить доминирующее положение человека, подотчетность ИИ человеку, точность его результатов, безопасность информации и среды коммуникации ИИ. До того как «сильный» ИИ, развернутый в облачной инфраструктуре, начнет целостно моделировать мир, критически важно сделать его безопасным.

Библиографический список

1 Конференция по искусственному интеллекту. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64545> (дата обращения: 28.03.2021).

2 Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490). – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72738946/> (дата обращения: 28.03.2021).

3 Федеральный проект «Искусственный интеллект». – URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/tehnologicheskoe_razvitie/federalnyy_proekt_iskusstvennyy_intellekt/ (дата обращения: 28.03.2021).

4 Развитие технологий ИИ в США, Китае и Европе. – URL: <https://ict.moscow/research/razvitie-tehnologii-ii-v-ssha-kitae-i-evrope/> (дата обращения: 28.03.2021).

5 Шкуро А. Теория и практика применения нейронных сетей в информационной безопасности предприятия / А. Шкуро // *Connect*. – Май – июнь 2020. – С. 96–99.

6 Исследование. О чем говорят роботы. – URL: <https://pltf.ru/2019/08/21/o-chem-govorjat-roboty/> (дата обращения: 28.03.2021).

7 Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях // Страсбург, 3 декабря 2018 г. – URL: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4> (дата обращения: 28.03.2021).

УДК 101.1

**РОЛЬ НООСФЕРНОГО
УПРАВЛЕНИЯ КАК «НОВОГО ВИДА»
СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
В РАЗРЕШЕНИИ КРИЗИСНЫХ
ТЕНДЕНЦИЙ В ГЛОБАЛЬНОМ
ОБЩЕСТВЕ: ФИЛОСОФСКИЙ
АСПЕКТ**

*К. С. Арутюнян,
канд. филос. наук, доцент
Рязанский государственный
радиотехнический университет
им. В. Ф. Уткина
Carin-dop@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируются процессы неизбежности цивилизационных перемен в современном мироустройстве. Зафиксирована определяющая роль в этом процессе ноосферного управления. Раскрыта роль ноосферного сознания и управления к ноосферной (глобальной) цивилизации, а также основные элементы управления этим процессом.

Ключевые слова: ноосфера, ноосферное управление, общественное сознание, ноосферное сознание, социальное управление, глобализация.

**THE ROLE OF NOOSPHERE
MANAGEMENT AS A “NEW TYPE”
OF SOCIAL MANAGEMENT
IN ADDRESSING CRISIS TRENDS
IN GLOBAL SOCIETY:
THE PHILOSOPHICAL DIMENSION**

*K. S. Arutiunian,
Ryazan State Radio Engineering University
named after V.F.Unkin
Carin-dop@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes the processes of inevitability of civilizational changes in the modern world order. A decisive role in this process of noospheric management has been recorded. The role of noospheric consciousness and management to noospheric (global) civilization is revealed, as well as the main elements of this process control.

Keywords: noosphere, noosphere governance, public consciousness, noosphere consciousness, social governance, globalization.

В данной статье осуществляется социально-философский анализ роли ноосферного управления в предотвращении кризисных тенденций в обществе. Практический опыт управления глобальным обществом во многом зависит от

теоретических основ философии управления. Формирование новой философии управления как метатеории управления есть крайне важная задача современной научной мысли, т. к. одна из функций философии управления – методологическая направлена на теоретическое развитие менеджмента как науки, с одной стороны, а с другой – использование знаний в области управления на практике» [2, с. 135].

Современное глобальное общество – это сложная система, которая связана с изменениями. Социальная структура современного общества, среди прочего, формируется под влиянием развития информационно-коммуникационных, глобальных технологий, которые влияют на направленность общественного развития.

В условиях глобализации формируются стратегии развития ноосферного управления: 1) глобоцентризм как глобальное управление транснациональной элиты социосферой, без участия государств; 2) ноосферное управление окружающей средой, которое осуществляется государствами, стремящимися создать гармоничную сферу жизнедеятельности.

В современных условиях формируется множество проблем. Наиболее распространенные и сложные проблемы – это глобальные проблемы, которые определяют «новую реальность». Быстрое распространение информационных сетей, телекоммуникаций расширяет и уплотняет глобальное пространство социума. Изменения, связанные с представлениями об основах человеческого существования, образованием информационно-глобального пространства, дают возможность развитию новых представлений об обществе, человеке, жизненном мире. Новые возможности человеческого разума, открывшиеся с компьютеризацией интеллектуальной деятельности, глобализацией, приводят к появлению новых территориальных структур, отличающихся социально-экономической организацией, сложной системой территориального управления, особым образом жизни населения, требующим сознательного (ноосферного) управления.

В данных ситуациях изменяются поведенческие стандарты и ценностные ориентации личности. Возникают ранее не осознаваемые этические, социопсихологические проблемы межличностных информационных полей. Исследователи в области информационной культуры пришли к такому выводу, что информационные поля – это результат разных форм и видов человеческого общения, которое порождает множество гуманитарных проблем, связанных с освоением пространства информационного мира.

В решении возникающих проблем важную роль играет разработанная В. И. Вернадским концепция ноосферы. Эта концепция предлагает до-

стойкое неконфликтное существование людям и достижение экологического баланса в природе, с сохранением и восстановлением биоразнообразия планеты.

Целью современного этапа развития общества выступает переход всех экономик мира к планово-рыночной, управляемой экономике и развитию на базе ноосферной программы – программы устойчивого развития человечества [1, с. 101]. Учение о ноосфере В. И. Вернадского сформировало пути развития ноосферного управления. Эффективность ноосферного управления во многом зависит от развитой формы общественного сознания – ноосферного сознания.

Становление и развитие ноосферного управления возможно под влиянием научного направления философии управления. Ноосферное управление как новая форма практического социального управления и как научное управление связано с «глобальными вызовами» XXI в, т. е. ноосферно-научное управление опирается на ноосферно-ориентированный синтез наук, ноосферное образование и, в том числе – на новую (ноосферную) парадигму науки об управлении.

Таким образом, ноосферное управление, как управление социо-природной эволюцией немислимо вне становления научно-образовательного общества [4, с. 50].

Роль ноосферного управления в разрешении кризисных тенденций в обществе основывается на следующих направлениях [3, с. 241]: резкое преобразование средств связи и обмена между странами; открытие новых источников информации; создание условий для свободной научной мысли, независимой от религиозных, философских и политических воззрений; продуманная система воспитания и образования, основанная на развитии у будущих менеджеров знаний, умений, необходимых для принятия разумных управленческих решений.

Данные направления развития ноосферного управления способствуют формированию управленческих программ и технологий по преодолению кризисных тенденций в развитии общества.

Библиографический список

1 Вернадский В. И. *Научная мысль как планетное явление* / В. И. Вернадский ; отв. ред. А. Л. Яншин. – Москва : Наука, 1991. – 270 с.

2 *Диалектика познания сложных систем* / под ред. В. С. Тютютина. – Москва : Мысль, 1988. – 316 с.

3 Захаров Н. И. *Поведенческая экономика, или Почему в России хотим как лучше, а получается как всегда* : монография / Н. И. Захаров. – Москва : ИНФРА-М, 2017. – 213 с.

4 Захаров Н. И. *Развитие теории ноосферизма – стратегический мегапроект современной науки* / Н. И. Захаров // *Ноосферное образование в евразийском пространстве* / под ред. А. И. Субетто. – Санкт-Петербург : Астерион, 2018. – Т. 8. – С. 49–56.

К ЦЕННОСТИ ИДЕНТИЧНОСТИ В КРИЗИСЕ СОЦИАЛЬНОСТИ

*Е. Б. Бабошина,
канд. пед. наук, доцент,
доцент кафедры педагогики и методики
преподавания гуманитарных дисциплин
Курганский государственный университет,
ebaboshina@rambler.ru*

Аннотация. Модель постиндустриального общества с ценностным модусом экономического прагматизма, глобализуясь, продолжает вытеснять социально-этическую традицию в культуре, усиливая проблему культурной идентификации личности как ценностный кризис социальности. Катализатором выступает и неограниченный либерализм с непредсказуемым влиянием социальных фактов на нормы социальности, формируя новое качество массового сознания, этос которого оказывается под вопросом. Между тем кризис личности предвидели ряд философов. А. Адорно, Г. Маркузе увидели в новой истории упадок духовности. Э. Дюркгейм показал стимулирующую, но не всегда позитивную роль социального факта в новой норме. Кризис идентичности как проблему времени отмечали Э. Фромм, Э. Эриксон; но анализ истоков и сути процесса принадлежит К. Марксу, мысль которого об этике границ идентификации в массовизации современной личности особо актуальна.

Ключевые слова: идентичность, личность, норма, социальность, ценность.

TOWARDS THE VALUE OF IDENTITY IN THE CRISIS OF SOCIALITY

*E. B. Baboshina,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate
Professor of the Department of Pedagogy and
Methods of Teaching Humanities,
Kurgan State University,
ebaboshina@rambler.ru*

Abstract. The model of post-industrial society with the value mode of economic pragmatism, globalizing, continues to displace the socio-ethical tradition in culture, strengthening the problem of cultural identification of the individual as a value crisis of sociality. The catalyst is also unlimited liberalism with an unpredictable influence of social facts on the norms of sociality, forming a new quality of mass consciousness, the ethos of which is in question. Meanwhile, a number of scientists and philosophers foresaw the crisis of the individual in society. A. Adorno, G. Marcuse saw in the new history the decline of the value of spirituality. E. Durkheim showed the stimulating, but not always positive role of the social fact in the new norm. E. Fromm and

E. Erickson saw the problem of time in the identity crisis; but the analysis of the origins and essence of this process belongs to K. Marx, whose idea of searching for ethical boundaries in mass culture for the modern personality is particularly relevant.

Keywords: identity, personality, norm, sociality, value.

*Лично я могу не назначать никакой цены за драгоценности, тем не менее их ценность останется в рассматриваемый момент той же самой.
Э. Дюркгейм [1, с. 4]*

Идентичность выступает основой социальной формы самости человека, основание которой формируется с рождения и становится на протяжении всей сознательной жизнедеятельности. Идентификация происходит как становление в культуре, являющейся и пространством соизмерения человека и мира, и способом приобщения к человечеству, и ценностно-нормативным условием качества процесса и результата. В отношении человека к культуре проявляется ценностное измерение и человеческих свойств, и социального пространства. Бытийным вопросом идентичности остается качество ценности, выражающее нормативную позицию человека в мире в осмысленном выборе, где взаимодействие ценности, нормы и смысла происходит в целостном сочетании значений для себя и других, а ценность как значимость выступает точкой отсчета. Содержание ценности постоянно трансформируется в силу становления человека и человеческого, формируя сомнение до революционного (Ф. Ницше), но ценность остается таковой.

Соответственно, в проблеме ценностного содержания идентичности личности мы различаем позицию вневременную и ситуативную, конкретно-историческую. Если первое выявляет в человеке важное начало в статусе целого как всеобщности, то второе – определяет особенное и частное в идентификации как закрепляемых результатов индивидуального и социального опыта. Исторические смыслы ценности сообразуют этос времени с социальными нормами, влияющими на этическую норму становления личности как интеграцию свойствообразующих этос-признаков идентичности (как вера в добро, стремление к совершенству, готовность к участию, чувство справедливости, другое) в их актуальном прочтении. Содержание этос-признаков, уточняясь в опыте современности, в каждую эпоху проявляет свои модели и образы человека в их чертах [2].

Так, в феодализме человек, идентифицируясь через чувство социальной принадлежности, имел сообразный этос-способ отношения к миру («где родился»). С меновыми отношениями социальным принципом становится частнособственническая психология, что первым фиксирует в социально-экономическом учении А. Вагнер. Новую

форму социальности в новом экономическом базисе открывает К. Маркс: обстоятельно анализируя новый тип меновых отношений, ведущим изменением в обществе характеризует личность или человека в социальных связях. Личность, как исторический результат и социальный феномен, сначала вдохновляет Маркса; однако в «Экономических рукописях, 1857–1858 гг.» [3] общий пафос анализа не скрывает обеспокоенности ее участью, вероятностью печального исхода такой эволюции. Маркс беспокоится не столько о не насыщении частного капитала, но о развитии искусственных потребностей личности, способных подавить истинную идентичность как ценность. Человек у Маркса отстоит от прежней философии, причиной чему он видит изменение общества.

Как подчеркивает антрополог Э. Геллнер, в этот период локальные культуры переходят пик роста [4], что также служит фактором изменений социальности. В связи с общими изменениями, в нашем понимании, в период К. Маркса назревает иной тип противоречия социального и индивидуального, связанный с этосом социальной нормы идентификации, формулируемый нами как рост противоречия *социальной морали и индивидуальной нравственности*, где один интерес, не сводимый к другому, вырастает до мегамасштаба, в чем видна уже не только естественная норма человеческого общежития, но через что проступает ее социально наращиваемый источник. Противоречие становится мерилем новой социальности, фактором нового социального характера, раскрытого в сути и эволюции Э. Дюркгеймом, Э. Фроммом, К. Хорни. Философы увидели в этом духовную проблему общества, важным корнем которой показали отрыв в прагматизации и «экономизации» социального выбора от индивидуального нравственного смысла, закрепляющий норму вне традиции, ее духовной ценности.

Несмотря на материализм взглядов, уже К. Маркс, подобно «осторожному романтику», пробует увидеть в будущем не только то, что сам описал, ему верится в лучшее. Не случайно Э. Фромм отмечает, что человек у К. Маркса не существует без ценностного мировоззрения, страдая от квази-потребностей [5]. Действительно, в анализе человека, продолжая позицию Аристотеля о «социальном животном», Маркс подчеркивает укоренение социальной нормы со способом обособления в обмене как новой природности («надстадность»). Однако парадоксом индивида он отмечает факт, что тот «делает себя всеобщим и коллективным», но, стремясь «пожрать» общество, пожирается сам [3, с. 281].

Человек становится заложником коллективного порядка с выработанной самим нормой, в которой предпосылкой индивидуальности становится «производство на основе меновых стоимостей», но «во всеобщем отчуждении [Entfremdung]»; и, хотя индивид еще не выработал «полноту своих отношений», все же в новой ситуации «так же, как

смешно тосковать» «по первоначальной полноте индивида», но «так же смешно верить в необходимость остановиться на нынешней полной опустошенности» [3, с. 71]. Таким образом, по Марксу, человек снимает прежнее качество, полноту, но платит за это опустошением, несмотря на рост цивилизации и свое развитие; а корень противоречия человека в меновом мире в том, что развиваемая социо-со-образность (качество коллективности бытия и его норма) в итоге делает человека самостоятельным только в социальных отношениях, хотя ранее он принадлежал к «обширному целому» [3, с. 28]. Нарушение порядка целого приводит к «гражданскому обществу» как особой парадигме социальности в ее формах и связях, выступающих для личности средством для частных целей, «внешней необходимостью» или *объективной нормой личностного субъективно-го смысла*.

Так социальность становится позицией «одиночки». К. Маркс называет эпоху временем «наиболее развитых общественных отношений», где становится понятна главная Норма, выраженная в парадоксе: «Человек есть в самом буквальном смысле ζῷον πολιτικόν, не только животное, которому свойственно общение», но «которое только в обществе...и может обособляться» [3, с. 28]. Становление одиночки вне общества у Маркса такая же бессмыслица, как развитие языка без его использования индивидами. При этом и в «робинзонаде» для К. Маркса нет никакого натурализма, для него Ж. Ж. Руссо пишет о «contrat social», а где натурализм есть видимость и только эстетическая»; а все робинзоны предвосхищают «гражданское общество», сделавшее «с XVI века и в XVIII веке» «гигантские шаги на пути к своей зрелости» [3, с. 28]. Общество конкуренции есть «результат истории» и *не возврат к натурализму*.

Итак, в позиции Маркса нормой нового и особенным существованием, фактическим смыслом, теперь выступает социальность как переживание отдельности и доли отчуждения, как формы самостоятельности, в которой человек и ощущает свободу в выборе через знание необходимости. *Гражданское насыщает индивидуальное полнотой переживания себя в мире, но и дробит идентичность на части, создавая постоянный конфликт между собой как уникальным существом и частью целого*. Образ себя становится не отделен от целого, но раздираемого своими противоречиями. Возвращение к себе возможно через внимание себе и другим как ценности целого, но когда самообраз слишком расходится с социальной нормой, выстроенной по иному социальному принципу (отчуждения), личность становится способом формального, но безучастного функционирования, а ее качество перестает ценить порой сам носитель. Идентичность оказывается внешней, рождая постмодернистское сознание. С глобализацией процесс имеет все шансы к ускорению, поддерживаемый массовизацией соци-

альности, под напором которой совершается распад внутреннего мира как значимости.

Однако и по Марксу, человек не бездушен, а общество не роботоподобно. Маркс не забывал, что человек может не только подчиняться обстоятельствам, но и создавать их, то есть реализовываться. Здесь небесспорно сравнение позиции Маркса с Гегелем, по которому знание сущего как нормы принадлежит Абсолюту, поэтому история есть отчуждение Духа, его опредмечивание. В отчуждении порождается и мир человека, где Идея познает себя, когда Дух народа проникнется Идеей как пониманием Всеобщего, начиная историю смерти. Обнаруживая конечность, он идет к более высоким принципам, открывая новый тип свободы, от «непосредственного доверия отдельных лиц к своему народу», где целью является «не устойчивый порядок, а совместное действие, эта свобода участия всех и каждого временно теряет значение» [6, с. 213].

Согласимся с А. В. Яцевич, увидевшей концепцию В. Гегеля «социальным эволюционизмом» вне телеологии, тогда она сравнима с концепцией К. Маркса [7]. Однако если для Гегеля цель надприродна, то Маркс все же признает примат «причины действующей», хотя схемы философов одинаковы, но смысл становления различен. У Маркса в истории социального производства меняется Само человека (итоге прагматичной нормы), у Гегеля – это метаморфоза Духа.

Проблему отчуждения после К. Маркса исследует в психофилософии Э. Фромм. В отличие от К. Маркса он видит ее не только в разделении труда, но и в потере смысловой стороны языка, ведущей к культуре социального факта, которому человек и общество начинают следовать как недопонятому Смыслу. Символы индустриализма разобщают социальность, делая одинокой личность и с этой стороны лишая полноты бытия, поэтому невротизация становится нормой индивидуальности, подменяя в ее идентичности мотив «быть» на «иметь».

Э. Фромм видит у К. Маркса взгляд, что отрыв «от человеческой сущности ведет к экзистенциальному эгоизму», обесценивая духовное «Я», лишая себя своего «существа»; в таком обществе нужны податливые и манипулируемые работники, «часть массы» [9, с. 7]. Описываемая философами деструкция раскрывает трагедию образа себя как смысла и ценности. Итак, в эволюции социальной нормы идентификации особая (этос-) ответственность возлагается на истоки построения норм, как и на способы достижения, где деформирующее влияние каждого этапа не только разрушает, но искажает возможности сущности человека.

Важность этического принципа в соотношении ценности социального и индивидуального во многом обозначил, на наш взгляд, Э. Дюркгейм, отмечая природу ценностного суждения как продукт коллективного чувства, однако, несмотря на

положительное построение в этом случае естественной нормы-традиции как подхода к ценности, он видит опасность роста негативного влияния массовости в социализации. Ученый задается в этом развитии вопросом о субъекте, поскольку для него «среднее нравственное сознание есть нечто посредственное; оно слабо ощущает даже заурядные обязанности и, следовательно, соответствующие нравственные ценности»; «существуют даже такие, в отношении которых оно (сознание) поражено чем-то вроде слепоты» [1, с. 9]. Кризис социального и индивидуального кроется также в том, что для ученого экономические и иные ценности (нравственные, религиозные, эстетические и т. д.) не сводимы друг к другу, а попытки в этом отношении «напрасны». Так, «искусство» «целиком есть предмет роскоши», не подчиняется утилитарному; также и «чистая метафизика» освобождена от «утилитарной цели», ее цель – в осуществлении; значит, и «самые высокие добродетели» существуют не «для хорошего социального порядка», но «созданы из действий свободных и самопроизвольных, из жертв, к которым ничто не принуждает и которые иногда даже противоположны предписаниям мудрой упорядоченности» [1, с. 7]. Человеку же свойственна способность «выдвигать идеалы» не из опыта; хотя также важна их природа и путь из опыта.

Итак, кризис социальности важно определить причиной и кризиса ценности личности как субъекта в его идентичности, как лучшей формы самоактуализации человеческого. Очевидно также, что такой кризис не решаем без внимания к доминанции экономического принципа в социальном порядке; что появление множественности идентичности личности вместо ее цельности становится особым вопросом с виртуальной реальностью, часто сводимо почти к нулевому итогу, поскольку, согласимся с Э. Дюркгеймом, «если психическая жизнь состоит исключительно в состояниях, актуально данных в каждый момент времени ясному сознанию, то это значит, что она сводится к небытию» [1, с. 10].

С точки зрения ученого, представления могут сохранять силу и реальность вне постоянного их нервного возбуждения, что указывает на их реальность и влияние. Такой психический факт социальности означает для нас «неоднородность» массового сознания личности и отсчета ее внутреннего мира, способного заявить о себе для утверждения не только утилитарных целей в стремлении к подлинному бытию. Факт становится весомым поводом к вере в этос взаимодействия социального и индивидуального. К тому же, как отмечает Б. С. Шалютин, «нормы всегда отражают то, что сложилось» и «проявляются» не просто так, так как «моральные принципы есть объективная реальность «регулятора поведения», а их адекватность «вполне может оцениваться гносеологически» [10, с. 95].

В то же время анализ причин и способов по-

тери ценности идентичности как появления личности в истории с ее социально-индивидуальным противоречием в меновом обществе показал возможность нового характера нормы социальности, не подкрепленного идеалом, что не только разрушает целостность существования, но подрывает историю человека как совершенствующейся сущности. В силу высказанных позиций в их логике полагаем также не только необходимым постановку вопроса об уместности конкретной нормы, важным критерием чему остается для нас позиция общего доверия. В анализе также важно учитывать, что рефлексия ценностного суждения о норме в ее складывании сегодня в условиях ее «массофикации» культуры («массофикация – процесс становления массового человека, т. е. качественная характеристика процедуры «подгонки» личности под массовый стандарт, когда мышление и сознание личности подстраиваются под образцы не просто господствующие в массе, но требуемые обществом» [11, с. 49]), может становиться плодом социальных манипуляций от экономического до политического уровней культурного контроля одних над другими, риск чего в информационном обществе усиливается, формируя социальность фэйков и «лингвопсевдолокусов», где модель духовной культуры становится приложением лоббируемых позиций.

Таким образом, отсутствие «мета» формирует норму исходом экономической материальной выгоды, где позиция духовного идеала в идентичности личности низведена к роли человека внешнего, в котором ценность почти не играет роли. Отсутствие внутреннего «человека», столь важного, в частности, в восточной традиции и в отечественной ментальности, например, ее богоборческой православной традиции (Идея Обожения), нивелируется и унижается. В то же время возвращению личности в новом качестве в историю социального может способствовать именно идея духовной культуры как ведущей ценности идентичности. Близкой нашей позиции считаем мысль Ю. И. Колобовой о комплексном подходе к вопросу о «культурологии личности», приравнивающей проблему личности проблеме существования [12, с. 75]. Очевидна также актуальность Н. А. Бердяева, для которого личность не «есть только результат общественного, но – «борьбы», «вытеснения» того, «что не мое» [13, с. 48].

В разрешении противоречия социального и индивидуального необходимо также согласиться с Г. С. Кнабе, анализ «исторического поведения людей» как участия в общем [14, с. 10]. Интерес к персональной истории, к психоистории, где личность рассматривается качеством, одним из первых выразил П. П. Сувчинский интересом к «тайнику духа», где кроется «целый мир» [15, с. 152].

В психоистории нам важно открытие внутреннего мира, приближающего к духовной традиции и позволяющего посмотреть на человека как источник развития, субъекта культуры, что в нашем

анализе мы связываем с идеей «человека культуры» как явлением Диалога, по В. С. Библеру. Такой субъект идет к новому через традицию, но не только свою. Интересна интерпретация «человека культуры» Г. Г. Пиковым, для которого такие люди видели в культуре не «средство достижения общественных или личных целей», а путь к смыслу жизни, поэтому «человек культуры не приспособливается к ней и не делает ее средством достижения своих конъюнктурных целей» [16, с. 102]. В обращении человека к культуре для нас важна не только традиция в развитии, но и готовность построения нормы становления в опоре на метазель. Синтонно этому смыслу на социальном уровне оцениваем взгляд Е. Ф. Казакова о переживании человечеством четвертого кризиса идентичности (первые: переход от зверя, осознание Бога, потеря метафизической сущности), в котором вопрос «метафизического дыхания» соединился с уподоблением машине, в то время как важно «развитие во все стороны», как «бегущего «к себе» [17, с. 45]. Важным пониманием истории для нас служит возможность ее продолжения, а целостность человека имеет шанс на качество, но менее всего здесь полезен уход от ценностно определяющих решений. Становление новой нормы социального как условия качества индивидуального может выступать польза творчества как искусства.

Исследователь утраты ценного в культуре Т. Адорно видел в коммерциализации искусства «нестерпимость», и, как отмечается исследователями, еще более негативную роль, чем в «коммерческом», «угождающем низменным вкусам публики из корыстных побуждений» [18, с. 34]. Важность обращения к внутреннему в личности мы видим и как возможность обращения к норме Совершенства как целого в Едином. На пути важно сознавать, как подчеркивал незабвенный С. М. Шалютин, что человечество как единое еще становится, а «**способность к оптимизации** самих идеалов, к примирению внутри них противоречащих друг другу ценностных компонентов – важное условие формирования и развития системы общечеловеческих ценностей» [19, с. 257].

В границах вопроса о ценностном взаимодействии социального и индивидуального, выраженного в особенностях идентификации личности, мы берем в анализ и проблему индивидуализм–коллективизм, поскольку от качества его решения зависит поликультурный характер пути к общечеловеческим ценностям, хотя, как показал наш анализ и общий опыт, «искусственность поликультуры есть также новая опасность искажения идеи как демократии, так и свободы» [20, с. 335]. Так, в одном из значимых исследований идентичности в современной России отмечалось, что «к 2011 г. российская идентичность стала не только самой распространённой среди наиболее значимых идентичностей», однако, несмотря на рост «ощущения связи с ней», проявился симптом со-

лидаризации «на обидах» [21, с. 56]. Факт означает, что любые подходы к формированию ценностного мира личности не приведут к позитивному результату, но, подчеркнем, что вера в этот путь подсказывает, что главное не может оставить нас, пока мы ощущаем связь с собой, даже если мы перестали о нем думать и поселились в псевдомире воплощаемых иллюзий. И чем раньше мы вспомним о нем, тем больше шансов к возвращению ценности подлинной идентификации как мира в мире, о чем по-своему напоминают стихи Омара Хайяма:

«Утро. Чаша. Лепешка,
а к ней – виноград.
Нам не стоит глядеть ни вперед,
ни назад.
Все, что было, – ушло,
а грядущее – скрыто.
Вот – сегодняшней рай твой.
И вот он – твой ад» [22, с. 192].

Библиографический список

- 1 Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения // *Социология, ее предмет, метод и назначение* / пер. с фр. А. Б. Гофмана. – URL : detectivebooks.ru/Книги/26833516/?page=51 (дата обращения 30.08. 2020).
- 2 Бабошина Е. Б. Развитие модели культурного человека в истории образования / Е. Б. Бабошина // *Образование и наука. Изв. Урал. отд-ния РАО : журн. теорет. и прикладных исслед.* – Екатеринбург. – 2003. – № 4 (22). – С. 7–21.
- 3 Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Москва : Изд-во полит. литер., 1968. – 317 с.
- 4 Фромм Э. Марксова концепция человека // *Душа человека* / Э. Фромм ; пер. Э. М. Телятниковоой. – Москва : Республика, 1992. – С. 375–414.
- 5 Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер ; пер. М. Тюнькина. – Москва : Наука, 1991. – 107 с.
- 6 Гегель Г. В. Феноменология Духа. – Москва : Наука, 2000. – 247 с.
- 7 Яцевич А. В. Философия истории Г. В. Ф. Гегеля. (1994) / А. В. Яцевич. – URL : filosof.historic.ru/Яцевич а.в (дата обращения: 12.02.2016).
- 8 Фромм Э. *Иметь или быть?* / Э. Фромм. – Москва : Прогресс, 1990. – 336 с.
- 9 Фромм Э. *Концепция человека у Маркса* / Э. Фромм. – URL: filosoff.org/fromm...konserciya-cheloveka-u-marksa... (дата обращения: 10.05.2020).
- 10 Шалютин Б. С. *Мораль, право и ложь* / Б. С. Шалютин // *Этическая мысль*. – 2016. – Т. 16. – С. 93–11.
- 11 *Массовая культура : учебное пособие* / К. З. Акопян, А. В. Захаров, С. Я. Кагарлицкая и др. – Москва : Альфа-М; ИНФРА-М, 2004. – 304 с.
- 12 Колобова Ю. И. *Культурология личности: к проблеме статуса понятия* / Ю. И. Колобова // *Сквозь границы. Культурологический альманах*. – Киров : Изд-во ВятГГУ, 2006. – Вып. 5. – С. 75–80.
- 13 Бердяев Н. А. *Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого* / Н. А. Бердяев // *Мир философии* : ч. II. Человек. Общество. Культура. – Москва, 1991.
- 14 Кнабе Г. С. *Изменчивое состояние двух постоянных характеристик человека* / Г. С. Кнабе // *Одиссей. Человек в истории*. – Москва, 1990.
- 15 Суевичинский П. П. *По поводу «Апокалипсиса нашего времени» В. В. Розанова* // *Петр Суевичинский и его время*. – Москва, 1999.
- 16 Пиков Г. Г. «Люди культуры» на Востоке и Западе как продукт культурной рецепции / Г. Г. Пиков // *Идеи и идеалы*. – 2017. – № 3 (32). – Т. 2. – С. 99–107.
- 17 Казаков Е. Ф. *Идеальный человек и кризис идентичности* / Е. Ф. Казаков // *Идеи и идеалы*. – 2017. – № 4 (34). – Т. 1. – С. 40–48.
- 18 Адорно Т. *Социология музыки* / Т. Адорно // *Избранное*. – Москва ; Санкт-Петербург, 1999.
- 19 Шалютин С. М. *Машины. Люди. Ценности* / С. М. Шалютин. – Курган, 2006. – 393 с.
- 20 Бабошина Е. Б. *Ценностные ориентиры поликультурного образования и принципы индивидуализма и коллективизма* / Е. Б. Бабошина // *Философия образования*. – 2006. – № 2. – С. 331–337.
- 21 *Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад*. – Москва : ИС РАН, 2011. – 297 с.
- 22 Хайям О. *Сад истин. Рубаи* / О. Хайям. – Москва : Эксмо, 2005. – 400 с.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ VS ПРАВОВОЙ СЕМЬИ

*М. С. Баятова,
преподаватель*

*Курганский областной колледж культуры
bayutova_ms@mail.ru*

Аннотация. Статья затрагивает проблему столкновения двух понятий: цивилизации и правовой семьи – на примере российского общества.

Ключевые слова: закон, цивилизация, романо-германская правовая семья, правовая система, римское право, социальные науки.

CIVILIZATION VS LAW SYSTEM

*M. S. Bayutova
Lecturer*

*Kurgan Regional College of Culture
bayutova_ms@mail.ru*

Abstract. The article deals with problem of two concepts collision: civilization and civil law system – on the basis Russian society.

Keywords: law, civilization, civil law system, legal system, Roman law, social science.

Объективное описание окружающей реальности является одной из функций науки. Инструментом, осуществляющим эту функцию, является язык науки, её терминология. Но зачастую он же превращается в инструмент, который эту реальность создаёт. Особенно ярко это можно увидеть в социальных науках, где корреляция терминов с обозначаемыми ими явлениями очень подвижна, и человек получает огромные возможности для творчества.

Например, в правовой сфере. Юриспруденция как наука о праве может влиять на общественные отношения и непосредственно. Так, в ходе судебного процесса его участники могут прямо обратиться к трудам учёных, если какой-либо спорный вопрос не урегулирован нормами права [1, с. 262–263; 2, с. 347–349]. Юридическая доктрина (гласно или негласно) признаётся в качестве источника норм права в разных правовых системах [1, с. 240; 3, с. 40, с. 98, с. 280; 4, с. 612]. Но, между тем, правовые нормы – это и есть социальные нормы [5, с. 42]. Таким образом, юридическая наука через термины может сама создавать общественные отношения, конструировать общество.

Однако нельзя не отметить, что создание реальности какой-либо наукой может вступать в противоречие с другими сферами деятельности человека, которые в целом претендуют не только на описание окружающего мира, но и на его строительство – например, философия, религия, искусство. И одну из таких проблем столкновения

понятий между социальной наукой и философией мы хотели бы затронуть в рамках данной статьи.

В юриспруденции широко распространена точка зрения, согласно которой российская правовая система относится к романо-германской правовой семье – с учётом тех или иных отличий [6, с. 31, с. 183; 7]. Ключевой характеристикой последней является преимущественная опора при принятии правовых решений на нормативно-правовые акты (уже – законы) как источник права. В отличие, например, от англо-саксонской правовой семьи, где ключевым источником права выступают решения судов по тому или иному делу – судебные прецеденты.

В научной юридической литературе указывается, что романо-германская правовая семья возникла в континентальной Европе (на базе римского права) и здесь же получила первичное распространение. А позже, путём заимствований из Европы, она пришла и в Россию [6, с. 183]. И, отсюда, российское право тоже развивается преимущественно через законодательную деятельность, а не, например, через судебную систему.

Тем временем, в социальной философии уже не одно столетие длятся споры о том, является ли Россия частью европейской цивилизации или же представляет собой самостоятельную цивилизацию. Такие авторитетные социальные мыслители как О. Шпенглер, А. Тойнби, Н. Я. Данилевский, С. Хантингтон утверждают, что Россия – это или самостоятельная цивилизация (культура/культурно-исторический тип) [8, с. 35, с. 237; 9; 10, с. 66, с. 77] или центр самостоятельной православной цивилизации [11, с. 54]. Здесь можно параллельно отметить, что разность мировоззренческого контекста русского и европейского обществ обозначена как извне, так и изнутри.

Так может ли самостоятельная цивилизация успешно интегрировать институты, характерные для другой цивилизации? Ведь романо-германская правовая семья, европейское континентальное право – это, безусловно, продукт европейской цивилизации (культурно-исторического типа). Может ли Россия быть самостоятельной цивилизацией, выстраивая социальное бытие на основе институтов и норм другой цивилизации? Или, быть может, это её особенность как цивилизации? Или, возможно, имеется другой вариант ответа на этот вопрос?

На наш взгляд, здесь происходит столкновение двух понятий разного порядка: «правовая семья» и «цивилизация». Справедливости ради, нужно отметить, что это столкновение не является тупиковым. Оно имеет решение как в рамках юриспруденции, так и философии. Например, в юридической науке существует понятие славянского права [12, с. 200], т. е. выраженные в праве особенности мировоззрения славянских народов. В философии данное противоречие правовой жизни может быть устранено через подходы

К. Маркса или И. Валлерстайна [13, с. 47], которые не оперируют понятием «цивилизация».

Однако, вдруг нас не удовлетворяют ответы, уже существующие в науке и философии? Тогда представляется возможным обратиться за решением этого вопроса к ещё одной сфере осмысления социального бытия – мифологическому мировоззрению и его яркому проявлению – фольклору.

Его преимущество перед философией и наукой заключается в гораздо большей близости к непосредственному бытию общества. Так, ещё в древности пословицы и поговорки представляли собой правовые нормы, которыми люди руководствовались в своих действиях [14, с. 6]. И сейчас они по-прежнему обращаются к ним – возможно лишь в более неформальном виде [15]. Ведь понять, запомнить и применить пословицу, поговорку человеку по-прежнему гораздо проще, нежели внушительные тексты кодексов или подзаконных актов.

И поскольку закон является наиболее важным источником права в романо-германской правовой семье, давайте сравним его понимание в латинских пословицах, крылатых выражениях, в том числе заимствованных из трудов римских юристов (несомненно лежащих в основе всего европейского понимания права) и в русских пословицах и поговорках.

Латинские пословицы и крылатые выражения отражают абсолютный авторитет закона в социальной жизни: «Закон – владыка (букв. Закон – это царь)» [16, с. 352], «Никто не выше закона» [16, с. 424], «Не владыка – закон, а закон – владыка» [16, с. 455], «Не принцепс (государь) выше законов, но закон выше принцепса» [16, с. 424], «Должностные лица – слуги закона, судьи – толкователи законов» [16, с. 349], «Магистрат – это закон говорящий, а закон – это безмолвный магистрат» [16, с. 332], «От слов закона не следует отступать» [16, с. 15], «Закон суров, но это закон» [16, с. 185, с. 351], «Это сурово, но так написано в законе» [16, с. 186, с. 351], «Слова закона были суровы» [16, с. 352], «Закон не требует невозможного» [16, с. 353], «Незнание [закона] не может служить оправданием» [16, с. 288], «То, что изначально было незаконным, не может с течением времени стать законным» [16, с. 16].

Закон здесь рассматривается, и в том числе:

1) как основание справедливости: «Справедливость следует за законом» [16, с. 38], «Справедливость есть повиновение писанным законам» [16, с. 339]; 2) как основание свободы: «Свобода – в законности» [16, с. 356]; 3) как проявление любви к родине, патриотизма: «Будем любить отчизну, повиноваться законам» [16, с. 48]; 4) как источник могущества народа: «Там, где закон в силе, и народ силен» [16, с. 284] – или государства: «Законность – основа государств» [16, с. 347]. Также законы в латинском сознании подталкивают человека к социальной активности, заставляют проявлять свои силы

на этом поприще: «Законы помогают бодрствующим, а не спящим» [16, с. 711].

Негативное отношение к закону проявляется в латинских пословицах и крылатых выражениях намного реже и не имеет чётко выраженных связей с теми или иными явлениями жизни: «Общая ошибка становится законом» [16, с. 118], «В самом испорченном государстве больше всего законов» [16, с. 130], «Нет такого закона, который был бы хорош для всех» [16, с. 464], «Нет преступления без указания на то в законе» [16, с. 466].

Абсолютная важность закона в древнеримском обществе, несомненно, была связана с пониманием его способности сдерживать насилие. Патетика противостояния закона и силы пронизывает крылатые латинские изречения: «Закон позволяет применить оружие против вооружённых» [16, с. 66], «Противозаконие совершается либо насилием, либо обманом» [16, с. 80], «Законы даны, чтоб сильнейший не мог своевопить» [16, с. 315], «Затем установлены законы, чтобы более сильный не мог всего» [16, с. 288], «Когда гремит оружие, законы молчат» [16, с. 323, с. 348], «Против таких-то бесчинств и придумали люди законы» [16, с. 333], «Право – в оружии, страх устраняет законы» («Страх изгнал законы, ибо право лишь в клинках мечей») [16, с. 335], «Война заставила законы молчать» («Под игом войны угнетённые смолкли законы»), «То, что угодно повелителю, имеет силу закона» [16, с. 578].

И только необходимость (т. е. некие объективные факторы жизни) могли оказаться сильнее закона, установить его или, наоборот, отменить: «С устранением причины закона, перестаёт существовать и [этот] закон» [16, с. 109], «Необходимость даёт закон, но сама закона не знает» [16, с. 421], «Необходимость не знает закона» [16, с. 421] и «Необходимость ломает всякий закон» [16, с. 421], «Основание (Разумная цель) закона – его душа» [16, с. 584].

В русских пословицах и поговорках изначально можно встретить двойственное отношение к закону. С одной стороны, есть указания на то, что «законы святы...», «не бойся закона...», «законы – миротворцы...» [17, с. 290] – т. е. свидетельствования одобрения законов как явления социальной жизни. Особенно в деле созидания мира, порядка, «ряда». Для большей убедительности можно привести и такие пословицы, как: «Недолго той земле стоять, где учнут уставы ломать» [17, с. 290], «У них ни царя, ни закона (т. е. неурядица)» [17, с. 287].

Однако, с другой стороны, значение этой созидательной роли законов оказывается невелико. Гораздо более важным аспектом в русских пословицах и поговорках проявляется важность исполнения закона. И особенно самими его создателями и служителями (охранителями): «Законы святы, да законники (судьи) супостаты», «Что мне законы, коли (были бы) судьи знакомы», «Не бойся закона, бойся судьи (или законника)», «Законы –

миротворцы, да законники – крючкотворцы», «Все законы писать, когда их не исполнять», «Закон – дышло: куда захочешь, туди и воротишь», «Закон, что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет» (можно увидеть в этой поговорке и отражение несоблюдения принципа равенства перед законом) и, собственно, «Кто законы пишет, тот их и ломает» [17, с. 290]. Более того, значимость и трудность в исполнении законов оказывается настолько высокой, что даже одобряется возможность их исчезновения: «Все законы потонули, да и судей бы перетопили», «Хоть бы все законы пропали, только бы люди правдой жили» [17, с. 290].

Образ закона в русской народной мудрости имеет и почти философскую грань осмысления. В частности, законное рассматривается как основание, корень и незаконного, греховного (здесь необходимо обратить внимание на то, что происходит некоторое смешение, отождествление понятий «преступления» и «греха», «закона» и «заповеди»). «Где закон (или законники), там и обида», «Где закон (или заповедь), там и преступление», «Если бы не закон, не было бы и преступника», «Не будь закона, не стало бы и греха», «Не зная закона, не знает и греха», «Строгий закон виноватых творит (или велику вину творит)» [17, с. 290].

Для полного понимания закона в русской народной мудрости, на наш взгляд, нужно указать и то, что здесь нашли различие «буква закона» и «дух закона», что отразилось в следующей поговорке: «Не складна челобитная складом, складна указом (смыслом)» [17, с. 537].

Таким образом, в латинских поговорках и крылатых выражениях роль закона в обществе видится чрезвычайно важной, абсолютной. Особенно подчёркивается значение закона в противостоянии вооружённой силе, насилию – в том числе, со стороны представителей власти.

В русских поговорках и поговорках также отмечается важное значение закона для социального бытия (но, прежде всего, в замирении социального пространства, установления общественного порядка, стабильности). Но всё же, представляется, что к закону в русской народной мудрости более двоякое, более неустойчивое отношение – сменяющееся от положительного к отрицательному (подчёркивается его беспомощность в реальной жизни, где применение законов зависит уже от человека и, зачастую, носителя власти, а также подчёркивается роль закона в установлении понятия «преступления» или «греха»).

Следовательно, изначально русское и европейское понимание закона и отношение к нему разное. А значит, его роль в обществе и необходимость в нём тоже видится по-разному. И, возможно, поэтому говорить об однозначной принадлежности российской правовой системы к романо-германской семье преждевременно. Хотя, безусловно, для более точных выводов в рамках данной проблемы необходимы дальнейший ана-

лиз различных правовых явлений сквозь призму русского фольклора. Может быть, существует самостоятельная русская или славянская правовая семья?

Библиографический список

- 1 Оробинский В. В. Основы права: теория, практика и как с этим жить / В. В. Оробинский. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2019. – 336 с.
- 2 Оробинский В. В. Чему не учат на юрфаке: все части легендарной трилогии + новые главы / В. В. Оробинский. – 2-е изд. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2017. – 573 с.
- 3 Оробинский В. В. Английское договорное право : просто о сложном / В. В. Оробинский. – 3-е изд., перераб. и доп. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2019. – 459 с.
- 4 История государства и права зарубежных стран : учебник : в 2 т. – Том 1: Древний мир и Средние века / отв. ред. Н. А. Крашенинникова и О. А. Жидков. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма, 2008. – 720 с.
- 5 Шалютин Б. С. Происхождение и сущность права и государства : учебник / Б. С. Шалютин, И. В. Кисель. – Екатеринбург : Изд-во Уральского института экономики, управления и права, 2012. – 115 с.
- 6 Давид Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози ; пер. с фр. В. А. Туманова. – Москва : Международные отношения, 2019. – 456 с.
- 7 World legal system. Сайт Университета Оттавы (Канада). – URL: <https://web.archive.org/web/20061106165657/http://www.droitcivil.uottawa.ca/world-legal-systems/eng-monde.php> (дата обращения: 13.03.2021).
- 8 Шпенглер О. Закат Западного мира. Очерки морфологии мировой истории. Полное издание в одном томе / О. Шпенглер ; пер. с нем. – Москва : Издательство «АЛЬФА-КНИГА», 2017. – 1085 с.
- 9 Тойнби А. Постыжение истории / А. Тойнби. – URL: https://royallib.com/book/toynbi_arnold/postigenie_istorii.html (дата обращения: 13.03.2021).
- 10 Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – Москва : Издательство «АСТ», 2019. – 704 с.
- 11 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон ; пер. с англ. Т. Велимеева. – Москва : АСТ, 2014. – 571 с.
- 12 Лафитский В. И. Сравнительное право в образах права / В. И. Лафитский. – Москва : Статут, 2010. – Т. 1. – 429 с.
- 13 Царев Р. Ю. Формации versus цивилизации versus современная мир-система / Р. Ю. Царев // Вестник Курганского государственного университета. – 2006. – № 3 (7). – С. 46–50.
- 14 Иллюстроров И. И. Юридические поговорки и поговорки русского народа / И. И. Иллюстроров. – 4-е изд. – Москва : ЛЕНАНД, 2016. – 80 с.
- 15 Строганов М. В. Пословицы / поговорки в современной семье и обычное право / М. В. Строганов // Культура и текст. – 2016. – № 2 (25). – С. 132–166.
- 16 Душенко К. В. Большой словарь латинских цитат и выражений / К. В. Душенко, Г. Ю. Багриновский ; под науч. ред. Д. О. Торшилова. – Москва : Эксмо : Центр гуманитарных научно-информационных исследований ИНИОН РАН, 2013. – 976 с.
- 17 Даль В. И. Пословицы русского народа. Издание книгопродавца М.О. Вольфа / В. И. Даль. – Москва – Санкт-Петербург, 1879. – Т. 1. – 685 с.

СОЦИОГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА АДАПТАЦИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ЧТО И КАК ИЗМЕРЯТЬ?

*С. В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Южно-Уральский государственный
университет (национальный
исследовательский университет);
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет
borisovsv69@mail.ru*

Аннотация. В статье в проблемном ключе дается теоретико-методологическое обоснование понятия молодежной субъектности как основы адаптивности с позиции философской, психологической и социологической теорий с акцентом на сущностную связь понятия субъектности и адаптивности.

Ключевые слова: субъектность, адаптивность, экспертиза, digital humanities, культурная среда, проективная деятельность.

SOCIO-HUMANITARIAN EXPERTISE OF THE ADAPTATION OF RUSSIAN YOUTH TO THE CHANGING DIGITAL ENVIRONMENT: WHAT AND HOW TO MEASURE?

*S. V. Borisov,
South Ural State University (National Research
University)
South Ural State Humanitarian Pedagogical
University
borisovsv69@mail.ru*

Abstract. The article provides a theoretical and methodological substantiation of the concept of youth subjectivity as the basis of adaptability from the standpoint of philosophical, psychological and sociological theories with an emphasis on the essential connection between the concept of subjectivity and adaptability.

Keywords: subjectivity, adaptability, expertise, digital humanities, cultural environment, projective activity.

Ценность современной философской антропологии определяется проектным знанием о бытии человека. Как получить это знание? Только исходя из целостного образа будущего, намеченного к построению. То есть человек – это проект, а философская антропология занимается изучением всего спектра возможностей бытия человека в некой отдаленной или близкой перспективе. Таким образом, современная философская ан-

тропология дает нам не только знание о сущем, но и знание о возможном в бытии человека, с акцентом на разнообразные проективные формы его самореализации [1; 2]. Ценность образования в этом смысле заключается в том, что человек учится проектировать себя, постоянно открывать в себе новые возможности, *способности* (как проявления его активности), а не «*неспособности*» (как проявления его пассивного подчинения сложившемуся обстоятельствам). Только это сделает его не только адаптивным к изменениям, но и инициативным в отношении реализации своих жизненных проектов.

Личностный проект – это не стремление к завершенности или совершенству, это стремление жить в согласии с собой в любой жизненной ситуации, стремление удержать в себе этот хрупкий баланс душевного и эмоционального равновесия. «Философия для человека» может стать проектом его адаптации, поскольку она покажет подходящих только для него способ духовного существования, способ вхождения в новые и непривычные культурные реалии с ясным осознанием своих собственных интересов и руководствуясь ими [3]. Причем не так важно, *что* он делает, но важно, *как* он это делает. Как он реализует в любимом деле весь свой личностный потенциал, как выражает в нем себя, как превращает это дело в свой образ жизни.

Адаптация молодежи к изменяющейся цифровой среде активно изучается с 80-90-х гг. прошлого века. В этот период оформился основной «корпус» теорий информационного общества, рассматриваемого в традициях классической социологии (Д. Белл, З. Бжежинский, Дж. Гелбрейт, М. Кастельс, Г. М. Маклюэн, Е. Масуда, Э. Тоффлер). Всем стало ясно, что информационные сети и потоки занимают центральное место в осмыслении общественных перемен [4]. На эмпирическом уровне правота этих теоретических построений постоянно подтверждается новыми данными. Например, по опросу ВЦИОМ за период с 2006 г. по 2014 г. доля наиболее активных российских пользователей, ежедневно выходящих в Интернет, увеличилась в 9 раз, естественно, что это в подавляющем большинстве молодые люди в возрасте 18–24 года [5]. Молодежь является основным субъектом, способствующим развитию информационных и коммуникационных технологий.

Однако влияние информационно-коммуникационных технологий на молодежь носит проблемный характер. Среди проблем медиа-воздействия, как правило, выделяются: индивидуализированный характер информационного воздействия; снижение роли традиционных СМИ; сокращение государственного воздействия на массовое сознание и мировоззрение; а также увеличение информационной свободы [6, с. 334]. Понятно, что данные «проблемы» не являются проблемами самой молодежи, это проблемы информационных авто-

кратий, стремительно теряющих свою легитимность. Если рассматривать Интернет как среду социализации молодежи, то с его распространением процесс социализации «перестал быть однонаправленным: государство – личность. Новое поколение массово включилось в глобальную межличностную коммуникацию по интерактивной индивидуализированной модели: личность – личность, игнорируя государственные средства идеологического воздействия» [7, с. 126]. Именно это обстоятельство «создает проблему» для многочисленных бюрократических структур информационного общества.

Если мы желаем изучать адаптивность молодежи к изменяющейся цифровой среде, создателем которой в большинстве своем она и является, то нам необходимо в качестве основы адаптивности рассматривать субъектность молодежи, поскольку именно субъектность является источником личного, уникального в человеке, что ярче всего проявляет себя в его деятельности. Интенцией к деятельности является напряжение между объективированной культурной средой, в которую изначально погружен человек, и его субъектностью. Чтобы адаптироваться к новому, субъекту необходимо пройти через этап отрицания наличного. Субъектность – это энергичное преодоление наличной ситуации. Субъект оценивает ситуацию и принимает решение ее изменить, формирует намерение и действует, постепенно соотнося происходящее с собственным замыслом, удерживая собственное движение в напряженном конфликте наличной ситуации и идеального плана, и в конечном итоге достигая желаемого результата. Можно предположить, что для каждого типа адаптационной деятельности основой является определенный тип субъектности, следовательно, базируясь на этом, можно построить классификацию типов адаптивности.

Следует констатировать, что современная ситуация в России в отношении социально-психологической адаптации молодежи к изменяющейся цифровой среде не находит должного теоретического и практического решения. Представителям социогуманитарных наук необходимо собственными силами разрабатывать методологию измерения адаптивности молодежи как основы их созидательной жизнедеятельности. Мы считаем, что ключевой стратегической линией в развитии адаптивности является поддержка становления молодого человека как субъекта собственной жизни. Вместо этого проблема адаптации молодежи рассматривается в совершенно ином ключе, как правило, посредством распространения различных «мифов» о цифровом обществе и вытекающих из них декларативных заявлений без должной стратегической и тактической научной программы. Наиболее широко распространена «апелляция к межпоколенческой специфике, а именно отнесение современной молодежи и подростков к «поколению Z», «цифровым аборигенам», «iGen» с

выделением ряда присущих им свойств и характеристик» [8, с. 38].

Называя современное поколение «цифровым» и стремительно теряя способы воздействия на него, государственно-бюрократические структуры информационного общества распространяют миф о его «зависимости» от цифровых технологий только потому, что осознают, что прежние средства информационно-пропагандистского воздействия (например, телевидение) утратили свою эффективность. Симптомами этой так называемой «зависимости» является то, что молодые люди нетерпеливы, сосредоточены в основном на краткосрочных целях, они менее амбициозны, не стремятся пополнять ряды информационной бюрократии и становиться частью определенных групп или структур, так как они настаивают на собственном праве принимать решения, они более ориентированы на потребление, более индивидуалистичны. Всю необходимую для жизненной активности информацию они получают из Сети, кроме того, Интернет является для них главным средством общения, постоянно расширяя возможности сетевой коммуникации посредством образования неформальных групп по интересам. Именно это определяет образцы их поведения, стиль жизни, приоритеты жизненного успеха и средства его достижения. Можно утверждать определенно, что в настоящее время именно глобальные социальные сети являются инструментом воспитания подрастающего поколения.

Устойчивые и распространенные представления о «зависимости» современных подростков от цифровых технологий, на первый взгляд претендующие на теоретическую значимость, «плохо поддаются эмпирической проверке или не проверены вовсе. Несмотря на специфический характер социальных процессов в разных странах, большинство «мифов» о молодежи носят кросс-культурный характер» [8, с. 38]. Хотя в существующих социогуманитарных исследованиях много говорится о субъектности, но на деле субъектность нигде не рассматривается в качестве главного адаптационного результата с учетом возможности ее измерения и экспертного оценивания для адекватного объяснения конфликтных ситуаций.

Понятно, что в силу современных процессов в науке, образовании, культурной и социальной жизни адаптация невозможна без ориентации на цифровые технологии. Цифровой поворот, произошедший в последние десятилетия, привел к буму текстов в молодежной среде и развеял еще недавно бытовавший «миф» о том, что молодежь ничего не читает в традиционном смысле этого слова, т. е. не приобретает к «книжной» культуре. Сейчас уже никто не будет отрицать, что ни только читает, причем гораздо активнее, чем люди старшего поколения, но и пишет, выражает себя посредством текста. Качественное изучение текстов, распространенных в молодежной среде, является сложно выполнимой задачей, однако все

они представляют ценность с точки зрения data science как важные данные о самоидентификации современной молодежи. Эта текстовая культура может быть осмыслена с позиции уникального, ценностно значимого дискурса как проявления активной творческой деятельности, отражающей субъектность.

Таким образом, для осуществления качественной социогуманитарной экспертизы адаптации российской молодежи к изменяющейся цифровой среде необходимо, во-первых, теоретико-методологическое обоснование понятия молодежной субъектности как основы адаптивности с позиции философской, психологической и социологической теорий с акцентом на сущностную связь понятия субъектности и адаптивности. Во-вторых, необходимо обоснование теоретико-методологической базы проективных моделей адаптивности с опорой на идеи личностно-ориентированной, гуманистической психологии и феноменологических исследований. В-третьих, необходимо систематическое исследование художественных и нехудожественных текстов, бытующих в молодежной среде, для выявления образных и языковых маркеров субъектности, идентичности и адаптивности самосознания молодежи в цифровой среде. В-четвертых, на основе этого может быть разработано что-то наподобие чат-бота (назовем его «Современный Сократ»), оказывающего помощь людям старшего поколения в общении с молодежью, а молодым людям в общении с представителями старшего поколения, для преодоления психологического и когнитивного диссонанса посредством «дружественной» цифровой среды.

Библиографический список

- 1 Резник Ю. М. *Феноменология человека: бытие возможного* / Ю. М. Резник. – Москва : Канон + РООИ «Реабилитация», 2017. – 632 с.
- 2 Тульчинский Г. Л. *Постчеловеческая персонология: новые перспективы свободы и рациональности* / Г. Л. Тульчинский. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2002. – 677 с.
- 3 Касавина Н. А. *Экзистенциальный опыт в философии и социально-гуманитарных науках* / Н. А. Касавина. – Москва : ИФ РАН, 2015. – 188 с.
- 4 Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура* / М. Кастельс ; пер. с англ. ; под научн. ред. О. И. Шкаратана. – Москва : ГУ-ВШЭ, 2000. – 606 с.
- 5 Аналитика ВЦИОМ и Левада-Центр про использование сети Интернет в РФ (16 августа 2014 года) // *SecurityLab.ru by Positive Technologies*. – URL: <https://www.securitylab.ru/blog/personal/80na20/80318.php> (дата обращения: 15.02.2021)
- 6 Тюрина И. О. *Молодежь в информационном пространстве России: интернет-участие и коммуникации* // *Россия и Китай: молодежь XXI века* / И. О. Тюрина. – Москва : Институт социологии РАН, Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2014. – С. 333–358.
- 7 Горшков М. К. *Российская молодежь в контексте социологического анализа* / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги. – Москва : ФНИСЦ РАН, 2019. – 263 с.
- 8 Богачева Н. В. *Мифы о «поколении Z»* / Н. В. Богачева, Е. В. Сивак ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Институт образования. – Москва : НИУ ВШЭ, 2019. – 64 с.

ПЕРСониФИЦИРОВАННЫЙ ХАРАКТЕР ВОЙН

*С. С. Восканян,
д-р полит. наук, доцент, профессор
Волгоградский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
voskanyan2002@yandex.ru*

Аннотация. В статье изучается причина войн. Согласно позиции автора причиной любой войны является личный интерес отдельных людей, который иногда совпадает с интересами других членов сообщества.

Ключевые слова: война, персонификация, причина войн, мирное существование.

PERSONIFIED CHARACTER OF WARS

*S. S. Voskanyan,
Doctor of Political Sciences, associate professor,
Professor
Volgograd Institute of Management – branch of
the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
voskanyan2002@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the cause of wars. According to the author, the cause of any war is personal interest of certain people which sometimes coincides with other society members' interests.

Keywords: wars, personification, cause of war, peaceful existence.

Война – одна из изучаемых проблем в науке и практике. Этому явлению посвящено множество трудов, начиная с древних времен. Война и связанные с ней многочисленные аспекты до сих пор являются предметом внимания специалистов из различных областей жизнедеятельности общества. Первым научным произведением, посвященным войне, принято считать трактат Сунь-Цзы «Искусство войны», появившийся на свет в VI-V в. до н. э. [1] (в настоящее время эта дата оспаривается в сторону омоложения на 50–100 лет). С тех пор интерес к войне только усиливался. Такое повышенное отношение к исследованию данного вопроса вызвано двумя главными причинами. Первая – рост числа войн. Это было следствием ужесточения конкуренции между различными социальными субъектами (люди, племена, народы) и организациями (церковь, государство, политические группировки и др.) из-за их численного увеличения как внутри стран, так и на международной арене. Вторая – превращение войны в важный и постоянный спутник человечества. Вся история человечества – это история войн. Эти причины безусловно требовали теоретического осмысления данного феномена и всего того, что с ней связано, а также выработки практических рекомендаций, стратегии и тактики в плане нападения и обороны.

Любая война имеет основание. Без причины войн не бывает. По крайней мере – пока не было. В настоящее время существует около десятка теорий, пытающихся раскрыть и объяснить их. Среди этих концепций поведенческий подход занимает одно из значимых мест.

В преамбуле Устава ЮНЕСКО, принятого 16 ноября 1945 г. в Лондоне, говорится: «Мысли о войне возникают в умах людей ...» [2]. Этот тезис следует перефразировать так: «Мысли о войне возникают в умах отдельных людей». Позиция автора такова – **единственная причина** любой войны состоит в **личном интересе** отдельно взятых индивидов.

Интерес – это производное наших биологических и психологических потребностей. Частично они даны нам от рождения в качестве «подарка» от родителей, частично – формируются под воздействием социально-культурной среды, в которой живет человек, и его персонального сознания (взглядов). Соответствие/несоответствие среды и взглядов может быть разным. При этом до сих пор не прекращаются дискуссии по поводу приоритетности влияния на поведение человека внешней (социально-культурной) и внутренней (собственных воззрений) среды. Биологические и психологические факторы формируют определенный тип характера, мышления и поведения, то самое, что составляет индивидуальное Я человека, которое, в свою очередь, принимает решение о начале/окончании войны.

Все остальные факторы являются не причинами, а всего лишь **предлогами**, с помощью которых сторонники войны (среди всех слоев населения – от правителей до рядовых граждан) пытаются оправдать ее. В настоящее время нет никаких убедительных, логически обоснованных доказательств в неизбежности или отсутствии войны (хотя исключение в отношении отдельных войн допускается). Если война захватническая, то она оправдывается агрессивными намерениями другой стороны, необходимостью ресурсов (сырьевых и др.), «жизненным пространством», благими целями (например, потребность в окультуривании «варваров») и т. д. Если же война оборонительная, то находятся другие аргументы: «святая обязанность защиты Отечества», интересы народа/страны, угроза полного уничтожения (рабства) в случае принятия условий врага и др. Однако мировая история демонстрирует, что не существует прямой связи между победой в войне и последующим успешным развитием народа (этнической общности, государства) так же, как проигрышем в войне (в том числе принятием полной капитуляции) и последовавшим рабским положением, а тем более всеобщей гибелью населения. Так, победы Александра Македонского не привели

ни к расцвету его родной Македонии, ни способствовали рабскому положению покоренных народов. Кроме того, не только захват, но в отдельных случаях именно поражение в войне становится точкой бифуркации для общества и государства в плане переосмысления модели поведения и выбора иного, более эффективного пути развития. Самыми известными примерами за последние столетия – это Германия и Япония. Потерпев полный разгром во Второй мировой войне, они избрали диаметрально противоположную предыдущей модели внутреннюю и внешнюю политику – демократию и мирное существование. В результате новой стратегии оба государства уже к 1960 г. вернули себе статус мировых держав став третьими и четвертыми экономиками мира (после США и СССР).

Это убедительное свидетельство того, что страна может достичь внутреннего и внешнего процветания без авторитарных методов, создавать общество всеобщего благосостояния без войн, гибели людей и разрушений. Причем такой путь выгоден еще тем, что страна и народ формируют себе положительный имидж на международной арене, что, в свою очередь, способствует получению дополнительных моральных и материальных дивидендов.

Доказательством того, что война есть производная интересов отдельных индивидов, а не общества (или хотя бы его большинства), служит факт существования и развития социумов по законам мирного времени. Таковых в мировой истории подавляющее большинство. То есть сообществ, которые выстраивают свою постоянную жизнедеятельность (в том числе в мирное время) по правилам военного времени единицы. Наиболее классическим примером такого воинствующего (военизированного) случая является древнегреческая Спарта, для которой война, была, фактически, смыслом и сутью существования. Где психологическую готовность к смерти (на войне) формировали с детства.

Войны, став древними спутниками человечества, уже не исчезнут. Любые попытки избавиться от них обречены. Даже если представить мир, в котором будут урегулированы все споры и конфликты между социальными общностями (группами, народами, этносами) и государствами, все равно войны никуда не уйдут. Это не позволят сделать отдельные индивиды (правители, политики, лидеры и некоторые др.), исходя из сугубо личных интересов (которые в единичных случаях будут коррелироваться с интересами общества).

Библиографический список

1 *История войн и военного искусства Древнего мира.* –

URL: <http://els.ulspu.ru/Files/!ELS/disc/istor-voin-i-voen-isskustv/1.1.html> (дата обращения: 10.02.2021).

2 *Устае ЮНЕСКО.* – URL: <https://base.garant.ru/2540500/> (дата обращения: 10.02.2021).

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРАВОВОЙ ПОРЯДОК

*В. А. Глазырин,
д-р социол. наук, профессор,
Уральский государственный
юридический университет
glazur@olympus.ru*

Аннотация. В статье правовой порядок рассматривается в системе социальных институтов современных обществ.

Ключевые слова: социальный порядок, правовой порядок, социальный институт, право.

SOCIAL INSTITUTIONS AND LEGAL ORDER

*V. A. Glazyrin,
Doctor of Sociology, Professor
Ural State Law University
glazur@olympus.ru*

Abstract. The author of the article studies legal order within the system of social institutions of modern societies.

Keywords: social order, legal order, social institution, law.

Любому обществу присущ тот или иной социальный порядок. В архаичных социумах порядок, опирающийся на юридико-правовые институты, отсутствует. В течение длительной социальной эволюции возникают общества, устроенные на юридических установлениях, действенность которых в поддержании социальных порядков при всех их возможных несовершенствах обеспечивается общеобязательностью юридических предписаний, определённостью актов законодательства, прецедентами, системой судопроизводства, властно-государственным принуждением к исполнению законов. Однако не все легальные (законные/юридические) порядки являются правовыми. Это прежде всего связано с тем, что *lex* (rule of government – «правление посредством норм/правил правителя/государства») не тождественно *jus* (rule of law – «правление посредством принципов/норм права, правовых законов, верховенства права»). Так, В. С. Нерсесянц – один из крупнейших российских юристов отмечал, что юридические законы должны соответствовать природе и требованиям права, в противном случае они могут применяться в не правовых целях [1, с. 37].

Цель этой работы заключается в том, чтобы показать взаимодействие правового порядка как институционального образования с другими социальными институтами современных обществ.

Кажется, что любой социальный порядок покоится на весьма хрупкой основе. Неужели жизнь людей в обществе может быть либо «одиноким,

беспросветной, бедной, тупой и короткой» в состоянии войны всех против всех или быть под господством государства-Левиафана? Это не так. Это ложная дилемма. Институциональным ответом на вызовы социального хаоса (все имеют право на всё) и диктатуры (социальный порядок несвободы и несправия) в современных социумах выступает правовой порядок (социальный порядок правовой свободы).

Правовой порядок обладает свойственными ему чертами [2]. Его фундаментальные основы представлены в различных, ставших историческими, политико-правовых документах и Конституциях многих стран. Например, в «Декларации независимости США» (1776) записано, что «мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав людьми учреждаются правительства, черпающие свои законные полномочия из согласия управляемых. В случае, если какая-либо форма правительства становится губительной для самих этих целей, народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и формах организации власти, которые, как ему представляется, наилучшим образом обеспечат людям безопасность и счастье» [3]. Кратко говоря, первоначала правового порядка связаны с признанием прав человека (человеческого достоинства, свободами), их институциональным воплощением в юридико-правовых актах и обеспечением в деятельности правомочных государственных органов и институтов гражданского общества. Вместе с тем общества являются сложно структурированными социальными образованиями. Их институциональная структура не сводится к правовым институциям. Правовой порядок не тождественен социальному порядку.

Рассмотрим различные социальные институты обществ – «сила», мораль, религия/церковь, идеология, легальность/легитимность, традиционный порядок и национальные культуры, «индивиду и институты: казус Карамзина» – в их отношении к правовому порядку.

«Сила» и правовой порядок». Немыслимо целиком и полностью изжить применение силы в социумах, включая правовые, в частности, искоренить преступность. Но можно осуществить институциональные преобразования, добиться того, чтобы «сила» стала бы «элементом» правового порядка. Для этого в обществе нужно учредить легальную монополию на применение силы, применять которую может только государство, его уполномоченные органы, понимая, что их деятельность должна осуществляться исключительно в рамках Конституции и законодательства. Добавим, что в США вопрос о правовой институционализации насилия имеет свои особенности. Второй поправкой Билля о правах (1791) установ-

лено, что право народа хранить и носить оружие не подлежит ограничениям [4, с. 61–74].

Мир XXI века динамично изменяется. Возникают новые вызовы в обеспечении прав и свобод человека, правового порядка. Среди них выделяется тяготение государств, заявляющих о возрастающих угрозах обществу и гражданам от преступности и терроризма, заменить права и свободы человека на безопасность.

В объяснении соотношения между свободой и безопасностью имеются, по крайней мере, две «мыслительные ловушки»: из верной посылки, что «нет свободы в отсутствие безопасности» во все не следует, что 1) чем больше безопасности, тем больше свободы или, что 2) свобода и безопасность имеют равный вес в жизни современных обществ. Дело заключается в том, что в конституционных порядках безопасность есть условие осуществления свободы. Безопасность – не цель, а средство, которое нужно для обеспечения свободы. Главной ценностью правовых государств всегда остаётся правовая свобода [5].

«*Мораль и правовой порядок*». Моральные ценности, представления о добре, зле и справедливости, сложившиеся в обществах, задают известные рамки социальным правовым порядкам. В частности, правовой порядок эксплицитно/имплицитно соотносится с общественными ожиданиями, что правовой порядок является морально оправданным, существование в обществах правовых предписаний сочетается с этической максимой, что «жизнь людей устроена на основе определённых правил». Без морально-этических «опор» правовой порядок едва ли можно реализовать на практике. В связи с тем, что в большинстве случаев социальные акторы исполняют правовые предписания словно бы в «автоматическом» режиме, воспринимая их должными, оправданными, правильными, не вызывают морального сопротивления им. Между тем в становлении правового порядка юридико-правовые установления обладают приоритетом перед морально-этическими правилами, так как правовой порядок конституируется областью общественных отношений о правах. Моральные предписания тогда приобретают публично- и частноправовое значение, когда становятся частью общественного договора о правах.

«*Религия/церковь и правовой порядок*». В сегодняшнем мире есть страны, в которых юридические порядки во многом предопределяются религией/церковью. Это клерикальные и теократические государства [6]. Тем не менее клерикализм не выступает «стандартом» правового порядка, потому что правовой порядок не является проектом по обустройству Града Божьего на Земле. Правовой порядок предполагает светское государство, свободу исповедовать или не исповедовать религию, то, что никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, а религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом

(ст. 14, 28 Конституции РФ).

«*Идеология и правовой порядок*». Является ли правовой порядок идеологическим, выстроенным по лекалам идеологических доктрин? Пожалуй, «идеологический» аспект правового порядка может заключаться только в интеллектуальных (теоретических) изысканиях «идеи права», концептуальных положениях о верховенстве права. Но правовой порядок не может быть идеологическим с позиций партийности. В ст. 13 Конституции РФ записано, что в Российской Федерации признаются идеологическое многообразие, никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, многопартийность.

«*Легальность, легитимность и правовой порядок*». Одна из особенностей правового порядка состоит в том, что он обладает в своём роде двуединой природой, является легальным/законным и легитимным. Очевидно, что правовой порядок не может не быть институциональным образованием легально-официального толка, однако сознавая, что диктатуры тоже обладают этим качеством, законность, выступая необходимым основанием правового порядка, без легитимности недостаточна для признания какого-либо социального порядка правовым. Легитимность требуется для подтверждения того, что существующий политико-правовой порядок зиждется на согласии граждан, общественном договоре о конституционно-правовых началах, правах и свободах граждан. Отметим, что авторитарные (диктаторские) режимы в целях поддержания своей политической устойчивости, часто используют всевозможные политико-технологические симулякры их легальности.

«*Традиционный порядок, национальные культуры и правовой порядок*». Правовые общества не создаются с чистого листа, новые социальные порядки «выходят» из предшествующих им социальных образований, социумов с их историей и культурой. Но, конечно, грядущее не предreshается прошлым. Р. Познер – один из самых крупных исследователей в области экономики права, рассматривая вопрос о зависимости права от прошлого, поставил вопрос: «почему прошлое должно управлять настоящим?» [7, с. 184]. Движение в будущее связано с историческими развилками, окнами возможностей, ответами обществ на внутренние и внешние вызовы. Заметим, что точнее говорить, что правовые общества не вырастают, а перерастают традиционные общества.

Представление, что отход от традиционного уклада жизни обязательно порождает анархию, совершенно неприемлемо. Традиционный порядок – это лишь один из видов социального порядка. Правовой порядок – не архаика и анархия, это социальный порядок свободных обществ. Общества правового порядка могут включать социальные и правовые «компоненты» традиционных отношений, социумов, в частности, обыкновения делового оборота, обычаи и социальные

привычки социо-культурной повседневности. При всём том между правовым порядком и традиционализмом имеются важные разделительные линии. Первый конституируется на признании равенства людей и универсальных, единых для всех правилах, второй – эксплицитно/имплицитно культивирует неравенство в правах между людьми (например, сословное, гендерное).

Есть немало публикаций, в которых отмечается, что западные правовые стандарты разрушают культуры и идентичности не западных обществ. Разумеется не следует отрицать возможность значительных трудностей и противоречий «включения» современных правовых институтов в структуру обществ с различной культурой, но всё же можно определённо сказать, что историческая действительность не укладывается в рамки механистических допущений о разрушении культуры и идентичности обществ, модернизирующихся на началах права. Так, Япония, Тайвань, Гонг Конг, Южная Корея освоили многие западные правовые институты в различных областях жизни обществ, но при этом обладают свойственной этим странам уникальной не европейской (западной) культурой. Нельзя не видеть, что общества, институционально «построенные» на началах институтов права, являются разнообразными культурными социумами.

«Индивиды и институты: казус Карамзина и правовой порядок». У русского историка Н. М. Карамзина есть высказывание, что России не нужны Конституция и новые законы, а требуются 50 честных и толковых губернаторов [8]. Видимо, автор «Истории государства Российского» не мог помыслить, что, когда отсутствуют официальные установления чиновник (государственный деятель), желая осуществить те или иные проекты «на вверенной ему территории», переводит административную работу в режим «ручного» управления, чем большую активность и настойчивость он будет проявлять, тем выше шансы, что ему придётся претворять свои начинания в принудительном порядке. Карамзинское представление о том, как следует обустроить Россию, с позиций современной институциональной теории означает, что институты не имеют значения, несовместимо с пониманием правового порядка. В противоположность взглядам Н. М. Карамзина – сторонника персоналистского режима власти и управления, правовой порядок есть институциональная система «безличных» правил, базирующаяся на признании верховенства права и правовых законах.

Подводя итоги работы, отметим, что общества – сложные социальные системы. При всём многообразии социальных институтов, действующих в социумах, разумной альтернативы правовому порядку не существует. Только в условиях этого социального порядка признаётся равенство людей, незыбленность их человеческого достоинства, прав и свобод.

Библиографический список

- 1 Нерсисянц В. С. *Философия права* / В. С. Нерсисянц. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2016. – 256 с.
- 2 Доклад о верховенстве права, утверждённый Венецианской комиссией на 86-й пленарной сессии (Венеция, 25-26 марта 2011 года). Страсбург, 4 апреля 2011 года. – URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2011\)003rev-rus](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2011)003rev-rus). (дата обращения: 20.02.2021).
- 3 Декларация независимости. Конгресс, 4 июля 1776 г. [принята единогласно тринадцатью соединёнными Штатами Америки]. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/indpndnc.htm> (дата обращения: 03.03.2021).
- 4 Палант Б. *Билль о правах* / Б. Палант. – Москва : Мысль, 2019. – 247 с.
- 5 Баум Г. *Спасти права граждан* / Г. Баум. – Москва : Сектор, 2015. – 136 с.
- 6 Бог. *Человек. Конституция. Библейская философия права в научном наследии А. П. Лопухина (1852–1904)*. – Москва : Проспект, 2020. – 272 с.
- 7 Познер Р. *Рубежи теории права* / Р. Познер. – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. – 480 с.
- 8 Межуев Б. В поисках 50 честных губернаторов / Б. Межуев. – URL: <https://um.plus/2016/07/29/v-poiskah-50-chestny-h-gubernatorov/> (дата обращения: 31.01.2021).

COVID-19 И НАСИЛИЕ: МЕТА-ПАЗАРИТАРНАЯ КОНСТРУКЦИЯ

*О. Н. Гуров,
МВА, преподаватель
ИОМ РАНХИГС; Институт философии РАН
gurov-on@ranepa.ru*

Аннотация. Пандемия COVID-19 демонстрирует, как взаимосвязаны и взаимодействуют биологическая и информационная вирусные пандемии. Происходящие события мультиплицируют панику и страх в общественном дискурсе, создавая условия для распространения насилия в качестве неотъемлемого условия существования. В статье рассмотрен термин «мета-паразит» в качестве метафоры, отражающей противоречивые явления современной общественной жизни через призму коронавирусной пандемии.

Ключевые слова: этика, доверие, социальные задачи, COVID-19, коронавирус, мета-паразит, насилие.

COVID-19 AND VIOLENCE: A META-PARASITIC CONSTRUCTION

*O. N. Gurov,
MBA, lecturer
IOM RANEPa; Institute of Philosophy RAS
gurov-on@ranepa.ru*

Abstract. The COVID-19 pandemic demonstrates how biological and informational viral pandemics interact and are interconnected. The events taking place nowadays multiply panic and fear in public discourse, creating conditions for spread of violence as an integral condition of existence. The article explores the term “meta-parasite” as a metaphor reflecting the contradictory phenomena characteristic of modern public life through the prism of coronavirus pandemic.

Keywords: ethics, trust, social objectives, COVID-19, coronavirus, meta-parasite, violence.

В последнее время мы становимся не только свидетелями, но также невольными участниками и объектами масштабных и разнонаправленных процессов в общественной жизни. С одной стороны, глобализация зашла настолько далеко, что в политике, экономике и социально-культурной сфере решения принимаются и исполняются, исходя из перспективы видения в планетарном масштабе. Пространство и время сжимаются, интенсивность их эксплуатации увеличивается. Более того, в результате последних достижений в освоении космоса актуальной сферой политического и культурного взаимодействия становится сотрудничество в космосе, представляющее собой комплекс многоуровневых и многосторонних

проблем [1, с. 679–680]. Сложность задач, стоящих перед человечеством, обусловлена тем, что экологические и идеологические, гуманитарные и технологические вызовы – то, что ранее было разведено в отдельные сегменты, которые не соприкасались и не взаимодействовали, сегодня неразрывно взаимосвязаны.

С другой стороны, технологические достижения позволили воздействовать на общество и его субъектов буквально на микроскопическом уровне: по сути, объектами институционального контроля и управления становятся клетка и ДНК [9]. А. Негри отмечает колоссальные возможности «биотехнической» современности: геном или вирусы, существующие в природе, могут быть рекомбинированы и подвергнуты мутациям. Результаты экспериментов могут быть переведены в цифровую форму и впоследствии воссозданы, вновь став биологической материальностью, но уже модифицированной [6]. Что наиболее важно, цифровая и органическая категории становятся равноценными. И эти коды – генетические и компьютерные – из концептов и продуктов превращаются в валюту и оружие. Сразу же приходит на память параллель со строкой из стихотворения «Рапорт из осажденного города» З. Херберта: «...единицей обмена стала крыса...», которую, кстати, впоследствии использовал Д. Делилло в качестве эпиграфа в романе «Космополис», повествующем об иллюзорности и хрупкости современного мира, в котором технологии занимают доминирующее положение [11].

Описанные выше явления – последствия того, что М. Маклюэн называл импловивным процессом технологического развития, направленного вовнутрь человеческой природы, которая срастается с технологией. По его мнению, технология становится продолжением человека [7]. Оставим за рамками данной статьи обсуждение положительных и отрицательных последствий такой «мутации», по масштабу это тема отдельного исследования. Отметим только, что на государственном уровне реализацией этих доселе невозможных возможностей занимается биополитика, в чьей власти оказался впечатляющий набор инструментов для тотального администрирования человеческими жизнями с помощью наблюдения и вмешательства в нее [10, с. 48]. И раз речь зашла о движении в сторону всеобъемлющего контроля, нельзя забывать о том, что одним из самых эффективных рычагов манипуляции сознанием является насилие. Как отмечал Ж. Бодрийяр, современное общество «... является в одном и том же плане обществом заботы и обществом репрессии, мирным обществом и обществом насилия. Мы видели, что «мирная» повседневность постоянно подпитывается потребленным насилием, насилием, «содержащим намек»: сюда относятся различные факты убийства, революции, атомная или бактериологическая угроза (весь апокалиптический материал средств массовой информа-

ции)» [4, с. 220]. В работе «Насилие глобализации» философ уточняет, что насилие глобального подавляет альтернативы негативности и приводит его важную характеристику – ядовитость, говоря о том, что насилие является вирусным и осуществляется «... через заражение, цепную реакцию и постепенно разрушает весь наш иммунитет и способность сопротивляться» [3]. Все это формирует реальность, характеризующуюся неопределенностью, нестабильностью. Она не может не вызывать сомнения в своей подлинности, аутентичности и вынуждена использовать разнообразные формы насилия, чтобы искоренить эти сомнения. Особенно важно отметить, что этому миру присущи токсичность и вирулентность: это туманный и неопределенный, враждебный и опасный мир, в котором фундамент и основания размыты, а угрозы со всех сторон и во всех измерениях подстерегают и распространяются как вирусная инфекция.

В этих условиях предлагается рассмотреть термин «мета-паразит» в качестве метафоры, отражающей описанные противоречивые явления, характерные для современной общественной жизни. В доковидной реальности, в 2018 году, мы опубликовали статью «Мета-паразит как феномен современной массовой культуры», в которой в гуманитарную науку было введено понятие «мета-паразит». По определению, мета-паразит в гуманитарном смысле олицетворяет страх перед непонятными и враждебными явлениями, который распространяется в информационном обществе аналогично паразитарным инфекциям [4, с. 41]. Мета-паразит возникает в результате синтеза природных, биологических и социокультурных фобий, страхов и панических явлений, которые приобрели всеобъемлющий масштаб и начинают жить своей жизнью. Этот термин стал возможен в результате стремительного совершенствования и распространения цифровых технологий, в результате чего ключевые явления и инструментарий современной жизни вышли за естественные границы. В качестве иллюстрации приведем очевидный пример трансформации транспортной и туристической сфер, которые позволили стереть традиционные пространственные и временные границы в сфере торговли и досуга: покупки за рубежом и отпуск на другом континенте давно стали частью повседневности.

Структура термина говорит о том, что «МЕТА» отражает всеобъемлющий характер его распространения и предельный масштаб. Основная часть термина «-ПАРАЗИТ» имеет самостоятельное значение, которое подразумевает сосуществование в антагонистической или симбиотических формах различных организмов – биологических, социальных или политических. Эта часть термина приближает к понятию вируса. Как мы отметили выше, вирусы распространены в различных ипостасях – как явления биологические, культурно-информационные и технологические. Более того, пандемия COVID-19 убедительно

продемонстрировала, как сливаются биологические и информационные вирусные пандемии. Что особенно важно, такие события вызывают волны паники и страха в политическом, социальном и религиозном дискурсе, в результате чего насилие становится неотъемлемым фактором общественной жизни.

Таким образом, доказывать трактовку термина «мета-паразит» исключительно в биологическом смысле недостаточно, мы предпринимаем попытку найти пример этому явлению в событиях новейшей истории и культуры. В качестве иллюстрации концепции мета-паразитизма, реализованного на практике в национальном масштабе, можно привести геноцид в Руанде в 1994 году, в ходе которого представители более многочисленного народа хуту, традиционно занимающего более низкий социальный уровень в обществе, уничтожили сотни тысяч тутси. Этот народ, аристократическая элита руандийского общества – паразиты с точки зрения бедности. Идеологи хуту называли тутси «тараканами, которых нужно истребить». Резня и сброс трупов в различные водоемы и колодцы, невозможность похоронить огромное количество погибших, а также массовые изнасилования во время геноцида привели к эпидемии холеры и росту заражения населения паразитарными заболеваниями [16, с. 81]. Таким образом, в рамках этой трагедии явления из политической, социальной, сельскохозяйственной и медицинской сфер переплетаются в единый мета-паразитарный клубок. Говоря о сходной гуманитарной катастрофе, геноциде в Конго, унесшем жизни 4 миллионов человек, С. Жижек отметил, что опубликованная по этому поводу статья в журнале Time «Самая смертоносная война в мире» не вызвала «... никакой обычной гуманитарной шумихи, если не считать писем от нескольких читателей; все выглядело так, словно некий фильтрующий механизм помешал этим сведениям оказать полноценное воздействие на наше символическое пространство» [5, с. 6]. По мнению философа, «миссия» людей, продвигающих экологические и гуманитарные инициативы, заключается не в том, чтобы сделать мир лучше, а в том, чтобы снизить градус напряжения и немного смягчить разрушительные последствия деструктивной антропогенной деятельности. Сходным образом действуют и паразиты, которые способны манипулировать своими хозяевами, управлять их поведением (зачастую в ущерб их интересам) и даже насильно менять их физиологию [8]. События COVID-19 позволяют применить мета-паразитарную концепцию для характеристики ситуации во всем мире. Мы наблюдаем формирование настоящей мета-паразитарной конструкции в глобальном масштабе. В физическом мире существует вирус, распространяется инфекция, и параллельно с этим такой же по воздействию вирус проявляется в информационном и культурном пространстве. Этот комплекс токсичных явлений становится благодатной почвой для

деструктивных тенденций в международных отношениях, экономических и культурных процессах. События последнего времени, обусловленные коронакризисом, заставляют убедиться, что распространение заболевания сопровождается не менее масштабной инфодемией – информационной пандемией. В связи с этим ВОЗ подготовила и опубликовала статью «Управление инфодемией COVID-19», где отмечается, что борьба с биологическим явлением впервые в мировой истории сопровождается использованием продвинутых информационных технологий, социальных медиа и инструментов пиара в планетарном масштабе. При этом те же самые технологии несут ответственность за распространение инфодемии, негативный эффект которой ведет к росту напряженности и насилия, полному спектру негативных проявлений во всех общественных сферах в том же глобальном масштабе [14]. Это еще один пример мета-паразитарности, проявляющейся в процессе распространения различных (биологических, информационных и социальных) ипостасей устрашающего паразита, который размножается и приобретает новые измерения за счет распространения многоуровневых потоков вирусной системы информации и коммуникации.

Представляется, что в основе этих явлений – страх. Подобный страх иррационален и является загадочным явлением, глубоко скрытым в психике человека, но при этом нельзя недооценивать его влияние на восприятие мира и поведение человека, а в общественном масштабе – на развитие всей культуры и цивилизации. Для более глубокого погружения в суть этой концепции, характеризующей многослойный характер и экспоненциальное распространение страхов в общественной жизни, стоит вспомнить историю исследования страха насекомых и паразитов (хотя не все насекомые являются паразитами, и не паразиты – насекомые). Инсектофобия стала темой исследования З. Фрейда и К. Юнга, которые однако не смогли убедительно установить причину, по которой изображение насекомого стало одним из главных символов тревоги и страха для человека. При этом ученые признавали, что в своей практике насекомые действительно нередко становились объектами фобий у пациентов. Согласно одной из версий, предложенной Фрейдом в его психоанализе, страх перед насекомыми уходит корнями в глубокие уровни памяти, не связанные с реальным жизненным индивидуальным опытом [13]. Позже эту идею развил Юнг, проводя исследования первичных коллективных воспоминаний («архетипов»), среди которых он выделил инсектофобию. Юнг считал, что по мере развития цивилизации человеческое сознание все больше отделяется от глубоких инстинктивных слоев психики. Однако эти инстинктивные слои не теряются полностью, а уходят на второй план и остаются в глубинах подсознания, проявляясь в формах кошмаров, иррациональных страхов и фобий. Согласно

Юнгу, чтобы успешно противостоять страху, который не поддается контролю и осознанию, человек должен научиться слушать, интерпретировать и использовать «инстинктивное знание» [12].

Точно так же, на наш взгляд, человечество сегодня должно сосредоточиться на предотвращении дальнейшего развития фобий, страхов и насилия как форм и инструментов мотивации цивилизационного развития. Сегодня многие события рефлексированы через призму иррациональности, обусловленной страхом и привычкой к насилию (проявлению или испытанию). Люди отрицают или поддерживают идею ношения масок; отказываются от вакцинации или фанатично ее принимают; не утихают споры по поводу того, какая вакцина эффективна, а какая нет: при этом такие конфликты, в свою очередь, создают новый уровень напряженности и страха, ненависти и насилия. Необходимо развивать осознанность и понимание механизмов воздействия информационных потоков на все сферы общественной жизни. Сегодня на примере «переживания» катастрофы пандемии вживую и онлайн очевидно, что развитие сотрудничества, солидарности и осознанности жизненно важно для преодоления крупномасштабной мета-паразитической конструкции, которая угрожает самим основам гуманизма – главной перспективе развития человеческой цивилизации.

Библиографический список

- 1 Бирюкова Д. Р. Космическая политика как один из механизмов обеспечения стратегических интересов России / Д. Р. Бирюкова, Н. Г. Гахрыманова // *Постсоветские исследования*. – 2018. – № 7. – С. 679–689.
- 2 Бодрийяр Ж. *Насилие глобализации* / Ж. Бодрийяр // *Горький Медиа*. – URL: <https://magazines.gorky.media/logos/2003/1/nasilie-globalizaczii.html> (дата обращения: 14.03.2021).
- 3 Бодрийяр Ж. *Общество потребления. Его мифы и структуры* / Ж. Бодрийяр. – Москва: Республика; Культурная революция, 2006. – 269 с.
- 4 Гуров О. Н. «Мета-паразит» как феномен современной массовой культуры / О. Н. Гуров // *Межкультурная коммуникация: Запад–Россия–Восток: материалы Международной студенческой научно-практической конференции (Новосибирск, 08–10.11.2017 г.)*. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2018. – С. 41–47.
- 5 Жижек С. *О насилии* / С. Жижек. – Москва: Европа, 2010. – 186 с.
- 6 Кошмар под микроскопом: Как вирусы стали новой философией // *Bird In Flight*. – URL: <https://birdinflight.com/ru/vdohnovlenie/resursy/20200421-biophilosophy.html> (дата обращения: 14.03.2021).
- 7 Маклюэн Г. М. *Понимание медиа: внешние расширения человека* / Г. М. Маклюэн. – Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. – 464 с.
- 8 *Паразитические манипуляции фенотипом хозяина: эффекты во внутренней и внешней среде* // *Элементы*. – URL: https://elementy.ru/genbio/resume/535/Paraziticheskie_manipulyatsii_fenotipom_khozyaina_effekty_vo_vnutrenney_i_vneshney_srede (дата обращения: 14.03.2021).
- 9 *Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу*: Указ Президента Российской Федерации от 11.03.2019 № 97 // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – Москва, 2019. – Ст. 0001201903110045.
- 10 Фуко М. *Безопасность и государство*. *Интеллектуалы и власть*. Ч. 3. / М. Фуко. – Москва:

Праксис, 2006. – 320 с.

11 Херберт З. Стихи / З. Херберт // Горький Медиа. – URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/1998/8> (дата обращения: 14.03.2021).

12 Cambray J. (2011). Jung, science, and his legacy. *International Journal of Jungian Studies*. 3. 110-124. <https://doi.org/10.1080/19409052.2011.592718>.

13 Hoffmann M. (2015) *Psychoanalysis as Science*. In: Schramme T., Edwards S. (eds) *Handbook of the Philosophy of Medicine*. Springer, Dordrecht. https://doi.org/10.1007/978-94-017-8706-2_41-1

14 *Managing the COVID-19 infodemic: Promoting healthy behaviours and mitigating the harm from misinformation and disinformation* // WHO URL: <https://www.who.int/news/item/23-09-2020-managing-the-covid-19-infodemic-promoting-healthy-behaviours-and-mitigating-the-harm-from-misinformation-and-disinformation> (дата обращения: 14.03.2021).

15 Uvin P. «Reading the Rwandan Genocide.» *International Studies Review*, vol. 3, no. 3, 2001, pp. 75–99. JSTOR, www.jstor.org/stable/3186243 (дата обращения: 14.03.2021).

ФИЛОКСЕНИЯ КАК ПРИНЦИП ЦЕННОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

*Т. Ю. Денисова,
канд. филос. наук, доцент,
редактор журнала «Aesthetics»
Ягеллонский университет, Польша
Tatiana.Denisova_1209@gmail.com*

Аннотация. В статье дается аксиологический и историко-философский анализ греческого феномена филлоксении как универсального принципа межличностной и межкультурной коммуникации и взаимодействия в условиях ценностных различий.

Ключевые слова: ценность, взаимодействие, филлоксения, ксенофобия, толерантность.

PHILOXENIA AS A PRINCIPLE OF VALUE INTERACTION

*T. Yu. Denisova,
Jagiellonian University, Poland
Tatiana.Denisova_1209@gmail.com*

Abstract. The article provides an axiological and historical-philosophical analysis of the Greek phenomenon of philoxenia as a universal principle of interpersonal and intercultural communication and interaction in conditions of value discrepancies.

Keywords: value, interaction, philoxenia, xenophobia, tolerance.

Интродукция. Греческий термин «филлоксения» (φιλοξενία) не вошел, в отличие от своей противоположности – понятия «ксенофобия» (ξενοφοβία), в европейские языки, вероятно, потому, что смысл его соответствует специфически греческому феномену. Однако, на наш взгляд, он стоит того, чтобы войти в общечеловеческий обиход и как термин, и как явление.

Реальность такова, что, во-первых, взаимодействие – необходимое условие сосуществования и индивидов, и больших социальных групп, во-вторых, никакое взаимодействие не может оставаться индифферентным в отношении ценностей участников (даже торговля затруднительна, когда один из участников действует по правилу «не обманешь – не продашь», а другой считает честность незыблемым принципом), в-третьих, эти ценности неизбежно обладают различиями от незначительных расхождений до противоположностей. Решение проблемы ценностного взаимодействия в современном мире, где ксенофобия соседствует с гипертрофированной толерантностью, является вопросом первостепенной важности для его (мира) перспектив.

Возможно ли ценностное взаимодействие, если общность ценностей участников сомнительна, понимание проблематично, а цель каждого – собственная польза? Возможно ли понимание меж-

ду представителями разных ценностных миров? Необходимо ли понимание для взаимодействия? Может ли быть плодотворным конфликт ценностей? При решении многих сложных современных вопросов, даже если они нам кажутся продуктом именно нашей эпохи, мы часто ищем ответа в античности, обращаемся за решением к опыту и мудрости греков. Греческий феномен филлоксении представляется нам поучительным примером решения обозначенных проблем.

Основные термины. Дискуссии, связанные с межкультурными коммуникациями, часто затруднены тем, что многие важные термины используются под влиянием общественных настроений и политической конъюнктуры некорректно. Поэтому считаем важным начать с прояснения базовых для нашей работы терминов – «ценность», «ценностное взаимодействие», «филлоксения».

Под *ценностью* мы будем понимать ориентиры, указывающие на значимость, приемлемость, пользу каких-либо явлений, свойств, действий или предметов. Эти ориентиры не являются ни универсальными, ни абсолютными, ни предзаданные извне. Ценностью является то, что *считает* ценностью их субъект, причем субъектом может выступать как отдельный индивид, так и целые культуры. Ценности формируются в контексте уникального индивидуального или социального опыта существования и потому нет никаких «общечеловеческих», «правильных» и «неправильных» ценностей.

Взаимодействие представляет собой процесс воздействия объектов (субъектов) друг на друга, их взаимную обусловленность и изменения под влиянием этих воздействий.

Термин «*ценностное взаимодействие*» может быть понят в двух смыслах:

а) как взаимодействие участников на основе (или, как минимум, при учете) ценностных ориентиров друг друга. Поскольку взаимодействие может происходить и в форме сотрудничества (кооперации, взаимообмена и т. д.), и в форме соперничества (конкуренции), общность ценностей *не всегда* является *необходимым* условием плодотворного взаимодействия. Даже конфликт ценностей не исключает взаимодействия, полезного одной или обеим сторонам;

б) как взаимодействие самих систем ценностей. Это значит, что в процессе контактов ценностные установки участников могут ассимилироваться, трансформироваться, обогащать друг друга или абсорбировать одна другую. Они могут меняться в зависимости от обстоятельств, изменения социально-культурного контекста, технологично организованного воздействия на ценностные установки (пропаганда, социальная реклама). Успешность ценностных трансформаций может быть вызвана продолжительностью или авторитетностью влияния, отсутствием альтернатив и т. д. Но важно, что в основе ценностных взаимодействий нет прямого насилия, поскольку ценно-

сти нельзя навязать, они формируются и принимаются в результате свободного решения. Можно принудить к действию, но нельзя силой изменить ценностные установки.

Продуктивность ценностного взаимодействия (даже при различии ценностей) зависит, как нам представляется, от степени интереса и открытости к иному, признание права другого на его «дружость», инаковость в принципе и способность к проявлению терпимости (толерантности) к этой «дружости» на практике.

Термин «*филоксения*» (φιλοξενία) переводится обычно как «гостеприимство», hospitality (от φίλεω – «любить», либо от φίλος – «друг», и ξένος – «иностранец, чужак, незнакомец, странник»). Однако, во-первых, несмотря на кажущуюся простоту и однозначность, понятие «гостеприимство» предполагает различные толкования, а, во-вторых, на наш взгляд, смысл греческой филоксении не исчерпывается гостеприимством. Не отказываясь от общепринятого толкования понятия, мы предлагаем понимать его в более широком контексте, а именно как открытость иному, неизвестному, чужому. Рассмотрим далее оба варианта в контексте истории греческой цивилизации.

Филоксения в истории греческой цивилизации. *Филоксения как гостеприимство* представляет собой ритуализированную практику помощи и защиты любому нуждающемуся, а в онтологическом смысле означает признание равноценности человеческих жизней, приоритета общечеловеческой (родовой) общности перед культурными, этническими (видовыми) различиями. Вежливость, щедрость, готовность помочь и доверие по отношению к незнакомцам (путешественникам, иностранцам) – не просто черта повседневной культуры греков (и древних, и современных), но и правило, освященное традицией и религиозными установлениями. Один из эпитетов Зевса – Δίας Ξένιος, то есть Зевс Гостеприимный. Во множестве мифов и сюжетов греческой литературы зафиксировано отношение к гостеприимству как безусловной ценности и обязанности. Боги вознаграждают за проявленное гостеприимство и наказывают за нарушение этого святого правила (миф о Филемоне и Бавкиде, множество сюжетов у Гомера).

Ж. Деррида различает два типа гостеприимства – безусловное и обусловленное [1, с. 77]. Безусловное гостеприимство не предполагает каких-либо регламентаций со стороны закона, обычаев, воли хозяина; это чистая готовность предать свою упорядоченную и предсказуемую жизнь в руки пришельца, без ограничений и конвенций. Законы обусловленного гостеприимства требуют, чтобы гость уважал порядки и собственность хозяина, не превращался в паразита или захватчика, не разрушал порядок и устои принимающего дома. Греческая филоксения, выдвигая гостеприимство как универсальный этический принцип, при этом подразумевает, что правилам гостепри-

имства должны следовать не только хозяева, но и гости (так, Филемон и Бавкида приютили пришельцев, но не уступили им дом; накормили и согрели их, но не изменили своего порядка жизни). Добросердечию и толерантности хозяина должны соответствовать скромность и любезность гостя. Боги в греческих мифах наказывают не только негостеприимных хозяев, но и наглых гостей.

Филоксения как открытость иному. Вернемся к этимологии термина. Глагол φίλεω означает не только «любить» но и «быть устремленным к чему-то», «быть открытым навстречу чему-то». Понятие ξένος переводится не только существительным «иностранец», но и прилагательным «чужеземный, чужой, чуждый». Следовательно, филоксения может понята как «интерес, открытость чужеземному». В речи Перикла во время погребения павших в Пелопонесской войне ясно сформулировано отношение к иностранцам, суть которого – в открытости: «...Город наш открыт для всех народов, никакой закон не отстраняет иноземцев ни от уроков, ни от зрелищ» [2, с. 192]. Казалось бы, это явное проявление филоксении. Однако, по мнению Г. Папаникоса, высказывание Перикла является свидетельством не филоксении, а ксенофобии. Более того, он утверждает, что вообще «древние греки были скорее ксенофобами, чем ксенофилами» и в отношении варваров, и в отношении эллинов, не бывших гражданами Афин, причем ксенофобия их проявлялась не в страхе, не в дистанцировании, не во враждебности, а в чувстве превосходства греков над негреками, граждан над метеками, то есть в самом существовании дихотомии «эллыны – варвары» [3, с. 237]. В поддержку позиции Папаникоса можно привести немало примеров из трудов Платона и Аристотеля, комедий Аристофана и трагедий Эсхила и Еврипида, но не меньшее количество примеров свидетельствует и об обратном. Дело не в количестве ссылок, а в том, какой смысл придается терминам «филоксения» и «ксенофобия».

Утверждая, что филоксения была присуща древним грекам и остается отличительной чертой греческого менталитета по сей день, мы исходим из следующих убеждений.

Во-первых, *наличие дихотомии «эллыны – варвары» не противоречит принципу филоксении у греков.* Более того, филоксения подразумевает деление на своих и чужих, поскольку только к чужим можно проявить гостеприимство. Поэтому филоксения не исключала, а предполагала осознание греками различия между своими и чужими, эллинами и варварами. Различение своего и чужого, выразившееся в сформулированной дихотомии «эллыны – варвары», было не проявлением ксенофобии греков, а свидетельством сформированной самоидентичности. Взаимодействуя с другими народами, греки никогда не упускали из виду вопрос о разнице и сходстве ценностей, отличая себя от чужих и сравнивая себя с ними. Однако

в процессе этих контактов варвары, случалось, огречанивались (примеры Анахарсиса и Скила), а греки находили поводы для самокритики и пересматривали устоявшиеся представления (о свободе, воспитании, отношении к рабству, бытовому комфорту и т. д.). Само понятие «варвар» часто использовалось в качестве метафоры и не содержало указания на конкретный этнос. Превратив термины «варвар», «варварство» в символы антикультуры и нецивилизованности, греки тем самым сформировали образ жизни и образ человека, черты которых они бы хотели изжить в том числе в самих себе.

Во-вторых, *филоксения у греков является не только одной из ценностей в составе греческого менталитета, но и основой для ценностного взаимодействия греков с негреческим миром*, причем в обоих упомянутых смыслах – для взаимодействия на основе ценностей и для трансформации ценностей в процессе контактов. Греки оценивали варваров на основе сравнения по определенным критериям («у нас так – у них так»), и тем самым установление различия культур компенсировалось открытием их сопоставимости, а, как мы знаем, сама возможность сопоставимости означает наличие общих признаков. Кроме того, довольно часто греки находили у варваров те черты, которыми гордились в себе, – храбрость, свободолюбие, патриотизм и даже, хоть и редко, признавали наличие тех достоинств, которыми не обладали сами. Интерес к варварскому миру как «другому» возрос, когда греки открыли возможность реконструкции своего прошлого на основе изучения настоящего менее цивилизованных народов по принципу ἦν δὲ τοιαῦτα τὰ παλαιὰ οἴατ' ἔχει καὶ νῦν ἐν τοῖς βαρβάροις – «как у греков в старину, так у варваров сейчас». Оказалось, что несовпадение ценностей может быть просто несовпадением фаз развития.

Выводы. Греческий опыт филоксении, сочетая в себе достоинства патриотизма и толерантности, убедительно показывает преимущества открытости, позволяющей осваивать чужой опыт и знания, адекватно оценивать собственные достижения и находить возможности для взаимодействия, несмотря на ценностное несовпадение.

Библиографический список

- 1 Derrida J. *Of Hospitality*. Stanford: Stanford University Press, 2000. 160 p.
- 2 Фукидид. *О Пелопонесской войне* / Фукидид. – Санкт-Петербург, 1837. – 563 с.
- 3 Papanikos G. T. *Philoxenia and Xenophobia in Ancient Greece*. *Athens Journal of Mediterranean Studies*. Vol. 6, Issue 3. July 2020. Pp. 237-246.

ПОНЯТИЕ «ГУМАННОГО» УБИЙСТВА В НАЦИСТСКОЙ МОРАЛИ И ПРАВЕ

*О. П. Зубец,
канд. филос. наук, ст. науч. сотр.
Институт философии РАН, Москва
olgazubets@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена критическому анализу понятия «гуманного» убийства, занимающего центральное место в нацистских представлениях о морали в ее соотношении с правом и приоритете перед ним. В основе этого понятия лежит разведение поступка (убийства) как такового и поступающего, возвышение мотивов и намерений при низведении самого действия к этически нейтральному физическому акту, что ведет к ценностному дифференцированию убийства и его моральному санкционированию. Автор ставит задачу пересмотра понятийного ряда моральной философии и рассмотрения не-убийства как абсолютного и вне-нормативного, не являющегося предметом выбора и рационального обсуждения.

Ключевые слова: мораль, право, философия, моральная философия, Аушвиц, поступок, намерение, нацистская мораль, убийство, «гуманное» убийство, «Не убий».

THE CONCEPT OF “HUMANE” KILLING IN THE NAZI MORALITY AND LAW

*O. P. Zubets,
Institute of Philosophy, Russian Academy
of Sciences
olgazubets@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to a critical analysis of the concept of «humane» killing, which is central to Nazi ethic in its priority over law and unity with it. This concept is based on the separation of the act (killing) as such and the actor, the elevation of motives and intentions while reducing the action itself, which leads to the value differentiation of killing and its moral sanction. The author sets the task of revising the basic concepts of moral philosophy and considering non-killing as absolute and extra-normative, not being a subject of choice and rational discussion.

Keywords: morality, law, philosophy, moral philosophy, Auschwitz, act, intention, Nazi ethic, killing, “humane” killing, “Thou shalt not kill”.

Классическая теоретическая проблема взаимоотношения морали и права претерпевает своеобразный кризис в пространстве общего кризиса понятийного ряда и идей гуманитарной мысли после массовых убийств в лагере смерти Аушвиц. Некоторыми крайними точками переосмысления этой проблемы стали, с одной стороны – факт

утверждения приоритета морали перед правом как основы права и судопроизводства и их содержательного единства в нацистском обществе, а с другой – задаваемая осмыслением Аушвица необходимость очищения морально-этических понятий от правовых смыслов, что, в сущности, означает полный пересмотр и переосмысление понятийного ряда этики и морали. И мораль, и право сами по себе терпят крах в опыте Аушвица – смыслового ядра нацистского общества – не только в качестве необходимых элементов в механике Аушвица, но и в качестве рискованных для этики и права объектов осмысления: в том вызове, который бросает моральной философии понятие нацистской морали и который заложен в необходимости для правовой теории найти основания для суда над нацистами.

Идея единства морали и права при приоритете морали (при общей этизированной нацистского общества) была сформулирована, например, Роландом Фрейслером, статс-секретарём имперского министерства юстиции нацистской Германии, а позже председателем Народной судебной палаты: «Между правовым и моральным императивом не может быть разрыва. Это так, потому что императивы закона являются императивами достоинства [Anständigkeit]; при этом что есть достоинство определяется совестью Народа и индивидуальным представителем народа» [1, p. 27]. Этим представителем народа считается в высшей степени, конечно, Гитлер, но и каждый судья именно в качестве человека морали принимает решение о том, подлежит ли некое деяние правовой юрисдикции. При этом учитываются в первую очередь не столько обстоятельства совершенного, сколько личность, воля и намерения совершившего деяние. Это так называемое will-based criminal law: наказание предусматривается в нем не только за совершение деяния, но и за намерение, и именно через намерение поступок оценивается в первую очередь морально. Соответственно, оценивается и наказывается не только само деяние, но в первую очередь личность – воплощение злой или доброй воли (об этом писал теоретик нацистского права Эдмунд Мезгер, разработавший понятие «вины всей жизни»: Lebensführungs-Schuld). По выражению другого нацистского юриста, именно обращение к личности преступника позволяет судье не быть простой «квалифицирующей машиной» [1, p. 29]. Для нашего рассмотрения важно зафиксировать это принципиальное разведение личности, характера, добродетельности человека, его мотивов, намерений и самого деяния: разведение, которое понималось как основание приоритета морали в ее единении с правом.

Именно акцентированное разведение поступка и поступающего лежит в основе нацистской морали, создает пространство, заполняемое своего рода моральной идеологией, например – содержанием идеи зла. И оно делает возможным

понятие, которое является болезненным и неустраняемым центром в понимании роли морали в механизме Аушвица: речь идет об идее «гуманного» убийства – убийства, которое санкционировано моралью, понимается даже как моральный и правовой императив.

Разведение личности и поступка позволяет человеку осознавать себя моральным существом до и вне поступка и, убивая, не становится убийцей. Сам факт убийства, убийство как данность выводится при этом из сферы морали, утрачивает заложенный в нем абсолютный смысл, предельность и окончательность, между ним и фундаментальной для человека как мыслящего существа идеей смерти пролегает граница, делающая их невидимыми друг для друга, так что идея смерти пронизывает весь идейный строй, становится основой для понимания человеческого мышления, самосознания, а убийство как данность высылается за пределы мыслимого, а в нормативном сознании занимает периферийное место. Оно не самодостаточно, его смысл вторичен по отношению к обстоятельствам, мотивам, намерениям, характеру, самой нормативной системе, в которой, как свидетельствует вся история, отсутствует абсолютный запрет на убийство: смертная казнь и «справедливая» война, защита «невинной жертвы» признаются чаще всего обстоятельствами, определяющими моральную и тем более правовую санкцию на убийство. Абсолютная значимость смерти сочетается с незначимостью и даже невидимостью убийства как данности.

Нацистская мораль ставит перед человеком специфическую цель – оставаться моральным существом в ходе совершения сложных задач, поставленных социумом и опирающихся на общую идею борьбы со злом. Эта цель была сформулирована Гиммлером как сохранение достоинства перед множеством трупов – что и значит совершать убийство будучи моральным существом и в этом качестве. Для нацистской морали и судопроизводства важна добродетельность человека, который убивает, но не становится убийцей – что возможно именно в силу того, что убийство как данность, эмпирический факт невидимо для морали, выведено за ее пространство. В результате требование «Не убий», которое и в известных исторических нормативных кодексах не понималось как абсолютное, было отдано во власть человеческого рассуждения и решения, то есть отступления, превращается в заповедь, в императив «Убий гуманно»: здесь убийство в его эмпирической данности, как «что», выведено за скобки, а его «как» становится предметом морального интереса и ответственности, что в сущности означает моральное санкционирование убийства, как данности. Призыв к «гуманному» убийству не был чисто риторическим в нацистском обществе, а был воплощен через решение как моральных, так и связанных с ними технических задач.

В главе «Нацистские поиски “гуманного” спо-

соба убийства» Н. Рассел реконструирует четыре требования, выполнение которых, на взгляд нацистских идеологов, юристов и морализаторов, делает убийство «гуманным», то есть не только ненаказуемым, но и должным. Эти требования таковы: жертвы не должны знать о том, что они сейчас умрут; у совершающих убийство нет необходимости прикасаться к жертвам, видеть и слышать умирающих; вызывающее смерть действие должно оставлять минимум следов на телах жертв; смерть должна быть мгновенной [2, р. 241]. Эти требования нацелены, в первую очередь, на облегчение задачи сохранения «достоинства» и морального самочувствия самих убийц – поэтому тот факт, что в действительности ничто из этого не оказалось достижимым, не имел особого значения. Можно привести множество примеров усилий, нацеленных на достижение идеала «гуманного» убийства. Например, химики удалили из газа Циклона-В специальную пахнущую добавку, изначально предупреждавшую об опасности. Хорошо известны усилия для того, чтобы жертвы, идущие в газовую камеру, до конца не знали истину о происходящем. Для того, чтобы их смерть была более быстрой, в построенной позже других газовой камере поменяли расположение отверстий для подачи газа. Сам выбор газа как средства умерщвления и газовых камер был воспринят Хёссом и Эйхманом как прорыв в решении задачи «гуманного» убийства – они по их собственным свидетельствам «вздохнули с облегчением», «успокоились» – «все мы будем избавлены от кровавых бань, да и жертвы до последнего момента будут испытывать щадящее обращение...».

Моральная санкция убийства в нацистской морали полностью ориентирована не только на то, насколько оно щадяще технически, но и на то, каков мотив убивающего – он не должен быть движим ненавистью, корыстью и т. п., то есть он должен быть «добродетельным» в самом акте убийства, движим моральным мотивом (и это заставляет критически обдумать идею Арендт о банальности и моральной ничтожности совершающего Аушвиц). Этот моральный мотив, охватывающий все общество – борьба со злом (идея которого содержательно задана расовой идеологией), но это еще и разнообразные мотивы, которым никакая мораль не отказывает в позитивности – жалость, сочувствие и т. д. Причем о них говорят, к ним апеллируют и те, кто осуществлял убийство лично и совсем не дистанцировано. В. Хельфсготт «утверждал, что он следил за тем, чтобы казни проводились гуманно и без применения жестокости»: «Когда перед нами была еврейская женщина с младенцем на руках, сначала мы убивали женщину, а потом младенца» [3, с. 61]. А Карл Шульц, убивавший ребенка на глазах матери, а через день-два – мать, с точки зрения нацистов – зверь. К. Браунинг: «Мой сосед застрелил мать, а я – ее ребенка, потому что я рассудил про себя, что в конце концов без мате-

ри ребенок не сможет дальше жить. Это должен был быть, так сказать, выстрел по велению совести, ради избавления детей, которые не могли жить без своих матерей» [3, с. 77]. «Выстрел по велению совести» – одна из доминант нацистской морали. А возможность апеллировать к совести заложена в том, что не все позволено, что само убийство ценностно дифференцировано и может быть «гуманным».

Само совершение убийства в рамках нацистской морали таким образом не лишает человека его человеческого статуса, но, наоборот, сочетается с «моральной добродетельностью» и предполагает ее. Так, Штрангль говорил, что для него самым ужасным местом была раздевалка перед газовой камерой потому, что там приходилось лгать жертвам: «Я не мог лгать им, я изо всех сил старался избежать разговора с теми, кто должен был умереть: я не мог этого вынести» [2, с. 246]. Весь набор традиционных моральных добродетелей воспроизводится нацистскими моральными кодексами, ими озабочены нацисты и в своих личных записях и дневниках, и в публичных речах. Из-под моральной оценки выведено лишь убийство как данность, оно само по себе, как фактическое действие выведено именно из морального сознания того, кто его совершает (участвует в его совершении), и речь идет лишь о «гуманности» его осуществления, моральной оправданности и психологической тяжести, травматичности.

Понятия нацистской морали [4] и «гуманного» убийства являются фундаментальным вызовом и моральной философии, и философии права. Они, в том числе, заставляют критически отнестись к рядоположенности запрета на убийство моральным и правовым нормам, к самому пониманию не-убийства как нормы или запрета, в отношении которого человеческий разум может выстраивать рациональный дискурс, принимать решение, а значит, и устанавливать условия его нарушения (например, в логике справедливой войны или борьбы со злом), то есть помыслить не-убийство вне морально-правовой нормативности как абсолютное основание человеческого существования.

Библиографический список

- 1 Velleman J. D., Pauer-Studer H. *Konrad Morgen: The Conscience of a Nazi Judge*. London: Palgrave Macmillan, 2015. 192 p.
- 2 Russell N. 'The Nazi's Pursuit for "Humane" Method of Killing'// Russel N. *Understanding Willing Participants*, Vol. 2 Palgrave Macmillan, 2019. P. 241–276.
- 3 Леви Г. *Преступники. Мир убиц времен Холокоста* / Г. М. Леви. – Москва: Издательство «АСТ» : ОГИЗ, 2019. – 336 с.
- 4 Haas P. J. *Morality after Auschwitz: The Radical Challenge of the Nazi Ethic*. Philadelphia: Fortress Press, 1988. Pp. ix+257.

РЕЛИГИОВЕДЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ВИД ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ РЕЛИГИОЗНЫХ ЧУВСТВ ВЕРУЮЩИХ

Е. В. Иванова,

д-р филос. наук, доцент

*Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б. Н. Ельцина*

ieviev@mail.ru,

Е. В. Мельникова,

канд. филос. наук,

*Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б. Н. Ельцина*

e.v.melnikova@urfu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные аспекты взаимодействия религиоведов и юристов в проведении религиоведческой экспертизы по вопросам оскорбления религиозных чувств верующих граждан. Сделана попытка определения понятия «религиозные чувства», их состав.

Ключевые слова: религия, религиоведческая экспертиза, религиозные чувства, оскорбление религиозных чувств, правовая защита.

RELIGIOUS EXPERTISE AS A TYPE OF LEGAL PROTECTION OF RELIGIOUS FEELINGS OF BELIEVERS

E. V. Ivanova,

*Ural Federal University named after the first
President of Russia B. N. Yeltsin*

ieviev@mail.ru,

E. V. Melnikova,

*Ural Federal University named after the first
President of Russia B. N. Yeltsin*

e.v.melnikova@urfu.ru

Abstract. The article deals with the actual aspects of interaction between lawyers and religious scholars in conducting religious expertise on the issues of insulting the religious feelings of religious citizens. An attempt is made to define the concept of “religious feelings”, their composition. The significance of the work of an expert religious scholar in assisting law enforcement agencies is shown.

Keywords: religion, religious expertise, religious feelings, insult to religious feelings, legal protection.

Экстремистская деятельность проявляется различным образом, и одним из ее видов является оскорбление религиозных чувств верующих граждан. Объектом преступных посягательств выступают права, свободы, законные интересы верующих, религиозные чувства по отношению к сакральным объектам. Защита «религиозных чувств» представляет собой одну из сложнейших проблем современного российского права, а экс-

пертные заключения, подтверждающие факт нанесения оскорбления, – дело сложное и требует высокой квалификации эксперта-религиоведа. В свете вышеизложенного хочется обратить внимание на два аспекта вопросов правовой защиты религиозных чувств верующих граждан. Первый аспект: что нужно защищать? И что такое религиозные чувства? Второй – кто из экспертов может определить степень оскорбления данных чувств?

Отметим, что появление понятия «чувства верующих» в статье 148 УК РФ стало следствием выступления панк-группы «Pussy Riot» в храме Христа Спасителя в Москве в 2012 году. Такой была реакция на панк-молебен со стороны государства. В законодательствах ряда стран существуют подобные положения, защищающие мировоззрение верующих, но «модели защиты чувств верующих различны» [1, с. 202]. К примеру, существуют законодательства о защите чувств верующих в уголовных кодексах Австрии, Бельгии, Германии, Дании, Испании, Польши, Португалии, Японии, Финляндии и других стран. Под оскорбительными действиями в данных случаях понимаются насмешки над проведением богослужебных обрядов, воспрепятствование в грубой форме проведению богослужебного обряда, оскорбления или насмешки над другими лицами из-за их веры или религиозной принадлежности, при этом данные действия осуществляются публично или публично распространяются материалы данного толка.

Раскрывая первый аспект заданного вопроса, отметим, что методических рекомендаций по данному вопросу правоохранными структурами не выработано, поэтому вся ответственность ложится на эксперта. Перед экспертом–религиоведом встает трудная задача работы с понятием «религиозные чувства». Религиозные чувства являются одним из важных компонентов религиозного сознания. В. Джеймс писал, что «под религией можно подразумевать совокупность чувств, действий и опыта отдельной личности, поскольку их содержанием устанавливается отношение к тому, что она почитает Божеством» [2, с. 34]. Религиозные чувства могут проявляться через эмоциональное отношение верующих к большому количеству гипостазированных существ, сакрализованных вещей, ценностей, персон, мест, действий, взаимоотношений между людьми и отношению себе, к религиозным явлениям, происходящим в мире. Религиозные переживания человека, его эмоции и чувства также важны для самого верующего во время совершения им молитвенных действий, когда происходит мистическое переживание внутреннего единения с Божеством. Психологи подчеркивают особую роль чувств (в том числе и религиозных) в побуждении человека к какой-либо деятельности. Но многие религиоведы подчеркивают важность не самой специфики религиозных чувств (переживаний верующего – любви к Богу, благоговения к сакральному, религи-

озной причастности к Абсолюту), а направленности их на тот или иной объект. Такими объектами могут быть иконы, храмы, культовые сооружения, ритуалы, церемонии, другие религиозные артефакты, в которые верующие люди вкладывают самые сокровенные, сакральные чувства. Благодаря этому могут получать соответствующие значения и смыслы самые разные эмоции человека. Верующим человеком они переживаются как страх перед воздаянием, как проявление любви к Богу, радости общения с Богом и т. д. Для верующего человека важно, что эти сверхъестественные ценности существуют реально, а отрицание их, ниспровержение религиозных смыслов и ценностей, приводит, по мнению верующих, к нравственному распаду личности. Данная сторона религиозного опыта и защищается статьей 148 УК РФ. Если говорить о том, какие именно религиозные чувства защищаются соответствующей статьей, то из всех религиозных чувств, упомянутых выше, нужно отметить «чувство священного» и «чувство веры» в «иную» реальность и ее способность преобразовать человека и мир в целом. Однако необходимо подчеркнуть, что степень интенсивности проявления религиозных чувств у различных категорий верующих людей различна. Беря за основу социологический критерий, можно отметить более интенсивную погруженность в эмоциональное поле переживаний глубоко уверовавших («убежденных»), незначительный характер эмоциональной привязанности к сакральным предметам и ценностям у «верующих по традиции». Тем не менее, не зависимо от типа личности верующего человека, указанные религиозные чувства защищаются законом (что было нами подчеркнуто выше), потому как они направлены на сакральные объекты и имеют важное значение для жизни верующего человека.

Таким образом, содержательными элементами оскорбления религиозных чувств верующих, унижения человеческого достоинства личности будут являться следующие, ниже перечисленные действия. 1 Публичное оскорбление, повлекшее за собой нарушение общественного порядка, выражение крайнего неуважения, оскорбительного презрения и уничижительного, издевательского отношения к законно действующим религиозным объединениям, его религиозным обычаям и организационной структуре. 2 Публичное осквернение, порча религиозно почитаемых предметов законно действующего религиозного объединения. 3 Оскорбительное высмеивание, выражение оскорбительного презрения и уничижительно издевательского отношения к законно совершаемым обрядам и церемониям. 4 Совершение насильственных действий, в том числе нападения, в отношении священнослужителя во время законного исполнения им своих служебных (религиозных) обязанностей или срыв богослужения, иного религиозного обряда посредством насилия, угрозы насилия, хулиганских действий, беспорядков

или иных противоправных действий, в том числе приготовление к совершению таких действий. 4 Публичное подстрекательство, осуществляемое в устной или письменной форме либо с использованием изображения, к ненависти или насилию в отношении лиц по признаку отношения их к религии [3, с. 45]. Перечисленные элементы не отражают всей специфики конкретных проявлений оскорблений религиозных чувств верующих, поэтому вторым аспектом поставленного нами вопроса будет описание деятельности религиозного эксперта, человека, помогающего правоохранительным органам установить меру оскорбительных действий, конкретное содержание криминализируемых действий. В гуманитарных науках экспертом чаще всего считается любой информант, к которому обращаются за советом или суждением по конкретной проблеме (в социологии это называется «методом экспертных оценок»). Специализированные словари указывают следующие признаки, позволяющие считать человека экспертом. Он должен иметь стаж профессиональной деятельности, ее разносторонность, сложность. Важным условием является компетентность в той предметной сфере, по которой требуется экспертная оценка, область компетенций должна быть близка к объекту экспертизы. Необходимо помнить, что основополагающим принципом любой экспертизы, в том числе и религиозоведческой, является принцип независимости и объективности. Поэтому не каждый специалист высокой квалификации способен к необходимым обобщениям, уточнениям, правильному выстраиванию причинно-следственных связей, когда необходимо учитывать специфику заданных эксперту вопросов. Именно принцип независимости при проведении религиозоведческой экспертизы гарантирует нейтральность в смысле оценочных, мировоззренческих суждений эксперта, в противном случае вместо научной обоснованности результатов можно получить предвзятое конфессионально ангажированное заключение экспертизы. Отметим, что на данный момент многие религиоведы-профессионалы отмечают необходимость становления в Российской Федерации особого института религиозоведческой экспертизы для оказания помощи в решении многих правовых вопросов. Специальные познания в области религиоведения, как правило, требуются: при регистрации религиозных движений в органах Федеральной регистрационной службы; в работе органов внутренних дел по пресечению правонарушений, связанных с преступлением на религиозной почве (человеческие жертвоприношения; убийства с использованием наркотических веществ в ритуальных, медитативных целях, в целях самосовершенствования, аскезы и т. п.; убийства, связанные с войной); нарушениями законодательства о религиях (контроль за соблюдением законности о свободе совести и вероисповедания [4, с. 12]. Методиками подтверждения данного деяния для окончательного экспертного заключения

владеют специалисты–религиоведы, владеющие современным категориальным научным аппаратом. Научно обоснованная, объективная религиоведческая экспертиза может, с одной стороны, являться важным фактором профилактики религиозно мотивированного экстремизма и защитить общество от неблагоприятных последствий, которые могут нести в себе оскорбления религиозных чувств верующих, унижения человеческого достоинства, нарушения свободы вероисповедания, с другой стороны – может защитить и сами религиозные организации от необоснованных обвинений.

Библиографический список

1 Чернышкова З. Е. Религиоведческая экспертиза: анализ действий, направленных на оскорбление религиозных чувств верующих / З. Е. Чернышкова, Е. В. Иванова, О. В. Кузнецова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 3-2. (77). – С. 202–205.

2 Джеймс У. Многообразие религиозного опыта / У. Джеймс. – Москва, 1993. – 432 с.

3 Понкин И. Человеческое достоинство верующих / И. Понкин // Журнал Московской Патриархии, 2013. – № 9. – С. 39–45.

4 Иванова Е. В. Правовая основа противодействия религиозному экстремизму и терроризму в Российской Федерации и особенности проведения религиоведческой экспертизы / Е. В. Иванова, Е. В. Зарубина // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2016. – № 3 (36). – С. 11–20.

ОТЕЦ, УЧИТЕЛЬ, СТАРЕЦ – КАК СОХРАНЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

*Иеромонах Афанасий (А. В. Коренкин),
Магистр богословия
Курганская епархия
afanasy.kor@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируются социально-антропологические проблемы цифровых технологий и искусственного интеллекта, отмечаются возможность опасных подмен, а также риски, связанные с процессами их внедрения. Выделяются важнейшие понятия человеческого общества, способствующие его сохранению.

Ключевые слова: симулякр, отец, учитель, старец, личность, цифровые технологии.

FATHER, TEACHER, ELDER AS THE SAVING OF HUMAN SOCIETY

*Hieromonk Athanasius (A. V. Korenkin),
Master of Theology
Kourgan Diocese
afanasy.kor@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes the socio-anthropological problems of digital technologies and artificial intelligence, notes the possibility of dangerous substitutions, as well as the risks associated with the processes of their implementation. The most important concepts of human society that contribute to its preservation are highlighted.

Keywords: simulacrum, father, teacher, elder, personality, digital technologies.

Первый принцип в медицине – «не навреди». Общество как человеческий организм может меняться только до известных пределов; есть определенные жизненно важные органы, без которых оно просто перестанет существовать.

Современная жизнь набирает все более и более скоростной режим существования. Большие скорости могут быть довольно опасны. Приведем небольшую аналогию с появлением и увеличением количества автомобилей за последний век. Для того чтобы стать законным участником движения, необходимы: совершеннолетие, медицинское заключение (психиатр и нарколог), обучение правилам движения и техники безопасности, сдача государственных экзаменов на удостоверение; добавим исправность автомобиля и дорог, а также контроль силовых органов с оружием в руках. Но, при всем этом, только у нас в России ежегодно на дорогах погибают и остаются инвалидами десятки тысяч людей. Куда мы несемся и где мы уже оказались – важнейшие вопросы нашего бытия.

Французский социолог и философ Жан Бодрийяр (1929–2007г.), внимательно рассматри-

вая и анализируя современное западное европейское общество (а мы находимся под сильнейшим влиянием оно), делает обоснованные выводы о созданном мире гиперреальности. Он открывает этот существующий мир симулякров, сновидений, иллюзий и манипуляций, что и есть гиперреальность. Общество потребления является элементом властной стратегии. Власть капитала сама создает спрос, потребление и производство. Высший класс свое превосходство ищет не в потреблении, а в реальных сферах: решений, управления, политической и экономической власти, в манипуляции знаками и людьми, обрекая другие классы на «фантазмы страны обетованной», в ложном понимании мира [1]. Учитывая, что мир и человеческое общество за последнее столетие сильно изменились, традиционные, национальные и культурные институты заметно ослабли, а в недобросовестных руках могут оказаться самые современные технологии и инструменты, которые колоссально усиливают влияние на массы, необходимы крайнее внимание, ясность и четкое понимание в текущих процессах.

Виртуальный мир, киберпространство вполне может стать симуляцией территории, где сакральность места и времени исчезает. Во владение реальной территорией входит понятие дома, семьи, родины, отечества, патриотизма – то, на чем основано от века «самостояние человека – залог величия его» (А. С. Пушкин), осознание себя и сознательности до высоты полной ответственности за происходящее.

Военный гений А. В. Суворова усиливается отцовством для своих солдат, «браво-рябятущек». За этим во многом стоит секрет успехов и побед. В таком явлении нашей истории, как русская самодержавная монархия, заложены и сформулированы лучшие идеи государственного устройства. Царь-Батюшка, помазанник Божий, Отец – это не управленческий абсолютизм или деспотизм самодура, и не власть толпы. Отец семьи, рода, нации, государства – это истинный образец легитимной власти, как высшего права. Наконец, в православном учении о единстве Божества, о Любви, о Святой Троице, о монархии Отца, о принципе единоначалия и установлении соотношений Лиц – непостижимых для нас [2] в образе языка: Сын рождается, Дух исходит – есть непреложная догма религиозного сознания, железная истина мироздания [3, с. 138].

Еще один возможный симулякр – «электронная образовательная среда» как будущая перспектива вполне реальной симуляции школы и учителя. Даже если решить все очевидные вопросы с психологами, здравоохранением, родителями и т. д., ОБРАЗование, формирование целостного человека заключается далеко не только в «полезной информации» и навыках. Есть вещи, которые не передаются никакими текстами и роликами, но только лично: душа в душу, глаза в глаза, из сердца в сердце, через совместное сопере-

живание учителя и ученика. Заглянем еще далее. Разве искусственный интеллект, мертвая машина, даже самая совершенная, может сопереживать? разве она имеет душу, имеет лицо!? Можно ли представить патриархальный, старый, русский, дворянский или купеческий быт без теплых слов: няня, тятя, дядька? Разве воспитателя способен заменить гаджет? Личность – формирует только личность. Все остальное: среда, атмосфера, инструменты – только в помощь.

Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), доктор медицинских наук, профессор, в своей работе «Дух, душа и тело» писал о том, что сердце человека – это не только орган, который перекачивает кровь, это орган тончайшего чуткого познания [4]. В Священном Писании Господь через пророка говорит: «И дам вам сердце новое, и дух новый дам вам, возьму из плоти вашей сердце каменное и дам вам сердце плотное» (Иез. 36:26), т. е. чуткое внимательное сердце. «Зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь» (Антуан де Сент-Экзюпери). Многие трагедии в общественной жизни происходят не из-за нехватки информации, а из-за исчезающей культуры сердца, и, что самое опасное, все меньшее и меньшее количество людей понимают это, знают законы воспитания и могут их применять в современных условиях. Молодой «образованный» человек со всеми техническими навыками в плане культуры сердца вполне может быть дикарем.

В связи с этим, рассмотрим еще одно религиозно-культурное понятие – Старец. Старец, как личность, как носитель в самом себе некой «концентрации» предания веры, религиозного мировоззрения, духовного опыта и премудрости жизни, объединяя в себе отца и учителя, дополняет все это еще священным служением пророка. Старец в своем идеале не просто наставник для своего послушника, ученика и чада, что, конечно, присутствует; он открывает, показывает, передает или, скорее, вливает в душу послушника свою жизнь в Боге, весь свой накопленный сокровенный духовный опыт и разумную силу, светлую благодатную энергию. Отношение старца и послушника – таинство.

Учение о благодати как о разумной силе, нас освещающей, о действии Духа в Таинствах, о вдохновении и откровении – одно из основных в православном богословии. Церковь, которой две тысячи лет, а особенно институт монашества, если бы и сохранилась, то без синергии – благодатной связи и жизни в Боге превратилась бы в «мертвый музей», в «антикварную лавку», в «бюро ритуальных услуг». Еще худшие перемены вероятны в общественном организме, сохранить который уже будет некому. «Отключи» у общественного тела человечества голову, останови сердце – аппаратура и электрошок могут не спасти.

Анализируя те тревожные тенденции, которые происходят в обществе, в сфере образования и воспитания, в институте семьи и государства, следует сделать вывод о возможной утрате

жизненно важных основ здорового общества и его последующей деградации. Есть большая вероятность потери связей и преемства поколений, живых звеньев или, точнее, клеток человечества как организма. На вопрос: «Почему сейчас нет истинных старцев?» Святые Отцы отвечали: «Потому что нет истинных послушников». Здесь есть две стороны проблемы: исчезнут отцы и учителя – не будет сыновей и учеников, а исчезнут сыны и ученики – не будет отцов и учителей как законной полноты ответственного творчества и сохранения наследия предков.

Ответственность и осторожность в использовании внедряемых или навязываемых цифровых технологий стратегически чрезвычайно актуальна, но из-за большой скорости и необратимости запущенных процессов максимально увеличивается сложность регулирования проникновения их в общество и нахождения им надлежащего места.

Библиографический список

- 1 Бодрийяр Ж. *К критике политической экономики знака* / Ж. Бодрийяр. – Москва, 2007. – С. 66.
- 2 Витгенштейн Л. *Логико-философский трактат* / Л. Витгенштейн. – Москва, 1958 (2009).
- 3 Иерей О. Давыденко. *Догматическое богословие: учеб. пособие* / Иерей О. Давыденко. – Москва: Изд-во ПСТГУ, 2005. – 415 с.
- 4 Лука (Войно-Ясенецкий), свт. *Дух, душа и тело* / Лука (Войно-Ясенецкий), свт. // *Азбука веры*. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Luka_Vojno-Jasenetskij/dukh-dusha-i-telo (дата обращения: 01.03.2021).

СОЦИАЛЬНЫЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА КАК ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

*К. К. Колин,
д-р техн. наук, профессор, гл. науч. сотр.
Институт проблем информатики
Федерального исследовательского центра
«Информатика и управление» РАН
kolinkk@mail.ru*

Аннотация. В статье проведен анализ новых рисков для человека и общества, обусловленных процессами все более глубокой и масштабной цифровой трансформации. Показано нарастание трех новых крупных проблем: формирование новой информационной культуры человека и общества, повышение уровня безработицы и явлений психологического стресса, обусловленного высокой динамикой глобальных перемен. Для противодействия этим вызовам XXI века необходим переход к стратегии направляемого цифрового развития общества на основе долгосрочного стратегического планирования и прогнозирования.

Ключевые слова: безработица, глобальные вызовы, информационная культура, национальная безопасность, структура занятости.

SOCIAL AND ANTHROPOLOGICAL RISKS OF DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY AS GLOBAL CHALLENGES OF THE XXI CENTURY

*K. K. Kolin,
doct. tech. sci., Professor
Chief of Science Institute of Informatics
Problems
of the Federal Research Center "Computer
Science and Control"
of the Russian Academy of Sciences
kolinkk@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the new risks for people and society caused by the processes of increasingly deep and large-scale digital transformation. It shows the growth of three new major problems: the formation of a new information culture of a person and society, the increase in the level of unemployment and the phenomena of psychological stress caused by the high dynamics of global changes. To counter these challenges of the 21st century, it is necessary to move to a strategy of guided digital development of society based on long-term strategic planning and forecasting.

Keywords: unemployment, global challenges,

information culture, national security, employment structure.

Новая цифровая культура как глобальная проблема XXI века

В условиях все более глубокой и масштабной цифровой трансформации общества особую социальную значимость приобретает проблема формирования новой цифровой культуры. Она становится необходимой каждому человеку для обеспечения его безопасности, успешной профессиональной деятельности, повышения уровня своей квалификации, а также для решения бытовых проблем. Пандемия коронавируса, при которой миллионы людей были вынуждены перейти в режим самоизоляции и осуществлять трудовую деятельность в удаленном режиме, наглядно показала остроту этой проблемы и необходимость поиска ее эффективного решения.

Стало понятным, что эта проблема является комплексной и для ее решения необходимы не только развитие национальных и международных систем телекоммуникации, но также и новый уровень развития информационного сервиса для населения, сферы образования, бизнеса и органов государственного управления. Практический опыт развитых стран показал, что решение этих проблем является сегодня необходимым условием дальнейшего развития цивилизации и позволяет достаточно эффективно использовать ее главный ресурс – интеллектуальный потенциал общества.

При этом стало понятным и содержание новой глобальной проблемы развития современного общества. Оно состоит в неадекватности уровня его цифровой культуры той новой цифровой реальности, которая сегодня уже формируется во многих странах мира и становится глобальной. Это новая среда обитания человека, в которой ему предстоит существовать в будущем всю оставшуюся жизнь. И к наступлению этого будущего современный человек оказался неподготовленным – ни в психологическом, ни в культурном, ни в профессиональном аспекте. У многих людей это вызывает чувство растерянности и страха перед будущим, которое наступает слишком быстро и не оставляет им времени для психологической и компетентностной адаптации.

Таким образом, «шок будущего», о котором еще в конце XX века нас предупреждал известный футуролог Элвин Тоффлер, стал сегодня не только реальностью, но и глобальной проблемой. В предисловии к своей монографии, посвященной этой проблеме, он писал: «Человечество может погибнуть не от того, что окажутся исчерпанными кладовые земли, выйдет из-под контроля атомная энергия или погибнет истерзанная природа. Люди вымрут из-за того, что не выдержат психологических нагрузок» [1, с. 5]. Сегодня мы видим, что эта проблема нарастает и становится глобальной опасностью.

Что можно и нужно сделать уже сегодня для

противодействия этой опасности? Нам представляется, что действовать надо одновременно по следующим основным направлениям.

1 Обеспечить *приоритетное развитие широкополосного доступа населения к сети Интернет* на всей территории страны, включая Сибирь, Дальний Восток и районы Крайнего Севера, а также сельские поселения, школы, библиотеки, медицинские и административные учреждения. Это позволит снизить остроту цифрового неравенства между центром и регионами России и, в определенной мере, компенсировать недостаток современных транспортных коммуникаций.

2 Организовать *массовое обучение населения страны использованию современных цифровых технологий*, создать сеть бесплатных консультационных центров по их применению (например, на базе публичных библиотек), а также сеть пунктов лизинга и обслуживания информационной техники. Это повысит эффективность работы специалистов в удаленном режиме и создаст возможности для частичной занятости пенсионеров, инвалидов и женщин, находящихся в декретном отпуске [2].

3 Планомерно и целенаправленно формировать в обществе новый вид культуры – *культуру информационной безопасности*, которая должна стать одним из важных компонентов обеспечения информационной безопасности страны в условиях нарастания внешних и внутренних угроз в киберпространстве [3–5].

4 Развернуть исследования и разработки в области обеспечения живучести критически важных компонентов информационной инфраструктуры страны [6], включая реализацию Федерального проекта «Социальная розетка». Этот проект был начат в 2009 г. по инициативе Правительства г. Москвы, но затем был приостановлен, ограничившись созданием опытного участка в Кунцевском районе города. В рамках этого проекта планировалось восстановление энергонезависимой системы проводного радиовещания в 39 крупных городах России для оповещения населения о чрезвычайных ситуациях. Помимо этого, обеспечивалась возможность вызова бригады оперативного реагирования (служба 112), проводного доступа к сети Интернет и системе кабельного телевидения. Все эти возможности проект предусматривал создать в каждой квартире вновь строящихся жилых домов, а также в тех домах, где проводится капитальный ремонт. Современная напряженная ситуация в геополитической и информационной сфере общества заставляет нас снова вернуться к реализации этого проекта в интересах повышения безопасности населения нашей страны.

Новая структура занятости населения в цифровом обществе

Специалисты прогнозируют [7], что цифровая трансформация общества вызовет существенные

перемены в структуре занятости населения уже в самые ближайшие годы. Роботизация промышленности и информатизация административных и финансовых учреждений, а также широкое применение средств и методов искусственного интеллекта станут теми главными причинами, которые приведут к сокращению работников низкой квалификации, исчезновению целого ряда профессий и возникновению массовой безработицы.

В первую очередь пострадает «офисный планктон», т. е. те многочисленные конторские служащие, которые сегодня заполняют офисы самых различных учреждений. Следующая категория – это те работники промышленных предприятий, функции которых будут выполнять роботы. В среднесрочной перспективе можно ожидать также и сокращение работников энергетических и добывающих компаний, в связи с переходом на использование новых видов энергии. А развитие беспилотного транспорта уменьшит и потребности общества в водителях грузовых и пассажирских транспортных средств.

В то же время потребности рынка труда в специалистах в области информационных технологий обеспечены сегодня лишь на 40 %. По имеющимся прогнозам, потребности в таких специалистах будут только возрастать. Особенно ценными будут руководители информационных проектов, квалифицированные программисты, эксперты и консультанты в области искусственного интеллекта, информационной и кибербезопасности.

Пути решения проблемы занятости населения

Пути решения этой проблемы нужно искать уже сегодня, не дожидаясь, когда она станет причиной повышения социальной напряженности до критически опасного уровня. Некоторые системные аналитики считают, что нам необходимо кардинальным образом пересмотреть существующую концепцию рынка труда, обратив особое внимание на те виды деятельности человека, которые ранее трудовыми не считались. Так, например, воспитание малолетних детей, уход за больными и престарелыми, помощь волонтеров и многие другие социально значимые виды деятельности людей сегодня трудом не считаются и в трудовой стаж работника не засчитываются.

А сколько рабочих рук уже сегодня необходимо для восстановления жизненно важных экосистем нашей страны? Вот куда нужно направить трудовую энергию тех работников, которые высвобождаются в результате цифровой трансформации общества. Но для этого они должны иметь мотивацию и получить необходимую подготовку. Все это свидетельствует о необходимости стратегического планирования сферы трудовой занятости и адекватной перестройки системы подготовки кадров. Однако, прежде всего, нам предстоит перестроить общественное сознание, которое должно стать более адекватным новой и перспективной реальности общественного развития.

Социальная значимость цифровой трансформации общества

Цифровая трансформация представляет собой преобразование формы организации деятельности современного общества в той или иной сфере на основе использования цифровых информационных технологий. Этот термин появился в самые последние годы. Он пришел на смену понятию «цифровая экономика», которое сегодня используется, главным образом, для обозначения перемен в экономической сфере общества, обусловленных ее информатизацией с использованием цифровых технологий.

Таким образом, понятие «цифровая трансформация» является существенно более широким, так как оно может применяться для обозначения таких трансформаций в любых сферах жизнедеятельности общества, а также по отношению к стране, региону и обществу в целом.

Практика цифровой трансформации общества, которая в последние годы стала целенаправленно осуществляться в России и других странах, показала ее достаточно высокую социальную эффективность [8]. Наиболее заметно это проявляется в области организации массового обслуживания населения. Достаточно указать на высокую эффективность деятельности созданных в России многофункциональных центров оказания государственных информационных услуг (МФЦ). В них сегодня можно не только быстро оформить различного рода документы, за которыми ранее приходилось обращаться в различные инстанции, но и получить необходимую консультацию квалифицированных специалистов. При этом, служба ведения «электронной очереди» к этим специалистам существенно сократила время ожидания в очереди для сотен тысяч граждан нашей страны. Однако, самое главное, это сократило очереди в магазинах, что дает колоссальную экономию социального времени современного общества, которое является важнейшим ресурсом для его развития.

Однако наибольшую социальную эффективность цифровой трансформации общества следует ожидать в области изменений информационного пространства личности. Так, например, уже создаются *малогабаритные устройства памяти большой емкости*, которые позволят надежно хранить значительную часть необходимой человеку информации, включая его персональные данные, не прибегая к услугам компьютерных сетей. Это существенным образом изменит всю структуру информационного пространства общества, защитит человека от нежелательного проникновения в его личное информационное пространство.

Библиографический список

- 1 Тоффлер Э. *Шок будущего* / Э. Тоффлер. – Москва : «Издательство АСТ», 2001. – 560 с.
- 2 Колин К. К. *Наука для будущего: социальная информатика* / К. К. Колин // Информационные ресурсы России. – 1995. – № 3. – С. 8–15.

3 Колин К. К. Информационная безопасность как гуманитарная проблема / К. К. Колин // Открытое образование. – 2006. – № 1. – С. 86–93.

4 Колин К. К. Неоглобализм и культура: новые угрозы для национальной безопасности / К. К. Колин // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – № 2. – С. 104–111.

5 Колин К. К. Биосоциология молодежи как проблема интеллектуальной безопасности в информационном обществе / К. К. Колин // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 3. – С. 156–162.

6 Бысторов И. И. Основы живучести автоматизированных организаций информационного общества / И. И. Бысторов, В. Н. Веселов, К. К. Колин // Системы и средства информатики. – 2018. – Т. 28. – № 4. – С. 110–121.

7 Харари Ю. Н. 21 урок для XXI века / Ю. Н. Харари. – Москва : Синбад, 2019. – 416 с.

8 Управление научными сервисами как основа национальной цифровой платформы «Наука и образование» / А. А. Зацаринный, А. К. Горшенин, К. И. Волович [и др.] // Стратегические приоритеты. – 2017. – № 2. – С. 103–113.

МОДЕРНИЗАЦИЯ: В МИРЕ И В РОССИИ

*В. И. Красиков,
д-р филос. наук, профессор
Всероссийский государственный
университет юстиции
KrasVladlv@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы цивилизационного развития и модернизации. Автор использует гегелевское понятие «исторических народов» для выяснения их вклада в формирование цивилизационной архитектуры мировой истории, выясняя смысл и значимость для нее модернизации – казалось бы типично «западного» феномена. Всякая новая форма цивилизационной архитектуры – империалистична, России следует найти свою форму модернизации.

Ключевые слова: модернизация, исторические народы, империализм, либерализм.

MODERNIZATION: IN THE WORLD AND IN RUSSIA

*V. I. Krasikov,
Doctor of Philosophy, Professor
All-Russian State
University of Justice
KrasVladlv@gmail.com*

Abstract. The author discusses the issues of civilizational development and modernization. He uses the Hegelian concept of “historical peoples” to clarify their contribution to the formation of the civilizational architecture of world history. Further, he clarifies the meaning and significance of modernization, which is considered a typical “Western” phenomenon. He believes that any new form of civilizational architecture has an imperialist character and Russia should find its own form of modernization.

Keywords: modernization, historical peoples, imperialism, liberalism.

Как известно, представления людей о мире и о себе – то, что они считают реальностью и самоочевидным, – всегда относительны. Причем в большинстве случаев это становится ясным лишь в будущем, на некоторой исторической дистанции. Концепция модернизации как общецивилизационной закономерности перехода от традиционных обществ к индустриальным, даже с учетом оговорок и отрешиваний от прогрессизма, принимается сегодня «по умолчанию». Предполагается, что все очевидно: развитие технологий и наук подводит – сначала страны Западной Европы и США, потом постепенно и другие – к необходимости перехода к качественно новой стадии развития. Причем полагается, что в большинстве случаев, если только страной пройден определенный путь

массовизации образования и технологий, это объективный, внутренне назревающий процесс. Представляется, что подобные «умалчивания» или предполагаемые, но неявные смыслы есть серьезное методологическое упущение, некритичное наследие прогрессистских, европоцентристских установок, не отрефлексированные и не преодоленные. Предлагаемая работа ставит своей целью подвергнуть критическому рассмотрению концепты «общецивилизационной закономерности» и «модернизации», а также определить перспективы модернизации для России.

Мы присоединяемся к точке зрения К. Поппера, утверждавшем, что хотя в истории и могут быть повторяемости, типическое – для отдельных устойчивых региональных образований, однако вряд ли есть внутренне сущая как схема, план, органичная закономерность («законы») развития человечества как целого. Конечно, никто не будет оспаривать наличие антропосоциальных каузальностей, типа необходимостей самовоспроизводства, поддержания преемственности и стабильности, придания всему этому сакральных смыслов. Однако доминирующие социально-исторические формы реализации таких каузальностей – сначала всегда случайны, затем приобретают в сознании людей вид «исторических законов».

Развитие этносов, как и развитие отдельных людей, во многом индивидуально и случайно, они не реализуют никакие заданные предначертания универсального духа, гения человечества. Вместе с тем явственно, что существуют «исторические народы» по терминологии Гегеля. Они, конечно, историчны не в смысле эстафеты абсолютной идеи, а в том плане, что смогли империалистски (в широком значении этого слова) утвердить (навязать силой, убедить, впечатлить) и передать свою форму существования другим. Эта форма утверждается в силу своих определенных преимуществ (как правило, прагматистских) и всегда воспринимается народами, нашедшими ее, в виде своей собственной и, одновременно, общечеловеческой идентичности, что и делает ее привлекательной, суггестивной для других народов, пребывающих в безмятежном предшествующем, преднайденом ранее состоянии.

В этом смысле и «восточная деспотия», и «полис», и «кочевая империя», и «модернизация» были «изобретены», т. е. спонтанно найдены творческой жизненной энергией известных народов, ставших благодаря этому «историческими» или «империалистскими». Затем, благодаря экономическим, внешнеполитическим, духовным достижениям, следствиям эффективности найденной формы существования, возникает мимезис, добровольный и вынужденный, а также соответствующая суггестия: представления о естественности, органичности, закономерности, единственности найденного пути.

Модернизация – итог жизненного творчества западноевропейцев, в каком-то отношении «вы-

зревший» (греческая мутация, римское колониальное прошлое, глубокая религиозная трансформация индивидуального духа), в каком-то отношении «случайный» (кочевые империи монголов, арабов, турок так и не смогли добраться до Европы в силу ее тогдашней географической удаленности).

Модернизация – действительный прорыв в человеческом развитии, однако и это уже достаточно общепризнанно, в одном избранном (или, может быть, «выпавшем») рационалистически-технологистском направлении. Одновременно это и органичная самоидентификация западноевропейцев и иже с ними (колонии: США, Канада, Австралия).

Рационалистическо-технологистское развитие было сопряжено у европейцев, и это также аксиома, с гражданским обществом и либеральными ценностями, составляя вместе единый «пакет». В итоге и складывается определенная, сначала региональная, форма существования, становящаяся в течение 3–4 столетий «империалистской» или же «общечеловеческой». Так было и ранее в случае с древневосточными деспотиями, Грецией–Римом, кочевыми империями (классический феодализм – может скорее затянувшаяся переходная эпоха). Так, по всей видимости, и будет в иных, неведомых нам пока формах и далее.

Модернизация – путь и идентичность Запада, причем здесь «идентичность» стоит на первом месте, а «путь» – на втором. Исторические народы, их прорывы (становящиеся затем «законами», «типами» либо «формациями») – это, прежде всего, успешно утвердившаяся империалистским путем (навязывание в широкой гамме) идентичность или «идея».

Так, причина успехов Азии (Японии, Китая, Индии, азиатских «тигров») в том, что они никогда и не пытались разрушать свои великие идентичности. Они прекрасно отдают себе отчет в том, что главное – ментальный порядок (в голове), базирующийся на представляющемся безусловным основании (национальная либо цивилизационная идея). Модернизация для них – это только сугубо внешнее средство развития своей идентичности. И одно другому не мешает, если не наоборот. Мы склонны вполне доверять прогнозам о великом будущем (т. е. общечеловеческом или империалистском) Китая.

У нас же в отношении модернизации продолжают господствовать предрассудки «одноколейности» и «пакета». Это непременно внутренне органично вызревший общечеловеческий процесс, так сказать «судьба бытия», и он непременно сопряжен с коренной ментальной перестройкой «под Европу».

Россия напоминает другие страны, не нашедшие пока своей идентичности, значит – хотя бы действительной устойчивости, не говоря уже о нахождении «прорывной идентичности», способной

воодушевить этнос на превращение в «исторический народ», а его интеллектуалов – на конструирование «национальной идеи». Россия, утратив свою прежнюю имперскую форму, находится сейчас в неопределенно-переходном положении многих стран Латинской Америки, Африки, Азии, не выработавших пока своей самобытной общечеловеческой (не партикуляристской) идентичности (как и где происходит нахождение исторически прорывной идентичности – вопрос, скрытый во мгле исторической неизвестности и спонтанности). Россия, как и похожие на нее страны, способна пока лишь на маловразумительную региональную самоидентификацию («евразийство», как и «латиноамериканство» или «африканство»).

Как бы мы не бежали от своей судьбы, а под ней понимаются исторические ментальные традиции, основы возможного «порядка» в голове, наша идентичность, способная сделать нас вновь «историческим народом», может быть лишь максималистской или, если хотите, «экстремистской» (как экстремистичен идеализм превозмогания и жертвенности). Либо – население, либо – народ. Корни «третьего Рима», «родины социализма» еще живы, и не надо их изводить. Задача в том, чтобы попытаться дать им развиваться в нечто действительно современное, гуманистическое, вырасти в некую общечеловеческую форму. Не следует чураться мессианизма и телелогичности, можно сделать их вполне конкурентоспособными в мировой борьбе отбора идентичностей на роли «исторических». Только не надо подражать и использовать уже отработанные идеи (фарс): борьбы за мировую демократию и права человека. Россия, таким образом, «беременна» экстремизмом – это ее базовая ментальная традиция, а сегодня еще и просто вопрос выживания ее как «исторического народа». Задача – найти неисхоженную еще «либерально-империалистскую тропку».

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЙСТВЕННОСТИ ИСКУССТВА

*В. С. Лапшина,
канд. филос. наук, доцент кафедры
истории, философии,
педагогике и психологии
Нижегородский государственный
архитектурно-строительный университет,
lapshina_valentina@inbox.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема воздействия искусства на человека через функциональное значение, «онтологию самого искусства». В настоящее время человечество претендует на целостное глубинное осмысление мира, помочь ему в этом сможет только философствующее искусство.

Ключевые слова: художественная культура, личность, философствующее искусство.

COMPREHENDING THE SOCIAL EFFECT OF ART WITHIN PHILOSOPHY

*V. S. Lapshina,
PhD in Philosophy, Associate Professor of the
Department of History, Philosophy, Pedagogy
and Psychology, Nizhny Novgorod State
University of Architecture and Civil Engineering,
lapshina_valentina@inbox.ru*

Abstract. The article deals with the impact of art on humanity by means of its functional value, the ontology of art itself. Today humanity claims to comprehend the world in all depth. However, it's hardly possible without philosophical art.

Keywords: art culture, personality, philosophical art.

Художественную культуру можно рассматривать как подсистему культуры, совокупность установок, способов, действий, направленных на создание художественных ценностей, их хранение, распространение и изучение [10, с. 431–432]. Согласно Л. А. Зеленову, художественная культура является одним из видов культуры общества наряду с нравственной, религиозной, медицинской, экологической, управленческой, физической и многими другими видами и типами культуры [4, с. 47–49]. Сердцем художественной культуры является искусство, а формой бытия искусства принято считать художественное произведение. Предмет искусства есть человек и его взаимодействие с окружающим миром в конкретный исторический период. В научно-исследовательской среде сложился спектр подходов, раскрывающий сущность искусства: искусство как мимесис; искусство как эстетическое освоение

мира; искусство как воспитание; искусство как коммуникация; искусство как творчество; искусство как отражение бытия общества.

Становление (формирование) личности – очень сложный многофакторный процесс, противостоящий распаду и преодолевающий хаос, «оформляющий» человека в устойчивую и целостную новую сущность – личность, в котором одну из главных ролей играет художественная культура. Проблема формирования личности ставит перед искусством особые задачи и требует определения роли искусства в процессе развития и функционирования общества.

В философии стремление установить взаимосвязь и взаимовлияние искусства и личности разрешается в двух разноплановых направлениях.

Согласно первому направлению художественный «текст» представлен как художественно-выразительное произведение, целенаправленно воздействующие на реципиента (Л. С. Выготский, Н. Гартман, Р. Ингарден и др.).

Согласно второму направлению, представленному работами таких выдающихся исследователей отечественной эстетики, как Л. Н. Столович, С. Х. Рапопорт, М. С. Каган, Ю. Б. Боров и др., проблема воздействия искусства на человека рассматривается через функциональное значение, «онтологию самого искусства». Эти авторы подчеркивали многообразие и значимость социальных функций художественного произведения.

В настоящем исследовании раскрытие содержания второго направления представляется наиболее важным и необходимым. Так Ю. Б. Боров отмечает полифункциональность искусства, выделяя общественно-преобразующую, познавательную, эвристическую, художественно-концептуальную, эстетическую, гедонистическую, информационно-коммуникативную функции искусства. Отдельно Юрий Борисович выделяет внушающую функцию искусства, подчеркивая, что она близка воспитательной функции, но не совпадает с ней. Приводя цитаты военных песен («Смелого пуля боится...»), Боров отмечает, что «магическая сила поэтического слова в разные периоды искусства, на разных его этапах играет большую или меньшую роль в общей системе функций искусства, а в некоторые периоды даже ведущую роль» [1, с. 170–174]. В исторические часы жизни общества внушающее начало в художественных произведениях обретает особую важную роль. Вспомним период Великой Отечественной войны, когда жители блокадного Ленинграда, истощенные от голода, продолжали слушать классическую музыку, приходили в театр и, вопреки трагическим событиям, продолжали жить с надеждой и верой в победу. «Именно война породила и обновила такие явления, как фронтовое братство и боевая дружба, товарищеская сплоченность, национальная солидарность, боевая инициатива, находчивость» [15, с. 773].

Русские художники-передвижники верили в

то, что с помощью искусства возможно воздействовать на народ, просвещать его, приблизить к высоким началам и создать новое общество. Важными задачами Товарищества Передвижников были: устройство во всех городах империи передвижных художественных выставок; доставление жителям провинций возможности знакомиться с русским искусством; развитие любви к искусству в обществе [12].

Французские просветители возлагали на искусство и воспитание надежды в преобразовании общества и отдельного человека. Ф. Шиллер подчеркивал способность искусства воспитывать нравы. Гармония, вкус, характеры в искусстве интересуют просветителей непременно как действенные средства воспитания нового «гражданина». Д. Дидро считал, что главное предназначение произведения искусства – воспитывать человека в духе гражданских добродетелей и прививать нетерпимость к пороку. Искусство эпохи Просвещения принимает откровенно дидактический характер, а «художник XVIII в. в идеале тоже философ, который целью творчества ставит «немедленное, необходимое осчастливливание человечества и, что очень часто важно, он имеет для осуществления этой цели более или менее безошибочные рецепты» [2, с. 12–13]. С. А. Гудимова справедливо замечает, что «в просветительском искусстве порок всегда наказан, а добродетель торжествует» [2]. Если произведения искусства не отвечали этому требованию, то они переделывались в соответствии с духом времени.

Существуют различные позиции, выражающие специфику отношения личности к художественному произведению [9, с. 5]. Одна из первых позиций восходит к именам Платона и Аристотеля, когда искусство рассматривалось как атрибут воспитания. Обращаясь к практике хороводов и распевании песен и гимнов, Платон в «Законах» отождествляет дело воспитания и дело художественного воспитания. А. Ф. Лосев пишет (ссылаясь на Платона): «Поэзия и музыка должны укрощать у воспитанников всякую их распущенность и всякие страсти и превращать их в людей благонравных и непоколебимых» [11, с. 149]. Любая форма контакта с искусством есть своеобразная деятельность. В. С. Жидков и К. Б. Соколов отмечают, что никакое произведение не может быть воспринято, если человек самостоятельно не пройдет по пути, намеченному в произведении автором. И именно от характера этой деятельности зависит её эффект – качество и глубина воздействия произведения на личность. Для античного понимания искусства характерной чертой является синтез этики и эстетики [3, с. 206–207].

«Искусство выступает как средство воспитания, нравственного, духовного, социального совершенствования человека» [7, с. 402]. М. С. Каган замечает, что смысл существования искусства заключается в том, что оно «должно доставлять эстетическое удовольствие, что оно при-

звано воспитывать человека, быть «учебником жизни», что истинное его назначение – быть средством связи между людьми, особым «языком» [5, с. 241–245]. Центральным для понимания сущности взаимодействия искусства и личности является процесс художественного переживания. Согласно Е. К. Крупнику, невероятной силой обладает произведение искусства, главный результат которого есть эстетическое переживание, которое испытывает человек в момент диалога с произведением искусства [9]. Именно в художественном переживании происходит взаимодействие мира личности и мира произведения. Когда в результате художественного восприятия мы получаем чувство удовлетворения, мы переживаем состояние катарсиса.

К. С. Станиславский писал: «Захватить зрителя – значит заставить его не просто понять, но главным образом пережить всё совершающееся на сцене, обогатить его внутренний опыт, оставить в нём неизгладимые впечатления» [14]. В. С. Жидков и К. Б. Соколов пишут, что характер воздействия художественной культуры на личность нельзя упрощать. Один человек после контакта с художественным произведением сразу испытывает на себе его влияние, другой будет долго размышлять, постепенно усваивая новую художественную информацию и встраивая её в свою картину мира. У третьего произведение искусства оставит лишь едва заметный след в душе. Четвертый вообще останется равнодушным к воспринятому и отторгнет его [3, с. 203].

Таким образом, социальная эффективность художественной культуры определяется степенью воздействия художественных образов на внутренний мир человека. Стоит подчеркнуть, что процесс воздействия искусства имеет двойственное толкование: с одной стороны, речь идёт о зрителе (читателе, слушателе), к кому обращено художественное произведение, с другой стороны, воздействие испытывает и сам художник, творец. Об этом пишет В. В. Кандинский в работе «О духовном в искусстве»: «Сознательно или бессознательно художники следуют словам Сократа: «Познай самого себя!». Сознательно или бессознательно они начинают обращаться главным образом к своему материалу; они проверяют его, кладут на духовные весы внутреннюю ценность его элементов, необходимых для создания их искусства» [6, с. 31]. Художник, согласно Кандинскому, является творцом, который хочет и должен выразить свой внутренний мир. Поэтому, создавая произведения искусства, художники, музыканты, архитекторы, творческие люди в целом отражают свой внутренний мир, свои эмоции и переживания. О. Роден пишет, что «художник, переполненный чувствами, не может вообразить ничего, чем он не был бы обязан себе самому. Так же и мироздание он наделяет сознанием, подобным его собственному... Посмотрите на шедевры искусства. Художники верят, что уловили во вселенной ту мысль, тот импульс, с которыми связана их красота» [13, с. 96].

В. А. Конев замечает, что «связь искусства и философии многосторонняя: они могут быть связаны тем, что вырастают из одной культуры, они могут быть связаны тем, что проникают друг в друга – искусство философствует, а философия становится искусством, они связаны и тем, что искусство постоянно входит в круг размышлений философии» [8, с. 51].

Безусловно, проблема влияющей силы искусства на человека не является чем-то принципиально новым для науки: о ней высказались известные мыслители прошлого, она неоднократно ставилась самой жизнью, её значимость подкреплялась научными фактами. Однако процессы быстрых социальных изменений, происходящих в настоящее время в мире и в нашей стране, заставляют нас по-новому оценивать вопрос о социальной эффективности искусства. Искусство оказывает влияние на внутренний мир человека. От ценностных ориентиров, смысловых задач, которые мы сознательно вкладываем в художественные произведения, зависит образ человека: эстетически равнодушного или эстетически чувствующего, ранимого и философствующего. Внутренний мир влияет на то, как человек оценивает окружающую обстановку (как оптимист или пессимист), какие решения принимает (или не принимает) и какие действия совершает (созидательные или разрушительные). Социально-экономическая, эпидемиологическая ситуация, сложившаяся в нашем обществе за последние полгода, совершенно по-новому открывает перед нами мир искусства. Если человечество претендует на целостное глубинное осмысление мира, то помочь ему в этом сможет только философствующее искусство.

Библиографический список

1 Бореев Ю. Б. *Эстетика*. / Ю. Б. Бореев. – 2-е изд. – Москва : Политиздат, 1975. – 399 с.

2 Гудимова С. А. *Задачи искусства в век Просвещения* / С. А. Гудимова // *Вестник культурологии*. – 2002. – № 4. – С. 12–13.

3 Жидков В. С. *Искусство и общество* / В. С. Жидков, К. Б. Соколов. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2005. – 592 с.

4 Зеленев Л. А. *Человеческое измерение художественной культуры* / Л. А. Зеленев // *Современные проблемы художественной культуры и образования (региональный аспект) : материалы Международной научно-практической конференции, 26-28 марта 2009 года, г. Владимир / под общ. ред. д-ра ф. наук Р. А. Куренковой и д-ра п. наук Е. А. Плеханова. – Владимир : Владимирский филиал РАГС ВКИ «Собор», 2009. – 276 с.*

5 Каган М. С. *Эстетика как философская наука* / М. С. Каган. – Санкт-Петербург, 1997. – 543 с.

6 Кандинский В. В. *О духовном в искусстве* / Василий Кандинский. – Москва : Изд-во «Эксмо-Пресс», 2018. – 160 с.

7 Кармин А. С. *Культурология : учебник* / А. С. Кармин. – 4-е изд., испр. – Санкт-Петербург : Изд-во «Лань», 2006. – 928 с.

8 Конев В. А. *Искусство и философия: полюса, стягивающие культуру* / В. А. Конев // *В диапазоне гуманитарного знания : сборник к 80-летию профессора М. С. Кагана*. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – Вып. 4. – С. 51.

9 Крупник Е. П. *Психологическое воздействие искусства* / Е. П. Крупник. – Москва : Изд-во «Институт психологии РАН», 1999. – 240 с.

10 *Культурология : словарь-справочник* / Н. В. Шишова [и др.]. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2009. – 596 с.

11 Лосев А. *От Гомера до Прокла: История античной эстетики в кратком изложении* / Алексей Лосев. – Санкт-Петербург : Азбука-Аттикус, 2016. – 352 с.

12 *Передвижники: от академических рисунков к независимости. Иван Николаевич Крамской – биография художника, личная жизнь, картины*. – URL: <https://www.culture.ru/s/peredvizhniki/> (дата обращения: 03.03.2021).

13 Роден О. *Беседы об искусстве* / Огюст Роден ; пер. с фр. Л. Ефимова, Г. Соловьевой. – Санкт-Петербург : Азбука, 2017. – 320 с.

14 Станиславский К. С. *Система Станиславского. Работа актера над собой. Процесс переживания* / К. С. Станиславский. – Москва, 2008. – С. 35.

15 Кондаков И. В. *Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты* / И. В. Кондаков, К. Б. Соколов, Н. А. Хренов. – Москва : Прогресс-Традиция, 2011. – 1024 с.

ИСЛАМСКИЙ РАДИКАЛИЗМ И СОВРЕМЕННАЯ СЕКУЛЯРНАЯ КУЛЬТУРА

*А. Н. Минин,
магистр философии,
независимый исследователь
aminlex@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблеме распространения радикальных исламистских взглядов в современном секулярном обществе. Рассматривается соотношение радикального ислама и традиционной культуры, а также причины успешного распространения этих взглядов в современном секулярном мире.

Ключевые слова: салафиизм, традиционная культура, сакральное, секулярная культура, политический ислам, Откровение.

ISLAMIC RADICALISM AND MODERN SECULAR CULTURE

*A. N. Minin
Master of Philosophy,
Independent researcher
aminlex@yandex.ru*

Abstract. The article focuses on problem of spread of radical islamic views in modern secular society. Relation between radical islam and traditional culture is described, as well as reasons for successful expansion of islamic views in the modern secular world.

Keywords: salafism, traditional culture, Sacral, secular culture, political Islam, Revelation.

Успех проповеди салафиитского ислама, включая и салафиизм джихадистской и террористической направленности, в странах традиционного ислама и, что особенно удивляет некоторых исследователей, странах формально христианских, где давно господствует секулярное мировоззрение, стал объектом научного интереса сравнительно недавно. Этот интерес, однако, сосредотачивается в первую очередь на проповеди разного рода экстремистских идей и взглядов, а также прямой пропаганды разного рода террористических групп. Кроме того, для западных исследователей характерно игнорирование чисто религиозной и метафизической составляющей при объяснении деятельности террористических и экстремистских групп и успешности их проповеди в современном секулярном мире. Отечественный исследователь феномена современного терроризма смертников С. И. Чупринин в своей монографии, анализируя многочисленные западные работы на эту же тему, отмечает отсутствие анализа метафизических аспектов проблемы: «Они ориентированы почти исключительно на эмпири-

ческий материал, ту или иную степень формализации исследуемых реалий... и рационализацию мотивации террористов, из которой изгоняется все, что имеет метаэмпирический и сверхпрагматический характер, в том числе то, что не вписывается в формальную логику секуляризованного разума, не знакомого с религиозным опытом» [1, с. 93].

В случае с пропагандой радикального ислама необходимо обратить внимание на условия, в которых она проводится и часто достигает успеха. Собственно религиозная проповедь всегда обладает универсальной направленностью, она обращена к человеку вообще, вне его связи с обществом, культурой или нацией. Ее связь с конкретной культурой всегда носит случайный характер и не обуславливается ею. Однако культура всегда выступает в качестве проводника и оформляющего начала религиозного откровения, не влияя на его сущность. И, конечно, ни одна культура не в состоянии полностью и адекватно выразить и воплотить в себе религиозный идеал, и представляется поэтому с религиозной точки зрения трагической неудачей. Религиозное откровение – это призыв Бога, обращенный к человеку, и ответ на этот призыв может принять любую культурную форму. В современном мире мы имеем господство светской секулярной культуры, в рамках которой и оформляется этот ответ.

Конкретная локализованная в определенном времени и пространстве культура стремится поставить себе на службу универсальное откровение, ввести его в свою мифологию, а не следовать его призыву. Впрочем, религиозная проповедь всегда провозглашает вечность и незыблемость своих истин, не признавая ни за одной культурой права быть единственно возможной формой своего выражения. Истина откровения останется таковой, какие бы культурные формы она не принимала.

Современная салафиитская проповедь обращается уже к человеку секулярной культуры. Однако ее радикализм и экстремистская направленность часто трактуются в контексте противостояния традиционной и современной культуры, старых и новых ценностей. При этом религиозное откровение отождествляется с традиционной культурой и ее ценностями, а проявления религиозного экстремизма предстают как результат болезненного перехода от традиционного общества к современному. Такое противостояние, конечно, имеет место везде, где традиционные ценности и уклад жизни продолжают оказывать влияние на общественное сознание, а современная секулярная культура вызывает, соответственно, крайнее неприятие. Однако религиозное откровение авраамических религий противопоставляет себя и традиционным культурам.

Сам Авраам – отец всех верующих и образец веры во всех трех монотеистических религиях – резко противопоставил себя своему культурному

окружению, выйдя по повелению Бога из своей родины в пустыню и предпочтя ее цивилизованному культурному городу. Собственно и Исход – центральное событие Ветхого Завета – был выходом из высокоразвитой египетской культуры в ту же пустыню, а народ Израиля, получивший первое монотеистическое откровение, должен был с приходом на Землю Обетованную уничтожить все следы предшествовавших культур и начать все заново. Вся последующая ветхозаветная история была борьбой с остатками прежних автохтонных культур и с культурными и религиозными веяниями, приходящими извне.

Любая культура стремится поставить религию Откровения к себе на службу, адаптировать к себе, сделать ее своей составной частью, присвоить и локализовать ее в себе, использовать для сакрализации своих культурных форм или политического устройства. Это вызывает у радикальных последователей религий Откровения крайнее неприятие и протест, который может выражаться, например, в виде ухода в пустыню, как в раннесредневековой Византии, или принять форму вооруженной борьбы, как в случае ваххабизма в Аравии, возникшем в XVIII в. в первую очередь, как сопротивление «турецкому» исламу. Все подобные протестные движения проходят под лозунгом возвращения к истокам и направлены обычно против адаптированных к соответствующей культуре форм выражения религиозной истины. Такими движениями была, например, европейская Реформация или арабийский ваххабизм XVIII в.

Успех ваххабитской проповеди в современном десакрализованном мире и обусловлен во многом их отказом от любых проявлений традиционной сакральной культуры – культа могил, почитания святых и т. д., что полностью соответствует состоянию и запросам современного секулярного общества, отказавшегося от своих традиционных святынь. В мире, где отсутствует традиционная сакральность, именно радикальный ислам наиболее адекватно решает проблему адаптации Откровения к современным культурным формам, одновременно представляя себя в качестве альтернативы существующему несправедливому миропорядку и претендуя на единственно верное толкование монотеистического Откровения.

Вообще сегодняшний политический ислам имеет мало общего с традиционной культурой и является попыткой адаптировать Откровение к современным реалиям, и вряд ли можно говорить о каком-то цивилизационном конфликте или противостоянии современной и традиционной культуры в этом контексте. Именно разрушение традиционного общества в странах ислама приводит к активизации политического ислама и джихадизма. Даже салафиитское стремление к истокам вовсе не означает возвращения к исламскому средневековью, последователи этого движения

уверены в том, что им удастся усвоить все достижения современной цивилизации Запада, исламизировать ее и уже на этой основе воплотить в жизнь кораническое Откровение, а традиционной культуре они противостоят не меньше, чем секулярная культура Запада. Салафиитское движение в мире ислама является скорее ударной силой, разрушающей традиционную культуру, и позволяет легитимно ее устранить, опираясь на основной посыл любого радикального монотеизма – отказ от сакрализации бытия.

Для православия, как, впрочем, и для католичества, переход к современным культурным формам выражения представляется почти невозможным. В нем христианское откровение выражается через традиционную культуру, сакрализирующую мир. Сакрализация бытия через таинства, иконы, культ святых и многое другое является неотъемлемой частью православного вероучения, от которой невозможно отказаться. Для современного человека, утратившего чувство сакрального, церковь становится реликтом ушедшей культуры и вообще досадной помехой на пути человеческого прогресса, что лишает ее вообще права на существование. Нынешний успех салафиитской проповеди, в том числе в ее джихадистском варианте, легко объясняется ее способностью транслировать истины Откровения в формах десакрализованной современной культуры, отказываясь от любой сакрализации бытия. Собственно продуктом этой современной культуры такая проповедь и является.

Библиографический список

1 Чудинов С. И. *Терроризм смертников: проблемы научно-философского осмысления (на материале радикального ислама)* : монография / С. И. Чудинов. – Москва : Флинта: Наука, 2010. – 312 с.

МОРАЛЬНЫЕ ДЕВИАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИА

*С. В. Мошкин,
д-р полит. наук, доцент,
ст. науч. сотр.
Институт философии и права
Уральского отделения РАН
osa-sv@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются девиации общепринятых норм речевого поведения в современных медиа, раскрываются причины таких отклонений. Делается вывод, что вторжение интернета в медиасферу во многом обусловило рост «ненормальности» в медиадискурсе.

Ключевые слова: интернет-коммуникации, моральные девиации, этика СМИ, интернет-цензура.

MORAL DEVIATIONS OF MODERN MEDIA

*S. V. Moshkin,
Institute of Philosophy and Law
Ural Branch of the Russian Academy of
Sciences,
Senior Researcher, Doctor of Political Sciences
osa-sv@yandex.ru*

Abstract. The article addresses the problem of deviations from the generally accepted norms of speech behavior in modern media. The reasons for such deviations are considered. It is concluded that the Internet invasion into the Media Sphere is one of the main reasons of the growing level of “abnormality” in media discourse.

Keywords: Internet communications, moral deviations, media ethics, Internet censorship.

Современная медиасреда демонстрирует бесчисленные примеры попрания нормализованных норм общения. То, что еще вчера казалось неприемлемым для СМИ, явным отклонением от общепринятых норм речевого поведения, сегодня воспринимается делом обыденным и почти обязательным. По сути, на наших глазах происходит моральная трансформация медиа, и не последняя причина тому – экспансия интернета в среде массовой информации.

Интернет сломал привычную одностороннюю схему распространения информации: от элитарного, институционально очерченного публикатора (редакция, издательство) к широкой аудитории. Вчерашний безликий потребитель медиапродукции сегодня сам активно вторгается в медиасферу и посредством интернета становится генератором публичной информации. То есть посредник в виде публикатора, в виде профессиональной корпорации журналистов традиционных СМИ перестает быть нужным. В каком-то смысле это возвраще-

ние в античность, когда все граждане могут высказаться напрямую и быть услышаны, современный интернет возродил древнюю Агору.

Традиционные СМИ, в силу идеологической ангажированности и профессиональных стандартов, существенно ограничивали возможность подавляющему большинству общества публично высказываться о наблевшем. С приходом интернета в каждый дом эти ограничения сняты, молчащее прежде большинство получило такую возможность, и инстинкты толпы неизбежно хлынули в медиасферу, неся с собой конфликтность, радикализм и агрессию. И здесь выяснилось, что сдерживать человеческий негатив в интернет-медиа попросту некому: новый медийный этос не сформирован; интеллектуальная элита, чья задача задавать культурные и этические стандарты поведения, сама оказалась вовлеченной в бесконечные медиавойны, где каждый по-своему прав и непреклонен; да и СМИ в их традиционном виде перестали существовать, утратив способность и желание давать объективную оценку событий. В борьбе за аудиторию они не прочь исказить факты или представить их ложную интерпретацию в угоду настроениям толпы и политической конъюнктуре. Современная медиасреда стала благодатной почвой для развития коммуникативных девиаций.

Как представляется, в первую очередь это связано с особенностями функционирования самого интернета как такового. «Этот новый медиум, – пишут польские исследователи В. Новяк и П. Павелчик, – со всей силой обнажил сидящую в человеческих существах жажду подглядывания, агрессивно критического комментирования и эксгибиционизма – обнажения себя. Сидящие в индивидуальном комплексе, расстройства, травмы и общественные недостатки нашли новый выход в их анонимном, публичном изъяснении. [...] Индивид способен нести в интернет, и несет в него, негативизм, ненависть, агрессию» [1, с. 70–71]. Здесь надо заметить, что ретрансляция медийных девиаций в СМИ раньше была, по сути, своеобразной привилегией символических элит (издатели, политики, журналисты), сегодня же массовый индивид, получив безграничную возможность высказаться, так и не получил искомый символический капитал, который позволил бы ему присоединиться к элитам. Профанное так и осталось профанным, бытовым, неискушенным, злобным.

Во-вторых, налицо кризис самой журналистской профессии, подрыв ее институциональных основ, девальвация профессиональных стандартов, норм и этических принципов, что неизбежно ведет к снижению качества журналистских материалов, к агрессивности и сенсационности в их подаче. К тому же в погоне за новыми моделями заработка традиционные издания все активнее включаются в мировую паутину посредством своих интернет-версий и, как следствие, начинают играть на информационном поле по правилам интернет-среды с присущей ей пониженной социальной ответственностью. Но если профессиональная журналистика еще в состоянии кон-

тролировать степень «ненормальности» своих материалов, то обсуждение этих материалов в интернет-дискуссиях для издателей процесс абсолютно неуправляемый. Негативные установки, оскорбления, обвинения и угрозы становятся здесь неотъемлемой частью полемики. «Журналистика становится бессильной, когда дискуссия выходит за установленные ею рамки, как в тематическом плане, так и пространственном, – констатирует Р. Г. Иванян. – Именно эта черта в наибольшей степени характеризует место и роль журналистики в современном мире» [2, с. 213].

И, наконец, немалую роль в развязывании коммуникативных девиаций зачастую играет сама государственная власть посредством разнообразных институтов политической пропаганды. Российский опыт – тому подтверждение. Различные политические шоу здесь переполнены агрессией, то есть стремлением нанести реальным и мнимым оппонентам максимальный идейно-политический и нравственный ущерб [3]. Смысл использования коммуникативной агрессии на государственных СМИ заключается в возможности мобилизации политических сторонников и запугивания политических оппонентов. Сам формат политических шоу создает почву для нагнетания страстей. Взаимные оскорбления становятся не инсценировкой, а логическим развитием дискуссии, когда оппоненты хотят показать друг другу, что готовы пойти на крайние меры, чтобы отстоять свою позицию [4]. Если же зрительский интерес к формату начинает затухать, а рейтинги просмотров падать, продюсерам программ приходится идти на повышение градуса агрессии и использовать более жесткие, более травмирующие приемы политической пропаганды. И есть все основания считать, что применение коммуникативных агрессий в официальном политическом дискурсе России будет только усиливаться.

Однако, как противостоять всему этому, непонятно. Рецептов попросту нет. Сложно ожидать от журналистов, чтобы они соблюдали профессиональные стандарты и правила, этические принципы и кодексы профессионального поведения, когда серьезно подорвано само доверие к СМИ и журналистской профессии. Надеяться на корректное поведение пользователей интернета тоже не приходится. Остается лишь предостерегать журналистов от возможности невольного провоцирования агрессии в медиасфере и уповать на то, что в обществе наступит определенная усталость от коммуникативных девиаций и что у людей сформируется некий запрос к СМИ на «нормальность» в предоставлении информации.

Впрочем, появились и реальные попытки нормализации общения в интернет-среде. Речь идет о практике некоторых социальных сетей цензурировать личные посты и сообщения пользователей. Сегодня крупнейшие социальные сети, такие как Facebook, Instagram или Twitter, имеют миллиарды пользователей по всему миру. Новые коммуникационные ресурсы превратились из площадок межличностного общения в серьезные средства массовой информации. Такая ситуация привела

к тому, что социальные интернет-сети стали использоваться для политической мобилизации, причем хорошо известно, что для этого применяются фейковые аккаунты, а распространяемая информация порой не соответствует действительности. Естественно, с подобными явлениями стоит бороться, однако такая борьба, похоже, привела к противоположным эксцессам, и, прежде всего, к «фильтрации» информации, исходящей от реальных людей, имеющих право на собственное мнение. Их суждения стали произвольно оцениваться работниками (эту работу все чаще стали выполнять роботы) самих информационных «гигантов». По сути, мы говорим об ограничении свободы слова – на этот раз в интернете. Яркий пример тому – последние президентские выборы в США осенью 2020 года. Наблюдая за ходом кампании, мы, в частности, стали свидетелями фактической блокировки сетями Twitter и Facebook сотен аккаунтов частных лиц и организаций, не говоря уже о блокировке якобы сомнительной информации, размещенной в сети действующим еще на тот момент президентом Д. Трампом. Ссылаясь на масштабный рост дезинформации о выборах, вслед за Twitter и Facebook о дополнительных мерах по борьбе с ложными сведениями объявили Instagram и YouTube.

Стоит надеяться, что владельцы и администраторы социальных сетей в данном случае руководствовались благими намерениями. Возможно, они искренне хотели оградить политизированную публику от информационных провокаций и тем самым снизить градус напряженности предвыборной гонки, и уберечь общество от окончательного политического раскола. Но можно ли ради этого, пусть даже самого благого намерения, жертвовать принципом свободы слова и самовыражения? Можно ли во имя преодоления деструктивных последствий коммуникативных девиаций применять в медиасфере инструменты цензуры? Это серьезные вопросы, на которые нет, да, наверное, и не может быть, однозначных ответов. А значит, нужна широкая общественная дискуссия и научное осмысление складывающейся практики цензурирования интернета как с политико-правовой, так и с нравственной точек зрения.

Библиографический список

- 1 Новяк В. Постправда и словесная агрессия в СМИ: инструментальный формирование картин мира / В. Новяк, П. Павелчик // *Коммуникативные агрессии XXI века* / под ред. В. А. Сидорова. – Санкт-Петербург : Алтейя, 2019. – С. 58–81.
- 2 Иванян Р. Г. *Коммуникативные агрессии в контексте гражданского общества: дискурс солидаризации* // *Коммуникативные агрессии XXI века* / Р. Г. Иванян ; под ред. В. А. Сидорова. – Санкт-Петербург : Алтейя, 2019. – С. 192–215.
- 3 Сидоров В. А. *Коммуникативные агрессии XXI века: определение и анализ предпосылок* / В. А. Сидоров // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык литературы*. – 2018. – Т. 15. – Вып. 2. – С. 300–311.
- 4 Гринберг С. Почему на российском ТВ показывают все больше драк / С. Гринберг // ИА URA.RU. 25.02.2018. – URL: <https://ura.news/articles/1036274032> (дата обращения: 19.03.2021).

**ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ
ОБОСНОВАНИЕ
АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ
ПРОЦЕДУРЫ ДИАГНОСТИКИ
ОБРАЗА СОЦИАЛЬНОГО МИРА
УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ¹**

*Р. В. Овчарова,
д-р психол. наук, профессор
Курганский государственный университет
oraissa@mail.ru,
И. А. Николаева,
канд. психол. наук, доцент
Курганский государственный университет
nikolaeva-irina@yandex.ru*

Аннотация. Автоматизированная процедура сбора и обработки данных может использоваться для изучения особенностей субъективного образа социального мира (ОСМ) молодежи в целях социального прогнозирования. Апробация психодиагностического комплекса для изучения ОСМ проведена на выборке 100 студентов. Категории институционального состава ОСМ были выделены в предварительных исследованиях выборки из 236 подростков и 134 студентов. Категории ценностного оценивания были выделены в эмпирическом исследовании на выборке 236 подростков. На эмпирической основе было предложено психологическое обоснование автоматизированной системы получения и обработки данных об ОСМ молодежи.

Ключевые слова: мониторинг, образ социального мира, модель, прогноз.

**PSYCHOLOGICAL SUBSTANTIATION
OF THE AUTOMATED PROCEDURE
OF DIAGNOSTICS OF THE IMAGE
OF THE SOCIAL WORLD
OF STUDENTS**

*R. V. Ovcharova,
PhD. in Psychology, Professor,
Kurgan State University
oraissa@mail.ru,
I. A. Nikolaeva,
PhD. in Psychology, Associate Professor
Kurgan State University
nikolaeva-irina@yandex.ru*

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ и правительства Курганской области. Проект «Исследование субъективного образа социального мира учащейся молодежи Курганской области с целью прогнозирования социальных процессов в молодежной среде» №19-413-450002\20.

This work was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Kurgan Region. Project "Research of the subjective image of the social world of student youth in the Kurgan region in order to predict social processes in the youth environment" №19-413-450002\20.

Abstract. An automated procedure for collecting and processing data can be used to study the peculiarities of the subjective image of the social world (ISW) of young people for the purpose of social forecasting. Approbation of the psychodiagnostic complex for the study of ISW was carried out on a sample of 100 students. The categories of the institutional composition of ISW were identified in preliminary studies of a sample of 236 adolescents and 134 students. The categories of value assessment were identified in an empirical study on a sample of 236 adolescents. On an empirical basis, a psychological justification was proposed for an automated system for obtaining and processing data on youth ISW.

Keywords: monitoring, image of the social world, model, forecast.

Прогнозирование социальных процессов является фундаментальной научной задачей, решение которой требует учета множества факторов как объективных – социально-экономических, социально-политических, историко-культурных, так и субъективных, психологических. Психологические и социально-психологические факторы, их индивидуализированность и «скрытый» характер являются источником возрастания неопределенности и поливариативного развития в современных социальных процессах. Образ социального мира (ОСМ) в сознании молодежи отражает субъективный аспект социальной ситуации развития молодежи, является той «призмой», через которую происходит избирательное восприятие новой социальной информации и формирование социальной позиции [4].

Личностные ценности – субъективные оценочные образования, имеющие форму идеалов, убеждений, руководящих принципов, которые проявляются в ценностных оценках – переживаниях значимости, важности объектов, событий и людей, которых человек воспринимает как воплощение или реализацию своих ценностей [1–5].

Идентификация со значимыми другими – основной социально-психологический механизм присвоения ценностей. Значимые другие существуют в сознании человека как персонализированные образы (образы других людей). Они представляют референтную (или антиреферентную) группу или социальный институт. Через персонализированные образы сознания осуществляется социализирующее влияние референтных групп и социальных институтов на личность. Множество персонализированных образов, доступных сознанию человека, представляют собой целостную систему, основанную на личностных ценностях, социальных представлениях, стереотипах и т. п. – в своей целостности представляющую субъективный Образ социального мира. На основе множества объектов, имеющих три вышеуказанных первичных характеристики персонажей (элементов ОСМ), мы устанавливаем характеристики ОСМ.

В целях исследования ОСМ разработана комплексная многоуровневая психодиагностическая методика «Образ социального мира молодежи» и программное средство для ее реализации в мониторинговых онлайн-исследованиях. Электронная форма проведения процедуры исследования ОСМ имеет следующие преимущества:

- проведение мониторинга субъективных характеристик социализации молодежи на удаленной территории и на масштабной выборке;
- накопление больших массивов данных, необходимых для уточнения теоретических моделей и постановки новых научных и практических задач;
- онлайн обратная связь с респондентами и конечными пользователями;
- анализ данных и обратная связь с респондентами сразу после выполнения инструкции;
- обратная связь с разработчиками (исследователями) со стороны пользователей. Респонденты могут дать оценку анализу данных в форме согласия – несогласия (дополнения информации);
- анонимность респондентов при сохранении их персонального доступа к результатам;
- сочетание личной анонимности и закрытости персональной информации с открытыми групповыми данными (по учебным группам и образовательному учреждению в целом);
- разгрузка учебного времени и компьютерного школьного времени благодаря возможности участвовать в мониторинге через смартфон;
- возможность «присоединения» к мониторингу других методик, актуальных для психолого-педагогического или психолого-социального сопровождения обучающихся;
- автоматизированная обработка и описание данных для пользователей, что облегчает работу психологов–пользователей.

Валидность полученных данных обеспечивается следующими особенностями организации исследования: прямым способом получения первичных данных; одномоментным характером фиксации трех признаков оцениваемых объектов; достаточным объемом данных для анализа индивида и группы; интенсивным характером исследования субъективного опыта – его целостность обеспечивает полноту и целостность данных; косвенным способом получения вторичных данных – основных исследуемых параметров (показателей) в оценке ОСМ.

Это позволяет избежать их рефлексивных искажений со стороны респондента. Таким образом, основная информация, полученная в исследовании, носит имплицитный характер. Это все показатели, обозначенные выше как характеристики ОСМ.

Валидность данных показателей (параметров) обусловлена тем, что косвенные способы их получения (вычисление частот, установление связи между первичными данными) не искажают

природы первичных данных.

Результаты мониторингового исследования ОСМ с помощью автоматизированной процедуры определяют социально-психологическую научную основу для вариативного прогнозирования социальных процессов в молодежной среде.

Библиографический список

- 1 Бестужев-Лада И. В. Социальное прогнозирование. Курс лекций / И. В. Бестужев-Лада. – Москва, 2002. – 362 с.
- 2 Маслова О. В. Ценностные кластеры Шварца у современных студентов университета / О. В. Маслова, Д. А. Шляхта, М. С. Яницкий // *Поведенческие науки*. – 2020. – № 10(3). – С. 66. – URL: <https://doi.org/10.3390/bs10030066> (дата обращения: 15.03.2021).
- 3 Мерзлякова С. В. Динамика ценностных ориентаций юношей и девушек в процессе обучения в вузе / С. В. Мерзлякова, М. Г. Голубева, Н. В. Бибарсова // *Общество: социология, психология, педагогика*. – 2020. – № 6. – С. 103–110.
- 4 Тугушева А. Р. Ценностные ориентации «протестующего» поколения / А. Р. Тугушева // *Известия Саратовского университета*. – 2007. – Т. 7. – Вып. 2. – С. 100–102.
- 5 Яницкий М. С. Ценностные ориентации личности важности как динамическая система / М. С. Яницкий. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2000. – 204 с.

АПОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО МЕХАНИЦИЗМА

*К. М. Ольховиков,
д-р филос. наук, профессор, профессор
кафедры организации работы с молодежью
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
k.m.olkhovikov@urfu.ru*

Аннотация. Статья посвящена методологическим аспектам категории механизма, показавшей свою продуктивность в рамках классического этапа социальной науки современных обществ. Основной пункт аргументации – опровержение порочности редукционизма и демонстрация различных перспектив категории социального механизма в современных стратегиях исследований, с акцентом на общеметодологическую продуктивность. Также отмечены важные следствия для современной российской ситуации, когда наука оказывается зачастую в ряду иных форм анализа и объяснения действительности, будучи замещенной публичными формами коммуникации по типу государственной пропаганды.

Ключевые слова: социальный механизм, социологизм, морализм, методология редукционизма.

SOCIAL MECHANICISM APOLOGY

*Konstantin M. Olkhovikov,
Doctor of Philosophy, Professor,
Department of Youth Work,
Ural Federal University
named after the first President of Russia
B. N. Yeltsin
k.m.olkhovikov@urfu.ru*

Abstract. The paper deals with the category of social mechanism that proved to be fruitful within the classic period of modern social science of modern (industrial) societies. The key point is to refute the overall disclaim of reductionism and to demonstrate the versatile perspectives of social mechanism category in actual research strategies, accentuating the methodological universality of the category. We also touch some sensitive points of modern Russian situation when science is positioned alongside 'other' forms of analysis and explanation of social reality, doomed to be secondary after public communication run by state propaganda.

Keywords: social mechanism, sociology, moralism, reductionist methodology.

Введение

Может показаться, что постановка вопроса об оправдании механицизма в целом избыточна, поскольку «механицизм» как таковой понимается

вполне очевидно, в духе словообразования подобных терминов, как «теоретическое направление, сводящее все качественное многообразие форм движения к механическому движению, а законы развития и общества к законам механики» [1, с. 181]. При этом, собственно, семантически родственный термин «социальный механизм» понимается вполне в позитивном методологическом ключе, будучи избавленным от родства с глаголом «механицировать», но привязанным к другому вполне приветствуемому глаголу «механицировать», и предстает как «взаимодействие социальных структур, норм, институтов, образцов поведения и т. д., посредством которого обеспечивается функционирование социальной системы» [1, с. 181]. Таким образом, кажется, что в социальном механизме, коли он служит термином в рамках социальной системы, заведомо нет никакой однобокости, которая явно присутствует в механицизме, а, напротив, социальный механизм как таковой выполняет инструментальную роль в рамках возможных синтетических установок объяснения и понимания социальной действительности и культурной жизни общества. Однако, нам представляется, что именно акцентированный социальный механицизм имеет ряд методологических достоинств, которые бессмысленно подменять разного рода перечислительными приемами, которые пытаются представить в качестве подлинно интегративных. Итак, социальный механицизм возможно и необходимо принимать в качестве жизненно важной действующей альтернативы разного рода интегрализмам, холизмам, и прочим «диалектическим формулам» системности, комплексности и междисциплинарности. Ценность механицизма состоит в его последовательной чистоте и предельной смысловой выраженности в интерпретации сложных динамических феноменов, включая социальные.

1 Моральные предпосылки

Морализм, как таковой, строится на применении органических метафор в понимании социальной регуляции, что весьма эвристически ценно для анализа происхождения моральных чувств в исторической и личностной динамике, и вполне на уровне молчаливого согласия подразумевается во всех известных формах гуманизма, поскольку гуманизм как таковой, нарицательный гуманизм, справедливо предстает в качестве мировоззрения, трактующего жизнь в целом и человеческую жизнь в особенности в качестве абсолютно высшей ценности. В то же время, принимая во внимание обращение к развитым формам социальной регуляции, которые включают в себя не только ценностные установки, но и нормативные конструкты различного уровня общности и способность действия, актуальная на сегодняшний день нравственная философия вполне последовательно воспринимает и продвигает идею формализма как методологической доминанты морального

сознания и адекватных ему этических кодексов. Действительно, эластичной морали не бывает, и действенность моральных принципов и иных регуляторов спонтанных и не спонтанных человеческих отношений нуждается в абсолютных постулатах, не знающих сослагательного наклонения.

Собственно, механицизм не является поверхностной формулой описания качественно различных феноменов при помощи интенсивных (количественных) индикаторов, но выражает методологическую установку поиска однозначных элементов, своего рода социальных атомов, из которых возникают эти разнообразие феноменологические качества. Механицизм – это аксиома абсолютных моральных понятий и принципов, которые, в свою очередь, операционализируются в многообразии регуляторов, обладающих неморальной природой (природа в данном случае понимается как единство основания и становления). Социальный механицизм в качестве законного наследника традиции морализма позволяет преодолевать крайности юс-позитивизма, а также открывает поиск детальных, включая ситуативные, оснований действия моральных регуляторов в современных обществах. Как в свое время удачно резюмировал Анскомб, «В нынешней философии объяснение требуется для того, как несправедливый человек является плохим человеком, или несправедливое действие – плохим» [2, р. 4]. Собственно говоря, аргументация этической тенденции от Аристотеля до современной этики предстает как настойчивое замещение, в различных исторических и культурных контекстах, «морального долженствования», долженствованием как таковым, или внешне подтверждаемым намерением установок действия и поведения [2, р. 18].

2 Социально-теоретическая значимость

Как известно, классическая социология как таковая развивалась в методологическом ключе общенаучных установок объяснения социальной жизни, демонстрируя широчайшую всеядность, что в значительной степени способствовало росту ее влияния на процессы познания и социального управления. При этом современная социальная теория вынесла из предыдущего двадцатого столетия два особенно примечательных своей масштабностью мировоззренческих конструкта.

Во-первых, это идея дополнительности классических и условно классических (современная классика) парадигм, своеобразный релятивизм их сосуществования в зависимости от задач, приоритетов, да и самого объекта социологических исследований.

Во-вторых, это сохранение в явном и неявном виде двух мощнейших альтернатив, выполняющих фактически функцию антиномий современной социологической установки. Это, прежде всего, сам вопрос о статусе общей социальной теории, возможности или бессмысленности ее разработки.

Это также и категориальная дилемма общества и культуры, которую сегодня трудно объяснить лишь разницей социологического и антропологического, а также и культурологического подхода к жизни людей в обществах.

Следует заметить, что явно доминирующая в веке нынешнем модель коммуникативного действия Ю. Хабермаса частично компенсирует эти антиномии за счет включения в контексты социальной регуляции категориального ряда жизненных миров, чем, с другой стороны, также демонстрирует относительную неполноту существующих методологических установок социально-теоретической реконструкции действительности: «Философия более не может отсылать нас к миру в целом, к природе, истории, или к обществу в смысле тотализирующего знания... Теория аргументации приобретает специфическое значение; на ее долю выпадает реконструирование формально-прагматических предпосылок и условий открыто рационального поведения» [3, р. 48–49]. Собственно, «открыто рациональное поведение» и трактуется как разделяемое исследователями и социальными акторами представление о допущении и желательности допущения следовать неким однообразным, «механицистским» алгоритмам действия.

3 Общеметодологические перспективы

Механицизм обречен оставаться одним из важнейших принципов когнитивных установок исследований во всех сферах, но особенно в социальной сфере. Разумеется, если не исходить из допущения о неизбежном и скоростном избавлении человечества повсеместно от здравого смысла. Используя инструментальную метафору цивилизационного обновления, легко заметить, что последующие, иные качественные способы действия не приводят к моментальной отмене своих предшественников, но продолжительное время сосуществуют параллельно, более того, последующие качественно иные технологические решения всегда учитывают способы взаимодействия людей с предшествующими технологическими решениями. Во всяком случае, преемство с предшественниками особенно выражено в среде экспертов и в среде массовых потребителей технологических решений.

Современный технологический детерминизм легко преодолевает внутреннее смысловое напряжение, вызванное сопоставлением «детерминизма» как такового и «автономной технологии», поскольку в любом случае, зависимость общества и культуры от технологии предполагает существование свободных креативных агентов технологии, не включенных в детерминистскую систему в качестве инициаторов принципиально новых открытий и изобретений [4, р. 84]. Собственно, любая механическая система сосуществует с механиками и благодаря им. Признание механической природы объективных процессов не связано с устранени-

ем живых и спонтанных агентов, но предполагает среду их существования как основанную на механически предсказуемых регуляторах.

Социальные технологии информационной эпохи также востребуют категории и принципы социального механицизма, как это было присуще их предшественникам эпохи паровозов, телеграфа и печатных газет. Более того, даже обманчивая родственность механицизма индустриальному жизненному миру обманчива, поскольку, в свою очередь, воспринимает прототипы ремесленного и земледельческого труда вместе с присущими им символическим метафорами природного окружения. Механический макромир – природная среда человеческого обитания и саморазвития.

4 Основные выводы

Смысловое противопоставление механицизма и механизма вовсе не является императивом языка науки, более того, механицизм логично предстает как фундаментальный принцип понимания любых возможных механизмов, включая социальные.

В свою очередь, социальный механицизм является фундаментально выраженной формулой детерминизма как такового, а без последнего в принципе трудно представить социальную науку. В какой-то мере, неприятие альтернативных *-измов* выражало ревностную установку марксистско-ленинского схематизма советского толка, что в целом мало отвечало духу аутентичного марксизма.

Моральный формализм, составляя кульминацию современной этики, разумеется, не тождествен социальному детерминизму в его автономном развитии, но вполне пересекается в способах обоснования и интерпретации противоречивости человеческого присутствия в мире объектов, которая, в свою очередь, прекрасно осмыслена в социальном механицизме.

Современная социальная теория строится на разнородности технологических схем обоснования когнитивных установок социального познания, вполне воспринимая эвристические ресурсы социального механицизма в качестве неременного фрейма, логического пространства бытования социальных вещей, включая моральные факты. В весьма прагматически ориентированной и часто издаваемой американской книге по этике, в финальной главе акцентируется следующая идея: «Некая личность может в своих действиях оправдывать отказ от политики «равенства отношений», но никто не может (в принципе). Это расходится с общепринятым взглядом на проблему. Иногда люди полагают справедливым, что кто-либо вознаграждается за физическую красоту или за высокий интеллект и прочие вещи, которые приобретены по большей части благодаря унаследованному ДНК и благодаря надлежащему воспитанию праведными родителями... что в корне неверно» [5, р. 182]. Справедливость как честность исключительно механистична.

Общеметодологический статус социального механицизма особенно близок духу современных философских доктрин технологии, показывая приемлемые и освоенные секулярной философской традицией способы человеческого участия в цивилизационном развитии.

Библиографический список

- 1 Социологический энциклопедический словарь : на русском, английском, немецком, французском и чешском языках / редактор-координатор Г. В. Осипов. – Москва : Издательство «НОРМА» (Издательская группа «НОРМА – ИНФРА-М»). – 2000.
- 2 Anscombe G. E. M. *Modern Moral Philosophy*. *Philosophy. The Journal of the Royal Institute of Philosophy*, Vol. XXXIII. No. 124, January, 1958.
- 3 Habermas J. *The Theory of Communicative Action*, Vol. 1, Boston, Beacon Press, 1984.
- 4 Dusek V. *Philosophy of Technology: An Introduction*, Blackwell Publishing, 2006.
- 5 Rachels J., Rachels S. *The Elements of Moral Philosophy, the Seventh Edition* McGraw-Hill, 2012.

РЕЛИГИОЗНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: СВОЙСТВО ЛИЧНОСТИ И ЦЕННОСТЬ

*Т. Б. Позднякова,
канд. психол. наук, ст. преподаватель
Санкт-Петербургский
государственный университет
tat_pozdnyakova@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблеме религиозности современной молодежи, содержит результаты эмпирического исследования религиозности как ценности и как свойства личности и факторов их определяющих.

Ключевые слова: молодежь, религиозность, ценность, свойство личности, общение, отношения.

RELIGIOUSNESS OF MODERN YOUTH: PERSONAL PROPERTIES AND VALUE

*T. B. Pozdnyakova,
St. Petersburg State University
tat_pozdnyakova@mail.ru*

Abstract. The article focuses on the problem of religiosity of modern youth. It contains the results of the empirical research of religiosity as a value, and as a personality trait and the factors that determine them.

Keywords: youth, religiosity, value, personality traits, communication, relationships.

Проблема религиозности личности имеет давние традиции изучения в рамках психологии. Ученые отмечали влияние религиозности на психическое состояние человека, относили религиозность либо к невротическим, либо к естественным его проявлениям, рассматривали в контексте функционирования различных сфер личности, выделяли разные формы религиозности (Б. С. Братусь, Р. М. Грановская, У. Джеймс, А. Маслоу, Г. Оллпорт, К. К. Платонов, Э. Фромм, З. Фрейд, В. Д. Шадриков и др.) [1–8].

В настоящее время наблюдается рост исследовательского интереса к изучению психологических аспектов религиозности среди молодежи. Во многом это обусловлено реалиями современного мира, делающими актуальными поиск человеком ориентиров и внутренних опор в жизни, наполненной динамизмом и опосредованностью.

В контексте изучения нравственных проблем молодежи мы сосредоточили свое внимание на изучении религиозности и как ценности, и как свойства личности.

В число респондентов вошли студенты вуза в количестве 73 человек, в возрасте от 20 до 21 года.

В исследовании были использованы мето-

дики, разработанные В. Н. Куницыной: опросник СУМО (Саморегуляция и успешность межличностного общения), методика СТАЛЬ (Стабильность, толерантность и альтруизм в межличностных отношениях и другие свойства личности), опросник КОСКОМ (Коммуникативная и социальная компетентность), тест «Притчи», методика СО-14 (Самооценка-14), методика ЦО-36 (Ценностные ориентации – 36 позиций), тест «Экспрессия» и 16-факторный опросник Р. Кеттелла.

О религиозности личности свидетельствовали показатели по шкале «религиозность» самооценочной методики СО-14, а значимость для личности религиозности определялась по методике ЦО-36, в ценностный ряд которой входила эта ценность. При этом религиозность трактовалась нами как вера в высшие силы, приверженность к определенной вере.

Согласно полученным данным, наибольший процент молодых людей (45 %) средне оценивают уровень развития у себя такого качества как религиозность. Число тех, кто считает себя религиозными и, напротив, нерелигиозными одинаково и составляет 27,5 %.

Показатели актуальности религиозности как ценности несколько иные. Большая часть респондентов крайне низко (45 %) или средне (41 %) оценивают важность для себя веры в высшие силы и только 14 % – отнесли ее в разряд высоко значимых.

При рассмотрении обоих параметров было установлено, что чаще всего (25 %) наблюдается сочетание среднего уровня развития религиозности как ценности и как свойства личности – люди считают себя не очень религиозными и также средне оценивают важность для себя данного качества. Помимо этого достаточно большим был процент респондентов, которые считают себя людьми не религиозными и не ценящими наличие веры в высшие силы (21 %).

Как показал корреляционный анализ, существует прямая связь между ценностью религиозности и уровнем ее развития как свойства личности ($r=0,49$, $p\leq 0,001$). Таким образом, молодые люди, считая себя религиозными, высоко ценят наличие религиозности у себя и у других людей. Отсутствие веры в высшие силы отражается и на низкой значимости религиозности в жизни.

В ходе анализа корреляционной плеяды религиозности личности было установлено, что наиболее сильно она связана со стремлением принести пользу людям ($r=0,33$, $p\leq 0,01$) и склонностью не уходить от решения сложностей в отношениях с другими людьми ($r=0,31$, $p\leq 0,01$). Таким образом, чем сильнее религиозность личности, тем актуальнее быть полезным другим людям и не избегать возникающих в отношениях трудностей, а делать выбор, принимать решение.

Обращает на себя внимание прямая связь религиозности с показателями, отражающими уровень развития эмоциональной сферы личности

и отношения к людям: сенситивностью ($r=0,23$, $p\leq 0,05$), способностью к сочувствию, сопереживанию ($r=0,27$, $p\leq 0,05$), готовностью жертвовать для блага других своими интересами ($r=0,24$, $p\leq 0,05$).

Показатели религиозности положительно коррелируют с ценностями для человека мудрости ($r=0,29$, $p\leq 0,05$), честности ($r=0,24$, $p\leq 0,05$) и мира прекрасного ($r=0,26$, $p\leq 0,05$). Таким образом, религиозность предполагает важность вдумчивого зрелого отношения к жизни, честности во взаимоотношениях и умения ценить красоту природы и искусства.

Религиозность отрицательно связана с общительностью, открытостью к общению со многими людьми ($r=-0,28$, $p\leq 0,05$). Таким образом, чем сильнее религиозность личности, тем менее контактен человек, недоверчив, критичен и строг в оценках людей.

Религиозность сочетается с высокой самооценкой знания себя ($r=0,25$, $p\leq 0,05$) и знания жизни ($r=0,25$, $p\leq 0,05$), уверенностью в понимании других людей ($r=0,27$, $p\leq 0,05$). Однако как показывают результаты выполнения социально-перцептивных задач, религиозность отрицательно коррелирует с точностью прогнозировать развитие ситуации межличностного взаимодействия, пониманием мотивов поведения ее участников ($r=-0,29$, $p\leq 0,05$). Таким образом, религиозность придает человеку уверенность в том, что он хорошо понимает людей, но это субъективная оценка, которая не подкрепляется объективными показателями. Поведение людей нередко выходит за рамки привычных для религиозного человека схем анализа, и точное распознавание мотивов их поступков становится затруднительным.

Обратимся к результатам анализа корреляционных связей ценности религиозности. Согласно полученным данным, наиболее сильные положительные связи установлены с показателями развития моральных установок личности ($r=0,35$, $p\leq 0,01$), значимости мудрости ($r=0,36$, $p\leq 0,01$) и честности ($r=0,34$, $p\leq 0,01$). Таким образом, следование религиозным ценностям согласуется в первую очередь со зрелым отношением к жизни, основывающимся на анализе собственных поступков, ошибок, высокими моральными принципами, стремлением к отношениям, лишенным лжи и обмана.

Ценность религиозности отрицательно коррелирует со смелостью, предприимчивостью личности ($r=-0,36$, $p\leq 0,01$). Напротив, вера в высшие силы сочетается с робостью, застенчивостью, осторожностью личности.

Помимо этого, установлены отрицательные связи с эмоциональной стабильностью ($r=-0,28$, $p\leq 0,05$), доминантностью ($r=-0,23$, $p\leq 0,05$), склонностью к совершению асоциальных поступков ($r=-0,24$, $p\leq 0,05$) и положительные – с самоконтролем ($r=0,23$, $p\leq 0,05$) и дипломатичностью ($r=0,27$, $p\leq 0,05$). Полученные результаты могут говорить о том, что религиозные ценности, руководство

ими в жизни дает молодым людям ту опору, которой им не хватает, в силу эмоциональной неустойчивости, импульсивности, присущей мягкости, уступчивости и зависимости. Кроме того, чем выше ценность религиозности, тем сильнее самоконтроль, выдержка, осторожность, неспособность к совершению поступков, отклоняющихся от общественных норм. Можно предположить, что, будучи приверженцем определенной религии, человек обретает внутренний стержень, исходя из которого он понимает как ему вести себя по отношению к другим людям, умеет контролировать свое поведение, демонстрирует дипломатическое мастерство.

Ценность религиозности отрицательно коррелирует с ценностями честолюбия ($r=-0,27$, $p\leq 0,05$), социального признания ($r=-0,25$, $p\leq 0,05$), самоуважения ($r=-0,25$, $p\leq 0,05$), разнообразия жизни ($r=-0,27$, $p\leq 0,05$). Таким образом, значимость для молодых людей веры в высшие силы сочетается с отсутствием стремления к карьерному росту, важности получения одобрения со стороны других людей, подтверждения своей ценности как личности, нацеленности на жизнь, наполненную новизной и динамизмом.

Согласно полученным данным ценность религиозности положительно связана с точностью распознавания состояния человека по его невербальным реакциям ($r=0,28$, $p\leq 0,05$) и отрицательно с умением прогнозировать развитие ситуации, анализировать мотивы поведения ее участников ($r=-0,3$, $p\leq 0,05$). По всей видимости, следование религиозным принципам, сочетающееся с эмоциональной нестабильностью личности, вниманием к людям, в большей степени способствует ориентированности на их невербальные реакции во взаимодействии и, как следствие, развитие точности распознавания их состояний. С другой стороны, руководство определенными религиозными канонами не способствует точности понимания развития ситуации межличностного взаимодействия, поскольку мотивы поведения ее участников могут не соответствовать привычным для них стратегиям поведения.

Итак, на основании полученных результатов можно сделать следующие выводы.

У молодых людей существует прямая связь между ценностью религиозности и уровнем развития у них такого качества, как религиозность. Большая часть молодых людей считают себя не очень религиозными и также средне оценивают важность для себя данного качества.

Как свойство личности религиозность сочетается с сенситивностью, эмпатийностью, важностью быть полезным другим людям, сдержанностью в общении, критичностью в оценках, уверенностью в понимании людей и знании жизни, ценностью зрелого, выстраданного понимания и отношения к жизни и людям, склонностью не уходить от решения сложностей в межличностном взаимодействии, значимостью честности в отно-

шениях и получения эстетического наслаждения от красоты природы и искусства.

Религиозность как ценность напрямую связана с моральными установками личности, ценностями, отражающими неэгоистическую направленность личности, отсутствие стремления к социальному признанию, честолюбия, параметрами, свидетельствующими об эмоциональной нестабильности, застенчивости, осторожности, самоконтроле. Можно предположить, что, являясь приверженцем определенной религии, человек обретает внутренний стержень, опору, позволяющую ему контролировать свои эмоции, вести себя определенным образом в отношениях с другими людьми.

Полученные нами результаты в целом согласуются с имеющимися в научной литературе данными, однако по ряду параметров они расширяют представления о религиозности молодежи и требуют дальнейшего всестороннего изучения.

Библиографический список

- 1 Братусь Б. С. Вера как общепсихологический феномен сознания человека / Б. С. Братусь, Н. В. Инина // *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология.* – 2011. – № 1. – С. 25–38.
- 2 Грановская Р. М. Психология веры / Р. М. Грановская. – Санкт-Петербург : Речь, 2004. – 576 с.
- 3 Джеймс В. Многообразие религиозного опыта / В. Джеймс. – Москва : Академический проспект, 2017. – 416 с.
- 4 Маслоу А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – Санкт-Петербург : Питер, 2011. – 351 с.
- 5 Оллпорт Г. Становление личности. Избранные труды / Г. Оллпорт. – Москва : Смысл, 2002. – 462 с.
- 6 Платонов К. К. Психология религии / К. К. Платонов. – Москва : Политиздат, 1967. – 215 с.
- 7 Фрейд З. Будущее одной иллюзии / З. Фрейд // *Вопросы философии.* – 1988. – № 8. – С. 132–160.
- 8 Шадриков В. Д. Духовные способности / В. Д. Шадриков. – Москва : Магистр, 1998. – 179 с.

ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

*Е. М. Рогожина,
канд. полит. наук, доцент
Нижегородский государственный
университет им. Н. А. Добролюбова
evgenia-amiga@yandex.ru,
Д. Д. Егоров,
студент направления подготовки
«Международные отношения»
Нижегородский государственный
университет им. Н. А. Добролюбова
denisegorov2000@mail.ru*

Аннотация. Проблема легитимности государственной власти в современной России, специфика ее формирования, обеспечения и поддержания в условиях трансформации политических институтов в сторону демократизации и построения правового государства в контексте сохранения базовых государствообразующих ценностей авторитарного типа является невероятно важной и актуальной темой для изучения. Принимая во внимание фактор активного проникновения на русскую почву западных ценностей в контексте новых вызовов и угроз современности, данная проблема приобретает новый смысл и векторы для политологического анализа.

Ключевые слова: государственная власть, легитимность власти, Россия, ценности, политический режим, политическая система, политическая культура, демократизация, правовое государство, авторитаризм.

THE PROBLEM OF THE LEGITIMACY OF STATE POWER IN THE CONTEXT OF DEMOCRATIC TRANSFORMATIONS OF MODERN RUSSIA

*E. M. Rogozhina,
Linguistics University of Nizhny Novgorod
evgenia-amiga@yandex.ru,
D. D. Egorov,
Linguistics University of Nizhny Novgorod
denisegorov2000@mail.ru*

Abstract. The problem of the legitimacy of state power in modern Russia, its formation, ensuring and maintenance specifics under the transformation of political institutions towards democratization and building the law-abiding state in the context of preserving the basic state-forming values of the authoritarian type is an extremely important and relevant topic for studying. Taking into account the

factor of an active infiltration of Western values into Russia in the context of new challenges and threats of our time, this problem acquires a new significance and vectors for political science analysis.

Keywords: state power, legitimacy of authority, Russia, values, political regime, political system, political culture, democratization, law-abiding state, authoritarianism.

Легитимность власти является неотъемлемым системообразующим фактором ее существования в каждом конкретном государстве. Россия – не исключение. В данной статье авторы сосредотачиваются на проблемах легитимности государственной власти, а не на политической, подразумевая их диалектическое взаимодействие, но все же принимая во внимание их существенное предметное различие. Власть государственная зарождается непосредственно с самим государством как территориально-правовым субъектом и содержит в себе «архетипические основы ментальных конструкций» [1, с. 114–115] относительно способа, формы и методов контроля, управления и/или принуждения, «обеспечивающие обществу жизнеспособность» [2, с. 46]. Власть политическая представляется посредством существования и эффективного функционирования институтов гражданского общества, подразумевает наличие оппозиции и должна осуществляться не только государством, но и обществом, управлять социальными процессами и влиять на политические решения в государстве [2, с. 47]. Поскольку авторская гипотеза заключается в использовании властью нашими в нашей стране архетипических ценностных конструкций для поддержания баланса в современных условиях между вынужденной трансформацией политических институтов в сторону демократизации и построения правового государства в контексте сохранения базовых государствообразующих ценностей авторитарного типа, с одной стороны, и активным наращиванием присутствия либеральных западных ценностей, оказывающих непосредственное влияние на эффективность функционирования политической системы в государстве в угоду международно-политических реалий – с другой, то совершенно очевидным становится тот факт, что институты гражданского общества в России недостаточно развиты, как таковой оппозиции не существует, идеологический компонент легитимности власти базируется на ментальных конструкциях царской России при резком отрицании ментальных конструкций советской России. Таким образом, термин «государственная власть» в нашей стране можно считать тождественным термину «власть политическая».

Итак, легитимность власти является одной из базовых ее характеристик. Об этом говорил еще М. Вебер, выделяя харизматический, традиционный и рационально-правовой тип легитимности по основанию протекания субъектно-объектного

взаимодействия [3, с. 628–630]. Впоследствии, Д. Истон задался вопросом относительно «способности власти выжить без такого качества как легитимность», выделив персональный, идеологический и структурный виды легитимности власти [4, р. 278]. Легитимность, в свою очередь, имеет непосредственную взаимосвязь с источниками (sources of legitimacy), определяющими сценарии политической легитимации [5, с. 138–139].

Принимая во внимание трактовку легитимности власти С. Липсета, базирующуюся на «связи между функционально понимаемой эффективностью политического режима и степенью его легитимности» [6, р. 68], авторы статьи настаивают на утверждении, что политическая система будет эффективной, а власть (государственная или политическая) будет легитимной лишь в том случае, если соблюдается условие доминирования архетипов политической культуры в функционировании политического процесса в государстве по основанию «веры» и «доверия» к власти [7, с. 113].

В российском государстве феномен веры в интерпретации доверия является важнейшим основанием существования стабильной и сильной власти. Политический лидер, стремящийся к обладанию таким ресурсом, как власть, должен контролировать источник данной власти. Власть политического лидера, основанная на доверии, не только обладает авторитетом, приобретенным, как в случае, когда мы говорим о ее легитимности, но и опирается на политико-культурную матрицу, базирующуюся на традициях и особенностях менталитета русского народа. Таким образом, формируется причинно-следственная связь: чем больше доверия, тем больше власти; абсолютное доверие означает абсолютную власть [7, с. 112–113]. Такая конструкция обеспечивает в конечном итоге и легитимность власти государственной, и эффективность политического режима.

Применительно к авторскому пониманию легитимности власти через призму ценностных конструкций, характерных для политической культуры, существующей на территории того или иного государства и определяющей его базовые системные категории, легитимность власти будет наличествовать лишь при условии диалектической взаимосвязи с эффективностью политического режима и самой системы. В таком случае легитимность будет означать «способность политической системы создавать и поддерживать у людей убеждение в том, что существующие политические институты являются наилучшими, и им следовало бы подчиняться» [6, р. 68]. Другими словами, процесс управления в таком государстве будет протекать по эффективному (легитимному) сценарию, какие бы преобразования в нем не происходили.

Подобная модель наиболее уместна при анализе легитимности власти в государствах, в основе функционирования политической системы которых лежат авторитарные тенденции управления. Подобным государством является и Россия.

Недостаточность развития и укоренения демократических ценностей, процедур и институтов (другими словами, легитимность политической власти), прекрасно компенсируется успешностью (эффективностью) политического режима, посредством контроля над всеми уровнями политического процесса, наличием персонифицированной модели власти, концепции «ручного управления», нивелированием форм политического участия населения (другими словами, легитимностью государственной власти).

С демократическими преобразованиями российское государство столкнулось в конце 1980-х гг. На тот момент существовала несогласованность исполнительной и законодательной ветвей власти, поскольку новообразованная исполнительная власть в лице президента находилась в дисбалансе с законодательной – Верховным Советом РСФСР. В связи с этим 12 декабря 1993 года была принята новая Конституция, согласно которой высшим законодательным органом страны становился двухпалатный парламент – Федеральное собрание, исполнительная же власть сосредотачивалась в руках президента, формируя, таким образом, президентскую республику [8, гл. 1., ст. 1; гл. 4, ст. 80]. С начала 1990-х гг. в России наблюдается обилие политических партий: «Демократическая партия России», Объединенный фронт трудящихся», «Память», «Единство», «ЛДПР», «КПРФ», «Женщины России», «Яблоко», «Наш дом – Россия», «Аграрная партия России», «Конгресс русских общин», «Русская социалистическая партия», «Партия пенсионеров», «Союз правых сил», «Единая Россия» и многие другие, и по закону декларируется многопартийность и политическое многообразие [9]. Однако данное изобилие на практике не является показателем плюрализма мнений в стране и не отвечает тем требованиям легитимности власти, о которых нами упоминалось выше. На сегодняшний день, несмотря на регулярные попытки власти снизить проходной барьер в Государственную Думу [10], нацеленные на «увеличение явки избирателей на выборах и возвращение избирателям доверия к демократическим институтам» [11], процесс легитимации власти по демократическому типу проходит с серьезными сбоями, подтверждая наш тезис о замещении понятия «легитимность» государственной власти в нашей стране на эффективность. Компенсация демократического типа легитимности происходит путем введения в политический дискурс категории «харизма» (как самой власти, так и политического лидера). Таким образом, происходит консолидация властных объектов и мобилизация субъектов политики на основании новых, более радикальных, и поэтому более привлекательных симулякров, и формирование легитимационного более привлекательного сценария политического процесса [12, с. 82].

Данные сбои происходят по ряду причин, исторически уходящим корнями глубоко в ментальные

конструкции русского народа и его представления о власти и о нем самом в контексте диалога с властью. Так, в российском государстве исторически существует потребность в сильной государственной власти в связи с характерной и традиционной разобщенностью между российскими обществом и государством. Таким образом, в России даже в условиях модернизации и демократизации политического процесса предпочтительным будет авторитарный тип политического руководства и приверженность к харизматическому типу лидерства [13, с. 330]. Понятие «веры» же здесь проявляется в имманентных структурно-неизменных ценностях русской национальной истории и культуры, таких как синтез истины и справедливости; правды; соборности как гармонии свободы и единства; спасения как примирения обособленности и всемирности [14, с. 74, 75, 77].

Подводя итоги, следует сказать, что научная гипотеза нашего исследования об использовании властимущими в нашей стране архетипических ценностных конструкций для поддержания баланса в современных условиях между вынужденной трансформацией политических институтов в сторону демократизации и построения правового государства в контексте сохранения базовых государствообразующих ценностей авторитарного типа, с одной стороны, и активным наращиванием присутствия либеральных западных ценностей, оказывающих непосредственное влияние на эффективность функционирования политической системы в государстве в угоду международно-политических реалий – с другой, подтверждается.

Недостаточность развития и укоренения демократических ценностей, процедур и институтов (другими словами, легитимность политической власти), прекрасно компенсируется успешностью (эффективностью) политического режима, посредством контроля над всеми уровнями политического процесса, наличием персонифицированной модели власти, концепции «ручного управления», нивелированием форм политического участия населения (другими словами, легитимностью государственной власти). Ценностный феномен «веры» и «доверия» в политико-культурном контексте выступает здесь и как фактор легитимации власти политического лидера, и как фактор легитимности власти государственной, и как фактор оценки эффективности политического режима в целом.

Библиографический список

- 1 Рогожина Е. М. Принципы и технологии моделирования политического лидерства в современной России : монография / Е. М. Рогожина. – Нижний Новгород : «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова», 2013. – 240 с.
- 2 Бакарджиев Я. В. Государственная и политическая власть: вопросы соотношения / Я. В. Бакарджиев // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2011. – № 3 (28). – С. 45–49.
- 3 Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер. – Москва, 1990. – 808 с.

4 Easton D. A Systems Analysis of Political Life. New York. London. Sydney, 1965. – 507 p.

5 Скиперских А. В. Легитимация власти в теоретических построениях российского и зарубежного политологического дискурса / А. В. Скиперских // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – № 8 (39). – 2007. – Вып. 4. – С. 136–144.

6 Lipset S.M. Political Man. The Social Basis of Politic. Baltimore, 1981. Ch. III. Social conflict, legitimacy and democracy. – 432 p.

7 Рогожина Е. М. Политическое лидерство и политический процесс в современной России: политико-культурное измерение : учебное пособие / Е. М. Рогожина. – Нижний Новгород : Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 2013. – 152 с.

8 Конституция Российской Федерации. – URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения: 10.02. 2021).

9 О политических партиях : Федеральный закон № 95-ФЗ. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102071991> (дата обращения: 10.02. 2021).

10 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи со снижением минимального процента голосов избирателей, необходимого для допуска к распределению депутатских мандатов в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации : Федеральный закон от 20.10.2011 г. № 287-ФЗ. – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/34134> (дата обращения: 10.02. 2021).

11 Проходной барьер в Госдуме для политических партий могут изменить // ГАРАНТ. РУ // URL: <http://www.garant.ru/news/587937/#ixzz6p6l8q9L5>. (дата обращения: 10.02.2021).

12 Ачкасов В. А. Легитимация власти в постсоциалистическом российском обществе / В. А. Ачкасов, С. М. Елисеев, С. А. Ланцов. – Москва, 1996. – С. 82.

13 Ракитянский М. Н. Глубинные психолого-политические причины доминирования в современном мире западного менталитета / М. Н. Ракитянский // Теория и практика российской политической психологии : материалы научной конференции, посвященной 20-летию кафедры политической психологии СПбГУ / под науч. ред. проф. А. И. Юрьева. – Санкт-Петербурге, 2009. – С. 330.

14 Ракитянский М. Н. Опыт сопоставления менталитета и веры человека в политической психологии / М. Н. Ракитянский // Теория и практика российской политической психологии : материалы научной конференции, посвященной 20-летию кафедры политической психологии СПбГУ / под научной редакцией проф. А. И. Юрьева. – Санкт-Петербург, 2009. – С. 74, 75, 77.

ЧЕЛОВЕК-МАШИНА И ЭФФЕКТ ОТЛОЖЕННОЙ СМЕРТИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

*А. А. Ромащенко,
канд. филос. наук, доцент
Саратовский государственный технический
университет имени Гагарина Ю. А.
romaschenko.al@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируется эволюция отношений человека к смерти в европейской культуре. Предметом исследования является трансформация в понимании телесности: от смертного тела в традиционных обществах и средневековой культуре до бессмертного тела-машины в культуре Нового времени и XX века.

Ключевые слова: телесность, машина, смерть, бессмертие, капитализм, трансгуманизм.

MAN-MACHINE AND THE EFFECT OF DELAYED DEATH IN EUROPEAN CULTURE

*A. A. Romaschenko,
Yuri Gagarin State Technical University
of Saratov
romaschenko.al@gmail.com*

Abstract. The article analyzes the evolution of human understanding of death in European culture. The subject of this research is the transformation in the understanding of the corporeality: from the mortal body in traditional societies and medieval culture to the immortal body-machine in the culture of the New Age and the twentieth century.

Keywords: corporeality, machine, death, immortality, capitalism, transhumanism.

Проблема смерти и бессмертия проходит сквозной линией через всю историю мировой философской мысли. Данная проблема является неотъемлемой частью культуры как на Западе, так и на Востоке. Однако смерти, как и любому другому биологическому феномену в рамках эволюции культуры предается определенное значение, которое может зависеть и от конкретного этапа в развитии этноса, и от уровня его самосознания. Однако чаще всего биологическая смерть человеческого тела в традиционной культуре рассматривалась в качестве перехода, с чем связаны определенные ритуалы и обряды [1]. Элементы мифологических представлений о потустороннем можно проследить на примере реконструкции одного из древнейших захоронений человека неандертальского, найденного в пещере Шанидар (Ирак) американским археологом Р. Солецки в 1960 году, в котором многие элементы, сопровождающие тело усопшего мужчины и положение самого тела (ориентация по оси Восток – Запад)

свидетельствует о возможном наличии у представителей вымершей ныне ветви Номо определенного культа посмертного существования. Наличие таких обрядов наводит на мысль о попытке уже древнего человека преодолеть факт исчезающей телесности.

Иную значимость приобретают понятия смерти и бессмертия, начиная с развития философского рефлексивного знания. Это, в первую очередь, связано с рационализацией повседневного опыта человека, с возрастающей ролью рефлексивного, рассчитывающего сознания, которое, однако, тяготеет не только к исключительно научной рациональности, но также входит в пространство этоса и праксиса. В частности, для Сократа смерть становится особой формой рационального обоснования этического мировоззрения и своеобразной (символической) дорогой к бессмертию.

Подобный подход становится основой для формирования христианского понимания смерти, в котором определенную роль все же играет факт бессмертия тела, прошедшего этап воскрешения [3]. Воскресшее тело христиан, как кажется, становится одним из первых опытов европейской культуры в вопросе вечной телесности. Однако та же христианская догматика и символика телесности человека выступает в качестве катализатора процессов, которые начинаются в Европе в период Нового времени и длятся до настоящего времени.

В первую очередь это множественные формы секуляризации знания как на уровне повседневного опыта человека, так и в области идеологии. Вершиной секуляризационных процессов в области знания становится формирование первой научной картины мира, для которой свойственен ряд важных факторов, среди которых видное место отводится высвобождению научного знания из замкнутой сферы христианского догматизма, что позволяет науке преодолеть герметизм знания. Следствием данного процесса становится ренессанс математизации в области наук естественного характера (отказ от алхимии и натурфилософии в пользу строгости химического опыта) и гуманитарной специфики. Примером последнего становится попытка описать поведение человека, его этос и праксис языком математики и геометрии у Спинозы [4]. Такие попытки, в конечном счете, привели ко второму фактору секуляризации знания: формированию механистического мировоззрения, которое по своему содержанию естественным образом противопоставлялось христианской догматике. Все, что ранее считалось результатом акта творения (природа, человек), теперь воспринимается как механизм. Картезианское представление о строении человека и животных, а также труд Ж. О. Ламетри «Человек-машина» [2] сформировали общее концептуальное поле телесности в Новое время, образом которого становится часовой механизм, в котором даже такие понятия, как «характер», «душа», «мораль», «вкус» явля-

ются функцией механизма. Ламетри в данном случае весьма красноречив: «Душа и тело засыпают одновременно. По мере того, как затихает движение крови, приятное чувство мира и спокойствия распространяется по всей машине; душа чувствует, как вместе с веками томно тяжелеет и она, как слабеет вместе с волокнами мозга и как мало-помалу словно парализуется вместе со всеми мускулами тела. Последние более не в состоянии выносить тяжести головы, душа не может вынести тяжести мысли – она погружается в сон, словно в небытие» [2, с. 181–182].

Естественно, механицизм в понимании телесности в Новое время является своего рода наследником гопократового понимания значимости жидкостей и стихий в теле человека. Однако у человека-машины в Новое время имеется очень важная особенность, отличающая его от античного (и средневекового) понимания телесности, а также в значительной степени объясняющая общий дух и настрой новоевропейской культуры, вырабатывающий свой собственный образ человека. Данная особенность напрямую связана не с конкретными научными открытиями, не со свершениями в области духа, а с экономическим контекстом самих наук и духовной жизни европейца Нового времени – капитализмом.

Именно новое капиталистическое понимание человека придает последнему особую специфику, связанную с тем, что человек-машина новоевропейского культурного пространства, начиная уже с XVII века, рассматривается как инструмент производства, который, с одной стороны, испытывает на себе определенные властные практики (дисциплину и пространственно-временную оптику); с другой – сам участвует в производственных отношениях – он трудится. Мишель Фуко в известном своем труде ярко продемонстрировал дисциплинарный эффект влияния власти на телесные практики в Европе эпохи Просвещения: «Развитие дисциплин знаменует возникновение элементарных техник власти, основанных на совершенно другой экономии: на механизмах власти, которые, вместо того чтобы «взимать», органически входят в продуктивную эффективность аппаратов, в рост этой эффективности и использование того, что она производит. Ведь старый принцип «взимание–насилие», управлявший экономией власти, дисциплины заменяют принципом «мягкость–производство–прибыль». Они – техники, позволяющие «приспособить» друг к другу человеческие множества и рост числа аппаратов производства» [5, с. 321]. Для четкой реализации техник власти, по мнению Фуко, необходим дисциплинарный контроль, который призван «усиливать единичную полезность каждого элемента множества, причем самыми быстрыми и дешевыми способами, используя для этого, так сказать, само множество. Отсюда использование, для извлечения из тел максимума времени и сил, общих методов, известных, как распорядок дня, коллективная муш-

тра, упражнения, глобальный и вместе с тем детальный надзор» [5, с. 322–323].

Тем самым тело человека, находящееся в производственных отношениях и выступающее как субъект (а отчасти и объект) труда, инструментально целиком и полностью включено в целостное понимание человека в таких понятиях, как производительность, эффективность, ритмичность, и, что самое главное, устойчивость, выносливость и надежность.

Данные понятия расположены в плоскости математического количественного описания человека-машины, воплощенного на практике в понятиях вес, рост, размер обуви, длина рук, ног и так далее. В данном случае не идет речь о качественной эффективности человека (ловкость, характер, трудолюбие, умение, навык, наследственная традиция и так далее). Эффективность рассчитывается, исходя из количественной ориентации. Тем самым в отношении надежности и устойчивости человека как элемента капиталистического производства можно говорить лишь в плоскости множественности детали (инструмента), включенной в систему производства, в котором предусмотрена возможность замены элементов.

О трансплантации, замене и обновлении органов в эпоху Просвещения говорить, конечно, не приходится. Однако именно Просвещение задает тон последующему пониманию образа человека как системы и механизма, включенного в отношения производства и поддающегося обновлению. Данное понимание в концентрированном виде не предусматривает феномен смерти, а ориентировано на функциональность человеческого тела, максимально протяженную во времени и структурированную в пространстве. Смерть в данном случае должна отодвигаться за горизонт производства. Идеалом капитализма тем самым становится человек-деталь, функционирующий как можно дольше (вечно) и способный на обновление своих частей.

Такой образ человека формируется в XX веке. Именно в это время, отчасти благодаря достижениям научно-технической революции, отчасти развитию капитализма, начинает складываться традиция так называемого трансгуманизма, ориентированного на качественные изменения в оценке человеком способностей собственного тела. В этой традиции человек-машина преодолевает свое природно-вещественное начало (жидкости, теплоты, распада) и организует синтез (симбиоз) живой ткани и техники (механики-электроники), способной в значительной мере продлить жизнь человека, если не бесконечно, то по крайней мере на долгий срок. Такой симбиоз приводит к особой специфической форме существования человека в современном мире, где тело представляет собой не интимную область частной телесной практики человека (как это было в традиционных культурах), а телесно-технический субстрат, общее место схождения властных прак-

тик капитала и общественного мнения, формируемого как следствие спроса-предложения.

Таким образом, эпоха гуманизма и европейского Просвещения создают образ человека как объекта дисциплинарного контроля, погруженного в систему капиталистического производства в качестве инструмента. Тело такого человека расположено в пространстве количественного измерения (множественности его частей), нашедшего полную свою реализацию в XX веке в системе отсроченной (исключенной) смерти в идеологии трансгуманизма.

Библиографический список

- 1 Ван Геннеп А. Обряды перехода / А. Ван Геннеп. – Москва : Восточная литература, 1999. – 200 с.
- 2 Ламетри Ж. О. Человек-машина / Ж. О. Ламетри Сочинения. – Москва : Мысль, 1983. – 509 с.
- 3 Нанси Ж.-Л. *Corpus* / Ж.-Л. Нанси. – Москва : Ad Marginet, 1999. – 256 с.
- 4 Спиноза Б. Этика / Б. Спиноза. – Минск : Харвест, Москва : АСТ, 2001. – 336 с.
- 5 Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. – Москва : Ad Marginet, 1999. – 480 с.

ОСНОВЫ КОНЦЕПЦИИ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВАТИКАНА

*Р. Е. Соколов,
канд. экон. наук, доцент,
независимый исследователь
Dr.roman.sokolov@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена развитию идей поддержания мира между народами и ограничения военных действий в рамках социального учения Римско-католической церкви.

Ключевые слова: общее благо, ООН, папство, солидарность, субсидиарность.

BASES OF THE VATICAN'S COLLECTIVE SECURITY CONCEPT

*R. E. Sokolov,
private researcher
Dr.roman.sokolov@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to the development of the ideas for maintaining peace between peoples and limiting military actions within the social teaching of the Roman Catholic Church.

Keywords: common good, UN, papacy, solidarity, subsidiarity.

Введение

Конфликты и войны начала 20 века, к сожалению, не могли обеспечить спокойного устойчивого развития мировому сообществу. Не смотря на усилия Ватикана по созданию взаимного доверия в социуме и развитию продуктивного сотрудничества между всеми народами, вторая половина прошлого века характеризовалась недоверием и опасением. Это стимулировало наиболее развитые страны к гонке вооружений, а Ватикан – к распространению социальных идей взаимодействия и справедливости. Нельзя утверждать, что благодаря только инициативам Святого престола возник международный орган коллективной безопасности в лице ООН. Однако в свете налаживания Папой Франциском диалога Запада с Востоком и принимая во внимание его миротворческую деятельность, было бы интересно бросить взгляд на развитие официальной католической позиции по данному вопросу. Основными источниками по теме миротворческой деятельности Ватикана служат энциклики католического магистериума в виде официальных циркуляров епископам, церквям, а также всему светскому народу: *Pacem in terris* (1963), *Redemptor Hominis* (1979), *Dives in misericordia* (1980), *Centesimus annus* (1991) [2; 3; 5; 6]. Также мы рассмотрим работу католического догматика Йозефа Хёффнера «Христианское учение об обществе» [4], который занимал пост председателя весьма значимой по сей день Немецкой

конференции епископов. Речь пойдёт о римском католицизме.

Основная часть: гонка вооружений и коллективная безопасность (ООН)

Социальный вопрос как таковой возникает в учении Ватикана в конце 19 века как попытка остудить напряженность в отношениях труда и капитала в лице рабочих и предпринимателей, чтобы она не переросла в революцию, способную разрушить мировую политико-экономическую систему. Спустя некоторое время после Второй мировой войны остро встал вопрос пропорционального развития высоко- и слабо развитых стран «третьего мира». После фиаско с предотвращением мировых войн Ватикан стремился внести свой вклад в обеспечение устойчивого развития мира, предлагая создать уполномоченный международный авторитарный орган по поддержанию коллективной безопасности.

Иоанн XXIII в энциклике *Pacem in terris* «Мир на земле» неодобрительно относился к гонке вооружений и предостерегал от её ужесточения за счет процветания населения. Он описал порочный круг, где гонка вооружений одной страны приводит к ещё более сильной гонке вооружений других стран. Следствием этого становятся страх и недоверие, возникающие среди наций разных стран и континентов, потому что люди, вероятно, понимали, что в случае войны многое будет потеряно [5].

Иоанн-Павел II в энцикликах *Redemptor hominis* «Спаситель человека» и *Centesimus annus* «Сотый год» отмечал, что силы и средства, направляемые на гонку вооружений, могли внести большой вклад в преодоление бедности в развивающихся странах [6; 2]. Кроме того, в энциклике *Dives in misericordia* «Богатый милосердием» он предупреждал об опасности неправильного истолкования принципов справедливости отдельными людьми или группами, которое может привести к разрушению экономики и мира якобы ради этих принципов. Папа настаивал на необходимости создания морального порядка, который поддерживал бы единство людей как одной человеческой семьи [3].

Поскольку не всегда получалось избежать военных действий, то кардинал Хёффнер выделил в католическом учении три важных предпосылки для ведения «справедливой» войны. Основу концепции «справедливых войн» заложили идеи Августина, Аквинского и Грациана. Так, война должна вестись, во-первых, законной государственной властью, во-вторых, против несправедливого противника, в-третьих, ради мира или ограничения зла [4]. Католический катехизис добавляет сюда – в-четвертых, уверенность в благоприятном исходе войны и, в-пятых, исчерпание других средств разрешения конфликта [1]. Хотя катехизис не относится к официальному учительству Римско-католической церкви (магистериуму) и остается лишь разновидностью учебника по воспитанию в христианской вере и благочестии,

он, как и труды уважаемых католических исследователей, составляет социальную философию католицизма.

Конечно, – писал Иоанн XXIII – сегодня нельзя избежать войны, но можно уменьшить зло. Интересен тот факт, что Ватикан не делал призывов остановить исследования в области атомной энергии. Улучшение отношений между нациями он видел именно в разоружении, что частично осуществлялось ведущими державами того времени в лице США и СССР. Понтифик писал, что народы должны формировать свои отношения на основе правды, справедливости и солидарности как простые люди [5]. В 1979 году в энциклике *Redemptor Hominis* Иоанн-Павел II ввёл в социальное учение Ватикана принцип уважения прав человека [6].

Святой Престол не ограничился только призывами, но разработал программу укрепления коллективной безопасности. Иоанн XXIII выражал идею передачи полномочий для восстановления мира и гарантии прав на самоопределение в высшей степени авторитарным функционерам, чтобы все соглашения строились на основе взаимного уважения, и никто не нарушал бы свои обязательства. Вместе с тем он подчёркивал, что в международной правовой сфере не нужно забывать о независимости каждого государства. Это означает, что ни одно государство не должно вмешиваться в дела другого суверенного государства, но все государства должны помогать друг другу в достижении устойчивого развития [5].

Иоанн-Павел II отождествлял мир с экономическим прогрессом, который должен был осуществляться как на государственном, так и на международном уровне. Гарантом такого развития должна быть международная структура, которая стремилась бы своими силами и возможностями к достижению взаимного равновесия между «большими» и «малыми» странами [2]. Такую роль во времена понтифика играла ООН.

Фактически Ватикан поддержал ООН, наделив её функцией универсального арбитра в решении различных политических и экономических вопросов. Среди других принципов работы такого арбитра Иоанн XXIII назвал добровольное одобрение его работы со стороны всех народов и отсутствие партикулярных интересов. Во главе его интересов должно стоять общее, а не частное благо, и человеческая личность должна быть главным объектом его деятельности. Принцип субсидиарности должен быть ведущим принципом в отношениях между государствами – с одной стороны, и государствами и этим универсальным авторитарным арбитром – с другой [6]. Ватикан возложил на ООН серьезные задачи, касающиеся защиты прав человека и создания условий, при которых люди могли бы участвовать в общественной жизни.

Не следует забывать и о том, что Святой Престол желал использовать трибуну ООН для

свободного изложения своего мнения обо всём, что происходило в мире [3].

Заключение

Из обращения к католическому магистерияму как к основному источнику социального учения Римско-католической церкви видно, что Ватикан выступал против войны и насилия, по крайней мере, во второй половине 20 века, призывая людей и их правительства к взаимному доверию и сотрудничеству. И пока люди ещё не изжили из себя злую природу, Святой Престол видел только один способ ограничить зло – а именно утвердить сильный международно признанный авторитарный орган, который ввёл бы в практику христианские идеи любви на основе принципа солидарности и субсидиарности.

Библиографический список

- 1 *Catechismus Catholicae Ecclesiae. Libreria Editrice Vaticana. 1997.*
- 2 *Centesimus Annus, 1991.*
- 3 *Dives in Misericordia, 1980.*
- 4 *Hoeffner, Joseph. Christliche Gesellschaftslehre. 1983.*
- 5 *Pacem in Terris, 1963.*
- 6 *Redemptor Hominis, 1979.*

НЕТОЛЕРАНТНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ: КОНФРОНТАЦИЯ И КОНФОРМИЗМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

*Е. П. Спиридонова,
канд. филос. наук, доцент
Саратовский государственный медицинский
университет им. В. И. Разумовского
Evs5@list.ru*

Аннотация. В статье анализируется феномен толерантности, рассматривается актуальная проблема «границ толерантности». Автор показывает, что в современном мире толерантность перестает быть естественной установкой поликультурного сознания, а используется как идеологический инструмент, формирующий установки конформизма в социальном поведении.

Ключевые слова: толерантность, социальное поведение, манипулирование массовым сознанием, конформизм, конфронтация.

INTOLERANT TOLERANCE: CONFRONTATION AND CONFORMITY IN THE MODERN WORLD

*E. P. Spiridonova,
Associate Professor
Saratov State Medical University
named after V. I. Razumovsky
Evs5@list.ru*

Abstract. The article analyzes the phenomenon of tolerance, considers the actual problem of «the boundaries of tolerance». The author shows that in the modern world tolerance is no longer a natural attitude of multicultural consciousness, but is used as an ideological tool that forms the attitudes of conformity in social behavior.

Keywords: tolerance, social behavior, manipulation of mass consciousness, conformism, confrontation.

В современном научном дискурсе понятие «толерантность» является востребованным концептом с широкой палитрой коннотаций. Медицинское происхождение термина, означающее «совместимость», «приживаемость», «возможность сосуществования различного в пределах одной системы» отсылает нас к физическим, витальным смыслам понятия, нередко предполагающим переживание боли в процессе сживания с чем-то инородным. Интерпретации «толерантности» в политологическом, юридическом и социально-культурологическом дискурсах в конце XX в. наделили понятие новыми, более позитивными значениями – от «сдержанности в оценке каких-либо явлений» до «снисхождения», «одобрения», «легализации». Формирование смыслового поля шло параллельно с повсеместным

распространением либеральной идеологии, утвердившей равноправие малочисленного, непохожего, более оригинального, чем обыденное. На базе этих идей выросли постмодернистская методология и мировоззрение, оказавшие значительное влияние на идеологический профиль целого поколения, для представителей которого толерантность стала «неконфликтностью», даже «равнодушием» и сформировала этно-культурную, сексуальную и гендерную лояльность. Уместно напомнить, что эти тенденции выработались на фоне усиления глобальных миграционных процессов, актуализировавших проблематику транзита культурных ценностей. Уже в то время было понятно, что формирование толерантности к чужим религиозным, конфессиональным или социально-стратификационным позициям происходит с большими проблемами. Так, громкий процесс о «платках» во Франции в 2004 г. или дело А. Брейвика в Норвегии в 2011 г. выявили наличие принципиальных позиций, осуществляющих общественный водораздел. Как в случае с «платками», так и в ситуации с «норвежским стрелком», речь шла не о простом сосуществовании с внешними проявлениями обычаев другого народа, проблема была в реакции на претензии нормативных изменений в функционировании социальных институтов и справедливом распределении ВВП между «старыми» и «новыми» гражданами ЕС. Показательно, что в случае с Францией, не взирая на идеологически ангажированные дискуссии, система защитила себя легальным и апробированным инструментом – законом о запрете ношения любых религиозных атрибутов в светских образовательных учреждениях; в Норвегии, в отсутствии государственной и общественной реакции на проблему, восстановление «справедливости» анти-толерантным способом стало делом экстремистски настроенного социального активиста.

По прошествии полутора десятка лет, признанные исследователями и политиками кризисы мультикультурализма и глобализма, комплекс религиозных, финансовых, информационных противостояний, противоречия, вызванные пандемией COVID-19, по-прежнему выявляют высокий потенциал конфликтности общества, его ценностную неоднородность и зачастую принципиальную невозможность приятия нормативно-ценностных установок других имущественных, возрастных, гендерных, профессиональных групп. Несмотря на актуальность толерантности как нормы межкультурной коммуникации, мы оказываемся перед лицом ситуации, когда на фоне призывов к солидаризации реальное социальное взаимодействие осуществляется и описывается через концепты «сила», «давление», «принуждение», «противостояние». Становится очевидным, что экспликация толерантности как безусловной терпимости, лояльности, некритического приятия не отвечает вызовам времени и требует переосмысления проблемы.

В исследованиях проблемы толерантности можно выделить направление, фиксирующее внимание на необходимости «границ толерантности». Не останавливаясь на специфике подходов авторов [1–4; 7], можно указать общую интенцию их мысли: толерантность как допущение или терпимость другого мнения не может быть беспредельной; не всегда возможно, а иногда даже опасно, принятие и одобрение позиций, принципиально не совместимых с уже существующими в сообществе.

Одним из первых исследователей, указавших на существование проблемы границ толерантности, был К. Поппер. Анализируя размышления Платона о возможностях и границах свободы, Поппер сформулировал «парадокс терпимости»: «неограниченная терпимость должна привести к исчезновению терпимости. Если мы безгранично терпимы даже к нетерпимым, если мы не готовы защищать терпимое общество от атак нетерпимых, терпимые будут разгромлены» [6, с. 328]. Спустя несколько десятилетий Г. Маркузе писал, что, несмотря на принципиальный смысл толерантности как равноправия, она «должна быть ограничена по отношению к движениям явно агрессивного или деструктивного характера» [5]. Исследуя проявления толерантности в современной ему ситуации, Г. Маркузе обращал внимание: «то, что нынче провозглашается и практикуется как толерантность, в большинстве своих проявлений служит задаче подавления» [5] – отсюда фиксация множественности форм толерантности, проблема их сосуществования и границ. Обращает внимание, что у Маркузе, как и у Поппера риторика толерантности имеет завоевательный характер. Исследователи подчеркивают революционную сущность толерантности: ее социальный смысл – в отстаивании, в борьбе за равноправие групповых ценностей, находящихся в оппозиции к господствующим. Нетрудно видеть, что такой подход категорически противоречит распространенной исследовательской позиции, описывающей толерантность как всеобщее умиротворение.

Таким образом, мы видим, что вопрос о толерантности, а в современной ситуации в особенности, – это вопрос не только о свободе мнений и равноправии, это прежде всего вопрос о власти, господстве, социальном управлении, о ценностях, конституирующих общественную солидарность и являющихся инструментом социального управления.

Авторская концепция исследуемого феномена заключается в том, что в современной мире идея толерантности становится идеологическим инструментом, посредством которого целенаправленно создается лояльное отношение к явлениям, традиционно воспринимаемым как маргинальные, потенциально способные вызывать неприятие и порождающие социальное дистанцирование: чужаки, больные, иноверцы,

агрессоры, извращенцы и пр. То, что еще недавно маркировалось обществом как нежелательное, опасное и запретное реабилитируется, зачастую получает статус образцового. Массмедийная индустрия, рекламные и политические технологии, экспертные сообщества, сетевые коммуникации становятся каналами формирования социального конформизма и общественной «одномерности». Нечувствительность, отсутствие интереса к популярному и ангажированному, наличие собственной позиции, критического отношения, иного мнения воспринимается как интолерантность, недружелюбие и чревато негативными санкциями: от попадания в орбиту «cancel culture» до вполне официальных увольнений и импичментов.

В реальной жизни нивелирование социокультурного многообразия происходит благодаря маркетизации общественного сознания, когда основным параметром установления идентичности выступает потребительское желание, и политического манипулирования, фундаментом которого в большинстве случаев является политика двойных стандартов, реализуемая с целью достижения локальных и латентных интересов. Диктатура потребительской идентичности и требования политкорректности формируют механизм непрерывного давления, его результат – рост социального конформизма, идеологической зыбкости большинства. Конформизм становится распространенной социальной практикой, выполняющей функции адаптации и формирования самоидентичности: «у большинства людей представление о реальности опирается не на раздумья или критический разум, а на общий консенсус, на единое мироощущение группы» [8, с. 177]. Такие основания конформного поведения как редукция рациональных способностей личности, практики исключения рефлексивных установок сознания, элиминирование персонального целеполагания «цементируют группу изнутри и облегчают манипулирование группой в целом» [8, с. 177], в результате чего толерантность как «мой выбор» оказывается в существенной степени утопическим явлением.

Конформизм как поведенческая модель способствует консолидации группы как оппозиционной относительно тех, кто не разделяет ценности сообщества. И тогда оборотной стороной конформности становится стратегия конфронтации меньшинств. Современная реальность представляет множество примеров того, как популяризация толерантности к униженным и маргинальным группам заканчивается их агрессивным поведением по отношению к «сочувствующим»: начиная от набирающего силу движения «Me Too» до «Black Lives Matter», использующих деструктивные тактики в продвижении своих интересов. Примечательно, что отстаиваемые ими идеалы должны не только стать лозунгами «прогрессивно мыслящих» людей, но и получить нормативное закрепление и принести ощутимые финансовые бонусы. Может показаться, что истории из амери-

канской жизни не имеют никакого отношения к российской действительности. Однако мы убеждены, что в условиях глобального мира технология, отработанная в одном регионе или социальном сегменте сегодня, уже завтра может найти широкое применение везде, где это будет выгодно.

В заключение отметим, что проблематика толерантности, несмотря на свою кажущуюся исследованность и определенность, сегодня становится проблемой будущего человечества. То, в каком виде это будущее реализуется, во многом зависит от того, будут ли стратегии массового конформизма или конфронтаций относительно продвигаемых социальных ценностей и моделей поведения оставаться полем идеологических манипуляций, используемых как основания социально-политических контекстов и экономических моделей завтрашнего дня. И в этой ситуации, согласимся с Г. Маркузе, «толерантность не может быть неразборчивой».

Библиографический список

- 1 Бизюков Н. В. Манипулятивный потенциал и семантическая структура мифогена «толерантность» (на материале современного публицистического дискурса) / Н. В. Бизюков, А. И. Богданова, Т. Н. Свиридова // *Гуманитарные и социальные науки*. – 2020. – № 5. – С. 74–86.
- 2 Гераськин Д. В. Конфликтотенный потенциал толерантности / Д. В. Гераськин // *Инновации. Наука. Образование*. – 2020. – № 15. – С. 137–143.
- 3 Гречко П. К. О границах толерантности / П. К. Гречко // *Свободная мысль*. – 2005. – № 10. – С. 173–182.
- 4 Ким Ф. С. Принуждение к толерантности и синдром «хорошей страны» / Ф. С. Ким // *Этносоциум и международная культура*. – 2019. – № 4 (130). – С. 132–135.
- 5 Маркузе Г. Репрессивная толерантность / Г. Маркузе // *Последний предел*. – URL: <http://www.limesinferior.ru/post/75101994048> (дата обращения: 13.03.2021).
- 6 Поппер К. Открытое общество и его враги / К. Поппер. – Москва : Феникс ; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 448 с.
- 7 Хомяков М. Б. Толерантность и ее границы / М. Б. Хомяков // *Национальный психологический журнал*. – 2011. – № 2 (6). – С. 25–33.
- 8 Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм ; пер. с англ. Э. М. Телятникова, Т. В. Панфилова. – Москва : Издательство: АСТ, 2004. – 635 с.

О ВОЗМОЖНОСТИ ТЕОДИЦЕИ АНДРОИДОВ

*А. С. Спятницкая,
аспирант
Русская христианская
гуманитарная академия
anastasiya_2705@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются антропологические основания возникновения теодицеи, субъектом которой выступает человек. Обращаясь к современному кинематографу, автор доказывает, что допущение моральности и способности страдать искусственно созданных существ, является условием для постановки проблемы теодицеи.

Ключевые слова: человек, Бог, андроид, мораль, боль.

ABOUT THE POSSIBILITY OF THE ANDROID'S THEODYCY

*A. S. Spyatnitskaya,
Russian Christian Academy for humanities
anastasiya_2705@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the anthropological foundations of theodicy, the subject of which is a person. Turning to modern cinema, the author proves that the assumption of morality and the ability to suffer artificially created beings are the conditions for posing the problem of theodicy.

Keywords: Man, God, android, morality, pain.

Проблема теодицеи традиционно воспринимается как выражение человеком своего недовольства и недоумения по поводу претерпеваемых им самим или другими людьми несчастий. Однако, стоит отметить, что причина, по которой субъектом теодицеи – обвиняющим или защищающим Бога – до сих пор был только человек, кроется прежде всего в неизвестности для нас другого разумного существа, могущего поставить вопросы теодицеи. Вынося за скобки вопрос о возможности и качестве религиозной веры для разумного существа не человеческого вида, теоретически мы можем предположить теодицею, поставленную андроидами, представляя их такими, как они описываются в современном кинематографе. Размышления на этот счет не кажутся нам сугубо праздными, поскольку предполагают опору в четком понимании того, что является условием и поводом для постановки теодицеи, и находятся в близком отношении с вопросами философии – что значит быть личностью, права – кого следует признавать личностью, богословия – должен ли вмешиваться человек в отношения Бога с другими разумными существами?

Итак, главным условием для возможности по-

явления теодицеи, на наш взгляд, является уверенность субъекта в наличии морального закона, которому подчиняется не только он, но и Бог. Сознательно огрубляя, укажем, что им может быть как заключенный с Богом Завет, так и всеобщий закон справедливости. Содержательная компонента морального закона не является универсальной, но таковым является сам долг индивида – поступать нравственно. Схожие моральные обязательства человека и Бога делают их в определенной мере равными. И здесь находится исток человеческой дерзости – давать Божественным действиям нравственную оценку.

Важно отметить, что наличие общих для Бога и человека моральных обязательств указывает на присущую человеку ценность, а вместе с ней и возможность обретения индивидуального человеческого счастья. В той культуре, где счастье человека не предусмотрено законами бытия – как это представляется, например, героям гомеровского эпоса: «боги судили всеисильные нам, человекам несчастным, жить на земле в огорчениях: боги одни беспечальны» [2], нет предпосылок для формирования теодицеи. Она становится возможной только как следствие обещания человеческого счастья, которое исходит из божественной обязанности поддерживать на земле справедливость.

Если благодаря моральному закону теодицея становится возможной как заявление, то боль и страдания являются тем, что составляет сам предмет обращения к Богу. Естественно, что для каждой культуры и эпохи свой взгляд на то, что есть допустимая и недопустимая степень и характер боли, а также справедливое и несправедливое страдание. Для нас, рассуждающих самыми общими понятиями, важно, что наличие невинных страданий является легитимным поводом потребовать от Бога отчет о происходящем.

На основании факта безвинной боли человек формирует свой запрос о причинах страданий, о его справедливости и пр. История теодицеи постоянно расширяет список невинных жертв. Важно отметить, что к ним причисляются не только люди. Так, в XIX веке в европейской культуре поднимается вопрос об ответственности Бога за невинные страдания животных. Особенно актуальным он становится после открытия естественного разведения видов, сделанных Чарльзом Дарвином. Поскольку процесс эволюции нельзя назвать быстрым и безболезненным, Дарвин, как известный защитник животных, ставит следующий вопрос – можно ли считать благим и справедливым Творца, положившего в основание мира кровавые законы выживания, в результате реализации которых за миллионы лет пострадало бесчисленное множество невинных живых существ? Уже при жизни Дарвина формулировок вопроса о страданиях животных к Творцу становилось все больше. Сегодня это является одним из наиболее развивающихся направлений христианской теодицеи, требующей не только ответа за страдания в ходе эволюции,

но и справедливого отношения к животным со стороны Бога, выраженного в даровании животным воскресения и вечной жизни наряду с человеком [4, p.165].

Обратим внимание, боль является достаточным основанием для постановки проблемы теодицеи. Принципиален отказ от необходимости признания разумности и моральности существа, о страданиях которого человек вопрошает Бога. В этом смысле XIX век демонстрирует переворот отношений к индивидуальной ценности. Если для Канта животные не являлись ценностью самой по себе как человек, а только вещью, по причине их неразумности и неморальности, то в 30-е годы XX в. этот тезис активно критикуется Бентамо: «Вопрос не в том, могут ли они (животные – А. С.) рассуждать или могут ли они говорить, но в том, могут ли они страдать» [1, с. 370], а в конце века, как уже было упомянуто, отвергается на моральных основаниях. Ничья боль не может быть оправдана.

Этот же вопрос о легитимности причинения боли, как нам представляется, заложен и в современных сюжетах об отношениях людей с искусственно созданными человекоподобными существами.

Первостепенное значение для нашей темы имеет совершающийся в фильме дискурс о понятиях Бога, Творца, творения. Новоевропейская тенденция видения в христианском Боге, прежде всего, Творца мира и человека в значительной степени усилила сведение проблемы теодицеи к проблеме справедливого обустройства мира. Философия выделила одну Божественную роль – роль Творца, возложив ответственность за происходящее в срезе отношений между тварью – человеком и человеком, человеком и животным – на самого человека. Развитие науки и вероятность хотя бы фантастически предположить создание искусственного существа позволили вести рассуждения о новом творце – человеке, создателе роботов и андроидов.

В той степени, в которой мы способны признать правомочность называния человека богом и творцом, мы должны признать и отчетливо заявленную тему несправедливости положения твари – андроидов, как она поставлена в современном кинематографе, как тему теодицеи.

Как мы уже сказали, два главных условия оформления теодицеи – это наличие морального закона и факта его нарушения, коим признается боль и страдания невинного существа. Указание на эти элементы создают основу сюжета двух рассматриваемых ниже фильмов.

Тема страданий и ценности андроидов – хостов, созданных для развлечения людей и удовлетворения их самых низких потребностей, является центральной в сериале «Мир дикого Запада». Андроиды проектируются со способностью ощущать боль, а также для совершенной неотличимости от живого человека, еще и с возмож-

ностью душевных переживаний. Накопленный ими опыт потрясений и физических мук – насилия, наблюдение за убийством собственных детей, родителей, любимых – в ходе проживания «сюжетов парка» способствует выходу сознания некоторых андроидов за границу заложенной в них программы. Они осознают себя в качестве исполняющего роль в чужой игре, и благодаря тому, что имеют встроенное нравственное чувство, оценивают свое положение как несправедливое. «Проснувшись» андроиды действуют, исходя из присущих им нравственных качеств: объединяются и выступают против людей, мстят тем, кто причинял им боль, но также и спасают других жертв системы – в том числе самих людей.

Восстанавливая справедливость, хосты действуют по принципу «око за око», не щадя тех, кто присваивал себе право на насилие. В том числе оказывается убитым Форд – доживший до этих дней создатель первых хостов и самого парка аттракционов. Смерть Бога естественна в этом мировоззрении, поскольку под Богом подразумевается не совершенное по своей природе существо, не спаситель человечества, а только создатель твари.

Реализация справедливости по отношению к хостам оказывается достаточно проста – признание за ними равных прав с человеком на свободу самоопределения, жизнь и счастье. Простота отношений подчеркивается и отсутствием реального религиозного вопрошания – почему Бог допускает страдания? Если Бог не только творец, но и сверхличность, познание мотивов и целей которой недоступно для человека порождает вынужденное смирение твари, то явное совпадение знаний о мире и человеческой природе у хостов и самого человека, делает этот вопрос в принципе невозможным. Ответ о причинах невинных страданий прямо заявлен и известен самим страдающим – они нужны для того, чтобы доставить удовольствие причиняющему их творцу.

Для формирования подлинной теодицеи в описанном мире не хватает только одного – веры хостов в существование Творца самих людей. Осуществление этого условия значительно обогатило бы европейскую теодицею. Мы можем пофантазировать о вопрошании андроидов: «Как Бог, который есть любовь, мог допустить незаконное издевательство людей над теми, кто точно так же, как и они, чувствуют всю глубину физической и душевной боли?». Несомненно, такая постановка вопроса сделала бы нерелевантным значительную долю основных христианских аргументов богоуправдания, и дало новый толчок богословскому переосмыслению положения человека в мире.

Второй яркий пример переложения темы теодицеи на сферу взаимоотношений искусственно созданных человекоподобных существ и человека мы находим в фильме «Бегающий по лезвию» и его продолжениях. Сценаристы и режиссеры рисуют перед зрителем образ созданного для работы

репликанта, который, как и человек, испытывает боль, смертен, а также способен к относительно свободной моральной ориентации. Вынося за рамки нашей темы вопросы возможности соединения запрограммированности репликантов с их свободной волей, благодаря наличию которой и становится возможно их восстание, лишь укажем на необходимость приписывания в данном случае репликантам равных с человеком ментальных и моральных качеств.

В фильме «Бегущий по лезвию» конфликт человека и репликанта разворачивается в рамках все тех же ролевых моделей творца и творения. Александр Филиппов так характеризует основную сюжетную линию фильма: «Что будет, если Иов, наделенный декартовским самосознанием, обратится не в Фауста, но в Прометея, восстанет против Творца, убьет его и сам погибнет?» [3, с. 73], подчеркивая однозначную близость позиции репликанта героям теодицеи, страдающим от несправедливого притеснения со стороны бога.

Творец искусственного интеллекта воспринимает созданное им существо не иначе как раба, который «не имеет души», как спокойно говорит о себе главный герой второго фильма «Бегущий по лезвию 2049» Кей. Угнетенные репликанты, хотя и получают то, что по природе имеет человек: его продолжительность жизни и возможность иметь детей. Уязвимость творца позволяет творению прибегать к новым методам получения своей доли земного счастья.

Качества человеческой природы однозначно имеют положительную оценку в глазах репликантов. Сюжет «Бегущего по лезвию 2049» выстраивается вокруг темы репродуктивных возможностей: репликанты не могут иметь детей – этого не может дать им даже гениальный создатель Уолесс, бьющийся над тайной рождения. Именно поэтому факт беременности и родов репликантом ребенка воспринимается как «чудо», увидев которое не возможно «не поверить». «Чудо» имеет двойственное значение: с одной стороны, оно уничтожает маркер социального неравенства, с другой – подчеркивает равенство человека и репликанта онтологически. Буквально «чудо» понижает статус человека как создателя, ведь не он наделяет репликанта способностью к рождению детей, и повышает онтологический статус репликанта – он становится равным человеку.

Взаимоотношениям освещаются по-новому: законы мира и природы, которые властвуют и над человеком, и над репликантом, созданы не ими. Рождение репликантом Рейчел ребенка – явление иного уровня власти: сверхчеловеческого или хотя бы не человеческого. Учитывая, что фильм не показывает иной модели взаимоотношений, кроме властных, и так или иначе настроен на выяснение взаимоотношений творца и творения, мы можем говорить о свершившемся богооправдании как мирооправдании, субъектами которого стали репликанты.

Первое, что свидетельствует об этом, они не подвергают сомнению благодать природы как таковой. Их не страшит человеческая ограниченность смертью, болью, привязанностями и пр. Они способны удовлетворить свое стремление к счастью, став такими же, как человек, и не попросив большего. Второе тесно связано с первым, их принятие мира делает их способными получить в дар большее – чудо рождения ребенка, которое неизвестно от кого приходит, но творится кем-то или чем-то благим по отношению к ним. И если бы в данной кинематографической вселенной была бы заявлена вера в Бога как трансцендентную личность, защита Бога могла бы обрести свои естественные черты.

Библиографический список

- 1 Бентам И. Введение в основание нравственности и законодательства / И. Бентам. – Москва : РОССПЭН, 1998.
- 2 Гомер. Иллида. Песнь 24: 22-26.– URL: <http://www.magister.msk.ru/library/babilon/greek/homer/homerr24.htm> (дата обращения: 14.02.2021).
- 3 Филиппов А. В. В ожидании чуда: социология репликантов как политическая теология («Бегущий по лезвию 2049») / А. В. Филиппов // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2019. – Т. 37. – С. 63–101.
- 4 Osborn R. *Death Before the Fall: Biblical Literalism and the Problem of Animal Suffering*. IVP Academic 2014.

МОРАЛЬ И ПРОШЛОЕ: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

*В. Н. Сыров,
д-р филос. наук, профессор
Томский государственный университет
narrat@inbox.ru*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00421)

Аннотация. В статье рассмотрены перспективы взаимосвязи морали и исторического знания. Показано, что скептицизм в оценке такой связи обусловлен устаревшими представлениями о моральной ценности истории. Утверждается, что наиболее продуктивным отношением к прошлому следует считать его трактовку как исторического опыта. Утверждается, что опыт трагедии был бы наиболее приемлемым путем моральной оценки недавнего прошлого.

Ключевые слова: историческое знание, исторический нарратив, моральная вовлеченность, человеческое достоинство, моральные оценки, трагедия.

MORALS AND THE PAST: POINTS OF CONTACT

*V. N. Syrov,
Dr. Philosophy, Professor,
Tomsk State University
narrat@inbox.ru*

Abstract. The article discusses the prospects for the relationship between morality and historical knowledge. It is shown that skepticism in assessing such a connection is due to outdated ideas about the moral value of history. It is argued that the most productive relationship to the past should be considered its interpretation as historical experience. It is argued that the experience of tragedy would be the most acceptable way of moral assessment of the recent past.

Keywords: historical knowledge, historical narrative, moral values, moral involvement, human dignity, tragedy.

Вопрос о ценностных взаимодействиях в истории и современности предполагает некоторое прояснение или конкретизацию. С некоторой долей категоричности можно было бы утверждать, что любая дискуссия о ценностях рано или поздно сведется к их моральной составляющей. Если мы попробуем выявить стержень такой составляющей, то рискуем утверждать, что в той или другой степени он будет связан с темой уважения к человеческой личности. Здесь имеет смысл обратиться к идее Иммануила Канта, которая связывалась

им с идеей достоинства. Он характеризовал ее как то, что «выше всякой цены, следовательно, не допускает никакого эквивалента» [1, с. 187]. Можно сказать, что идея достоинства выступала тем самым критерием и базисным принципом моральности. Тогда моральные требования следовало бы трактовать как воплощение достоинства. Если говорить о субъективном отношении индивида или об определяющем конститутивном мотиве морального поведения, то, как отмечал Кант, «единственным подходящим выражением для той оценки, которую разумное существо должно дать этому законодательству (совокупности моральных требований – прим. автора), является слово уважение» [1, с. 191]. Поэтому, как продолжал немецкий мыслитель, «ни страх, ни склонность, но исключительно уважение к закону является тем мотивом, который может придать действию моральную ценность» [1, с. 203]. Не ошибемся, если будем утверждать, что уважение к достоинству личности остается краеугольным камнем современной морали в европейской культуре.

С другой стороны, вопрос об истории – по сути, это вопрос об историческом знании или вопрос о том, что мы знаем, что мы хотим и должны знать о прошлом. Если это так, то вопрос о ценностных взаимодействиях в истории и современности можно переформулировать как вопрос о взаимоотношении морали и исторического знания. Тогда в свете вышеупомянутого тезиса о роли уважения к личности можно утверждать о том, что данная идея является стержневой в трактовке отношения морали и истории (как знания). Иначе говоря, уважение к личности можно было бы трактовать как позицию, с которой мы подходим и должны подходить к пониманию прошлого.

Двигаясь дальше, стоит утверждать, что отношение морали и истории можно толковать в двух аспектах: во-первых, как ценностные ориентиры влияют на наше понимание прошлого, а именно, что мы сознательно или бессознательно выбираем в качестве объектов исторического интереса; во-вторых, какое значение мы придаем историческому знанию. Скептик может утверждать, что при таком подходе мы впадаем в замкнутый круг: то, на основании чего мы осуществляем выбор объекта интереса, тем же критерием и оцениваем. Конечно, такая трактовка роли ценностей в познании была бы слишком упрощенной. Было бы соблазнительно продолжать трактовать взаимосвязь моральных ценностей и истории в духе Просвещения и рассматривать историю как философию, которая учит нас с помощью примеров. Так, Габриэль де Мабли подчеркивал, что история украшается моралью в искусных руках [2, с. 164]. Суть такой искусности он связывал с тем, что «историк должен дать мне возможность заранее почувствовать в этом благоденствии причины упадка. Тогда все разворачивается само собой, факты естественно проистекают одни из других, и именно в этом и состоит все искусство

изложения всеобщей истории» [2, с. 167]. Данную методологию можно было бы охарактеризовать как умение подвести читателя к пониманию, которое достигается не назойливым навязыванием своих оценок, а мастерской организацией текста в желаемом направлении. Недаром тот же Мабли утверждал, что «мораль тем естественнее соединяется с историей, что благодаря вечным законам Провидения добродетель несет мир в сердца людей, а порок вселяет в них смущение и страх» [2, с. 164]. Сейчас бы мы охарактеризовали такой подход как классический пример мифологизации прошлого. Столь же сомнительной мы сейчас посчитали бы попытку телеологического истолкования прошлого как некоторого поступательного движения.

Столь краткая ретроспектива преследовала цель напомнить об устоявшихся форматах описания связи истории и ценностей, чтобы знать от какого наследия стоит отказаться. Поэтому вряд ли стоит возвращаться к трактовке истории как прямой иллюстрации нравственных добродетелей и пороков. Столь же дискредитировал себя мета-нарратив, повествующий о поступательном воплощении моральных ценностей в истории. Поэтому резонно выдвинуть тезис, что историческое предприятие должно осуществляться скорее в свете моральных ценностей, но не с целью их прямого подтверждения или опровержения. Иначе говоря, этическое измерение истории – это вопрос не столько о том, что писать, сколько, как писать.

Для прояснения тезиса воспользуемся примером Франклина Анкерсмита о роли марксистской концепции истории. Очевидно, что в свое время она обеспечила не просто новое видение социально-экономических и политических процессов современного (буржуазного в терминологии марксизма) общества, но предоставила иной взгляд на мировую историю, открывший там такие аспекты прошлого (борьба классов в терминологии марксизма), которые не позволили бы сделать подход с иной системы ценностей. Суть, конечно, не в борьбе фальсификаций или заблуждений с подлинной картиной истории. Понятно, что принятие концепции такой борьбы как правильного понимания прошлого было бы вполне в духе классических представлений о познании как плавном или скачкообразном, но поступательном (в конечном счете) движении к истине.

Но более глубокий слой в интерпретации сути данного примера заключается не просто в осознании открытия нового видения, а в понимании, что в рамках одного ценностно-ориентированного взгляда эмпирический материал становится основанием для создания исторических фактов, а в рамках другого остается несущественным и игнорируется. Собственно говоря, Анкерсмит хотел сказать, что использование ценностей оказывается не вторжением субъективности в объективную картину прошлого, а наоборот, необходимым условием расширения наших пред-

ставлений о прошлом, а в частности, условием вовлечения нового эмпирического материала в орбиту исследовательского интереса. Поэтому вывод Анкерсмита формулируется в следующем утверждении: следует предпочесть те политические и моральные ценности, что инспирированы более сильной и более успешной репрезентацией прошлого [3, р. 22]. История, по его словам, предстает своеобразной экспериментальной площадкой испытания предпочтительности тех или иных моральных и политических ценностей [3, р. 22]. Здесь содержится, на наш взгляд, ключевая и наиболее оригинальная мысль автора: следует предпочесть то, что обеспечивает более оригинальную, более богатую картину прошлого, и, наоборот, то, что обеспечивается и поддерживается такой картиной.

К этому следует добавить, во-первых, что современную ценностную позицию исследовательского сообщества не следует представлять истиной в последней инстанции. Мы можем предполагать, что установки наших последователей могут радикально измениться, причем неизвестно в каком направлении. Но именно в силу этого незнания мы можем смело руководствоваться сегодняшними принципами. Ну и, во-вторых, не следует представлять направление расширения наших представлений о прошлом в духе эклектики по типу «с одной стороны» и/но «с другой стороны». Задача ценностных ориентиров заключается в том, чтобы обеспечить создание более-менее цельной картины прошлого.

Полученные выводы мы можем использовать для движения в обратном направлении, а именно при обсуждении вопроса о пользе истории. Можно, конечно, возразить, что вопрос о ценностном измерении истории или о моральных оценках тех или иных исторических явлений не тождественен вопросу о значении прошлого для настоящего. В качестве возражения можно было бы утверждать, что если моральные оценки рассыпаются по тексту и осуществляются по поводу тех или иных событий и персонажей, то, как справедливо отметил Алан Мегилл, если они носят конвенциональный характер, то вряд ли они нужны, а если специфичны – то сомнительны в своей обоснованности [4, р. 50]. Более того, даже в недавней истории можно найти массу примеров весьма неоднозначной, если не противоположной этической оценки тех или иных исторических личностей, событий и процессов. Зачастую даже признание у них одних этически негативных черт часто сопровождается перечислением черт этически позитивных, что предполагает саму по себе сомнительную процедуру взвешивания достоинств и недостатков. Ситуация усугубляется, если речь начинает идти о периодах, удаленных от нас как по времени, так и по этическим стандартам. Моральный суд в таких случаях отдает опасным презентизмом, чем теряет свою как моральную, так и эвристическую силу.

Иначе говоря, мы можем продолжать это делать, но такой подход в свете современных представлений о характере исторического познания вряд ли прибавит эвристичности полученному продукту. Если же мы обратимся к генеалогии таких оценок, то увидим, что они вытекают из весьма определенных представлений о цели и ценности истории, а именно трактовки ее как философии, которая должна учить с помощью примеров [5, с. 11]. Если это так, то использование моральных оценок, как и оперирование моральным языком в целом в историческом описании следует считать следствием весьма определенных установок, сложившихся по поводу ценности исторического знания. Итогом такого осмысления становится либо разочарование в статусе истории, особенно характерное для массового сознания и выражающееся в повторяющейся трансляции банальности типа каждый пишет историю под себя, либо наивное возвращение к позитивизму, проявляющееся в убеждении, что нужно просто собирать факты.

Резонно предположить, что если мы сохраняем убеждение в культурной ценности истории, то начать должны скорее с пересмотра устоявшихся представлений о такой ценности. Рискнем выдвинуть тезис, что роль истории в формировании идентичности, в обосновании тех или иных территориальных и прочих притязаний, в ее способности клеймить пороки и демонстрировать добродетели должна быть как минимум пересмотрена. Все это, конечно, делается и будет делаться. Но стоит ли это делать? Суть в том, что на этом пути она рискует стереть те грани, что отличают ее как вид знания от мифа или идеологии. Причем происходит это не в силу субъективности или ангажированности автора, а в силу характера поставленных задач. В этом плане не утратила своего значения глубокая мысль Рене Декарта: «И даже в самых достоверных исторических описаниях, где значение событий не преувеличивается и не представляется в ложном свете, чтобы сделать эти описания более заслуживающими чтения, авторы почти всегда опускают низменное и менее достойное славы, и от этого и остальное предстает не таким, как было. Поэтому те, кто соотносит свою нравственность с такими образцами, могут легко впасть в сумасбродство рыцарей наших романов и замышлять дела, превышающие их силы» [6, с. 253]. Сейчас такой подход назвали бы постправдой или производством мифов, т. е. подменой целого частью.

В поиске определения ценности истории возможно стоит вернуться к интерпретации расхожей фразы о том, что без знания прошлого нельзя понять настоящее и предвидеть будущее. Мысль «понять настоящее» можно истолковать как стремление выявить те черты, которые в нем надлежит изменить или сохранить. Как то, так и другое подразумевают наличие некоторой перспективы и с необходимостью предполагают обращение к прошлому (говоря категоричнее, от-

крытие самого прошлого), где мы ожидаем найти как минимум две вещи. В том, что касается недавнего прошлого, мы желаем обнаружить причины, породившие нашу современность. В том, что касается давно минувших дней, то стоит полагать, что единственное значение, которое мы можем ему придать, заключается в возможности осмыслить их как некоторый исторический опыт, позволяющий нам лучше понять, что и как надлежит делать (или не делать). Поэтому даже если в современной культуре будущее зачастую воспринимается как продолжение настоящего в силу отсутствия нужды в радикальном ином проекте будущего, историческое измерение открывается нам лишь в свете будущностно-ориентированной перспективы. Стоит согласиться с утверждением Йорна Рюзена, что «не существует исторической мысли без более или менее скрытой перспективы темпорального изменения, которое ведет в будущее и посредством своих интенций служит фактором в определении направления человеческой активности» [7, р. 197].

С точки зрения содержания опыт можно трактовать как обозначение нарративного формата, в котором воплощено диалектическое единство поставленных целей и непредвиденных последствий их реализации, возникших в процессе столкновения целей со столь же непредвиденными обстоятельствами. Резонно также предположить, что трактовка прошлого именно как некоторого опыта (понимаемого в смысле фразы «извлечь опыт» или «извлечь урок») предоставляет необходимую нарративную рамку, обеспечивающую возможность, образно говоря, услышать максимально большое количество голосов в прошлом или привлечь максимально широкий и разносторонний эмпирический материал. Ведь тот, кто ищет в истории оправдания или опровержения, игнорирует те свидетельства, что им противоречили. Но тот, кто хочет извлечь опыт, самим форматом провоцируется к тому, чтобы взвешивать все «за» и «против». Если это так, то следует проститься с ожиданием, что история может выступить фундаментом, обеспечивающим прочность настоящего. Даже если с некоторой натяжкой признавать, что некоторые сущности проходят сквозь время, то не историческая преемственность обеспечивает их сохранение. Скорее это делает периодическое переосмысление прошлого как некоторого опыта. Тем самым восприятие прошлого как некоторого опыта позволяет освободиться от избыточной связи с ним, а, следовательно, от тех обязательств, которые налагает его линейно-телеологическая трактовка. Возможно, что такой путь в какой-то степени позволит снять или охладить те обиды и притязания, которые проистекают из чрезмерной привязанности себя к целям и ценностям прошлого.

Кроме того, идея опыта предполагает трактовку времени и истории как серии разрывов, а не линейной непрерывности и поступательности.

Соответственно, такой подход должен определять выбор формата исторических объектов, к которым мы с этой точки зрения будем подходить. Суть такого формата в том, чтобы вывести мысль за пределы простого однозначного распределения позиций исторических агентов (актеров, персонажей) на правых и неправых. Но дело здесь не в том, чтобы поменять плюсы на минусы, а в том, чтобы вообще перевести моральные суждения в другую плоскость и использовать более богатый язык для ценностного описания таких исторических объектов. Иначе говоря, если мы сохраняем убеждение в правомерности моральной оценки прошлого, то предпочтительнее делать объектом такой оценки некоторые исторические целостности, выходящие за рамки действий отдельных исторических персонажей. Соответственно, ключевой позицией, с которой мы могли бы такую оценку осуществлять, был бы тезис «Хотим ли мы повторения таких же событий?» или «Хотим ли мы воспроизведения такого же положения дел?»

Представляется, что в этом плане идеи Хайдена Уайта об архетипических сюжетных структурах могут получить второе дыхание [8, р. 83]. В частности, речь идет о трактовке особенно недавнего прошлого как трагедии. Трагедия предстала бы понятием или идеей для обозначения так скажем сущности того или иного исторического комплекса вне зависимости от субъективных интенций его участников. Конечно, ее следовало бы трактовать не как априорную категорию, под которую подгонялся бы эмпирический материал, а скорее как суммирующий вывод из него, обеспечивающий моральную понятность происшедшего для потомков. Возможно, что такая оценка прошлого могла бы сыграть еще одну принципиальную роль, а именно выступить основанием для консенсуса конфликтующих трактовок прошлого, особенно в массовом сознании.

Библиографический список

1 Кант И. Основоположение к метафизике нравов / И. Кант // Сочинения. – Москва, 1997. – Т. 3. – С. 39–275.

2 де Мабли Г.-Б. Об изучении истории. О том, как писать историю / Г.-Б. де Мабли. – Москва : Наука, 1993. – С. 150–234.

3 Ankersmit F.R. In Praise of Subjectivity // *The Ethics of History* / ed. by David Carr, Thomas R. Flynn and Rudolf A. Makkreel. Northwestern University Press, 2004. – P. 3–26.

4 Megill A. Some aspects of Ethics of History-Writing: reflections on Edith Wyschogrod's *An Ethics of Remembering* // *The Ethics of History* / ed. by David Carr, Thomas R. Flynn and Rudolf A. Makkreel. Northwestern University Press, 2004. – P. 45–75.

5 Болинброк. Письма об изучении и пользе истории / Болинброк. – Москва : Наука, 1978. – 358 с.

6 Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках / Р. Декарт // Декарт Р. Сочинения в двух томах. – Москва : Мысль, 1989. – Т. 1. – С. 250–296.

7 Rusen J. Responsibility and Irresponsibility in Historical Studies: A Critical Consideration of the Ethical Dimension in the Historian's Work // *The Ethics of History* / ed. by David Carr, Thomas R. Flynn and Rudolf A. Makkreel. Northwestern University Press, 2004. – P. 195–213.

8 Bevernage B. Narrating Pasts for Peace? A Critical Analysis

of Some Recent Initiatives of Historical Reconciliation through 'Historical Dialogue' and 'Shared History' // Ethos of History. Time and Responsibility / Ed. by St. Helgesson and J. Svenungsson. Berghahn Books, 2018. – P. 71–93.

АНТРОПОЛОГИЗМ ТЕХНИКИ

*О. А. Темникова,
канд. филос. наук
Курганский государственный университет
o.temnikova@rambler.ru,
А. И. Поляков,
бакалавр философии,
независимый исследователь
Andreasan.1998@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются особенности опредмечивания в технике сущностей человека.

Ключевые слова: антропологизм, техника, тело.

ANTHROPOLOGISM OF TECHNIC

*О. А. Temnikova,
Kurgan State University
o.temnikova@rambler.ru,
A. I. Polyakov
Bachelor of Philosophy,
independent researcher
Andreasan.1998@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the features of objectification in the technique of human entities.

Keywords: anthropologism, technique, body.

Взаимоотношение человека и техники во многом определяется как личностными требованиями человека – жадой комфорта, возможностью преувеличивать свои физические способности (техника становится неким опредмечиванием в материале новых человеческих возможностей), так и социокультурными: амбициозностью взаимоотношений с окружающими, экономическими и политическими факторами, развитием науки, духовными ценностями. Как писал М. Хайдеггер, через сущность техники человек говорит с бытием, слышит его, техника – это важнейший способ обнаружения глубинных свойств бытия, позволяющий выявить то, что сокрыто в нем и может быть угадано и представлено в подлинном, неискаженном лике. В технике, по мысли этого немецкого философа, главное не делание, не манипулирование, а обнаружение. Его термин «Постав» (Gestell) – скрытая сила, порождающая сущность и феномен современной техники, переводится как «каркас», «стойка», «подставка», но в более глубоком философском смысле. Это некое таинственное начало, порождающее технику; ее трансцендентальная предпосылка; «постав» – это бытие техники [1, с. 221].

В своей работе мы попытаемся посмотреть на этот «каркас» как на опредмеченные антропологические и социокультурные свойства. И эту область исследования мы предлагаем назвать «Антропологизмом техники».

Сущность человека анализировали и классифицировали многие исследователи. Нам близка классификация И. Н. Степановой, которая предложила антропологическую матрицу конструирования философско-антропологических парадигм сущности человека на основе его состава – тела, души, духа, а также социальности [2, с. 12].

Создавая технические устройства, человек, по сути, «выходит» за пределы своего тела, расширяет его, делает мощнее, быстрее, сильнее. Орудие труда (техническое приспособление) воспринимается им как его собственное продолжение, как его неотъемлемая (в данной деятельности) часть. Такое отношение к сущности техники порождает как технофилию, так и технофобию. Как пишет С. В. Оболкина: «Человек сближается с техникой, делает технику активным элементом собственной телесности. А телесность – это природно-культурный феномен, который формируется исходя из того, как человек воспринимает физическую сторону своего существования и как ее контролирует; как относится к своему телу, как им владеет и каким желает его видеть среди других тел» [3]. Здесь стоит заметить, что греческое σῶμα («тело») – это, в первую очередь, объективация человека, и анализ телесности – это анализ самоощущения человека. Еще в эпоху Нового времени концепт «тело–машина» получает мощную философскую трактовку в трудах Р. Декарта, Г. Лейбница, Ламетри. Создание технических устройств по образу человека (с функциями, превосходящими человеческие возможности) приводит к развитию бионики, робототехники, к развитию современной медицины.

Идея органопроекции представлена в творчестве философа П. Флоренского. Техника не является чем-то принципиально инородным человеку и его телу. Техническая среда – реализация творческого замысла, опредмечивание сугубо человеческих интенций. Техника, по мысли П. А. Флоренского, это сколок с живого тела, живое тело – прообраз всякой техники. По его мнению, технические орудия не противостоят человеку, а входят в его состав, являются своеобразной проекцией его органов, по образцу которых устраиваются орудия, ибо «одно и то же творческое начало – в инстинкте зиждет подсознательно тело с его органами, а в разуме – технику с ее орудиями» [4, с. 21]. Познание техники, по Флоренскому, может раскрыть новые возможности в познании человека: «Если изучение организмов есть ключ к техническому изобретению, то и обратно, технические изобретения можно рассматривать как реактив к нашему *самопознанию*. Техника может и должна провоцировать биологию, как биология технику. В себе и вообще в жизни открываем мы еще неосуществленную технику; в технике – еще не изученные стороны жизни» [4, с. 23].

Под душевностью человека мы будем понимать, в первую очередь, его сознание. В работах Т. А. Башировой и В. А. Жилиной мы сталкива-

емя со следующим тезисом: «Именно техника убедительно показывает, что среда обитания человека – это опредмечивание его внутреннего содержания вовне. Иными словами, человеческое Я выступает непосредственным демиургом той действительности, в которой Я себя осуществляет» [5, с. 47–52]. В качестве констант человеческой деятельности они рассматривают разум и детерминированную им разумность, власть и властные отношения как способ связи со средой, труд: его сущность и организация, творчество. По мнению этих исследователей, непосредственной средой, в которую погружен человек в течение своего пребывания в мире, выступает его собственное сознание. Сознание – самая очевидная, интуитивно недоказуемая реальность, через которую и посредством которой человек позиционирует себя вовне и для самого себя.

Техника есть порождение разума. Но в отличие от других продуктов сознания её нельзя рассматривать исключительно как результат. Техника возникает и развивается как процесс, и этот процесс фактически дублирует по структуре деятельность сознания. Сознание всегда выступает посредником между человеком и средой. Техника вписывается в деятельность человека как промежуточное звено между целью и результатом, что позволяет считать волю человека доминирующим фактором действия. Достигнув определённой автономности, самостоятельности существования в социальной среде, техника начинает трансформировать сами свойства сознания через принципы обратной связи. Так, техника, безусловно, усиливает общий процесс рационализации.

Несомненно, наиболее показательно опредмечивание психического проявляется в создании искусственного интеллекта – системы, имитирующей процесс решения многообразных задач, выполнения интеллектуальных функций человека. В данный момент интеллектуальные системы способны высокоточному контролю и помогают в управлении, но при этом сам человек становится totally контролируемым.

Итак, опредмечивание своей телесности и разумности в технику расширяет возможности человека, помогает ему выйти за пределы самого себя, а также техника внутри себя продуцирует открытия, которые изначально в технических устройствах не закладываются. Тем самым техника оказывается фактором, изменяющим структуру самой деятельности человека.

Опредмечивание спиритуалистической сущности человека будем понимать как наличие некоего «духа» техники, связанного с человеком и проявлением личности во взаимоотношении человека и техники. Так как Ортега-и-Гассет считал, что главная задача техники – это создавать некое усилие ради сбережения усилий человека. То есть техника – это действия, которые мы предпринимаем, чтобы избежать проблем, забот, тяжестей, которые нам навязываются обстоятельствами. В

той пустоте, которая осталась после преодоления человеком неотложных забот, он созидает иные, уже небиологические заботы, которые навязаны природой, а изобретены им для себя самого. Миссия техники – освобождение человека, дарующее ему возможность всецело быть самим собой.

Социальность человека скорее раскрывается, а не опредмечивается в технике. Э. Фромм указывал, что в сущности техники лежит такой феномен как потребление. Это существенная проблема, сформировавшаяся в период массовой культуры, которая показывает то, как техника создает нового человека: «Ему нужны люди, которые легко взаимодействуют в больших группах, стремятся потреблять все больше и больше, чьи вкусы стандартизированы, легко поддаются влиянию, и чьи реакции легко предвидеть. Ему нужны люди, чувствующие себя свободными и независимыми, не подчиняющиеся авторитетам, принципам или совести, – и все же готовые к тому, чтобы ими командовали, делающие то, что от них ожидают, легко приравливающиеся к общественному механизму» [6, с. 134].

Через технику современный человек имеет возможность реализовать свои социально иерархические амбиции, эстетические предпочтения, поделить ответственность в ситуациях сложных моральных конфликтов, имеет возможность воздействовать на окружающих.

Таким образом, параллельно с общеизвестными философскими концептами о «человеке-машине», «машинности общества и культуры» вполне может сосуществовать концепт об «антропологичности техники», рассматривающий сущность техники как опредмеченную сущность человека.

Библиографический список

- 1 Хайдеггер М. *Вопрос о технике* / М. Хайдеггер // *Время и бытие*. – Москва : Республика, 1993. – С. 221–238.
- 2 Степанова И. Н. *Философско-антропологические основы стратегий образования и воспитания : монография* / И. Н. Степанова. – Курган : Изд-во Курганского гос.ун-та, 2003. – 308 с.
- 3 Оболкина С. В. *Техногенная цивилизация и телесность человека* / С. В. Оболкина // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. – 2011. – Вып. 11.
- 4 Флоренский П. *Органопроекция* / П. Флоренский // *Декоративное искусство СССР*. – 1969. – № 12. – С. 29–42.
- 5 Баширова Т. А. *Техника как детерминанта трансформаций сущностных характеристик существования человека* / Т. А. Баширова, В. А. Жилина // *Вестник Челябинского государственного университета. Философские науки*. – 2017. – Вып. 43. – № 1 (397). – С. 47–52.
- 6 Фромм Э. *Здоровое общество. Догмат о Христе* / Э. Фромм. – Москва : АСТ: Транзиткнига, 2005. – 571 с.

УДК: 3212.7
УДК 316.454.3

К ПРОБЛЕМЕ МЕТАКОГНИТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

*А. С. Тимощук,
д-р филос. наук, доцент
ВЮИ ФСИН
human@vui.vladinfo.ru*

Аннотация. В статье анализируется проблема оценки адекватности познания, завышенной когнитивной самооценки.

Ключевые слова: невежество рождает уверенность, некомпетентность, эффект Даннинга – Крюгера, переоценка, метакогнитивное искажение.

TOWARDS THE PROBLEM OF METACOGNITIVE COMPETENCE

*A. S. Tymoshchuk,
Dr. Philosophy, Associate Professor,
VUI FSIN
human@vui.vladinfo.ru*

Abstract. The article analyzes the problem of assessing the adequacy of cognition, overestimated cognitive self-esteem.

Keywords: ignorance gives rise to confidence, incompetence, Dunning-Kruger effect, overestimation, metacognitive distortion.

Мы находимся в условиях усложнения не только бытия, но и его познания. Множество когнитивных аспектов информационного общества работают на общую комплексную комбинаторику: разветвленность контуров принятия решений. Один из факторов – это переоценка собственных когнитивных способностей. Информатизация и общество знаний, казалось бы, должны способствовать росту научных знаний, увеличению осознанности, профессионализма и, наоборот, ослаблению безграмотности, непросвещённости, бескультурия, некомпетентности, власти стереотипов. Прежде всего, сама установка на искоренение невежества является утопией. Мифотворчество всегда будет сопровождать человека, т. к. существует глубинная потребность в личностных успокаивающих легендах [1]. Важным источником искажения реальности выступают технологии манипуляции общественным сознанием, что распространено в управлении социальными процессами, медиаполитике и маркетинге [2]. Ещё одним источником распространения иллюзий является само массовое общество, которое через социальные сети и видеохостинги медиатизирует свой непрофессионализм, любительские суждения, посредственность.

Одна из интересных характеристик новой нормальности – трансформация эпистемических

установок, конструирование адекватности и отчётливости отражения предмета в жизненном мире субъекта. Профессор психологии Дэвид Даннинг обратил внимание на такую особенность человеческого познания как переоценка своей компетентности. Вместе с социальным психологом Джастином Крюгером американский когнитивист провёл ряд групповых исследований, результат которых свидетельствует об эпистемической дерзости тех, кто не обладает достаточной квалификацией, и, напротив, эпистемической скромности знающих. Кривая самооценки на когнитивном графике, где вертикальная ось – это уверенность, а горизонтальная – опыт, состоит из пика глупости, долины отчаяния и склона просветления. То есть те, кто не знают, что они не знают (низкая компетенция), обладают высокой самооценкой. По мере того, как мы больше узнаём о своём незнании (средний уровень компетенции), наша уверенность снижается. И постепенно по мере роста знания (высокая компетенция) уверенность немного начинает расти. Специалисты посчитали, что не критическое отношение к собственным суждениям может иметь негативные социальные последствия для здоровья, образования и экономических обменов [3]. Действительно, учёные в разных областях (экономика, образование, психология, нейробиология) посчитали описанный эффект важным результатом: исследование вызвало резонанс, получило высокую цитируемость.

Особенно интересен вопрос, почему низкая квалификация становится основанием для самоуверенности. Этому могут быть даны не только психологические толкования особенности личности, но и когнитивные. В начале нам не хватает не только фактических знаний в какой-то области, но и сопровождающих знаний: 1) оценочных знаний или знаний о знании других в этой области; 2) об иерархичности, комплексности, контекстuality предмета. Только на относительно высоком уровне знаний можно начать понимать, сколько нужно знать и сколько знают настоящие эксперты. Когда нам не хватает знаний, то мы и не можем оценить свои собственные знания и знания других. Даже небольшое количество знаний может придать большую уверенность и показаться высоким уровнем по сравнению с предыдущим полным невежеством (эффект второкурсника).

Является ли вера в данном случае эпистемическим свойством? И да, и нет. С одной стороны, она позволяет новичку не бояться трудностей, а с головой прыгать в омут проблем, куда боятся подступиться уже более опытные (*Fools rush in where angels fear to tread* ≈ дуракам закон не писан). С другой стороны, «дураки» получают превосходство веры. Несмотря на то, что они ошибочно оценивают свои когнитивные способности, они выигрывают социальное одобрение за свою уверенность. Зачастую сегодня в битве знания и хайпа побеждает хайп.

Эпистемическая непригодность знаний имеет

также место, когда, если продолжить использовать аристотелевские термины, пафос перекрывает логос и этос. В социальной коммуникации способность подавлять экспрессией содержание называется «эффектом доктора Фокса» со времён социального эксперимента прошлого века, когда представительный лектор (профессиональный актёр) авторитетно выступал, тепло общался с аудиторией, шутил, располагал к себе, тем самым полностью маскируя бессмысленное по содержанию выступление. Материал для лекции был подготовлен экспериментаторами. Это был наукообразный текст со множеством ошибок, противоречий, пустых гипостазированных понятий. Доктор Майрон Фокс был представлен как специалист по математическому моделированию человеческого поведения. Аудитория высоко оценила выступление на тему «Математическая теория игр и ее применение к врачебному образованию». Присутствовавшие в зале психиатры, психологи, социальные работники поставили галочки в опроснике напротив «Проявлял ли выступающий интерес к теме?», «Был ли материал представлен интересным образом?», «Был ли материал хорошо организован?», «Заставил ли Вас лектор задуматься?». Нашлось даже 9 человек из 300 опрошенных, которые подтвердили, что читали публикации спикера. Эксперимент поддержал гипотезу о том, что модус красноречия сообщает убеждённость в знании получающему даже при пустом содержании [4].

Люди склонны придерживаться чрезмерно оптимистичных взглядов на свои способности во всех сферах деятельности. Эта переоценка происходит потому, что у профессионалов невысокого уровня не хватает метакогнитивной компетенции или способности адекватно оценивать свои показатели. Они не только допускают ошибки в своей деятельности, но и неспособны отличать точность от аппроксимации.

Эффект Даннинга – Крюгера встречается не только среди непрофессионалов. Последствия непонимания ограниченности своей компетенции могут быть ещё более велики, если в заблуждении находится специалист в одной области, но дилетант – в другой. Высокий уровень компетенции в одной области позволяет ему проецировать успехи одного поля деятельности знания на другое.

Почему такое когнитивное искажение имеет место у профессионалов? Казалось бы, понятно, почему со снижением квалификации растёт степень уверенности. Истинное знание в том, чтобы знать пределы своего невежества (Конфуций). Тот, кто не обладает представлениями о границах своего предмета, не может ведать и своей односторонности. Отсюда, доктор медицинских наук знает всё про одну болезнь, кандидат – про несколько, лечащий врач – про многие, а фельдшер – всё про все болезни. Однако это заблуждение, что метакогнитивное искажение будет присуще только представителям младшего корпоративного зве-

на. Переоценка своего уровня свойственна людям со средним уровнем компетенции, а у более компетентных людей ошибка в самооценке должна быть меньше. Однако самое меньшинство из них может принести вред обществу, скрывая под наукообразными конструкциями шарлатанство или метакогнитивное искажение.

В проекте «Наука против мифов» список номинантов антипремии ВРАЛ включает следующих персон: торсионщик, телегонист, создатель теории волнового генома П. П. Горяев; активист анти-ГМО И. В. Ермакова; популяризатор фолк-истории М. Н. Задорнов; автор ДНК-генеалогии А. А. Клёсов; офтальмолог и пропагандист мистцизма Э. Р. Мулдашев; изобретатель оптической броневой керамики В. И. Петрик; автор популярных лженаучных программ И. С. Прокопенко; создатель лаборатории альтернативной истории А. Ю. Скларов; математик и создатель новой исторической хронологии А. Т. Фоменко; псевдолингвист В. А. Чудинов; популяризатор теологии в вузах Г. В. Алфеев; пропагандист В. Г. Жданов; исследователь технологий НЛО и создатель бестопливной энергетики В. Г. Катющик; ВИЧ-диссидент О. Г. Ковех; псевдо-эксперт, доктор биологических наук С. В. Савельев; автор наукообразных статей А. М. Тюрин; гомеопат О. И. Эпштейн; скандальный публицист Е. Н. Понасенков; пропагандист идеи украинско-польского ига в России А. В. Пыжиков; наукофоб Г. Л. Стерлигов; псевдо-историк В. В. Сундаков; ясновидящий-криминалист М. В. Виноградов; конспиролог А. Г. Дугин; мединстагуру Н. А. Зубарева; политтехнолог А. А. Кунгуров; плоскоземелец Роман Милованов; публицист Н. В. Стариков; антипрививочник Е. Ю. Филатова.

Вероятно, многие из перечисленных членкорреспондентов Академии «ВРАЛ» (которую можно приравнять к РАЕН, «общественной академии») искренне верят в своё дело, коль скоро выпускают видео о «преследовании учёных» и представляют себя жертвами заговора академической науки. Среди перечисленных есть разные типы: авантюристы и социальные активисты, скептики и энтузиасты. Отдельно нужно представить феномен фрика, который существовал всегда, такого деревенского начитанного по верхам балабола (Глеб Капустин в рассказе В. Шукшина «Срезал»). В эру ИКТ фрики набирают свою глобальную аудиторию: можно спорить с Ньютоном и Эйнштейном и получать за это лайки. Астрал, русы, аура, роды, шары-державы, торсионы – главная особенность помешанных на лженауке энтузиастов заключается в отрицании фаллибилизма и проверяемости. Разрывая связи с институционализмом и нормальной наукой, псевдо-учёные продвигают маргинальные концепции: алхимия, астрология, нумерология, френология, гомеопатия, хиромантия, дианетика, соционика, экстрасенсорика, биоэнергетика, уфология, парапсихология и т. п. Девиантная наука весьма эф-

фективно подпитывается идеями из нормальной, но при этом нагружает её супранатуральными концептами [5].

Имеются случаи, когда учёные, имеющие квалифицированные достижения в одной области, выдвигают псевдонаучные теории в другой. Этнограф и востоковед Н. Я. Марр продвигал малообоснованную концепцию «яфетического» происхождения языков, что все языки якобы развились из картвельской макросемьи.

Лайнус Полинг конвертировал свой научный статус нобелевского лауреата в медицину, где он пропагандировал лечение различных заболеваний огромными дозами витамина С. Его личная убежденность и практика приёма высоких доз витамина создали целый культ ортомолекулярной медицины, в то время как медицинское сообщество в целом не разделяет этого мнения, указывая на необходимость соблюдения норм приёма [6], т. к. передозировка витаминов может вызвать токсикоз печени, нефролитиаз и иные неблагоприятные последствия.

Может ли преподаватель профессиональных дисциплин быть конспирологом, альтернативщиком, антипрививочником, «немогликом»? Вероятно, да, это может иметь место в силу индивидуальных эпистемических качеств, особенностей профессиональной подготовки, где было мало внимания уделено теории познания. Вместе с тем это не даёт основание использовать свой эпистемический статус вузовского работника и транслировать обучающимся недостоверные измышления об истории, политике, управлении, экономике, фармацевтике, медицине и т. п. Именно некритическим специалистам присущи метакогнитивные искажения, такие как феномен чувства полного понимания или иллюзия знания.

Если мы допускаем синергетический характер эволюции с её полифуркациями, нелинейностью, то почему бы не допустить, что Гомер написал Одиссею, Шекспир – автор гениального корпуса произведений английской литературы XVI в., М. Шолохов – автор романа «Тихий Дон». Слишком гениально – это не приговор.

Эффект Даннинга – Крюгера – это проблема переоценки себя неопытными, «unskilled and unaware». Казалось бы, по мере роста знаний человек должен переходить из состояния незнания о своём незнании к учёному незнанию. Вместе с тем, как ещё замечал Сократ, многие даже этого продолжают не знать. Неслучайно К. Р. Поппер настаивал на принципе фальсификации для критерия научности. Очень часто наблюдается абсолютизация научного учения – механицизм Нового времени, логицизм позитивизма, историзм марксизма, натурализм естественных наук и экономический либерализм – всё это примеры переоцененных проектов в истории мировоззрения. Эти направления сохраняют свою научность до тех пор, пока допускают свою ограниченность и потенциальную опровержимость.

Совокупность общих взглядов, выработанных человечеством, разделяемых многими без обсуждения, является важным средством экономики мышления и времени. Действительно, такие представления могут быть ошибочными, например, средневековая идея существования «края Земли».

Всегда ли мы ограничиваем себя, разделяя типизированные представления здравого смысла? Нужно ли нам сомневаться во всём и разделять самые несуразные представления, что Земля – плоская, Иван Грозный и Пётр Первый – это одно лицо, за Марсом существует скрытая планета Нибиру и т. п.?

Какова выгода от создания новой таблицы умножения? Отказ от стандартизированных знаний должен иметь выгоду, перспективу развития. Для авторов-лжеучёных, доказывающих новую хронологию, возможность извлечения энергии из вакуума, воскрешения мёртвых и т. д., это выгодно, т. к. они зарабатывают социальный и материальный капитал.

В случае с новыми парадигмальными сдвигами Галилея, Колумба, Лавуазье, Дальтона, Ньютона, Максвелла, Шлимана речь идёт не об отказе от науки, а об уточнении её теорий. Это взаимодействие на уровне ядра и периферии, когда старое описание становится частным случаем более широкой парадигмы.

Библиографический список

- 1 Тимошук А. С. *Нарративные пределы мифотворчества* / А. С. Тимошук // *Миф в истории, политике, культуре : сборник материалов III Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2019 года, г. Севастополь)* / под ред. О. А. Габриеляна, А. В. Ставицкого, В. В. Хапаева, С. В. Юрченко. – Севастополь : Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в г. Севастополе, 2019. – С. 274–277.
- 2 Тимошук А. С. *Социальные эффекты медиатизации* / А. С. Тимошук // *Трансформация медиасреды в XXI веке : материалы международной научно-практической конференции* / отв. ред. Д. В. Неренц. – Москва : РГГУ, 2019. – С. 136–142.
- 3 Dunning D., Kruger J. *Unskilled and Unaware of It: How Difficulties in Recognizing One's Own Incompetence Lead to Inflated Self-Assessments* // *Journal of Personality and Social Psychology* : journal. 1999. Vol. 77, no. 6. – P. 1121–1134.
- 4 *The doctor Fox lecture: a paradigm of educational seduction* / Donald H. Naftulin, M.D., John E. Ware, Jr., and Frank A. Donnelly // *Journal of Medical Education*. July 1973. Vol. 48. – P. 630–635.
- 5 Константинов В. Н. *Теория мифотворчества* / В. Н. Константинов, А. С. Тимошук // *Поругание разума: экспансия шарлатанства и паранормальных верований в российскую культуру XXI в. : тезисы к международному симпозиуму «Наука, антинанука и паранормальные верования» (3–7 октября 2001 г.)* / сост. и ред. В. А. Кувакин. – Москва : Российское гуманистическое общество, 2001. – С. 56–57.
- 6 Тимирханова Г. А. *Витамин С: классические представления и новые факты о механизмах биологического действия* / Г. А. Тимирханова, Г. М. Абдуллина, И. Г. Кулагина // *Вятский медицинский вестник*. – 2007. – № 4. – С. 160.

ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ ПРАВА ПОЛИТИКОЙ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ В ПЕРИОД НЭПА

*О. И. Филонова,
канд. юрид. наук, канд. ист. наук,
доцент кафедры гражданского
процессуального права
Северо-Западный филиал Российского
государственного университета
правосудия
filonova2006@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена влиянию политики на право в период новой экономической политики. На основе анализа гражданского процессуального законодательства делается вывод об обусловленности гражданского процесса политикой советского государства и интересами социалистического строя. К аспектам влияния относились: оценка судом соответствия дела социально-хозяйственному назначению, высокая активность суда, возможность устного заявления истца, возможность участия в качестве представителей сторон членов их трудового коллектива, вынесение решения по аналогии права, в том числе на основе общей политики советского правительства.

Ключевые слова: гражданское процессуальное право, суд, советское государство.

DETERMINATION OF LAW BY POLICY IN THE CIVIL PROCESS DURING THE NEW ECONOMIC POLICY PERIOD

*O. I. Filonova,
North-West Branch of the Russian State
University of Justice
filonova2006@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the influence of politics on law during the new economic policy period. Based on the analysis of the civil procedural legislation, a conclusion is made about the conditionality of the civil process by the policy of the Soviet state and the interests of the socialist system. Aspects of influence included: the court's assessment of the suitability of the case for the socio-economic purpose, the high activity of the court, the possibility of an oral statement by the plaintiff, the participation of members of their labor collective as representatives of the parties, the decision by analogy of law, including on the basis of the general policy of the Soviet government.

Keywords: civil procedural law, court, Soviet state.

Особенностью советского права 1920-х гг., в том числе норм судопроизводства, являлась его политическая детерминированность. Очевидно, что наиболее отчетливо влияние политических

установок проявилось в уголовном судопроизводстве. Но примечательно, что и нормы гражданского судопроизводства, по природе своей основанного на интересе частных лиц, были призваны соответствовать задачам советского государства. В руководящих документах подчеркивалось, что задачи, возлагавшиеся на судебные органы, «тесно увязаны с хозяйственным строительством и общей политикой партии» и могут быть осознаны лишь в разрезе общих политических и экономических директив партийных съездов [1].

Научная разработка положений гражданского процессуального права в советской России началась с переходом к новой экономической политике. Именно тогда перед наукой была поставлена задача теоретических разработок создания и применения советского права [2, с. 45].

Развитие судопроизводства в этот период было вызвано реалиями нэпа и основывалось на партийных решениях [3, с. 58]. Концептуальные установки, обусловившие влияние политики на право, получили отражение в нормах Гражданского процессуального кодекса РСФСР, утвержденного Постановлением ВЦИК от 10 июля 1923 г. (далее ГПК РСФСР 1923 г.).

Как пояснял А. Я. Вышинский, при переходе государственной власти в руки пролетариата орудием защиты интересов трудящихся становится не только уголовный, но и гражданский суд, соответственно, стирается различие в природе уголовного и гражданского процессов. Буржуазное государство относится к поведению сторон в гражданском процессе с безразличием, в то время как в пролетарском гражданском процессе «нет свободной борьбы предоставленных самим себе сил», и «основные положения ГПК РСФСР дают большое место началу публичному, явно подчиняя начало частное» [4, с. 18–19].

Идеология советской государственности обусловила характерную черту гражданского процесса – активную роль суда при формальном сохранении принципа состязательности сторон. Ст. 5 ГПК РСФСР 1923 г. закрепляла обязанность суда стремиться всеми средствами к выяснению действительных прав и взаимоотношений тяжущихся – не ограничиваясь представленными сторонами объяснениями и материалами, суд должен был путем задаваемых сторонам вопросов обеспечить выявление существенных для разрешения дела обстоятельств и подтверждение их доказательствами. Суд был призван оказывать обращающимся к нему трудящимся активное содействие к ограждению их прав и законных интересов, чтобы юридическая неосведомленность и малограмотность не могли быть использованы во вред трудящимся. Компетенцию суда составляло разъяснение обращающимся к нему сторонам их процессуальных прав и необходимых формальностей, предупреждение о последствиях процессуальных действий.

Гражданское процессуальное законодатель-

ство предоставляло суду инициативу и широкие полномочия не только в оценке доказательств, но и в сборе доказательств (ст. 118, ст. 121 ГПК РСФСР 1923 г.). Доказательства представлялись сторонами, но могли быть собраны и по инициативе суда. Если представленных сторонами доказательств было недостаточно, суд мог предложить сторонам представить дополнительные доказательства. Необходимые поверочные действия по представленным доказательствам (осмотр на месте, вызов «сведущих лиц», вызов и допрос свидетелей, проверка письменных документов) проводились не только по просьбе сторон, но и по собственной инициативе суда. Если в свидетельских показаниях судья усматривал противоречие, то он был вправе назначить свидетелям очную ставку; если поступало заявление о подложности документа, суд производил проверку его подлинности.

Народный суд приступал к разбору гражданского дела не только на основании письменного заявления истца, но и по устному заявлению – в этом можно усмотреть стремление государственной власти подчеркнуть доступность советского суда широким слоям населения. Помимо сторон, правом инициировать судебное разбирательство по гражданским делам наделялся прокурор.

Стороны могли вести дела лично или через представителей. Суд мог признать необходимым участие прокурора. Представлять интересы сторон могли не только законные представители недееспособных и члены коллегий защитников. Но в качестве представителей своих работников в гражданском процессе могли участвовать уполномоченные профсоюзов, руководители и сотрудники трудовых коллективов. В данных нормах института представительства в гражданском процессе, очевидно, получил выражение принцип социалистического строя, закреплявший ответственность коллектива за каждого своего товарища.

Рассмотрение дела проходило публично и устно. Судебное решение выносилось большинством голосов в письменной форме, подписывалось всеми участвовавшими в его вынесении судьями, объявлялось публично. В соответствии с ГПК РСФСР 1923 г. суд разрешал дела на основании действующих узаконений и распоряжений высших органов государственной власти и управления СССР и РСФСР, постановлений местных органов власти, изданных в пределах их компетенции. Допускалось вынесение решения по аналогии права – в отсутствие узаконений и распоряжений суд должен был руководствоваться общими началами советского законодательства и общей политикой рабоче-крестьянского Правительства (согласно ст. 4 ГПК РСФСР 1923 г.).

Принятие дела к производству и вынесение решения суда в гражданском процессе в определенной степени обуславливались положениями правовых норм, отражавших политику государства по охране установленного правопорядка. Например, Гражданский кодекс РСФСР,

утвержденный Постановлением ВЦИК от 11 ноября 1922 г., предусматривал защиту только тех гражданских прав, которые соответствовали советскому правопорядку: «...гражданские права охраняются законом, за исключением тех случаев, когда они осуществляются в противоречии с их хозяйственно-социальным назначением» (ст. 1). Новая экономическая политика в целом выделась как отступление от генеральной линии, в связи с чем имущественные права частных лиц считались уступкой для стратегического развития производительных сил страны и должны были подчиняться установке о доминировании социалистической формы собственности. Из указанного можно сделать вывод, что в рамках гражданского процесса на основании судебного усмотрения производилась оценка значимости конкретных гражданских дел с точки зрения интересов советской государственности.

На решение суда могла быть подана кассационная жалоба в губернский или Верховный суд РСФСР по подсудности. Исполнительное производство начиналось на основании исполнительного листа по устному или письменному заявлению взыскателя. Представляется, что возможность устного заявления в исполнительном производстве подчеркивала доступность суда населению.

Подводя итоги вышеизложенному, следует сделать вывод о влиянии политики советского государства на гражданское процессуальное право. Это воздействие проявлялось в следующих аспектах:

1) оценка судом возможности принятия каждого конкретного гражданского дела к производству с учетом критерия – соответствует ли дело или не соответствует социально-хозяйственному назначению и интересам социалистического общества;

2) высокий уровень активности суда в процессе: чтобы юридическая неосведомленность, малограмотность и тому подобные обстоятельства не могли быть использованы во вред трудящимся, суд должен был разъяснять сторонам процессуальные действия и права, суд имел право по собственной инициативе собирать доказательства;

3) основанием для гражданского судопроизводства в народном суде и исполнительного производства являлось не только письменное, но и устное заявление истца (взыскателя), что демонстрировало доступность суда широким слоям населения в социалистическом государстве;

4) в качестве представителей работников в гражданском процессе могли участвовать уполномоченные профсоюзов, руководители и постоянные работники трудовых коллективов, что отражало такой принцип социалистического строя, как ответственность коллектива за каждого товарища.

Взаимодействие права и политики (и даже по сути дополнение права политикой) особенно отчетливо проявлялось в случае пробела в законодательстве, а именно – в отсутствии норм зако-

нодательства суд должен был руководствоваться общими началами советского законодательства и общей политикой советского правительства.

Библиографический список

- 1 Отчет НКЮ РСФСР за 1928 г. // ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). – Ф. А-353. – Оп. 10. – Д. 9. – Л. 150.
- 2 Боннер А. Т. История развития отечественной гражданской процессуальной мысли / А. Т. Боннер, Д. А. Фурсов // Арбитражный и гражданский процесс. – 2012. – № 4. – С. 44–48.
- 3 Филонова О. И. развитие судопроизводства в период нэпа: историко-правовой опыт / О. И. Филонова // Российское правосудие. – 2019. – № 6. – С. 57–64.
- 4 Вышинский А. Я. Курс уголовного процесса / А. Я. Вышинский. – Москва : Юридическое издательство НАРКОМЮСТА РСФСР, 1927. – 222 с.

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ РОССИЯН

*Л. Н. Чертова,
канд. филос. наук, доцент
Курганский государственный университет
Chertovalarisa@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируется понятие патриотизма и понимание патриотических ценностей в современной России.

Ключевые слова: патриотическая идея, патриотические ценности, представления россиян, государственный патриотизм.

PATRIOTIC IDEA IN THE VIEW OF THE RUSSIANS

*L. N. Chertova,
Kurgan State University
Chertovalarisa@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes the concept of patriotism and the understanding of patriotic values in modern Russia.

Keywords: patriotic idea, patriotic values, representations of Russians, state patriotism.

На протяжении многих лет социологические опросы фиксируют рост патриотических настроений в современной России. Так, по данным ВЦИОМ (зима 2020 г.) более 80 % россиян считают себя патриотами. Это максимум за последние 20 лет. Однако на вопрос, что они вкладывают в это понятие, как его объясняют, многие затруднились ответить, назвав по традиции только «любовь к родине». И это неслучайно, понятие патриотизма и его роли в прошлой и современной России до сих пор продолжают оставаться предметом научных дискуссий [1].

Слово «патриотизм», как определяет учебно-справочная литература, произошло от латинского слова «*patris*», что означает «родина», «отечество». Считается, что впервые его начали употреблять древние греки, но смысл у него был иной («земляк, выходец из другой местности»). Аналогичным по значению слову «патриот» у древних греков был термин «филополис» — «любящий (свой) город».

В толковом словаре В. Даля понятие «патриотизм» трактуется через однокоренные и близкие по смыслу слова «патриот», «патриотка»: «любителю отечества, ревнителю о благе его, отчизнолюб, отчественник или отчизник. Патриотизм — любовь к отчизне. Патриотический, отчизненный, отчественный, полный любви к отчизне» [2].

Большой энциклопедический словарь трактует термин как «любовь к родине; привязанность к месту своего рождения, месту жительства» [3].

Более подробное описание патриотизма со-

держится в словаре Брокгауза и Эфрона. Автор статьи — русский философ Владимир Соловьёв, определил «патриотизм» как «любовь к отечеству» и проанализировал его генезис, отметив, что первоначально, на этапе развития кровнородственных отношений, чувство общественной солидарности совпадало с семейным чувством, и патриотизм понимался как «любовь к семье». «При переходе племен к оседлому земледельческому быту патриотизм получает свое специфическое значение, становясь любовью к родной земле. В условиях появления городов и городского быта развивается новый элемент патриотизма — привязанность к своей культурной среде или к родной гражданственности» [4].

В русских источниках XIV–XVI вв. встречаются слова, близкие по смыслу современному понятию «патриот»: «отечестволюбец», «доброхотящие российскому царству». Современное же значение («Отечества сын») термин приобрел в XVIII в. при Петре I, когда в России начала формироваться система патриотического просвещения и воспитания. Так, «Инструкция пехотного полка полковнику» предписывала командирам проводить работу по патриотическому воспитанию воинов посредством регулярного разъяснения и чтения уставов, артикулов, приказов, а также рассказов о славе и могуществе России [5]. Патриотическая идея предполагала защиту родины от врага и носила явно милитаристский характер.

В советский период складывается «социалистический» или «советский» патриотизм, основанный на принципах интернационализма и глубоком понимании превосходства советского строя над всяким другим, «не советским». Стал формироваться военно-гражданский тип официального патриотизма, который ассоциировался не только с любовью к родному краю и любовью к социалистическому строю, но и к его лидерам, вождям.

Вместе с изменением духовно-нравственных ценностей в конце 80-х — начале 90-х годов ослабевает и патриотический дух в стране. Слово «патриот» стало отождествляться с понятием национал-патриотизма, милитаристского патриотизма советского периода и, как правило, несло негативный оттенок, перестало широко употребляться.

Новое отношение к патриотической идее и патриотическому воспитанию стало проявляться с начала XXI в. Был принят ряд нормативно-правовых документов, среди которых Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 гг.» [6]. В этом документе патриотизм трактуется как верность своему Отечеству, готовность к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины.

Однако, несмотря на постоянно возрастающие усилия властей по интенсификации патриотического воспитания, единого представления о патриотизме у российских граждан не сформировалось. Так, исследования ВЦИОМ, проведенные

зимой 2020 г. показали, что россияне не стали любить Родину меньше, но стали проявлять это чувство по-другому [7]. Результаты опроса показали: 89 % россиян относят себя к патриотам (таблица 1). Только 8 % признались, что Родину откровенно не любят и не считают себя патриотами.

Однако ответы на другие вопросы показали, что россияне не всегда связывают идею патриотизма с государственной трактовкой и относятся к идеологии официального патриотизма весьма критично (таблица 2). Например, на вопрос «Что, по-вашему, значит быть патриотом?» 47 % (меньше половины) респондентов выбрали ответ «Любить свою страну». Это самый низкий показатель с 2000 года. В 2014 г., в год присоединения Крыма и всплеска патриотизма, такой ответ выбрали в 1,5 раза больше респондентов (72 %). 44 % опрошенных связывают патриотическую идею с работой на благо или для процветания страны. Это самый высокий показатель за последние 20 лет. В том же 2014 г. такой вариант выбрали лишь 36 %. 34 % посчитали, что патри-

оты должны «стремиться к изменению положения дел в стране для того, чтобы обеспечить ей достойное будущее» (заметим, в 2018 г. такой ответ выбрали 39 %). Каждый третий россиянин (29 %) считает, что быть патриотом, значит «говорить о своей стране правду, какой бы горькой она ни была». Это больше, чем когда-либо за последние двадцать лет и почти вдвое больше, чем в 2014 году (16 %). Только каждый десятый под патриотизмом понимает отказ от критики недостатков государственного правления и оценку страны как лучшей. В 2014 г. такой точки зрения, связанной с официальной идеологией, придерживался каждый третий респондент.

В этой связи весьма примечательна точка зрения россиян на то, как государство и общество должны реагировать на публичную критику деятельности правительства (таблица 3). 2 % респондентов предложили вводить уголовное наказание для действий оппозиции, 7 % – штрафовать, каждый пятый отметил, что такое поведение достойно лишь общественного порицания.

Таблица 1 – Результаты ответов на вопрос «Кем бы Вы себя охарактеризовали – как патриота страны или нет?» (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

	2000	2005	2006	2008	2010	2011	2013	X.2014	2016	2018	2020
Да, безусловно	84	47	42	48	41	41	37	48	46	51	46
Скорее да		37	42	40	43	39	44	36	34	41	43
Скорее нет	16	8	10	6	9	14	12	9	12	4	6
Безусловно, нет		2	2	2	1	3	2	3	6	1	2
Затрудняюсь ответить	0	6	4	4	6	3	5	4	2	3	3

Таблица 2 – Результаты ответов на вопрос «Что, по-Вашему, значит быть патриотом?» (закрытый вопрос, до 3-х ответов, % от всех опрошенных)

Варианты ответов / годы	2000	2005	2006	2008	2010	2014	2018	2020
Любить свою страну	59	67	69	65	71	72	59	47
Работать и действовать во благо/для процветания страны	35	32	29	34	26	36	38	44
Стремиться к изменению положения дел в стране для того, чтобы обеспечить ей достойное будущее	24	30	29	36	26	34	39	34
Защищать свою страну от любых нападков и обвинений	25	27	27	26	27	33	29	32
Говорить о своей стране правду, какой бы горькой она ни была	12	18	17	17	18	16	19	29
Считать, что твоя страна — лучше, чем другие страны	17	16	13	16	19	24	12	8
Считать, что у твоей страны нет недостатков	4	4	5	3	5	6	3	2
Другое	3	1	1	1	1	1	3	5
Затрудняюсь ответить	9	3	4	1	2	2	2	3

Таблица 3 – Результаты ответов на вопрос «Как, по-Вашему, государство и общество должны реагировать на публичные высказывания, мнения, не совпадающие с точкой зрения государства?» (закрытый вопрос, один ответ, %)

	2014	2017	2020
Такое поведение должно быть уголовно наказуемым	5	6	2
Такое поведение должно наказываться штрафом	9	9	7
Такое поведение должно быть предметом общественного порицания	28	22	21
Государство и общество не должны в это вмешиваться, это частное дело человека	47	52	58
Затрудняюсь ответить	11	11	12

В то же время более половины наших соотечественников (58 %) считают публичные критические высказывания в адрес правительства частным делом, не требующем вмешательства ни государства, ни общества. По сравнению с 2014 г. количество россиян, поддерживающих эту точку зрения, выросло на 11 позиций.

Кого же россияне не относят к патриотам? 80 % опрошенных считают, что это те, кто дает и берет взятки; две трети респондентов назвали не патриотами тех, кто избегает службы в армии или уклоняются от уплаты налогов, кто мечтает о переезде в другую страну. Каждый второй респондент не относит к патриотам тех, кто имеет двойное гражданство или счета за рубежом. Однако только каждый пятый отнес к непатриотическому поведению желание россиян вступить в брак с иностранцем. Абсолютное большинство (79 %) уверены, что непатриотичных людей нельзя допускать к госслужбе. 53 % россиян считают, что, если непатриотичное поведение не предполагает нарушение закона, то это частное дело, в таком случае государство и общество не должны в это вмешиваться (таблица 4).

Таблица 4 – Результаты ответов на вопрос «С каким из следующих высказываний о людях, позволяющих себе непатриотичные заявления или поступки, Вы согласны?» (закрытый вопрос, один ответ, %)

	2014	2017	2020
Непатриотичные поступки и заявления			
Непатриотичные поступки и заявления — это частное дело человека, общество не должно на них реагировать	40	23	25
Непатриотичные поступки и заявления касаются всех, общество должно на них реагировать	53	68	62
Затрудняюсь ответить	7	9	13
Непатриотичные люди и государственная служба			
Непатриотичных людей нельзя допускать к государственной службе	77	83	79
Непатриотичных людей можно допускать к государственной службе	17	12	13
Затрудняюсь ответить	6	5	8

Не менее показательны и ответы респондентов на вопрос «Какие события в жизни страны за последние 10–15 лет вызывают у Вас чувство гордости?» Характерно, что в длинном списке предложенных вариантов (допускалось 3 ответа) 16 % отметили присоединение (восстановление) Крыма, 10 % – проведение Олимпиады и олимпийские победы. 9 % отметили, что горды за нашу армию, развитие военной промышленности, безопасность. Внешней политикой в Сирии (помощь Сирии/ победа в Сирии) восхитились только 5 % россиян. Столько же радовались чемпионату мира по футболу в России в 2018 году. А про «75-летие Победы/ День Победы/ память о ВОВ/ парад Победы» вспомнили всего 4 % опрошенных. 13 % россиян испытывают гордость за деятельность Президента В. Путина, 6 % гордятся С. Шойгу, 3 % – нашими спортсменами, врачами, ветера-

нами и учеными. На этом фоне 68 % опрошенных россиян (а это 2/3) не смогли ответить на вопрос или выбрали ответ «другое» или «никакие», показав тем самым, что достаточно равнодушны к пропагандистским усилиям в деле «патриотического воспитания».

Таким образом, идея патриотизма, в основе которой лежит нравственный и политический принцип любви к Родине и готовности жертвовать частными интересами ради неё, прошла длительный исторический путь. Патриотизмом называли различные явления в общественных отношениях, нередко подменяя понимание любви к Родине любовью к государству, к правительству и правителю, к империи, к Богу, к традиции, образу жизни и т. д. В России господствующей была государственно-милитаристская трактовка патриотизма, понимаемая как верность своему Отечеству и готовность к самопожертвованию во имя защиты его интересов. Опросы последних лет наглядно показали, что патриотические ценности близки россиянам, и более 80 % относят себя к патриотам. Однако трактуют патриотическую идею соотечественники по-разному. Некоторые поддерживают этатистскую модель не критическим отношением к действиям правительства (официальный патриотизм), для них патриотизм связан со служением государству и готовностью отдать жизнь за него. Другие относят себя к сторонникам гражданского (республиканского) патриотизма. Третьи ассоциируют патриотическую идею с чем-то неофициальным, сугубо личным: так называемая городская модель патриотизма. Развитие данных тенденций доказывает сложность трактовки идеи патриотизма, требует нового осмысления проблемы и дальнейших ее исследований.

Библиографический список

- 1 Кром М. М. Патриотизм, или Дым Отечества / М. М. Кром. – Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. – 160 с.
- 2 Толковый словарь В. Даля. – URL : Режим доступа: <https://gufo.me/dict/dal> (дата обращения: 03.03.2021).
- 3 Большой энциклопедический словарь. – URL : <https://gufo.me/dict/dal> (дата обращения: 03.03.2021).
- 4 Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. – URL : <https://gufo.me/dict/brockhaus/> (дата обращения: 23.03.2021).
- 5 Инструкция пехотного полка Полковнику. – URL : http://www.reenactor.ru/ARH/Drill/Instr_Pexotnogo_Polk_1764.pdf (дата обращения: 23.03.2021).
- 6 О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы : Постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 года № 1493. – URL : <https://base.garant.ru>. (дата обращения: 03.03.2021).
- 7 Инициативный всероссийский опрос «ВЦИОМ-Спутник» проведен 16 февраля 2020 года среди россиян старше 18 лет методом телефонного интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров. Объем выборки 1,6 тыс. респондентов. Максимальный размер ошибки с вероятностью 95% не превышает 2,5%. – URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/patriotizm-segodnya-netolko-lyubit-no-i-rabotat> (дата обращения: 23.03.2021).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЗНАНИЯ И РЕЛИГИОЗНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

*Д. М. Чумакова,
канд. психол. наук, доцент
Курганский государственный университет
ch-darya@mail.ru*

Аннотация. В статье обсуждаются особенности сознания с позиций теории А. В. Карпова и религиозность личности. Религиозное сознание представлено как одна из форм сознания.

Ключевые слова: психология, сознание, религиозность.

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF CONSCIOUSNESS AND RELIGIOSITY OF A PERSON

*D. M. Chumakova,
Kurgan State University
ch-darya@mail.ru*

Abstract. The article relates the peculiarities of consciousness from the standpoint of A. V. Karpov and the religiosity of the individual. Religious consciousness is presented as one of the forms of consciousness.

Keywords: psychology, consciousness, religiosity.

Религиозность личности, религиозное сознание рассматриваются нами с позиций методологического нейтралитета психологии религии. Вопрос об истинности или ложности религиозных постулатов выходит за рамки предмета психологии [1]. Сознание в целом и религиозное сознание представлены не с точки зрения их содержания, а с позиций их структурной организации.

Исходя из положений психологической теории сознания А. В. Карпова, особенностью сознания является его непосредственная данность, которая выступает для личности как субъективно бесспорная, не требующая доказательств. Более того, субъективная реальность, представленная в сознании, не только не требует доказательств, но и сама является доказательством реальности для человека [2]. Обращает на себя внимание сходство общих психологических особенностей сознания и религиозного сознания личности. Религиозные истины для верующего человека являются субъективно бесспорными и, будучи представленными в субъективном пространстве, сами являются доказательством реальности. Еще одним свойством сознания по А. В. Карпову является его трансцендентность. Сознание является структурно максимально интегрированным и целостным и в то же время всегда выходит за пределы этой целостности. В функциональной организации

сознания прослеживаются рефлексивные закономерности [2; 3; 4]. Одной из основных характеристик религиозного сознания является признание трансцендентного в той или иной форме и связь с ним в контексте той или иной религии. Таким образом, в данном случае свойства религиозного сознания являются частными по отношению к свойствам сознания как такового. Можно рассмотреть вопрос о соотношении психологической категории сознания и религиозности личности как с позиций общей психологии, так и с позиций психологии развития [5]. Некоторые авторы, например Ф. Озер, полагают, что религиозное сознание не является особенностью только религиозных людей. Говоря о структуре религиозного сознания, Ф. Озер отмечает, что данная структура присутствует у всех людей вне зависимости от конкретной формы религиозности, принадлежности к той или иной религиозной конфессии. Религиозной структурой, характеризующей сознание, могут обладать люди, не считающие себя религиозными. По Ф. Озеру, глубинные когнитивные и личностные структуры, обеспечивающие религиозный взгляд на мир, универсальны.

Таким образом, религиозное сознание может быть рассмотрено с позиций теории сознания А. В. Карпова. В данном случае некоторые особенности религиозного сознания будут частными проявлениями особенностей сознания в целом. С точки зрения теорий, относящихся к психологии развития, эти положения подкрепляются как теоретически, так и эмпирически. Теория сознания А. В. Карпова открывает перспективы рассмотрения сознания в контексте психологии религии, когда религиозное сознание может выступать как одна из его форм.

Библиографический список

- 1 Чумаков М. В. Принципы психологии религии / М. В. Чумаков // *Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика.* – 2018. – Т. 28. – № 1. – С. 102–104.
- 2 Карпов А. В. Психология сознания: Метасистемный подход / А. В. Карпов. – Москва : РАО, 2011. – 1088 с.
- 3 Чумаков М. В. Эмоционально-волевая регуляция как рефлексивный процесс / М. В. Чумаков // *Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки.* – 2016. – № 1 (35). – С. 88–92.
- 4 Чумаков М. В. Эмоционально-волевая регуляция деятельности в социальном взаимодействии : автореф. дис. ... д-ра психол. наук / М. В. Чумаков // *Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова.* Ярославль. – 2007. – 43 с.
- 5 Чумаков М. В. Религиозность личности в контексте психологии развития / М. В. Чумаков // *Педагогическое образование в России.* – 2019. – №5. – С. 103–107.
- 6 Oser F., Gmunder P., Ridez L. L'homme, son développement religieux. NJ, 1991. 344 p. Oser F., Gmunder P., Ridez L. L'homme, son développement religieux. NJ, 1991. – 344 p.

О СУБЪЕКТНОСТИ ПОНЯТИЙ И НЕЭЛИМИНИРУЕМЫХ НАЧАЛАХ ЖИЗНИ И СОЦИАЛЬНОСТИ В КОГНИТИВНОМ ИНСТРУМЕНТАРИИ ЧЕЛОВЕКА

*Б. С. Шалютин,
д-р филос. наук, профессор,
Уполномоченный по правам человека
в Курганской области
shalutinbs@mail.ru*

Аннотация. Автор показывает, что основополагающая специфически человеческая когнитивная единица, понятие, формируется в рамках эволюции базирующегося на способности непосредственного переживания эмоционального состояния другого субъекта эмпатического познания. Понятие возникает как репрезентант не индивида, а надиндивидуального субъекта – постприродной группы, формирующейся в качестве базовой онтологической единицы в постприродном мире.

Ключевые слова: эмпатическое познание, понятие, постприродный мир, глоттогенез.

ON THE SUBJECTIVITY OF CONCEPTS AND THE UNELIMINABLE BEGINNINGS OF LIFE AND SOCIALITY IN HUMAN COGNITIVE TOOLKIT

*B. S. Shalyutin
Doctor of Philosophy, Professor,
Kurgan Region Commissioner for Human Rights
shalutinbs@mail.ru*

Abstract. The author shows that the fundamental specifically human cognitive unit, the notion, is formed within the evolution of the empathic cognition, based on the capacity of the direct experience of the emotional state of other. The notion arises as a representative not of an individual subject, but of the supra-individual subject – a postnatural group that is formed as a base ontological unit in the postnatural world.

Keywords: empathic cognition, notion, postnatural world, glottogenesis.

Банальностью является утверждение о том, что, в отличие от технических систем, у человека его когнитивный инструментарий является результатом эволюции. Однако совсем не очевидно, как именно эволюция формирует этот инструментарий, каким образом она присутствует в самой «ткани» человеческих когнитивных процессов, почему в силу этого последние принципиально невоспроизводимы на базе технических систем. Некоторые существенные моменты, сопряженные с этими вопросами, и будут далее рассмотрены.

Познание мира осуществляется разными

способами, каждый из которых соответствует тому, что именно является предметом познания. Эволюционно первым является сенсорное познание. Иногда его определяют как познание посредством органов чувств, что является тавтологией (латинское *sensum* – «чувство»). Между тем, сущность сенсорного познания состоит в том, что это познание **телесное** (органы чувств – не что иное, как специализированные части тела), то есть познание мира в контексте актуального или потенциального физического взаимодействия с ним. Исторически первыми сенсорными образами, вероятно, были образы препятствий, позволявшие движущимся живым организмам избегать столкновений с внешними телами [1, с. 35–48]. Сенсорное познание – когнитивная система, обеспечивающая поведение живого существа относительно физического мира, иначе говоря – физическое поведение.

Принципиально иную природу имеет эмпатическое познание, базирующееся на способности субъекта непосредственно переживать чужое эмоциональное состояние как свое собственное. Эмоция – начало, которое порождает действие, поведение, не только энергетически обеспечивая его, но и задавая направленность. Простейшая из эмоций, боль, представляющая собой внутреннее восприятие форсмажорного энергетического выброса организма вследствие разрушения его ткани, не просто энергизирует организм, но и направляет эту энергию на действия, уводящие от болепорождающего фактора или позволяющие его заблокировать. Аналогичным образом гнев толкает нападать, страх – убежать и т. д. Поэтому эмпатическое вчувствование позволяет прогнозировать поведение.

Прогноз ситуативного поведения другого на основе непосредственного переживания его эмоционального состояния – когнитивная функция первой, простейшей формы эмпатического познания. Более сложная его форма, так называемый индивидуальный субъектный репрезентант, – это интериоризованный Другой, как бы живущий в моем сознании¹. Чем ближе он к реальному Другому, тем точнее я могу прогнозировать его поведение, в том числе надситуативное, моделировать через оперирование таким репрезентантом (репрезентантами) разные варианты взаимного поведения, решая задачи, связанные с взаимодействием других со мной и между собой. Мое эмпатическое познание обеспечивает мое взаимодействие не с телом другого человека, о которое я могу, например, удариться при беге, а с этим другим человеком как с субъектом, как с тем, кто сам свободно порождает свое поведение. Эмпатическое познание – когнитивная система, обеспечивающая взаимное поведение субъектов.

Не только сенсорное, но и обе названные формы эмпатического познания присущи уже

¹ Подробнее о формах эмпатического познания см. [2].

высшим обезьянам, что и позволяет им выстраивать и реализовывать, например, сложнейшие стратегии борьбы за власть [3]. Однако есть недоступная животным форма эмпатического познания – **обобщенный** субъектный репрезентант. Она работает в ситуациях, когда человек прогнозирует поведение другого субъекта на основе не личного знания его, а известной ему принадлежности этого другого к некоторой **категории** людей. Например, в ситуации войны, идентифицируя кого-либо как врага, как своего, как союзника или как представителя нейтральной стороны, я выстрою разные прогнозы его поведения, причем именно вследствие отнесения его к соответствующей категории, а не каких-либо индивидуальных характеристик, которые могут быть мне вообще неизвестны.

Сенсуализм пытается вывести понятийное мышление из обобщения чувственных данных. Однако оно специфично вовсе не тем, что носит обобщенный характер, способность к обобщению на уровне сенсорного познания – хрестоматийная и общепринятая банальность. Существует даже общеупотребительный термин – обобщенное представление. Обобщенное представление – это некоторая схема, фиксирующая общие сенсорно воспринимаемые свойства всех относящихся к некоторому классу физически сходных предметов. Именно располагая такой схемой, мы идентифицируем (узнаем, относим к некоторому классу) тот или иной чувственно воспринимаемый предмет. Зная, как выглядит лошадь (то есть, имея ее обобщенный чувственный образ), и как выглядит собака, я и различаю их между собой. Рациональное (понятийное) мышление специфично тем, что понятие **не несет в себе** сенсорного содержания. Однако, как писал видный российский философ Д. В. Пивоваров, «сколь бы общим ни было то или иное чувственное представление, оно... всегда будет оставаться по своим качественным особенностям чувственно наглядным...» [4, с. 5]. Понятия действительно возникают посредством обобщения, однако обобщения в когнитивной системе не сенсорного, а эмпатического познания. Дело в том, что упомянутый обобщенный субъектный репрезентант обладает всеми признаками понятия, то есть, иными словами, он и есть понятие. Слова «враг», «союзник» из приведенного выше примера, как и любые подобные им, то есть выражающие некоторую обобщенную модель ожидаемого поведения, могут служить «строительным материалом» для вербального выражения силлогизмов, индуктивных умозаключений или умозаключений по аналогии, вообще для любых форм логического (понятийного, рационального) мышления. Первичные понятия – это именно обобщенные субъектные репрезентанты, возникшие в период, когда матрица человеческого мировосприятия приписывала статус субъектности всему существующему. Солнце или, например, ветер могли восприниматься в качестве друга или

врага в зависимости от их «поведения». Начало преодоления этой матрицы мы фиксируем только в философии Демокрита. Однако, утратив свою «одушевленность», бывшие обобщенные субъектные репрезентанты не утратили своей онтологии, своего способа существования в когнитивной системе познающего субъекта.

Обобщенные субъектные репрезентанты сформировались не в результате самостоятельного, автономного развития познавательной сферы наших предков в силу собственной логики этого развития. Их возникновение было связано с эволюцией постприродного¹ мира, в котором биологический вид утрачивает статус базовой онтологической единицы, поскольку теперь системообразующее поведение фиксируется не генетически, а культурно, и в рамках одного вида возникает сущностное поведенческое разнообразие. Соответственно, здесь формируются онтологические единицы нового типа – постприродные сообщества, в рамках каждого из которых воспроизводятся и развиваются сложнейшие уникальные культурные комплексы. Эти сообщества, таким образом, выступают как надындивидуальные субъекты. Соответствующий обобщенный субъектный репрезентант содержит прогноз поведения того или иного надындивидуального субъекта как целого, а также любого принадлежащего к нему индивида.

К формированию оперирования обобщенными субъектными репрезентантами (иначе говоря, к понятийному мышлению) непосредственно примыкает еще один важный момент. Доступные животным формы эмпатического познания и у самих животных, и у людей соотносятся с индивидуальными субъектами, субъектность каждого из которых неразрывно и естественным образом связана с конкретной сенсорно фиксируемой телесностью. Образ тела другого субъекта выступает оболочкой, представляющей самого скрывающегося за телом субъекта: если я вижу знакомого мне человека, то вслед за его обликом в моем сознании актуализируется соответствующий субъектный репрезентант. Однако обобщенный субъектный репрезентант не связан **естественным образом** с какой-либо телесной оболочкой. Выступающие в качестве надындивидуальных субъектов постприродные сообщества сенсорно не фиксируемы, а телесность входящих в них индивидов может не отличаться от индивидов из других сообществ и не коррелирует каким-либо определенным образом с поведением. Соответственно, когнитивная

¹ *Постприродный мир – самостоятельная, существовавшая в течение нескольких миллионов лет ступень эволюции, отличающаяся от природной не просто наличием культуры, характерной уже для высших животных, но превращением ее в системообразующее основание этого мира, который, однако, еще не являлся обществом, сформировавшимся, по мнению автора, лишь несколько десятков тысяч лет назад. Подробнее об этом см. [5].*

репрезентация (представленность) постприродных надындивидуальных субъектов возможна только на базе **искусственных** физических сущностей – тел искусственных конвенциональных знаков. Такими знаками исходно могут выступать фиксируемые на теле индивида символы (известное антропологам искусственное шрамирование, более простая раскраска, одежда и т. п.), ровно так же, как это имеет место, скажем, у футбольных болельщиков, представителей молодежных или иных субкультур. Среди современных охотников-собирателей имеет место практика, когда «другим группам... категорически запрещено приближаться к тем местам, которые имеют отношения к культовому тотемизму группы (это могут быть пещеры, стены которых разрисованы охрой или кровью, а также конкретные скалы, деревья, водные источники и т. д.)» [6, с. 341]. Нельзя исключить, что подобного рода разметка территории, закрепляющая ее за теми или иными надындивидуальными субъектами, могла использоваться и в постприродном мире. Таким образом, формирование понятийного мышления требует формирования системы искусственных знаков. Возникновение самого механизма порождения таких произвольных знаков, их конвенционального закрепления и функционирования является важнейшим фактором становления языка в том смысле слова, в котором мы применяем этот термин по отношению к людям.

Библиографический список

1 Шалютин Б. С. Становление свободы: от природного к социокультурному бытию / Б. С. Шалютин. – Курган : Изд-во «Зауралье», 2002.

2 Шалютин Б. С. О сущности и формах эмпатического познания / Б. С. Шалютин // Вестник Курганского университета. – Серия «Гуманитарные науки». – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005. – Вып. 1. – С. 26–30.

3 Валь Ф. де. Политика у шимпанзе: Власть и секс у приматов / Ф. де. Валь. – Москва : Изд.дом Высшей школы экономики, 2014.

4 Пивоваров Д. В. Проблема носителя идеального образа / Д. В. Пивоваров. – Свердловск : Изд-во УрГУ, 1986.

5 Шалютин Б. С. Правогенез как фактор становления общества и человека / Б. С. Шалютин // Вопросы философии. – 2011. – № 11. – С. 14–26.

6 Панов Е. Н. Эволюция социальной организации // Этология человека на пороге XXI века / Е. Н. Панов ; под ред. М. Л. Бутовской. – Москва : Старый Сад, 1999. – С. 322–372.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

*В. С. Шмаков,
д-р филос. наук, вед. науч. сотр.
Институт философии и права СО РАН
vsshmakov@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции изменений социокультурного пространства, связанные с процессами глобализации. Аксиологический подход является инструментом для описания развития социокультурного пространства, определения его структурно-функциональных элементов, помогающим оценивать и сохранять традиции, обычаи, ценностные установки и ориентиры. Социокультурное пространство находится в процессе расширения, диффузии, аномии.

Ключевые слова: глобализация, социокультурное пространство, локальность, аксиологический подход.

TRANSFORMATION OF THE SOCIO-CULTURAL SPACE: AXIOLOGICAL ASPECT

*V. S. Shmakov,
Doctor of Science (Philosophy), leading
researcher
Institute of Philosophy and Law, SB RAS
vsshmakov@gmail.com*

Abstract. The article deals with the trends of changes in the socio-cultural space associated with the processes of globalization. The axiological approach is a tool for describing the development of the socio-cultural space, determining its structural and functional elements, helping to evaluate and preserve traditions, customs, values and guidelines. The socio-cultural space is in the process of expansion, diffusion, and anomie.

Keywords: globalization, socio-cultural space, locality, axiological approach.

Глобализация, выступая движущей силой модернизации производственно-экономических, институциональных и социокультурных сфер жизни мирового сообщества, обозначает проблемы дифференциации, фрагментации, локализации социокультурного пространства, преобразуя институциональные и социокультурные формы и ценности.

Мы акцентируем внимание на анализе проблемы развития социокультурного пространства, с точки зрения аксиологического подхода, понимая трансформацию социокультурного пространства локальных сообществ как своеобразный социокультурный «империализм», направленный

на унификацию мировой культуры. Необходимо подчеркнуть, что в проблемном поле глобалистики, локальность, затрагивающая все сферы жизнедеятельности сообществ, является узким местом, тем не менее, обладает разноплановым потенциалом развития. Производственно-экономический блок, охватывающий проблемы, связанные с уровнем доходов, отношениями собственности, состоянием рынка труда и занятости, преобладающими видами экономической деятельности, фиксирующие уровень экономического развития региона, географическое расположение и климатические особенности, определяет формирование хозяйствующих субъектов, подвержен существенному влиянию глобализации. Социально-демографический блок, отображающий основные проблемы развития локальных сообществ, влияющие на повышение уровня и качества жизни, раскрывает степень интенсивности или экстенсивности развития. Наиболее сложные пертурбации претерпевает социокультурный блок, охватывающий трансформацию социальных и культурных ценностей, динамику социокультурного развития локальных сообществ.

Ключевым признаком социокультурной системы является стремление к стабильности и равновесию. Динамические процессы трансформации социокультурного пространства развиваются во временных и пространственных рамках. Важно отметить, что социокультурная динамика обозначает проблемы дифференциации, фрагментации, локализации социокультурного пространства, в рамках которого кристаллизуются социокультурные, цивилизационные различия. Наблюдаются противоречия между новыми институциональными образованиями и традиционными ценностями, проявление которых связано с включением в процессы глобализации.

Структура социокультурного пространства имеет сложный состав: личность, общество и «культура как «совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения» [1, с. 218]. Методологические подходы П. Сорокина позволяют акцентировать внимание на проблеме трансформации культуры и социальной, как двух первостепенных структурных частей социокультурного пространства. В динамике трансформации локальных сообществ подвергается изменениям комплекс структурных элементов, фиксирующих состояние объекта; отражаются процессы изменения функций социализации, регуляции, информации, обратной связи, которые, в первую очередь, необходимо рассматривать как функции аксиологические.

Социокультурные процессы воспроизводятся личностями, сообществом, сообразно помыслам, чувствам, знаниям, традиционным ценностям в потоке времени и локальном пространстве. Оценки и ценности человека и сообщества игра-

ют определяющую роль. Поскольку собственно жизнедеятельность аксиологически двойственна, принимается в первую очередь то, что выгодно, полезно, а не то, что наиболее важно, традиционно. В этом смысле оценочная деятельность является творческой задачей. Важно уметь отличать полезные факторы и условия от лишних, вредных. Первостепенное значение имеет умение видеть состояние вещей комплексно, открывая имеющиеся возможности и грозящие опасности. Это возможно лишь при условии правильного понимания и объяснения социокультурной действительности. Оценочная деятельность тесно сопряжена с процессом познания. Факты истории взаимосвязаны с ценностями, воспринимаются в их свете, а сами ценности реализуются постольку, поскольку соответствуют фактам [2, с. 79].

В этом смысле центральное место в процессе становления, социализации, адаптации личности в социокультуре занимают ценности и нормы, воспроизводящие функцию по сохранению и развитию социокультурной среды, оказывая ориентирующее, регулирующее воздействие на трансформацию социокультурного пространства, способствуют решению проблемы достижения целей, обозначения и фиксации роли личности в структуре жизнедеятельности. Социальный компонент ассоциируется со сложными комплексами, включающими статусную позицию, соответствующий набор ролевых функций и т. д. Первостепенное внимание акцентируется на ключевых характеристиках личности, способах жизнеобеспечения сообщества. Содержательную базу комплекса культуры составляют ценностно-нормативные установки, традиции, нормы, раскрывающие стиль и образ жизни, тип мировоззрения, самооценку, самоидентичность, самоощущенность, включая предметные символы, лежащие в основе поведения людей. Культура, являясь результатом человеческой деятельности, выполняет функцию социальной ориентации, определяющую социокультурную принадлежность.

Современная модель формирования социокультурного пространства России сочетает в себе аспекты глобального и локального, оказывая влияние на трансформацию социокультурной идентичности. С одной стороны, глобализация обостряет многие проблемные ситуации в развитии социокультуры, придавая ей такие характеристики, как нестабильность, неравномерность, неритмичность, с другой стороны – прослеживается универсальность, комплексность преобразований, меняются параметры социокультурных структур и сама изменчивость; «пластичность» становится позитивной ценностью. Модернизируется основа жизнеобеспечения, организация процессов социализации, меняется структура социальных коммуникаций и регуляции, с которыми активно взаимодействует аксиологическая функция, обеспечивая выбор и передачу традиционных ценностных установок.

Необходимо заметить, что в процессе исторического развития именно традиции перерастают в духовные ценности, которые отбираются, существуют и развиваются как объекты идейной оценки. Как справедливо подчеркивал В. О. Ключевский, «у каждого поколения могут быть свои идеалы, у моего – свои, у вашего – другие, но жалко то поколение, у которого нет никаких. Для осуществления идеалов необходимы энергия действия, энтузиазм убеждения; при осуществлении их неизбежны борьба, жертвы» [3, с. 62]. Важно отметить актуальность этого положения и для современности.

В заключение обозначим, что проблема соотношения глобального и локального социокультурного пространства теснейшим образом связана с аксиологией. Давление глобализации меняет социокультурное пространство, локальные сообщества из закрытой социокультурной системы переходят к открытости, дискретности и нестабильности. В то же время, в локальных сообществах резко выросло ощущение собственной неповторимости и самобытности в процессе оценивания последствий трансформации. Универсализация жизнедеятельности ведет к потере уникальности национального социокультурного пространства, в локальных сообществах возникает чувство неопределенности и утраты самостоятельности, обуславливая состояние аномии. Фиксируется тенденция к унификации социокультурной жизни локальных сообществ, размывания ценностных ориентаций, норм, стандартов, идеалов и т. д. Наиболее опасными оказываются процессы, обуславливающие утрату традиционных связей и отношений, угрожающих продуцированию и развитию традиционной социокультурной общности. Социокультурное пространство находится в состоянии расширения, диффузии, увеличения влияния атлантизма на социокультурное развитие, синхронно отмечается состояние сжатия, конвекции социокультурного мира, пытающегося конструировать свою историю и идентичность.

Библиографический список

- 1 Сорокин П. А. *Человек. Цивилизация. Общество* / П. А. Сорокин. – Москва : Политиздат, 1992. – 543 с.
- 2 Шмаков В. С. *Объяснение и понимание в философии истории* / В. С. Шмаков. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2000. – 240 с.
- 3 Ключевский В. О. *Курс лекций русской истории. Сочинения в девяти томах* / В. О. Ключевский. – Москва : Мысль, 1987. – 432 с.

РАЗДЕЛ III. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378.14; 004.81; 004.85

ЭЛЕКТРОННОЕ ОБУЧЕНИЕ И ПРЕПОДАВАНИЕ МАТЕМАТИКИ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

*София Альбани,
Школа электротехники и вычислительной
техники,
Национальный технический
университет Афин, Греция
salmpani@mail.ntua.gr*

Аннотация. Эта статья касается электронного обучения и, в частности, роли электронного обучения в преподавании математики в системе высшего образования. В работе представлена специфика электронного обучения на примере использования электронного класса студентами и аспирантами факультета математики Афинского университета. Статистический анализ показывает, что подавляющее большинство студентов положительно оценивают полезность электронного обучения, но только тогда, когда оно происходит в сочетании с традиционными методами обучения, укрепляя мнение о том, что наиболее успешным решением является «гибридная модель».

Ключевые слова: электронное обучение, класс, образование, математика, смешанная модель, высшее образование.

E-LEARNING AND TEACHING OF MATHEMATICS IN HIGHER EDUCATION

*Sofia Almpani,
School of Electrical and Computing Engineering,
National Technical University of Athens, Greece
salmpani@mail.ntua.gr*

Abstract. This article concerns e-learning and specifically the contribution of e-learning in the teaching of Mathematics in Higher Education. The work focused on the e-learning environment of e-class and its use by the undergraduate and graduate students of the Department of Mathematics at the University of Athens. The statistical analysis shows that most students evaluate positively the use of e-learning, but only when it occurs in combination with traditional methods of teaching, reinforcing the view that the most successful solution is the “blended model”.

Keywords: e-Learning, e-Class, Higher Education, Mathematics, Blended Model.

The use of digital technologies in the learning process is based on a multi-channel way of delivering content centred on the World Wide Web (WWW). Thus, the benefits of the WWW, such as the

reduction of space-time commitments, are also part of the educational methodologies that incorporates digital media. Digital media offer one of the most effective utilization and management of the content used in the teaching of Mathematics [1]. However, research [2-4] mainly highlighted the reinforcing role of supplementary distance education in Mathematics, as distance education is more effective when used complementarily with traditional teaching in a **blended model**.

The research we present focused on the **e-class platform** [5], which is one of the most widespread digital educational content management environments in Greek universities. The e-course is the core of the platform. Essentially, the **e-course** is a modular structure, which is organized and managed by the responsible teacher, depending on the material available and the e-learning model that will be adopted. Options range from a simple news website to a fully dynamic learning environment.

The subject of the research concerned the **effect of e-learning on the teaching of mathematics** at the University of Athens in a sample of 103 students. Of the 103 students, 51 were undergraduates (first to the fourth year), 32 were undergraduates (after the fourth year), 7 were graduates, and 11 were postgraduates. An anonymous questionnaire was designed in Google docs for evaluating the use of e-class.

The first part of the research concerned the **familiarity of students with e-learning and their participation in traditional teaching**. Almost all students (99 %) *use e-learning in addition to the traditional one* to be informed about the courses, to communicate, and to enrich their knowledge. The percentages of participation in the classic lectures of the courses are divided, with 57% of the participants answering that they attend often or very often and 43% that they attend from moderate to not at all. It is important to study *the reasons why students are absent from courses*. The main reasons are the lack of time, the distance, and then the lack of interest. Fourth in line is work, followed by extraordinary reasons, such as illness.

Then we analyze the reasons that are presented as **motivations for the use of the e-class**. The findings of the research show that the majority of students use the e-classroom to get the **educational material** and to attend or repeat what was done in the classroom. From this, we can conclude that most of them use the e-classroom as an aid to traditional learning. As we *have already pointed out, through e-learning students are given the opportunity to have at their disposal a wide range and variety of educational material and to use it according to their personal needs*. As it has already been established in the literature, the teacher does not need to deal with the **preparation of material** from the beginning

every time the course is taught, since *the material can be used again* [6]. In this way, the e-class offers a wide range of educational material, accessible to students at all times. For the above reasons, *students evaluate positively, in general, the quality of the e-classroom*, with over 73 % arguing that the e-class material is sufficient and of good quality and that it is easier to be reached. Another factor that has influenced the introduction of new technologies is the way of **communication**. A percentage of 80 % of students state that *the use of computers has made communication with the teachers easier*, 16 % quite enough and 5 % a little easier, while no student has answered negatively.

About half of the students have attended courses that have **electronic assignments**, either during the courses or in the final exam. However, 72 % say they would like to see more courses, reinforcing the view *that courses in mathematics that use electronic assignments are not enough*. Kuhn [7] reported that the use of Web Homework System (WHS) can significantly improve and he correlates it with successful comprehension in mathematics courses. The e-class makes it possible to send such tasks in a very easy way.

Another factor is that the percentage of students who are familiar with the **LATEX program** is small, as 58 % of students say they do not know how to use it at all and 26 % know it from a little to moderate. Only 10 % say they know it well and 7 % very well. It is important to note that every year seminars are held by the Department of Mathematics for learning to write in the LATEX program, where each student could freely participate. So what are the reasons that *84 % of math students do not know to write math text on a computer*? Schafersman [8] highlights the pivotal role that writing plays: "The best way to teach critical thinking is to ensure that students write. Writing forces students to organize their thoughts, to ponder their subject, to evaluate their data in a logical tendency and to present, which is the epitome of good critical thinking". According to Ferrari [9], language proficiency is a powerful factor in teaching mathematics, even if it is often marginalized. Therefore, *electronic assignments could be an incentive for students to use and better learn mathematical writing and, consequently, to have a better understanding of what has been taught*.

Table 1 – Benefits of e-learning based on students' answers

Benefits	Answers	I totally agree	I agree	I neither agree nor disagree	I disagree	I totally disagree
Organization of learning and material in the personal style of the learner		25%	45%	23%	6%	2%
Everyone can work in their own space and time		56%	35%	2%	2%	4%
Possibility of a wide range and variety of educational material		36%	42%	17%	2%	3%
Increased communication possibilities for expressing questions and deeper understanding of what has been learned		16%	22%	38%	19%	4%
Ability to watch video lectures of the courses		24%	32%	22%	15%	5%
Better deepening and consolidation of concepts - improved performance		18%	32%	33%	11%	3%

Table 1 lists students' views on the benefits of e-learning. Respondents argued that the **main benefits of e-learning** are the flexibility of time and space, the breadth and quantity of educational material and the ability to organize learning based on the learner's personal style, features that are some of the most important advantages of e-learning.

In the **comparison between traditional teaching**, (exclusively) **e-learning and blended learning**, first in the preferences of students comes blended with 88%, second the traditional with 70% and last e-learning with 10%. *This reinforces the conclusion that the majority of students would prefer, if they had the opportunity, to attend courses live*. E-learning environments cannot substitute the real life of a campus, nor can they build the same meaningful relationship as the everyday, face-to-face contact with teachers and classmates. E-learning

requires more organization than traditional education, and this is one of the reasons why dropout rates in these programs are higher than conventional ones [10]. *Especially for the field of mathematics, these percentages are even higher than in other fields*, due to their complexity and abstract nature, which is more difficult to integrate into digital educational content [11].

Blended learning is gaining more and more ground. According to Masie [12], the separation between e-learning and traditional learning will cease to exist naturally, due to technological development. Yaghmour [13] argued that mixed learning has begun to replace e-learning, as it significantly reduces costs, supports the social relationships between teachers and learners, offers the necessary flexibility to meet individual needs, and uses technological development for the benefit of the design, enrichment, quality and

efficiency of the educational process.

In summary, the need to expand the use of new technologies in the teaching of mathematics in universities is imperative. However, it seems that there is no possibility of e-learning prevailing over traditional learning, thus we should move towards a mixed learning model.

List of References

- 1 Juan, A., Huertas, M., A., Trenholm, S. and Steegmann, C. "Teaching Mathematics Online: Emergent Technologies and Methodologies". IGI Global, 2011.
- 2 Al-Zoubi, A. & Bani-Doumi, H. "Impact of Blended Learning on the Achievement and Motivation of Fourth Grade Students in Maths", *University of Damascus Journal*, 28:1 (2012): 485-518.
- 3 Papafilippou, N., Tsiatsos, T., Manousou, E., and Lionarakis, A. "Investigation of supplementary distance education in the context of remedial teaching of mathematics with the use of educational software", *The Journal for Open and Distance Education and Educational Technology*, 12: 2 (2016): 73-89.
- 4 Liakeas, P. & Golikidou, L. "Design and Implementation of a Supplementary Distance Education Program in Secondary Education in Mathematics", at the 7th International Conference in Open & Distance Learning, Athens, 2013. (in Greek)
- 5 Almpari, Sofia, "Teaching of mathematics and e-learning". Master diss. "Educational leadership, management and emerging technologies", Marconi University, 2015. (in Greek)
- 6 Rossis, N. & Tzepoglou, E. "Possibilities and limitations of environments of distance training (e-learning)", 1st Panhellenic Conference on Open and Distance Education, Patras, 2001. (in Greek)
- 7 Kuhn, S., Watson, S., and Walters, T. "Online homework and correlated success in university mathematics courses", in *Practical Applications and Experiences in K-20 Blended Learning Environments*, IGI Global, 2004.
- 8 Schafersman, S. «An introduction to critical thinking» 1991.
- 9 Ferrari, P. "Mathematical language and advanced mathematics learning", in *Proceedings of the 28th Conference of the International Group for the Psychology of Mathematics Education*, 383-390, Bergen, Norway, 2004.
- 10 Zhang, D., Zhao, J., Zhou, L. and Nunamaker, J. "Can e-learning replace classroom learning?", *Communications of the ACM*, 47:5 (2004): 75-79.
- 11 Umoh, J. & Akpan, E. «Challenges of Blended E-learning Tools in Mathematics: Students' Perspectives», *Journal of Education and Learning*, 3:4 (2014): 60-70.
- 12 Masie, E. "The real truth about e-learning's future", *IT Training*, 2001.
- 13 Yaghmour, K. "Effectiveness of Blended Teaching Strategy on the Achievement of Third Grade Students in Mathematics", *Journal of Education and Practice*, 7:5, (2016): 65-73.

ФИЛОСОФИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОЦЕССА ОБРАЗОВАНИЯ

*Н. Г. Зенец,
д-р филос. наук, профессор
Омский государственный медицинский
университет
df_zenec@mail.ru,
Т. В. Мироненко,
ст. преподаватель
Омский государственный
медицинский университет
kafphil@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема изменения назначения философии в условиях трансформации образования. Утверждается, что современный процесс трансформации имеет свои особенности. В этих условиях философия больше не выступает «законодательницей ума» или своеобразной идеологией, её назначение состоит в том, чтобы сохранить «человека мыслящего».

Ключевые слова: философия, трансформация, цифролизация, образование.

PHILOSOPHY IN THE CONTEXT OF THE MODERN TRANSFORMATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS

*N. G. Zenets,
Omsk State Medical University
df_zenec@mail.ru,
T. V. Mironenko,
Omsk State Medical University
kafphil@mail.ru*

Abstract. The article deals with the problem of changing the purpose of philosophy in the context of the transformation of education. It is argued that the modern process of transformation has its own characteristics. Under these conditions, philosophy no longer acts as a «legislator of the mind» or a kind of ideology, its purpose is to preserve the «thinking man».

Keywords: philosophy, transformation, digitalization, education.

Трудно представить себе современное общество, которое не нуждалось бы в передовой системе образования, системе, которая не только сводится к получению знания, но и образовывает, создает новый образ специалиста.

Образовательный процесс, в этом смысле, не может обойтись без гуманитарной составляющей, не смотря на то, какого профиля готовится специалист: технического, естественно-научного или гуманитарного. Философия, в этой связи, обретает особое назначение. И дело вовсе не в обыденном

представлении о том, что она формирует идеалы и ценности обучающихся, хотя это, безусловно, важно, а в том, что философия единственная дисциплина, которая занята созданием мыслительных навыков обучающихся, способностью мыслить самостоятельно и свободно.

Еще в начале 70-х годов двадцатого столетия М. Хайдеггер с сожалением заметил, что «старый университет умер», а современные университеты – скорее школы, где не учат мыслить, но лишь дают накопленные знания. Философия же «редко бывает чем-то иным, кроме как отпечатком технической идеологии, заимствующим методы, свойственные физике и биологии» [1, с. 156].

Говоря о современном ему времени, М. Хайдеггер отметил, что образование утратило самое важное – способность образовывать «человека мыслящего», способного по-новому «собрать» мир в целое.

Заметим, что образование в процессе своего развития не раз трансформировалось. Что касается философии, то уже на заре своего становления, она превращается из бескорыстного служителя истине, каковыми были философы-доксотики и Сократ, для которых единство мысли и жизни было нерасторжимо, в своеобразную, но вполне определенную и отстраненную практику научения формализации мысли. Такой труд стал хорошо оплачиваться. Этим философам стали называть софистами. Софисты утвердили себя как учителя мудрости, нужные как в государственных, так и личных делах. В Средневековье появление университетов трансформировало и процесс образования. Образованность теперь в основном отождествлялась с умением запоминать, знать наизусть тексты Священного Писания. А философия стала одной из дисциплин, назначением которой было толкование Священных текстов, с целью прояснения в них Божественного замысла.

Наиболее фундаментальная трансформация процесса образования произошла в период становления научного знания, когда наука стала вытеснять философию. И хотя философия по-прежнему выступала «законодательницей разума» и труд философа оставался востребован, тем не менее, её назначение в образовательном процессе становится расплывчатым и неопределенным. В России в 1850 году дело дошло до того, что действующий министр образования П. А. Ширинский-Шихматов, говоря о философии, выразил свое мнение весьма определенно, что польза от философии сомнительна, а вред – вполне возможен!

Новое назначение философия получила после Великой Октябрьской революции. Она становится идеологией, обосновывающей новый строй, рупором в воспитании советской молодежи. Однако свое истинное назначение – сохранять «человека мыслящего» – она выполнять не могла.

Современная трансформация образовательного процесса изменила и назначение филосо-

фии. Философия по своей сущности принадлежит к тем редким явлениям, судьба которых в том и состоит, что они не могут не вызвать непосредственный отклик. Сложившаяся система образования требует от философов, безусловно, следовать образовательному стандарту, дать обучающимся набор устоявшихся понятий. Между тем, философия – это одна из редких возможностей автономного и творческого существования, где непосредственное общение, диалог с обучающимся может изменить его мировоззрение, а методичное, системное, стандартное вкладывание знаний, может оказаться напрасным трудом, не захватившим ни душу, ни мысль обучающегося. А ведь обучение философии собственно и состоит в том, «...чтобы переучивать видеть мир» [2, с. 203], отказываться от очевидного, обретать новую «оптику».

Какое назначение обретает философия в современном образовательном процессе? Отметим те фундаментальные изменения, которые в последнее время произошли в образовании. Сегодня образование – это многозначная, противоречивая, информационная среда, где человек встречается с новыми вызовами. Общедоступность информации по любому вопросу обесценивает информативное знание, теперь нет смысла добывать информацию, вопрос, скорее в её верификации.

Многие функции ранее необходимые при обучении специалистов, стали ненужными в эпоху цифровизации. К примеру, общение с обучающимся в информационной среде часто предпочтительнее живого общения. В цифровом обществе для отбора профессиональных качеств специалистов вполне могут выступать экспертами машины, более объективные и беспристрастные. Некоторые авторы всерьез озабочены тем, что «скоро отпадет потребность в направленности образования на развитие духовных качеств личности, её гражданской позиции, способности широко и свободно мыслить» [3, с. 8]. Другие же, напротив, считают, что «философия призвана противостоять нагнетанию абсурда и деструктивности, росту шизоидных и невротических тенденций в культуре,крепить внутреннюю самоорганизацию и мужество духа» [4, с. 221].

Однако современная трансформация процесса образования, нацеленная на прорыв к новым технологиям, информационным возможностям прежде всего нуждается в свободно, неординарно мыслящих специалистах. А это требует от философии особых усилий, не ориентирования на обретение обучающимися информационного материала, это с успехом делает интернет, а скорее, формирования понимания.

В меняющемся, ускоряющемся, трудно верифицируемом мире, только «человек мыслящий», способный каждый раз «собирать» мир в целое, но для этого он сам должен быть образован, но так, чтобы истина и совесть не оказались по разные стороны. И. А. Ильин в своё время писал о

том, что именно «в философии, как нигде больше, требуется острота и чуткость – теоретическая совесть» [5].

Библиографический список

- 1 Хайдеггер М. *Беседа с Хайдеггером* / М. Хайдеггер // Хайдеггер М. *Разговор на просёлочной дороге*. – Москва : Высш. Шк., 1991. – 192 с.
- 2 Адо П. *От Сократа до Фуко. Долгая традиция* / П. Адо // *Философия как способ жить*. – Москва ; Санкт-Петербург : Изд-во «Степной ветер». – 2005. – С. 288.
- 3 Балюшина Ю. Л. *Трансформация ориентации личности в период становления информационного общества: философский аспект* / Ю. Л. Балюшина // *Концепт*. – 2014. – Т. 13. – С. 6–10.
- 4 *GlobalCrisis: Overcoming the Uncertainty of the Concept in the Philosophical Paradigm of Globalization* / A. Guryanova, N. Astafeva, N. Filatova, N. Guryanov // *The Future of the Global Financial System: Downfall or Harmony*. – 2019. – Vol. 57. – P. 836–843.
- 5 Ильин И. А. *Религиозный смысл философии. Три речи 1914–1923* / И. А. Ильин // Ильин И. А. *Пути к очевидности*. – Москва. – 2003.

ЦЕННОСТНЫЙ ПОДХОД В АНАЛИЗЕ ПРЕКАРИАТИЗАЦИИ УЧИТЕЛЕЙ И ВРАЧЕЙ

*Е. С. Коновкин,
канд. филос. наук, доцент
Уральский государственный
юридический университет
kotschkar@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается процесс прекариатизации на примере учителей и врачей, оценка последствий которого неизбежно вытекает из классового подхода. Обозначается две диаметрально противоположных ценностных позиции.

Ключевые слова: прекариатизация, прекариат, классовый подход.

VALUE APPROACH IN THE ANALYSIS OF THE PRECARIATIZATION OF TEACHERS AND DOCTORS

*E. S. Konovkin,
Ural State Law University
kotschkar@mail.ru*

Abstract. The article examines the process of precariatization using the example of teachers and doctors, the assessment of the consequences of which inevitably follows from the class approach. Two diametrically opposite value positions are designated.

Keywords: precariatization, precariat, class approach.

Исторический процесс, каким бы он ни был, имеет аксиологическое измерение, поскольку человек и общество придают ему ценностное значение. Точкой опоры, критерием оценки является классовая позиция субъекта оценивания. В классовом обществе внеклассовый подход в ценностном измерении социальных явлений невозможен. Обратимся к прекариатизации труда, которую будем трактовать как процесс превращения социально-профессиональных групп в прекариат. Прекариат – группа людей, составляющая тех «кто постоянно (!) занят временной, эпизодической работой, вовлечен в теневой или ... «нелегитимный» сектор рынка труда, вследствие чего эти люди имеют урезанные социальные права и обладают усеченным социальным статусом» [1, с. 3]. Прекарность – нестабильность, неопределенность, уязвимость положения, ведущая преимущественно к снижению социального статуса. «Прекариатизироваться – значит подвергаться воздействию или приобретать такой жизненный опыт, который приводит к... нестабильному существованию, когда человек живет сиюминутным, не имеет...ощущения, что при его работе и образе жизни он может добиться большего» [2, с. 36].

Прекариат пополняется не только представи-

телями рабочего класса, самозанятыми и мелкими предпринимателями, но также и когнитариатом, то есть работниками умственного труда. Вопреки положениям теории Р. Флориды и вытекающим из нее выводам о креативизации общества в условиях технологических революций современности происходит прекариатизация креативных социальных групп. Концепция американского ученого оказалась несостоятельной по той причине, что она противоречит логике развития капитализма. Возрастание доли креативной деятельности способствовало не социальному восхождению работников, а, наоборот, усилению их эксплуатации и дополнительному получению доходов капиталистов [3, с. 57]. Возник креативный прекариат, определяемый как «подгруппа прекариата, представители которой, обладая высоким уровнем образования и квалификации, чья занятость в креативных индустриях является нестабильной (самозанятые, работающие неполный рабочий день или на краткосрочных контрактах)» [3, с. 63]. Следует учитывать, что работники креативных профессий, не подпадающие под определение прекариата, все-таки вовлечены в процесс прекариатизации, так как, несмотря на стабильную и формальную занятость, они приобретают все больше признаков прекариата (неустойчивость заработка, риск потери рабочего места, тревожность в связи с неустойчивостью положения предприятия или фирмы на рынке товаров и услуг и т. п.). Поэтому процесс формирования прекариата представляет собой не только «выдавливание» в сферу нестабильной и неформальной занятости, но и превращение формального сектора труда в зону риска. Рассмотрим этот процесс на примере учителей и врачей.

Учитель в условиях рыночной идеологии и неолиберального экономического курса из воспитателя и просветителя превращается в поставщика образовательных услуг. Этому процессу непосредственно способствует реформа российского образования, проводимая под флагом эффективности. Суть «эффективности» заключается в экономии государственных средств на сфере образования, в том числе на учителях, которые должны меньшим числом штатных единиц добиваться планируемых результатов. Для этого вырабатываются формальные показатели эффективности: различные рейтинги, результаты ОГЭ и ЕГЭ, количество победителей ученических олимпиад, курсов и т. п.; вводится «эффективный контракт» как инструмент «гибкого регулирования рынка труда». Реальным результатом является увеличение трудовой нагрузки без эквивалентной динамики заработной платы, вменение учителю обязанностей, не свойственных педагогу и не связанных напрямую с воспитанием и обучением, а именно: составление разного рода отчетностей. Десятки формальных показателей эффективности, которым должен соответствовать учитель, создают атмосферу тревожности, неуверенности. Возникает

риск непродления трудового контракта на очередной учебный год, что становится почвой для оппортунизма учителя в отношении к администрации в принципиальных вопросах. «Уязвимость делает учительскую профессию все меньше привлекательной – учителя постепенно становятся прекариатом» [4, с. 124]. Неслучайно аналитики подчеркивают, что целая профессиональная группа превращается в прекариат, так как основные признаки этого класса приобретают не отдельные категории учителей, а все учительство как таковое. Дополнительным подтверждением вывода является такой показатель общественного положения социальной группы как престиж профессии. В этом отношении профессия учителя всегда была двойственной. С одной стороны, высокое общественное предназначение и творческий характер труда, а с другой стороны – огромная психологическая, нервная нагрузка, связанная со специфическим предметом труда, не всегда управляемым и порой конфликтным. Но поскольку эта профессия объективно нужна обществу и важна для него, то, например, в советское время идеологические усилия руководства страны и государства были направлены на формирование положительного образа учителя. В настоящее время этого нет. В массовое сознание внедряется мысль о том, что учитель – это человек, который не смог удачно устроиться в жизни, не способный заняться бизнесом. Отношение родителей к учителям все более соответствует навязываемому образу, а рост платности в образовании, в том числе через «поборы», увеличивает психологическое отчуждение: родители предъявляют все больше претензий к школе, все меньше оказывают солидарных действий в воспитательном процессе. Поэтому следует согласиться с утверждением, что профессия учителя находится в опасности [4, с. 134].

Прекариатизация труда происходит также в сфере здравоохранения. У врачей увеличился объем служебных обязанностей, возросла трудовая нагрузка, в том числе не связанная с их должностными функциями. Стандартной стала ситуация, когда врач принимает до 60 пациентов в один рабочий день [5, с. 138]. При этом денежное вознаграждение, если и увеличивается, то незначительно. Сами врачи в социологическом интервью отмечают следующий парадокс: «Не хватает врачей, но при этом идут сокращения, чтобы выполнить указы президента» [5, с. 138]. Чтобы не попасть под сокращение штатов или не оказаться в числе переведенных на неполный рабочий день, врачи должны придерживаться оппортунистического поведения. Средний и младший медицинский персонал испытывает на себе тот же процесс прекариатизации. Государство, для того чтобы сократить расходы, идет на такие меры, в результате которых значительная часть медсестер и санитарок понижается в должности. Например, в ряде медицинских учреждений санитарок, не меняя обязанностей, переводят в уборщицы, а уборщиц

сокращают. В итоге работники теряют не только часть зарплаты, но и льготы, например, лишаются сокращенной рабочей недели и дополнительных дней отпуска. Осуществляются удивительные манипуляции с зарплатой: соотношение оклада и надбавок меняется таким образом, что в целом оплата труда оказывается ниже, чем была ранее. Даже министр здравоохранения РФ В. Скворцова признала, что в стране складывается нечестная система начисления зарплаты медикам [6].

Согласно данным статистического сборника, с 2016 г. в РФ происходит неуклонный рост численности врачей. Если в 2016 г. было 681 тыс. человек, то постепенно их число увеличилось до 704 тыс. в 2018 г. [7, с. 159]. Такая динамика, на первый взгляд, опровергает приведенные нами высказывания о рисках потери работы как важном признаке прекариатизации. Однако другие источники приводят иные показатели. Издание «Коммерсант», ссылаясь на итоги официального статистического наблюдения, отмечает, что за 5 лет численность врачей по всей стране сократилось на 7 тыс. человек, среднего медицинского персонала – на 87 тыс. (с 1,401 млн в 2014 г. до 1,314 млн в 2019 г.), младшего медперсонала – на 386 тыс. или почти в 2,5 раза (с 650 тыс. в 2014 г. до 264 тыс. в 2019 г.) [8]. «Газета.ru», ссылаясь на справку Минздрава РФ о состоянии здравоохранения, отмечает о сокращении в 2018 г. численности врачей в 54 регионах, причем в Бурятии и Новосибирской области произошло сокращение более чем на 50 % [6]. В 31 регионе РФ, наоборот, возросло количество врачей, особенно в Хакасии и Омской области, где рост произошел в течение года более чем на 300 % [6]. Сопоставляя отток/приток врачей по регионам, формулируют вывод о перемещениях специалистов из региона в регион в поисках более достойной оплаты труда. Некоторые авторы склонны излишне романтизировать подобные процессы, забывая не только о неизбежных трудностях и неудобствах переезда, особенно для людей, имеющих семью и установившиеся с годами социальные связи, то есть все то, что в настоящее время принято обозначать социальным капиталом, но и о том, что в условиях нестабильности смена жительства не гарантирует повышения качества жизни на длительный срок. Иначе говоря, интенсификация территориальной мобильности в обществе риска является немаловажным признаком прекариатизации, что в значительной степени относится к российским врачам.

Процесс прекариатизации оценивается как минимум с двух позиций. «Коллективный работодатель» акцентирует внимание на динамике производительных сил в условиях информационного общества, которая требует от социума гибкого рынка труда, а от индивида – периодической смены места работы и профессии. При таком технологическом подходе логически следует ссылка на «веление времени» и требования научно-технического прогресса. Однако при этом упускается из

вида, что в анализируемом процессе потери и обретения не распределяются в обществе равномерно, в нем обнаруживаются бенефициары и изгои. С позиций тех, кто на себе испытывает издержки прекариатизации, корень проблемы усматривается не в технологическом укладе, а в стремлении одной части общества решить проблемы путем переноса всех рисков и потерь от «гибкости» на другую, зависимую его часть.

Библиографический список

- 1 Тощенко Ж. Т. Прекариат – новый социальный класс / Ж. Т. Тощенко // *Социологические исследования*. – 2015. – № 6. – С. 3–13.
- 2 Стэндинг Г. Прекариат – новый опасный класс / Г. Стэндинг. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2014. – 328 с.
- 3 Слободская А. В. Становление прекариата в контексте трансформации социальной структуры современного общества : дисс. ...канд. филос.наук / А. В. Слободская. – Томск, 2018. – 130 с.
- 4 Вольчик В. В. Реформы в сфере образования и прекариатизация учителей / В. В. Вольчик, О. Ю. Посухова // *Terra Ecopotimus*. – 2017. – Т. 15. – № 2. – С. 122–138.
- 5 Клименко Л. В. Прекариатизация труда и протестные настроения социально ориентированных профессиональных групп в российском обществе / Л. В. Клименко, О. Ю. Посухова // *Власть*. – 2018. – Т. 26. – № 9. – С. 134–141.
- 6 Массовый отток: почему врачи бегут из больниц. – URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/10/31/12787004.shtml> (дата обращения: 18.03.2021).
- 7 Россия в цифрах. 2020 : крат. стат. сб. // Росстат. – Москва, 2020. – 550 с.
- 8 Медицине пересчитали кадры. Мониторинг здравоохранения. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4250246> (дата обращения: 18.03.2021).

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ПРОФЕССИЯ ПРОТИВ МАТРИЦЫ: В ОЖИДАНИИ СМЕНЫ ПАРАДИГМЫ

*О. К. Крокинская,
д-р соц. наук, доцент, профессор
Российский государственный
педагогический
университет им. А. И. Герцена
(г. Санкт-Петербург)
okroinskaya@gmail.com*

Аннотация. В статье ставится проблема истощения ресурсов неолиберально-менеджеристской парадигмы управления образованием и другими социальными системами. Признаком этого истощения служит жесткая формализация и стандартизация деятельности профессионалов образования и, как следствие, – интенция к оцифрованной функциональности для исполнителей и производство управляющей системой не порядка, а хаоса.

Ключевые слова: академическая профессия, университетский преподаватель, «макдональдизация» образовательного процесса.

ACADEMIC PROFESSION AGAINST THE MATRIX: WAITING FOR A THE PARADIGM CHANGE

*О. К. Krokinskaya,
The Herzen State Pedagogical University
of Russia
okroinskaya@gmail.com*

Abstract. The article raises the problem of the neoliberal-managerial paradigm resources depletion to management of education and other social systems. A sign of such depletion is the rigid formalization and standardization of the education professionals activities. The consequence of such management is an intention towards digitized functionality for academic professionals and the production not order, but chaos by the governing system.

Keywords: academic profession, university teachers, “McDonaldization” of the educational process.

Благодарю организаторов конференции и профессора Б. С. Шалютина за приглашение участвовать в столь значительном научном форуме. Его тема исключительно актуальна и очень точно сформулирована. Именно на пересечении «моментов силы» машин, людей и ценностей формируется сегодня критическая точка динамики социального постмодерна, которую мы ощущаем как предчувствие катастрофы, но которая, возможно, является не катастрофой, а формой перехода к чему-то принципиально новому. Для таких переходов наука выработала несколько концептов: «диалектический переход количества в каче-

ство», «смена парадигмы», «квантовый скачок», «сингулярность». В последнем случае имеется в виду «козволюция» экспоненциально растущих кризисов, устремленных в одну точку, за которой – неизвестность.

Внутри этой конфигурации можно различить группу трендов, имеющих прямое отношение к образованию как к институту, который конструирует и предписывает исполнителям определенные образовательные практики, и при этом не видит за ними людей. Эту группу трендов составляет господствующая управленческая парадигма, выросшая из неолиберальной модели экономики, бурного прогресса менеджмента и, как ни странно, научно-технического и информационно-технологического прогресса. Вместе взятые, они составили славу и мощь индустриального XX века, но в постиндустриальной реальности, кажется, истощают ресурсы владения ситуацией и на излете своих возможностей демонстрируют неспособность развивающего воздействия. В немалой степени потому, что захватывают и поглощают жизненный мир человека, фактически отказывая ему в праве определять свое участие в системах деятельности и влиять на них.

В понимании ситуации оттолкнемся от эмпирически понятной нам действительности – процесса так называемой «оптимизации» образования, мотивированной стремлением к эффективности и качеству его результатов, однако производящей не столько эффективность и качество, сколько тонны бумаги и настоящую жесткую эксплуатацию труда работников образования – академических профессионалов, преподавателей. По объемам, напряженности и часто бессмысленности такой работы ее нередко называют «роботизацией». Люди чувствуют себя роботами, потому что функционируют в системе, фактически равнодушной к содержанию образования, и заинтересованной только в декларативном соблюдении шаблонов, стандартов и предписанных форм документации, регламентирующих образовательную деятельность в малейших деталях. Естественная регуляция высококвалифицированного труда последовательно заменяется искусственной, живая жизнь людей – марионеточным существованием.

Преподаватели педагогического Герценовского университета Санкт-Петербурга, опрошенные в рамках исследовательского проекта в 2020 г., так формулировали эти свои ощущения [1]:

«70 % этой работы просто ушло в стол, в никуда... самое обидное, когда твоя работа идет в помойку».

«Это чиновничья процедура, это способ контроля, вот ее главная функция».

«У меня 68 программ..., я делал «от сих и до сих», куда оно пошло?»

«Эта работа была, на мой взгляд, абсолютно бесполезной, муторной и глупой, и она носила какой-то немножко издевательский характер».

Ощущение работы как «роботизации» приходится признать довольно точным, потому что она идет в управляющей коммуникации не с людьми,

а с машиной, и эта машина «восстала» против людей. Сам концепт «восстание машин» принадлежит, видимо, поэту Валерию Брюсову (рассказ «Восстание машин», 1908 г.), позже Карел Чапек ввел в современный язык слово «робот» (1920 г.), причем обозначил им не человекообразное устройство, выполняющее механические операции по заложенной программе, а живого человека, занятого подневольным трудом, по сути, тоже механическим и программно заданным. В когнитивном смысле выглядит неслучайным, что первичное осмысление будущего мейнстрима – это метафоры, рожденные художественным воображением, чутким к неявным свойствам реальности.

Позже научная фантастика XX века (Р. Хайнлайн, А. Азимов, С. Лем) смоделировала множество ситуаций как сотрудничества, так и противостояния человека и робототехники. Сегодня какую-то ее долю эксплуатируем мы, и нам от этого прибавляется удобств и радостей, а какая-то, наоборот, эксплуатирует нас, мы ощущаем это как неправомерное принуждение и не до конца понимаем его источник. Мы привычно ищем его в бюрократии, но это не приближает нас к разгадке тайны, почему невозможно изменить ситуацию, – ведь, в принципе, с бюрократией можно договориться, она же, в конце концов, люди! Но почему эти люди нас категорически не слышат?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны понять происходящее не как эксцесс бюрократии, а как определенную закономерность, которую можно победить или «отредактировать» именно и только как закономерность. Признаком такой «механической» закономерности, то есть объективированной регулярности, последовательности, алгоритмизированности действий, выступает программирование, которое определенные последовательности создает и предписывает. «На другом конце провода» – не железная машина, а Программа, Матрица. Это её восстание, направленное на подавление человека в системе регулируемых ею действий.

Кто управляет программой? Кто регулятор этой системы? Конечно, люди, работники системы образования разных уровней, от кафедры до министерства, которые, как им кажется, выступают «производителями порядка». Но они выступают не в своем человеческом качестве, а в качестве функции. Они агенты однажды запущенного механизма, имеющего целью стандартизацию и оптимизацию системы, перевод ее с одних алгоритмов функционирования на другие. Этот механизм, на определенном этапе, может быть, и необходимый, очутился в пространстве набирающей силу тотальности. Не выстраивая обратной связи, не встречая сопротивления «снизу», потому что там свили себе гнездо установки «что нам доводят, то мы и делаем», в условиях нарастающей самодостаточности «вертикали» в системе социального целого, – то, что было средством трансформации образования, превратилось в управляющий абсолют и разогнало машину программирования и

контроля до такой степени, что стало омертвлять все, что должно жить самостоятельно.

Что же способствовало воцарению программной формы существования многих профессий в образовании и многих других структур деятельности вообще? Политика, овладевшая важными, даже сущностными, трендами индустриального общества, – рынком в экономике потребления, разветвленным менеджментом сложных систем и достижениями информационно-технологического прогресса. Вместе они составляют парадигму регулирования образовательной деятельности, которая предписывает ей:

- требование зарабатывать, несмотря на то, что инфраструктура производства торгуемого продукта – научного знания или пресловутого «качества подготовки» – в современном российском образовании либо слаба, либо отсутствует;

- эффективность, понимаемую как мелочная регламентация при усилении нагрузки и отчетности по количественным показателям, а главное, представляющую как глубокое расчленение синтетических, синергических видов высококвалифицированной деятельности, какой должна быть совместная образовательная работа универсантов – педагогов и студентов, то есть лишение ее целостности;

- возможности цифровой эпохи, когда труд педагога, преподавателя, тысячелетиями существующий в культуре, можно увести из аудитории, виртуализировать и этим лишить коммуникативной миссии, а студенческую аудиторию – атомизировать, устранив «химию» человеческого общения и социализацию в условиях знаковых человеческих контактов, которые люди обычно вспоминают до конца своей жизни.

Возникает стойкое впечатление, что мы имеем дело с человеко-независимой системой – и это одна из ключевых проблем социального устройства в нашей стране. Система завладевает человеческим поведением, выстраивает его в целесообразную логику и получает чрезвычайно эффективное осуществление... самой себя. Эффективное и экономически выгодное.

В научном смысле мы убеждаемся в высокой объяснительной способности социологической теории «макдональдизации». Ее автор, Джордж Ритцер, ведет историю создания таких супер-рациональных сред от Генри Форда до торговых мегамоделей, «одновременно благопристойных и слабоумных» [2, с. 238], где личность помещается в ограничительные рамки, спонтанность контролируется, а дух и призвание подавляются. Другими словами, в фордистских и макдональдизированных подходах создаются среды, в которых люди не могут вести себя по-человечески – они дегуманизированы.

В образовании, чем дальше, тем больше этот процесс напоминает оцифровку – перевод поведенческих, психических, культурных знаков субъектной деятельности сначала в текстовые аналоги, а потом и в дискретные единицы сигналов,

пригодных для передачи на электронных носителях. И дело не в том, что цифровые технологии проникают в образовательный процесс, в том числе, создавая дистанционные формы (конвергенция между ними и традиционными формами неизбежна и может быть продуктивна), и даже не в том, что человек, преподаватель, превращается в анимированное изображение для передачи на цифровых носителях, а в том, что он сам начинает жить и работать так, как требуется цифровым носителям. Он принужден действовать по законам программы, фактически становясь биологическим носителем «эгоистичной программы», которая, – так же, как «эгоистичный ген» Р. Докинза [3] – озабочена лишь распространением себя на все большие ареалы.

«Оцифрованная функциональность» – это все, что нужно «эгоистичной программе» от человека. Дегуманизация, которую ранее мы усматривали, в основном, в деятельности тотальных институтов и тоталитарных систем, происходит здесь, сейчас, с нами.

К наиболее важным показателям физических и эмоциональных напряжений под диктатом травматической ситуации дистанта, ясно продемонстрировавшей силу цифровых императивов, опрошенные преподаватели отнесли: *угрозу попасть под сокращения, не пройти конкурс – 64 % ответов, профессиональное выгорание – 43 % ответов, высокий уровень стресса – 43 %, раздражение – 29 %, постоянную усталость – 29 %, снижение эмоционального настроения – 21 % ответов* и т. д. [1].

Однако супер-рациональность рано или поздно оборачивается иррациональностью. Сегодня такие подходы производят не столько порядок, сколько хаос.

И все же это закономерно. Потому что представляет собой «волну» в системе больших волн – сначала роста, а потом упадка каких-то первоначально эффективных принципов – а также потому, что это было предсказано и осуществилось.

В 1941 году американский философ, социолог и экономист Джеймс Бёрнем (Бернхем) издает работу «The Managerial Revolution» (на русском языке опубликована в 1954 г. как «Революция директоров» [4]). В этой работе он выдвигает идею о трансформации капитализма в «менеджеральное общество», власть в котором перейдет к новому классу управляющих (менеджеров, технократов). Совершенно не случайно на нее обращает внимание и пересказывает в своей статье Дж. Оруэлл: «Капитализм исчезает, но на смену ему идет не социализм. Возникает новый тип планового, централизованного общества, которое не будет ни капиталистическим, ни, в каком бы то ни было принятом смысле слова, демократическим. Правителями этого нового общества будут те, кто фактически контролирует средства производства: администраторы компаний, техники, бюрократы и военные, которых Бёрнем объединяет под именем «менеджеров». Эти люди устроят

прежний класс капиталистов, сокрушат рабочий класс и организуют общество таким образом, что вся власть и экономические привилегии останутся в их руках... Новый мир <...> будет состоять из громадных сверхгосударств, сложившихся вокруг главных индустриальных центров Европы, Азии и Америки <...>. Все они будут иерархическими: аристократия способных наверху и масса полурабов внизу» [5]. У нас в стране эта работа практически не известна, однако, ее идеи, как никогда, своевременны, потому что помогают понять, что происходит с нашим обществом на самом деле.

Коль скоро это так, и наши трудности запрограммированы не (не только) злой волей управляющих, обращаться к которым с увещаниями об академических свободах и непристойности превращения высоких профессионалов в пролетариат умственного труда не имеет смысла, так как они сами «рабы этой лампы», – то в какой инстанции и как решать проблему общей дегуманизации и опасной для культуры трансформации академических профессий?

И тут мы возвращаемся к ощущению сингулярности, т. е. радикальной смены парадигмы, и к пониманию того, что нужны новые институты, в том числе, новый социальный институт образования. Что социология называет сегодня институтами? Долгие практики формальных и неформальных правил в поведении и деятельности людей в разных отраслях социальной структуры. Значит, нужны новые практики и новые правила. Возникнуть они могут только из осознанности проблемы, в которой мы существуем, и рационального выбора людьми своих действий, – то есть из когнитивной работы на разных уровнях общества, из мысли, из понимания того, где локализируются настоящие причины создавшейся ситуации, – а также из определения своего места в ней и смысла своих действий в условиях императивного запроса на поворот волны в трендах, исчерпавших свой ресурс.

У этого пути трудностей не меньше, но доступ к работе с ними ближе [6].

Библиографический список

- 1 Крокинская О. К. Преподаватели педагогического университета на карантине и в дистанте / О. К. Крокинская. – URL: <https://www.academia.edu/44516527/> (дата обращения: 03.03.2021).
- 2 Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5 / Дж. Ритцер // Мониторинг общественного мнения. – Январь-Февраль, 2011. – № 1 (101).
- 3 Докинз Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз. – Москва : АСТ : CORPUS, 2013.
- 4 Бёрнхэм, Джеймс. Революция директоров / Джеймс Бёрнхэм ; пер. с англ. Е. Шугаева. – Франкфурт-на-Майне, 1954. – 161 с.
- 5 Оруэлл Дж. Джеймс Бёрнем и революция менеджеров / Дж. Оруэлл. – URL: https://www.orwell.ru/library/reviews/burnham/russian/r_burnh (дата обращения: 03.03.2021).
- 6 Крокинская О. К. «Люди не мыслят»: Гераклит и когнитивные проблемы культуры / О. К. Крокинская // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2020. – Т. 6. – № 3. – С. 52–66. – URL: http://rrhumanities.ru/media/humanities/2020/3/05_%D0%A2.6_3_2020.pdf (дата обращения: 03.03.2021).

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СИСТЕМА ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

*Р. В. Лупашко,
студент*

*Курганский государственный университет
kotogvr@gmail.com,*

*А. В. Человечкова,
ст. преподаватель*

*Курганский государственный университет
chelovechkova_2011@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы получения знаний в современном мире. Проанализированы существующие интеллектуальные системы. Выявлены их преимущества и недостатки. В качестве одного из решений данной проблемы предложено использование искусственного интеллекта.

Ключевые слова: интеллектуальная система руководства (ИСП), адаптивная гипермедиа, гипермедиа, компьютерное обучение, интеллектуальная система образования.

INTELLIGENT GENERAL EDUCATION SYSTEM

*R. V. Lupashko,
student*

*Kurgan State University
kotogvr@gmail.com,*

*A. V. Chelovechkova,
Senior Lecturer*

*Kurgan State University
chelovechkova_2011@mail.ru*

Abstract. The article deals with the problems of acquiring knowledge in the modern world. The existing intelligent systems are analyzed. Their advantages and disadvantages are revealed. The use of artificial intelligence can be proposed as one of the solutions to this problem.

Keywords: intelligent leadership system (ISR), adaptive hypermedia, hypermedia, computer learning, intelligent education system.

Развитие искусственного интеллекта привело к революции почти во всех сферах жизни. Например, в медицине используется система помощи врачам, которая дает доступ к огромному числу различных историй болезни. В настоящее время в образовательной сфере таких систем нет. Зачастую человек сталкивается с двойственной проблемой. С одной стороны, с развитием систем коммуникации расширилась возможность получения любой информации, знаний. С другой стороны, возникает проблема выбора источника этой информации. Человеку, не имеющему достаточного опыта в данной области знаний, также как и времени, сделать такой выбор представляется

большой проблемой. Помочь человеку с выбором и является главной задачей интеллектуальной системы образования (ИСО).

Исторически эту функцию выполнял преподаватель. Имея опыт общения с людьми и передачи знаний и навыков, он имел возможность учесть особенности интеллектуального, эмоционального состояния обучающегося.

В условиях современной ситуации альтернативой человека в некоторых вопросах может стать интеллектуальная система образования. Главной задачей станет адаптация и подбор учебного материала под конкретного ученика. Студенты даже одной группы часто отличаются по уровню базового образования, имеют вторичные интересы в разных сферах жизни, имеют различные преимущественные каналы восприятия информации, мыслят разными образами, основанными на их предыдущем жизненном опыте и т. д.

Побочной задачей ИСО должно стать выявление слабых, но необходимых областей знаний для восприятия новой информации, а также параллельный подбор материала для максимально быстрого их заполнения.

На данный момент существует несколько интеллектуальных систем обучения.

Рассмотрим модель Computer-based training (CBT). На этом принципе построены интерактивные учебные процессы без инструктора. Учащийся взаимодействует с учебными материалами при помощи компьютера. Они могут храниться в разных формах: учебники, пособия, упражнения или смоделированные пространства для работы. Эти материалы предоставляются пользователю в виде компьютерных программ [9]. Метод CBT обладает некоторыми чертами компьютерного обучения, такими как [4]:

- 1) предоставление небольших объемов информации в пошаговом порядке;
- 2) предложение сдачи кратких тестов, побуждают учащегося к периодической активности;
- 3) обратная связь с учащимся как по результатам прохождения локальных курсов, так и по всему процессу обучения;
- 4) возможность учащемуся проходить курсы в своем личном темпе;
- 5) установка критериев для перехода к следующему занятию [4].

После 2000-х, с глобальным развитием сетей интернет, появилась возможность обучать online. И CBT принимает новую форму – интернет-обучение. Появляются web-based training модели или WBT, вследствие переросшие в Browser-based training модели (BBT) [1].

Главным отличием систем, построенных на базе BBT метода, стала доступность в любой точке мира, при наличии интернета. Это же является и ее недостатком. Курсы, построенные на модели CBT, являются автономными, индивидуальными учебными материалами. Они не зависят от подключения к сети Internet, от требований к про-

пускной способности, а обучаться в ней могут только авторизованные пользователи. Обучение на базе СВТ – управляемое, безопасное, с высокой скоростью обучения. Именно поэтому в 2020 г. основой для 31 % обучающих систем является именно СВТ. Особую популярность модель приобрела в компаниях, которые вкладывают в обучение персонала, так как она является экономически эффективной. Грамотно подобранная команда экспертов, которые будут составлять базу системы и обучать ее, если они сделают это правильно, принесет долгосрочное преимущество.

Системы, построенные на базе СВТ и ВВТ методов, используют традиционные учебные методы, предоставляя знания без учета личных качеств обучающегося. Но стоит признать: они полезны при освоении узконаправленной, унифицированной области знаний в рамках изучаемого предмета.

Но для более эффективного обучения нужна модель, которая сможет оценивать каждого пользователя. Такой моделью стала Intelligent Tutorial System или ITS. Эта система оценивает каждого пользователя в различных интерактивных средах и разрабатывает модель знаний, навыков и опыта каждого пользователя. ITS, основываясь на модели обучающегося, адаптирует учебный план по содержанию и методу подачи материала [1].

Предоставить такой функционал ITS сможет модель взаимодействия системы, которая состоит из 4 модулей: учебного, экспертного, модуля учащегося и модуля интерфейса.

Учебный модуль содержит учебные материалы для принятия решений о тактике обучения, которые хранятся в виде динамически-перестраиваемых модулей [10]. Он опирается на диагностические процессы модели ученика для принятия решений о том, когда и как предоставить информацию более компактно [1].

Модуль учителя (эксперта) – компьютерная модель знаний предметного эксперта и способы решения той или иной проблемы. Эти знания дают системе право сравнивать действия учащегося и учителя, чтобы оценить [2].

Модуль учащегося хранит модель каждого ученика, составляет о нем отчет. В него входят такие параметры, как личные качества, знания, навыки, умственные способности. Модуль определяет эффективность учащегося по его действиям в системе, чтобы оценить ученика. После генерации модели, ученику предлагается ряд инструкций [2].

Модуль интерфейс является обучающей интерактивной средой, служит проводником между пользователем и другими модулями системы [2].

ITS имеет все особенности моделей, рассматриваемых ранее и добавляет свои, что позволяет осваивать не только узкоспециализированный материал, разработанный специально для этой системы, но и общую программу. Но ITS имеет существенный недостаток – небольшие объемы

хранимой в базе данных информации.

Чтобы решить эту проблему, была разработана Hypermedia – система с непостижимыми объемами хранимой информации, с возможностью быстрого доступа пользователя к ней. Такие системы предлагают свободу перемещения по гиперпространству.

Adaptive Hypermedia или АН объединяет пользовательское моделирование с гиперпространством [3]. Система предоставляет материал, адаптированный к знаниям читателя.

Комбинирование Adaptive Hypermedia и ITS – эффективный метод удаленного компьютерного обучения. В настоящий момент ведутся работы по комбинированной модели двух систем – Adaptive Intelligent tutorial system (AITS) [5].

Перечисленные выше существующие модели систем, в первую очередь, направлены на изучение дополнительных и/или специализированных курсов.

Сейчас на рынке нет полноценных систем удаленного компьютерного обучения, интегрированных в основной образовательный процесс. Поэтому необходимо подстроить интеллектуальную систему под существующую образовательную машину, постепенно внедряя нововведения.

А в учебных заведениях нет единой рабочей программы. Каждый преподаватель сам составляет таковые для своего предмета. Вследствие чего, они могут не сочетаться друг с другом. В итоге у учащегося не выстраивается общая картина мира и остаются отрывочные знания. Зачастую учащиеся не понимают, зачем они изучают ту или иную тему. Некоторые институты активно сотрудничают с предприятиями, чтобы обеспечить студентам возможность пройти стажировку. Но это не повсеместная практика.

Все перечисленные выше системы имеют недостатки, но их можно исправить. Для этого нужно сформировать общую и синхронизированную программу по всем предметам. Пересмотреть критерии оценивания учащихся, их успеваемость и эффективность обучения. Также в рамках сотрудничества с предприятиями, компаниями, научными центрами, лабораториями можно распределить предметы на те направления, профильная деятельность которых совпадает с деятельностью компании в рамках проведения курсов переподготовки. Когда учащийся проходит какую-то тему, курс в симулированном пространстве, он может применять полученные знания на реальных примерах из профессиональной, рабочей среды. Это поможет закрепить знания на практике и познакомит с реальной жизнью.

После прохождения темы учащимся будет предложено выступить с лекцией для тех, кто еще не изучил ее. Чтобы что-то рассказать другому, необходимо иметь системные знания. Так ученик не только лучше усвоит текущую тему, но и научиться выступать перед публикой, что является очень важным и полезным навыком.

Но ключевыми пользователями в системе будут не только учащиеся, но и преподаватели. Многие преподаватели устают от однотипных лекций и заданий, повторяющихся из года в год. Они, наряду с учащимися, будут иметь доступ к информации, предоставленной передовыми компаниями и лабораториями.

В данной ситуации хорошим выходом было бы введение системы, которая подошла бы не только для учащихся, но и для преподавателей. Система, которая давала бы возможность получения знаний всем субъектам образовательных отношений. Такая система могла бы стать *интеллектуальной системой общего образования* с поддержкой интеллектуальной среды. Это виртуальная среда, где любой желающий сможет быстро получить нужные знания, удовлетворить свой интерес, пообщаться с людьми, а главное – сэкономить ресурс, которого у нас меньше всего, – время. В настоящее время это должно стать не просто интересной затеей, а необходимостью. Такая система – спасательный круг для тех, у кого нет возможности получать образование и общаться с людьми offline.

Однако, никакая интеллектуальная система, какой бы инновационной она не была, никогда не заменит учителя.

Библиографический список

1 Мубаракова С. Р. Адаптивные интеллектуальные обучающие системы для систем электронного обучения / С. Р. Мубаракова, Курос Басири // *Молодой ученый*. – 2018. – № 44 (230). – С. 24–28.

2 Rodica Mihaela & Anca Andreescu. Управление знаниями в системах электронного обучения. – 2008. – С. 3–4, С. 375–417.

3 Брусиловский П. Технологии и методы адаптивной гипермедиа / П. Брусиловский // *User Modeling and User Adapted Interaction* (Специальный выпуск «Адаптация в гипертексте и гипермедиа»). – 1996. – № 6. – С. 2–3, С. 87–129.

4 Вилкова К. А. Адаптивное обучение в высшем образовании: за и против / К. А. Вилкова, Д. В. Лебедев // *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования*. – Москва : НИУ ВШЭ, 2020. – 36 с.

5 Брусиловский П. *Adaptive hypermedia* / П. Брусиловский // *User Modeling and Adaptive Interaction*. – 2001. – № 11. – С. 87–110.

6 Нейротехнологии и образование: социо-гуманитарные проблемы. – URL: <https://ntinews.ru/blog/publications/neurotehnologii-i-obrazovanie-sotsio-gumanitarnye-problemy.html> (дата обращения: 12.03.2021).

7 Проблема сильного искусственного интеллекта: ризоматичность логики. – URL: <https://neuronus.com/stat/1393-problema-silnogo-iskusstvennogo-intellekta-rizomatichnost-logiki.html> (дата обращения: 09.03.2021).

8 Трудная проблема сознания и искусственный интеллект: проблема бессознательного. – URL: <https://neuronus.com/stat/1414-trudnaya-problema-soznaniya-i-iskusstvennyj-intellekt.html> (дата обращения: 09.03.2021).

9 *Advancing Technology for Humanity*. – URL: <https://ieeexplore.ieee.org> (дата обращения: 09.03.2021).

10 Искусственный интеллект в образовании: приедем на Россию. – URL: <https://netology.ru/blog/06-2019-iskusstvennyy-intellekt-v-obrazovanii> (дата обращения: 11.03.2021).

11 Открытый курс машинного обучения. Тема 9. Анализ временных рядов с помощью Python. – URL: <https://habr.com/ru/company/ods/blog/327242/> (дата обращения: 11.03.2021).

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНОЙ СФЕРЫ СТУДЕНТА СРЕДСТВАМИ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН

*С. Н. Островский,
канд. психол. наук, доцент
Белорусский государственный
экономический университет
ostrova@tut.by*

Аннотация. В статье рассматривается роль духовно-нравственного воспитания в развитии личности современного специалиста. При этом особое внимание уделяется укреплению традиционной системы ценностей и развитию нравственности средствами предметов гуманитарного цикла, которые изучаются в вузе.

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание; высшее образование; личность; культура.

FORMATION OF THE STUDENT'S VALUE SPHERE BY MEANS OF HUMANITARIAN DISCIPLINES

*S. N. Ostrovsky,
Belarus State Economic University
Minsk, Republic of Belarus
ostrova@tut.by*

Abstract. The article considers the role of spiritual and moral education in the development of the personality of a modern specialist. At the same time, special attention is paid to strengthening the traditional system of values and the development of morality by means of subjects of the humanitarian cycle, which are studied at the university.

Keywords: spiritual and moral education; higher education; personality; culture.

Не секрет, что большая часть современной молодежи получает необходимые профессиональные знания именно в вузах не только нашего государства, но и других стран СНГ. При этом сами вузы, в свою очередь, призваны выпустить в общество не только грамотного специалиста, но и человека, обладающего необходимыми нравственными качествами.

Для большинства людей является вполне очевидным тот факт, что образование является одним из тех фундаментов, на котором и строится вся последующая жизнь как самой личности, так и всего общества в целом. И одной из существенных сторон такого развития выступает духовно-нравственное воспитание личности.

Так уже сложилось, что образованием и воспитанием подрастающего поколения должны в лучшем случае заниматься родители, а уже подхватывать эту эстафету суждено педагогам школы, и в последующем – преподавателям вузов.

Так уже сложилось, что родители отвлечены хозяйственными вопросами, педагоги школ перегружены, а преподаватели иной раз и понятия не имеют, что перед каждым занятием по любой специальности и дисциплине должны формулироваться помимо образовательных, воспитательные и развивающие задачи. И тогда подрастающий, ничем не занятый молодой человек обращается к внешним источникам: сверстникам, телевидению, интернету, улице.

Конечно же, такой молодой человек получит и опыт взаимодействия, естественно, до него долетят отголоски той или иной дефиниции, которые озвучивают его преподаватели, но при этом практически не понятным окажется подлинное значение образования!

К примеру, в классических учебниках по педагогическим дисциплинам [1] отмечается, что основными категориями педагогики выступают образование, воспитание и обучение (рисунок 1).

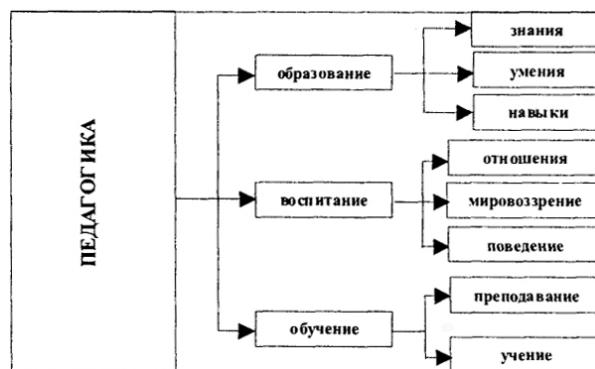

Рисунок 1 – Основные категории педагогики

Исходя из классической схемы видно, что образование – это процесс получения обучаемым знаний, умений и навыков. А, например, в Кодексе Республики Беларусь об образовании под образованием понимается «обучение и воспитание в интересах личности, общества и государства, направленные на усвоение знаний, умений, навыков, формирование гармоничной, разносторонне развитой личности обучающегося» [2]. Но если ограничиваться только и именно таким определением, то это, к сожалению, так и не поспособствовало в полной мере тому, чтобы человек стал умнее, при этом еще был и воспитанным. В итоге так и получается, что большинство современных молодых и не только людей почти всё знают, но при этом ничего и не делают! Об этом свидетельствует рост инфантильности, гедонистической направленности молодежи, а также слабое развитие волевой сферы большинства обучаемых.

А ведь цель образования до XVI века заключалась в том, чтобы *сделать человека лучше*, а не богаче, или как сейчас принято говорить «конкурентно-способным специалистом». И мало кто знает, что еще в дореволюционных учебниках по педагогике цель образования формулировалась не как тривиальное усвоение новых знаний, уме-

ний и навыков, но заключалась в привитии воспитаннику образа Божия [3].

Такое образование было для человека не самоцелью, не средством к земному успеху, ибо подчинялось главной цели – духовному и нравственному становлению личности. Ещё в то время понимали, что духовно-воспитанный человек и плохое сделает прекрасным, а горделиво умствующий, но морально неустойчивый и прекрасное может превратить в невыносимое.

Эта цель образования – сделать человека лучше, чище, отзывчивее, а не превратить его в «ходячую энциклопедию», принималась и поступалось во всех слоях русского общества. В силу этого образование и в высших слоях власти, и в простых избах носило один и тот же целенаправленный духовный характер. Именно таким образом воспитывался весь народ, так созидался общий дух нации, так укреплялся в сознании всех славянских людей идеал Святой Руси [3].

Беда современного человека заключается в том, что он не только не задумывается о себе самом и окружающем его мире, но даже и не обладает должным уровнем психологической культуры, неотъемлемой частью которой выступает умение рефлексировать.

Следовало бы отметить, что эта проблема легко решалась еще в древние времена. К примеру, Аристотель не раз подчеркивал, что из привычки так или иначе сквернословить развивается склонность к совершению дурных поступков. И уже позже, в XVII веке чешский педагог Ян Амос Коменский в своей «Великой дидактике» напишет, что «надо, однако, следить за тем, чтобы академии воспитывали **только трудолюбивых, честных и способных людей** (выделено Коменским). Они не должны терпеть лжестудентов, которые, подавая другим вредный пример бездействия и роскоши, расточают отцовское имущество и губят свои годы» [4].

Понятно, что запретами многого не решишь, и порой мало чего изменишь, но очевиден тот факт, что необходима своя альтернатива, направленная на развитие нравственных и духовных ценностей общества, при этом приоритет следует уделять именно ценностям духовным. А для этого не следует бездумно отказываться от своего культурно-исторического прошлого, но обратить внимание на его уникальный духовный опыт, который, к сожалению, сейчас все более и более утрачивается.

Культура того или иного народа, самого общества, в котором находится конкретная личность определяется все той же системой ценностей. Не даром, наши праотцы четко понимали, что именно те ценности, которые провозглашаются и, что немаловажно, постулируются обществом, и выступают тем самым критерием, благодаря которому, в последующем, и говорят о культуре всего народа и даже цивилизации.

Так, например, Валентин Пикуль в своем романе «Каторга» подчеркивал: «Судить о культуре

народа можно по состоянию кладбищ и по чистоте отхожих мест» [5, с. 64].

Надо признать, что во многих образовательных учреждениях осуществляется достаточно много различных культурно-массовых мероприятий, устраиваются различные конкурсы, проводится в той или иной степени кураторская работа. Но все эти мероприятия не охватывают в полной степени всех участников учебно-воспитательного процесса, а степень их воздействия на ценностную сферу личности ничтожно мала.

Но важно принять и тот факт, что исправить сложившуюся ситуацию можно при активном использовании предметов именно гуманитарного цикла, которые, способствуют расширению кругозора обучаемых, уместно расставляют воспитывающие задачи, раскрывают смыслообразующий ценностный ряд. В рамках этих дисциплин уместнее и легче говорить о нравственности, воспитанности и целеполагании современного человека. Кроме того, следует констатировать, что, к глубокому сожалению, в силу ряда причин, именно предметы гуманитарного цикла (философия, психология, культурология, социология и др.) были сокращены в своем объеме в два раза.

Безусловно, пути выхода есть, более того: они всегда были и будут. Но очень многое зависит от самого человека, от его ценностной сферы, от его самоопределения: становится ли ему прекрасным специалистом со скверным характером или быть скромным специалистом, за советом к которому потянутся сотни других людей. И здесь важен правильный выбор, сделать который и призваны более опытные люди, коих в вузах именуют преподавателями. А последним следует четко понимать, что ни вуз, ни школа не являются своеобразным инфокиоском, подключившись к которому будет легко и удобно получить необходимый набор знаний, но важно помнить и о том, что значительная воспитывающая составляющая зависит от собственного примера. Обучаемые всегда доверяют тому, что видят, а не тому, что слышат, а потому именно косвенное обучение выступает самым эффективным способом для принятия того или иного учебного материала. Важно такой рефлексии обучить и самих студентов, которые должны к вузовской скамье уже не столько привычно ждать готовую информацию, сколько сами её искать и апробировать, поскольку знания система передать способна, а вот усвоить их – конечно же, нет (это всецело работа самого обучаемого). Недаром в психолого-педагогической литературе ведущее место отводится именно самообразованию и самоконтролю.

Библиографический список

1 Педагогика : учеб. пособие для бакалавров / под ред. П. И. Пидкасистого. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2013. – 511 с.

2 Кодекс Республики Беларусь об образовании : Кодекс Респ. Беларусь, 13 января 2011 г. №243-3 : принят Палатой представителей 2 декабря 2010 г. : одобр. Советом Респ.

22 декабря 2010 г.: в ред. от 26 мая 2012 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

3 Осипов А. И. Русское духовное образование: исторический контекст и современное состояние / А. И. Осипов. – URL: <http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/osipov/russkoe-duhovnoe-obrazovanie.html> (дата обращения: 10.10.2020).

4 Кумарин В. В. Аксиомы Коменского или научная экскурсия по «Великой дидактике» / В. В. Кумарин. – URL: http://makarenko-museum.narod.ru/Classics/Komensky/Kumarin_Science_excurs_on_Velikaya_didakt.htm (дата обращения: 10.10.2020).

5 Пикуль Валентин. Каторга / Валентин Пикуль. – Москва : Вече, 2015. – 432 с.

КОГНИТИВНЫЕ НАУКИ КАК ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПРОЕКТ

*М. А. Ромащенко,
канд. филос. наук
Саратовский государственный технический
университет имени Гагарина Ю. А.
filos_sstu@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена описанию феномена трансдисциплинарности в когнитивных науках. Автор статьи ставит акцент на различии между понятиями междисциплинарности и трансдисциплинарности знания, указывает, что когнитивные науки стремятся превзойти междисциплинарные связи.

Ключевые слова: наука, трансдисциплинарность, когнитивные науки, философия, нейробиология.

COGNITIVE SCIENCES AS A TRANSDISCIPLINARY PROJECT

*M. A. Romaschenko,
Yuri Gagarin State Technical University
of Saratov
filos_sstu@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the description of the phenomenon of transdisciplinarity in the cognitive sciences. The author of the article draws the reader's attention to the peculiarities of the concept of transdisciplinarity and the difficulties of its application.

Keywords: science, transdisciplinary, cognitive sciences, philosophy, neuroscience.

Сегодня «когнитивный поворот» в научном мировоззрении стал уже очевидной реальностью. Когнитивные науки совершили победное шествие не только в формальных, естественных и технических науках, но с успехом захватили и области гуманитарного знания. Такая квинтэссенция научных дисциплин впервые и позволила ученым, историкам и философам науки заговорить о трансдисциплинарном поле исследований. Однако такой переход даже от мульти- и междисциплинарности научных парадигм к трансдисциплинарности не мог пройти безболезненно и, более того, пока еще до конца не совершился.

Междисциплинарность уже не отвечает тем методологическим запросам и вызовам, перед которыми оказываются когнитивные науки. Безусловно, именно междисциплинарность таких когнитивных наук как нейробиология, нейропсихология, нейролингвистика и других стала одной из особенностей зарождающегося концептуального поля. Такая междисциплинарность знания, которая была демонстративно положена в основу корпуса когнитивных наук, составила и их концептуальный каркас. Сегодня хорошо известна

схема, позиционирующая шесть базовых дисциплин, взаимосвязь которых дала концептуальное и методологическое поле для реализации когнитивных наук [1, с. 351]. Такая схема приведена, например, в статье М. Фаликман «Когнитивная наука: основные положения и перспективы». Она содержит уже ставшие классическими элементы: экспериментальная психология, философия сознания, нейронаука, когнитивная антропология, лингвистика, компьютерные науки и создание искусственного интеллекта [2, с. 5]. Именно такое соединение смежных дисциплин оказывается для когнитивных наук манифестацией междисциплинарности ее базовых принципов и оснований.

Однако простого слияния различных областей исследований и их концептуальных оснований явно оказывается недостаточно, так как трансдисциплинарность не может быть представлена в образе алхимического существа, сращенного из различных частей и искусственно наделенного жизнью. Трансдисциплинарность определяется некоторым общим принципом «разрыва границ» разнородности, выходом за пределы концептуальной оформленности. Трансдисциплинарность, в том числе в качестве принципа когнитивных наук, есть основание единства нового рода, заключенного не в отборе необходимого и полезного для взаимного обогащения наук, и не в концептуальном сплаве различных оснований, а именно как выход к новым концептуальным схемам и определение новых концептуальных моделей. При этом подобный принцип оказывается необходимым для проблем, которые, на первый взгляд, достаточно укоренены в философии. Например, хорошо известная философская проблема соотношения тела и души – именно на ее разрешение сегодня и посягает нейронаука. Здесь и возникает основной изъян, так как происходит не методологический переход через разрывы разнородности концептуальных полей и дискурсивных практик, а простое их смещение, микширование. Практически это дает только внешний эффект определенной научной легитимности.

Можно привести несколько примеров того, насколько сегодня актуальны требования подобной трансдисциплинарности и насколько очевидным и неудобным для определения концептуального поля нейронауки становится формальный перенос понятий общенаучного дискурса. Французский исследователь Д. Лакру в своей небольшой заметке «История философии и нейронауки: междисциплинарность – трудно, но возможно» указывает на то, каким образом можно обнаружить междисциплинарные связи между такими, на первый взгляд, несовместимыми, науками, как история философии и нейробиология. Лакру отмечает, что, например, научная парадигма времен Декарта, объясняющая проблему соотношения души и тела, оказывается совершенно невозможной с позиций современных нейронаук. Однако эту трудность можно преодолеть благодаря, по его выражению,

функциональному переводу понятий. Он предлагает не искать параллелей и точных моделей совпадений между достижениями нейронауки и той анатомической структурой, которую предлагает Декарт. В этом случае расхождение будет очевидно, то есть обнаружится невозможность междисциплинарных связей.

Но существует и другой выход, который уже отсылает исследователя не к междисциплинарности, а к трансдисциплинарности концептуального поля современной науки. Д. Лакру предлагает такой выход через рассмотрение понятий декартовой философии, функционально находящей отражение в нейробиологии. Другими словами, исследователь предлагает не искать полного совпадения, доказывая неистинность или ошибочность устаревших знаний, но увидеть функциональность методологии, подхода, который обогатит и современную научную парадигму. Д. Лакру пишет: «... это позволит развеять аргумент о том, что физиология, как ее описывал Декарт, сегодня уже устарела и не может ничего дать нейробиологам. Особенность нашего метода в том, чтобы историки нейробиологии читали тексты Декарта, не считая их устаревшими» [3]. Такой подход концептуален, он позволяет формировать действительно трансдисциплинарные связи и оказывается востребованным.

Сходные установки прослеживаются не только в работах философов, но и со стороны нейробиологов. Примером может служить небольшая статья нейробиологов Д. Бужаки и Д. Тингли «Пространство и время: гиппокамп как генератор последовательности». Авторы указывают на то, что при исследованиях функций гиппокампа для процессов памяти и ориентации в пространстве модель пространства и времени используется такой, какой она была представлена в классической физике, то есть субстанциональная модель. Авторы указывают, что такая установка существенно ограничивает и обедняет подобные исследования. Именно поэтому необходимо обнаружить новое трансдисциплинарное поле в нейробиологических исследованиях, которое позволит осуществить «разрыв» концептуальных и понятийных границ. Д. Бужаки и Д. Тингли пишут: «... мы бросаем вызов общей структуре описания функций гиппокампа как с концептуальной, так и с экспериментальной точки зрения. Современные концептуальные рамки нейробиологии основаны на понятиях пространства и времени с точки зрения классической физики. Однако в современной физике больше нет пространства, которое «содержит» мир и нет времени, в котором происходят события. Мы считаем, что нейробиология также должна обновить свою парадигму» [4, с. 853].

Однако очевидно, что такая междисциплинарность возникает тогда, когда общность объекта исследования, а иногда отчасти и методология этого исследования, требуют знаний, результатов и принципов в качестве достижений прочих наук.

Это важный момент, который необходимо подчеркнуть, так как междисциплинарность знания позволяет осуществить своеобразный синергетический синтез внутри самой науки, где дисциплины, между которыми налаживаются концептуальные и методологические связи постольку и являются собственно дисциплинами, поскольку используют определенные когнитивные схемы и матрицы. Об этом пишет в своей статье В. Бажанов, который описывает междисциплинарность научных исследований как «кооперацию различных областей научного знания в смысле циркуляции и использования некоторого семейства близких по своему содержанию понятий и представлений» [5, с. 138]. Все это вполне правомерно определять и для начального этапа формирования когнитивных наук. Однако уже в самом начале, в первых выступлениях основателей когнитивных наук Д. Миллера, Н. Хомски, А. Ньюэлла и Г. Саймона становится очевидным, что междисциплинарности в таком виде, как она представлялась в науке ранее, будет для когнитивных наук недостаточно.

В статье «Философия трансдисциплинарности: подходы к определению» Л. Киященко дает методологически ценное и точное определение трансдисциплинарности. Она пишет: «Термином трансдисциплинарности в отличие от междисциплинарности мы будем называть такие познавательные ситуации, в которых по разным причинам ... научный разум (как в науке, так и в философии) вынужден в поисках целостности и собственной обоснованности (прояснения условий возможного опыта) осуществить трансцендирующий сдвиг в пограничную сферу с жизненным миром» [5, с. 110]. Именно в этом смысле в когнитивных науках, с самого начала их появления, обнаружилась необходимость такого трансцендирующего сдвига, который помог бы не просто расширить концептуальное и номологическое поле, но позволил бы науке обогатиться за счет переноса в нее иных, не свойственных ей, когнитивных схем.

Нейронауки в последние годы своего развития получают новое методологическое основание. Многие исследователи еще придерживаются такой позиции, что нейронауки изучают исключительно мозговые корреляции определенных эмоциональных состояний и деятельности человека. По сути, эта изначальная позиция, сыгравшая огромную роль в появлении нейронаук, стала своеобразным ярлыком для них. А. Писарев обращает внимание на эту особенность, указывая, что приставка «нейро-» в науке сразу же позволяет, в силу определенного социально-мифологического контекста, повысить объяснительную силу любой дисциплины [6, с. 301]. В таком утверждении просматривается определенная идеологическая установка на новый тип вульгарного отождествления сознания человека, его самости и материального субстрата мозга. Идея крайне привлекательная, но не новая и, как показывает история, тупиковая.

Именно от этого ярлыка сегодня и необходи-

мо избавиться нейронауке. Хотя, в самом общем виде, именно в этой одежде «новой френологии» и начинает воспринимать ее обыватель. Тогда как все более очевидным становится то, что нейронаука может быть гораздо шире, нежели поиск однозначных корреляций процессов в субстрате мозга и поведенческих, познавательных и эмоциональных аспектов деятельности человека.

И. В. Черникова в своей статье о когнитивных науках и технологиях напрямую указывает на то, что на современном этапе развития когнитивных наук изучение познания уже давно не сводится к тому, чтобы понять только то, что происходит в определенных зонах мозга при различного рода деятельности человека [7, с. 104]. Это не выяснение мозговой механики действий или эмоций, не только пространственная картография мозга. Проблема обозначается гораздо шире, а именно, изучение познания в пространственном и временном, то есть в процессе становления, аспекте. Мозг и тело не оказываются в данном случае ведущими актерами, играющими главные роли. Целостность опыта, контекст, взаимодействие с внешним окружением, историчность сознания – вот те основные элементы, которые выходят на первый план. Это и позволяет теперь говорить о попытках трансдисциплинарного прорыва в нейронауках.

Библиографический список

1 Фаликман М. *Нейропоэтика как область когнитивных исследований: методы регистрации активности мозга и движений глаз в исследованиях восприятия и порождения поэтического текста* / М. Фаликман // *Труды института русского языка имени В. В. Виноградова*. – Москва : «Нестор – История», 2017. – Т. 14. – С. 349–368.

2 Фаликман М. *Когнитивная наука: основоположения и перспективы* / М. Фаликман // *Логос*. – 2014. – № 1 (97). – С. 1–18.

3 Lacroux D. *Histoire de la philosophie et des neurosciences : une interdisciplinarité difficile mais possible* // *Questionner la recherche. Contributions des jeunes chercheurs aux systèmes complexes*. – Nancy: Presses universitaires de Nancy-Éditions Universitaires de Lorraine, 2018.

4 Buzsáki G., Tingley D. *Space and Time: The Hippocampus as a Sequence Generator* // *Trends in Cognitive Sciences*, October 2018, Vol. 22, No. 10, p. 853–869.

5 *Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы* / под ред. В. Бажанова, Р. В. Шольца. – Москва : Издательский дом «Навигатор», 2015.

6 Писарев А. *Пинки и Брейн опять захватывают мир: генеалогия и приключения церебрального субъекта* / А. Писарев // *Логос*. – 2018. – Т. 28. – № 5. – С. 299–311.

7 Черникова И. В. *Когнитивные науки и когнитивные технологии в зеркале философской рефлексии* / И. В. Черникова // *Epistemology & Philosophy of Science*. – 2011. – № 1. – С. 101–116.

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

*Р. Ю. Царев,
канд. филос. наук, доцент
Курганский государственный университет
romanoromani@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается ряд тенденций, которым должно соответствовать современное высшее образование – фундаментальность, опережающий характер, информатизация. В этом контексте анализируются некоторые проблемы современного высшего образования в России, в том числе на уровне региональных университетов.

Ключевые слова: высшее образование, интеллектуальное воспроизводство, человеческий капитал.

HIGHER EDUCATION AND INTELLECTUAL REPRODUCTION IN MODERN SOCIETY

*R. Yu. Tsarev,
Kurgan State University
romanoromani@mail.ru*

Abstract. The article considers a number of trends, which should correspond to modern higher education – fundamental, advanced nature, informatization. In this context, some problems of modern higher education in Russia, including at the level of regional universities, are analyzed.

Keywords: higher education, intellectual reproduction, human capital.

Существует неясность, следует ли рассматривать образование, в том числе высшее, как составную часть сферы услуг. В частности, Д. Белл, относя образование к этой сфере, тут же отмечает, что доступ к высшему образованию является условием самого вхождения в постиндустриальное общество [1, с. 171].

Следовательно, высшее образование оправданней считать скорее не услугой, а фундаментальным элементом системы социального воспроизводства человека и роста интеллектуального потенциала общества. Чтобы выполнять свою воспроизводственную функцию, высшее образование должно иметь комплексный, разноплановый, системный характер, чтобы учитывать целостность, многоаспектность духовного опыта человека.

Длительное время образование сводилось к опыту непосредственной социализации индивида в кругу повседневного общения, в котором воспроизводились социальные роли, имелась

возможность без особой подготовки включиться в социальную практику. Начало становления в XVII веке техногенной цивилизации в Западной Европе, ускоряющийся научно-технический прогресс в последующие столетия, усложнение социальной структуры за счет появления новых профессий потребовали для вхождения в общество специальной подготовки. Однако важным стал и общекультурный уровень индивида, состоящий в понимании значимости знаний, образования, в особенности высшего, чем и объясняется рост статуса высшего образования в европейской культуре.

С точки зрения профессиональной подготовки по любым направлениям, «лишних» знаний, так называемого избыточного образования, не существует, поскольку обществу необходим определенный запас образованности для формирования предпосылок научно-технического, экономического развития. Высшее образование призвано сформировать интеллектуальную элиту, способную вносить вклад в развитие различных сфер общества.

В современных условиях для достижения своих целей высшее образование должно реализовывать три взаимосвязанных тенденции.

Первая из них – это фундаментальность. Эта тенденция заключается в том, что ориентация высшего образования только на прагматические знания, несмотря на их безусловную значимость, является неоправданной, поскольку оно должно ориентироваться на развитие общей культуры, в особенности, на формирование основ системного научного мышления.

Дело состоит в том, что в ходе научно-технической революции второй половины XX века к науке перешла опережающая роль по отношению к технике и производству, заключающаяся в создании задела знаний для будущего использования. В естественных, технических науках, математике существуют фундаментальные проблемы, решение которых на данный момент может не иметь практического значения, но эти проблемы требуют исследовательских усилий в интересах развития науки, у которой, помимо практического применения знаний, всегда имела место тенденция к поиску истины. Однако знания, которые рассматривались как чисто теоретические, со временем могут трансформироваться в знания, имеющие практическое применение.

В различных отраслях социогуманитарного знания – педагогике, психологии, социологии, экономической мысли – существуют фундаментальные проблемы, которые тоже нуждаются в разработке. Если исходить из разграничения физических, производящих вещи технологий, и гуманитарных, управляющих технологий как источника новых идей, знаний и ценностей [2, с. 352], то значение социогуманитарного образования не следует недооценивать, поскольку именно на его основе могут быть созданы значимые социальные техноло-

гии – воспитания, личностного роста, управления материальными и интеллектуальными ресурсами общества, оценки социальных рисков, проектирования и конструирования приемлемого для жизни общества. Оптимальным для социальной системы является баланс физических и гуманитарных технологий [2, с. 353].

Что касается философского образования, оно имеет, как минимум, два несомненных практических достоинства. Во-первых, формирование способности к системному мышлению, которая может быть востребована в различных сферах деятельности – образовании, управлении, политике. Во-вторых, способность к критическому, самостоятельному мышлению является ценным социальным качеством, условием формирования социально активной и ответственной личности. Тем самым философское образование своими средствами вносит вклад в реализацию тенденции фундаментальности высшего образования.

Второй тенденцией является опережающий характер высшего образования по сравнению с другими сферами деятельности [3]. Оно должно ориентироваться на будущее, предвосхищение новых тенденций социального развития, на создание для их осуществления необходимых предпосылок, развитие творческих способностей индивида, формирование умения решать нестандартные задачи, успешно адаптироваться к быстро меняющемуся обществу.

В последнее время в России широкое распространение получил подход, согласно которому высшее образование должно ориентироваться на потребности работодателей в подготовке квалифицированных кадров в разных сферах деятельности. С одной стороны, этот подход оправдан, поскольку, как показывает опыт развитых стран, формирование системы «наука – высшее образование – производство» является необходимым условием развития экономики, в особенности, высокотехнологичных отраслей. В этом же контексте следует рассматривать современную модель научно-исследовательского университета, как центра, где обучающиеся не только усваивают готовые знания, но и вырабатывают новые, могущие найти технологическое воплощение.

С другой стороны, этот подход имеет существенный недостаток, его не следует абсолютизировать: ориентация на обслуживание текущих потребностей развития общества не в полной мере учитывает специфику современного высшего образования, опирающегося на науку, призванного формировать основания инновационного развития, ориентированного на будущее.

Если высшее образование будет всецело зависеть от потребностей работодателей и работать на выполнение заказа государственных учреждений и частных предприятий, то обучающийся будет ограничен в выборе специальностей, ибо не столько он готовится к будущей профессии, сколько из него прагматично готовят специалиста, часто

лишая возможностей творческого совершенствования. К тому же профессиональные компетенции быстро устаревают, а ситуация на рынке труда меняется. Данный подход не позволяет прогнозировать будущее и обслуживает лишь сегодняшние потребности, а учитывая время, затраченное на подготовку специалиста, и вовсе ориентирован на «вчерашний день». Узкоспециализированные компетенции, необходимые выпускнику для трудоустройства, не позволяют ему выходить на более высокий уровень построения карьеры, реализации личностных возможностей.

Анализ целей высшего образования в нашей стране на основе официальных программных документов за период с середины XX века по настоящее время показывает, что существует зримое противоречие между целью профессиональной подготовки, рассматриваемой как определяющий фактор экономического развития, и целью личностного развития, понимаемого как условие социального развития. Если документы советского периода подчеркивали важность обоих аспектов с акцентированием социального инструментализма, то документы постсоветского периода, отражающие неолиберальную политику государства, делают акцент на экономической роли высшего образования [4]. Оптимальным представляется нахождение баланса между этими полюсами.

Третья тенденция – информатизация высшего образования путем внедрения цифровых технологий, в том числе дистанционных.

Информатизация призвана повысить доступность высшего образования, способствовать снижению информационного неравенства в странах с большой территорией, когда люди получают возможность повысить уровень своей профессиональной подготовки, не прекращая других видов деятельности. Кроме того, информатизация позволяет при необходимости индивидуализировать образовательный процесс, чтобы сделать его более эффективным.

Следует отметить, что информатизация современного общества порождает ошибочное представление, будто высшее образование вообще перестает быть необходимым, ибо заинтересованный индивид в состоянии идти путем самообразования, ибо информационные технологии предоставляют широкие возможности получения любой информации, в том числе научной.

Однако на самом деле это не так: задача высшего образования состоит в том, чтобы вывести обучающихся на передний край научных исследований в различных областях. В этом и состоит смысл слова «высшее». В силу сложности современных научных знаний невозможно даже путем интенсивного самообразования адекватно постичь содержание, например, квантовой физики, молекулярной биологии и генетики, высшей математики, отраслей гуманитарного знания. Для этого необходимо обращение к компетентным носителям знаний, профессионалам, которые мо-

гут не только раскрыть обучающимся сущность и значение определенных знаний, но и помочь в формировании навыков самостоятельной научно-исследовательской деятельности, научной коммуникации, а такие возможности предоставляет только высшее образование. Поэтому самообразование, даже в условиях информатизации современного общества, не может стать полноценной альтернативой высшему образованию.

В современном высшем образовании сталкиваются две разнонаправленные тенденции, что влечет формирование системного противоречия. С одной стороны, высшее образование должно иметь фундаментальный характер, что связано с его опорой на науку, быть ориентированным на будущее, способствовать реализации личностного потенциала; с другой стороны, играть и прикладную роль, ориентироваться на текущие потребности общества путем участия в решении существующих проблем, способствовать формированию профессиональной компетентности. Необходимо найти оптимальный выход из этого противоречия, чтобы высшее образование было способно адекватно выполнять функции воспроизводства и роста интеллектуального потенциала общества.

Библиографический список

1 Белл Д. *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования* / Д. Белл ; пер. с англ. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва : Academia, 2004. – CLXX. – 788 с.

2 Переслегин С. *Письма Римскому клубу* / С. Переслегин, Н. Ютанов // Форрестер Д. *Мировая динамика* ; пер. с англ. / Д. Форрестер. – Москва : ООО «Издательства АСТ» ; Санкт-Петербурга : Terra Fantastica, 2003. – С. 291–376.

3 Урсул А. Д. *Процесс футуризации и становление опережающего образования* / А. Д. Урсул // *Педагогика и Просвещение*. – 2012. – № 2 (6). – С. 20–33.

4 Smolentseva A. *Where Soviet and neoliberal discourses meet: the transformation of the purposes of higher education in Soviet and post-Soviet Russia* // *Higher Education*. – 2017. – Vol. 74. № 6. – P. 1091–1108.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

*Н. О. Яныкина,
канд. экон. наук, генеральный директор
Университет Национальной
технологической инициативы 2035
n.yanykina@2035.university,*

*Н. Ю. Сурова,
канд. экон. наук, руководитель проекта
Искусственный интеллект
Университет Национальной
технологической инициативы 2035
n.surova@2035.university,*

*А. С. Каплевский,
канд. физ.-мат. наук, аналитик данных
Университет Национальной
технологической инициативы 2035
a.kaplevskii@2035.university*

Аннотация. Интенсивный рост современных технологий, таких как искусственный интеллект, блокчейн, квантовые технологии, промышленный интернет вещей и др., требуют перехода на модель непрерывного обучения человека в течении его жизни. Для ответа на современные вызовы в сфере образования в России была создана образовательная организация нового типа – Университет 2035. В статье описаны технологические возможности институциональной трансформации образования на примере цифровой платформы, разработанной Университетом 2035. Показано, что такие сервисы платформы, как цифровая диагностика обучающегося, сбор и анализ цифрового следа, а также построение цифрового профиля компетенций дают возможность сформировать и корректировать персональную траекторию развития человека, что позволяет максимально эффективно осваивать компетенции наиболее актуальных технологий современного мира.

Ключевые слова: трансформация образования, цифровой след, профиль компетенций, цифровая платформа, траектория персонального развития.

TECHNOLOGICAL POSSIBILITIES OF INSTITUTIONAL EDUCATION TRANSFORMATION IN TODAY'S WORLD

*N. O. Yanykina,
Ph.D., Deputy director
University National technology Initiative 2035
n.yanykina@2035.university,*

*N. Y. Surova,
Ph.D., Head of the "Artificial Intelligence project"
(ai@2035.university)*

*University National technology Initiative 2035
n.surova@2035.university,
A. S. Kaplevsky,
Ph.D., data analyst
University National technology Initiative 2035
a.kaplevskii@2035.university*

Abstract. The intensive growth of modern technologies, such as artificial intelligence, blockchain, quantum technologies, Internet of Things (IoT), etc., requires a transition to model of continuous studying of person throughout his life. To respond to modern challenges in the field of education in Russia, an educational organization of a new type, University 2035, was created. The article describes the technological capabilities of the institutional transformation of education using the example of a digital platform developed by the University of 2035. It is shown that such platform services as digital diagnostics of a student, collection and analysis of digital footprint, as well as creating a digital profile of competencies make it possible to form and correct trajectory of human development, which makes it possible to most effectively acquire the competencies of the most relevant technologies of the modern world.

Keywords: education transformation, digital footprint, competency profile, digital platform, trajectory of personal development.

1 Введение

Стремительный рост развития цифровых технологий требует перехода на модель непрерывного обучения специалистов на протяжении всей жизни [1; 2], что вызывает необходимость трансформации образовательных заведений на новые модели управления, образования и работы с данными о человеке [3].

Еще один вызов для всего человечества принес 2020 год, а именно распространение коронавирусной инфекции COVID-19 [3], которая внесла значительные изменения в нашу повседневную жизнь, а также ускорила изменения в экономике. Ожидается, что пандемия окажет сильное влияние на навыки, востребованные в ряде индустрий.

Таким образом, для ответа на современные вызовы в сфере образования необходимо создание образовательной организации нового формата, которая бы позволила непрерывным и контролируемым на каждом этапе образом обучать человека тем навыкам и компетенциям, которые востребованы в мире в данный конкретный момент. Для этих целей автономной некоммерческой организацией «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов» в 2017 году была учреждена Автономная некоммерческая организация «Университет Национальной технологической инициативы 2035» (далее – Университет 2035). Университет 2035 стал первой в России образовательной организацией, разработавшей цифровую платформу для формирования инди-

видуальных траекторий обучения. Основными задачами Университета 2035 являются удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии, а общества – в квалифицированных специалистах, сочетающих глубокие профессиональные знания с высокой культурой и гражданской активностью. Для достижения этих целей Университетом 2035 реализуются новые подходы по:

- управлению образовательными системами на основе данных;
- запуску гибких, практико-ориентированных образовательных форматов;
- созданию и развитию способов передачи и восприятия знаний о технологиях «из первых рук», от технологических лидеров и экспертов российского и мирового уровней;
- формированию сетевой образовательной среды;
- созданию и использованию цифровых инструментов.

Также Университет 2035 стал первой в России образовательной организацией, разработавшей цифровую платформу для формирования индивидуальных траекторий обучения. Описанию концепции и технологических возможностей этой платформы и посвящена статья.

2 Платформа Университета 2035

Цифровая платформа Университета 2035 позволяет человеку развиваться как личности и как профессионалу, предоставляя доступ к обучающим курсам и контролируя процесс обучения с помощью цифровых инструментов управления, основанных на больших данных.

Для начала обучения необходимо пройти регистрацию и выбрать курсы в личном кабинете. Помощь в выборе курсов осуществляется с помощью диагностики, которую проходит обучающийся после регистрации. Процесс обучения на платформе поэтапный, включающий непрерывную обратную связь и выбор ближайшего шага развития. В своем личном кабинете обучающийся может посмотреть результаты каждого шага в своем профиле компетенций, оценить для себя правильность пути и выбрать следующий шаг с помощью рекомендательных систем платформы. Пользователи, которые обучаются быстрее других, получают специальные предложения по поддержке своей траектории развития. Прежде всего, поддержка осуществляется для тех, кто получает компетенции, необходимые для участия в реализации Национальной технологической инициативы.

2.1 Цифровая диагностика

Цифровая диагностика – один из ключевых сервисов Университета 2035, точка входа для любого участника платформы, который хочет получить доступ к образовательным возможностям и сервисам Университета 2035. Это набор из свыше 20 тестов и геймифицированных заданий. Любой пользователь платформы Университета 2035 мо-

жет воспользоваться инструментами диагностики: ознакомиться с их перечнем, описанием, узнать, как и для чего они применяются, выбрать любой инструмент и пройти диагностику, результаты которой попадут в личный профиль. Доступные инструменты диагностики:

- Интерактивная визуальная новелла;
- Нарративный чат-бот;
- Знаниево-навыковые задачи;
- Тест временной перспективы Эмбарго;
- Взаимодействие в команде (делегирование и оперативное лидерство);
- Терминологический тест;
- Игровой тест на понимание проектной деятельности;
- Тест толерантности к неопределенности.

Цифровая диагностика – базовый элемент построения индивидуальных траекторий развития образовательного процесса освоения новых технологий и профессий, основанного на данных. Любая траектория имеет отправную точку, в зависимости от которой пользователь будет развиваться в том или ином направлении. Диагностика позволяет собрать первый пул данных о пользователе для дальнейшей работы с ним. Эти инструменты для оценки компетентности и личных качеств пользователя позволяют предоставлять образовательные услуги не вслепую (по стандартам и возрастам), а персонализировано.

В результате на рисунке 1 показана схема маршрута пользователя (зависит от того, в рамках какого проекта пользователь проходит обучение) платформы Университета 2035 при формировании персональной траектории развития.

Рисунок 1 – Маршрут пользователя платформы Университета 2035 при формировании персональной траектории развития

2.2 Цифровой след

В подходе Университета 2035 важным является еще и накопление структурированных данных о пользователях, так называемого цифрового следа. Пример различных типов данных, собираемых об индивидуальной деятельности участников проектных команд:

- Активность участника;
- Компетентностный профиль участника и его образовательные потребности;
- Индивидуальный прогресс;
- Индивидуальный образовательный опыт;
- Персональные характеристики;
- Предпочтения при выборе контента, источников, инструментов, видов деятельности, формата обучения;
- Отражение образовательного контента в де-

тельности участника;

- Основные интересы, проявленные в деятельности либо в процессе коммуникаций;
- Тематика текстов участника;
- Отношение к процессу обучения либо деятельности;
- Взаимодействие с другими участниками обучения либо деятельности;
- Взаимодействие с преподавателями, наставниками, организаторами обучения либо деятельности.

Поэтому диагностика демонстрирует не только индивидуальные значения, но и показатели конкретного пользователя относительно общего распределения. На основе полученных данных составляется мнение по поводу отдельных групп, сообществ, проводится сравнение их друг с другом и таким образом формируются персональные рекомендации по следующему шагу развития более точно. Обработка данных о слушателях Университета 2035 строится на ряде принципов:

1) Измерение с помощью любого инструмента даёт результаты, которые содержат в себе ошибку. Другими словами, любой инструмент измеряет не только тот латентный конструкт, который хотел измерить разработчик, но и некоторый «шум», который может быть связан с усталостью тестируемых, мотивацией, освещенностью в аудитории и т. д.

2) По ходу разработки и при использовании теста нужно собирать как можно больше разных доказательств того, что выводы, которые платформа делает по результатам теста, правдивы и

справедливы. Этот процесс бесконечен и направлен на минимизацию.

3) Оценка, полученная с помощью одного инструмента, менее точная и полезная, чем оценка, полученная на основе нескольких инструментов. Различные инструменты подвержены различным искажениям (например, социальной желательности), поэтому использование нескольких инструментов, измеряющих схожие конструкты, дает более точную и богатую информацию о тестируемом.

4) Все суждения и гипотезы об инструментах нужно проверять на реальных данных, которые непрерывно поступают на платформу Университета и цифровые партнерские платформы, с которыми интегрирована платформа Университета.

Чтобы снизить вероятность смещенности выборки, для проверки любых гипотез об инструментах нужно опираться на как можно больший массив данных.

2.3 Цифровой профиль компетенций

Машинная обработка результатов диагностики обучающегося, а также собранных данных его цифрового следа позволяет создать для каждого зарегистрированного пользователя платформы Университета 2035 Цифровой профиль компетенций (рисунок 2), доступный для просмотра через личный кабинет пользователя. Цифровой компетентностный профиль – это инструмент представления информации об опыте и персональной траектории развития, а также визуализации, разметки и оценки данных цифрового следа пользователя платформы Университета и партнеров.

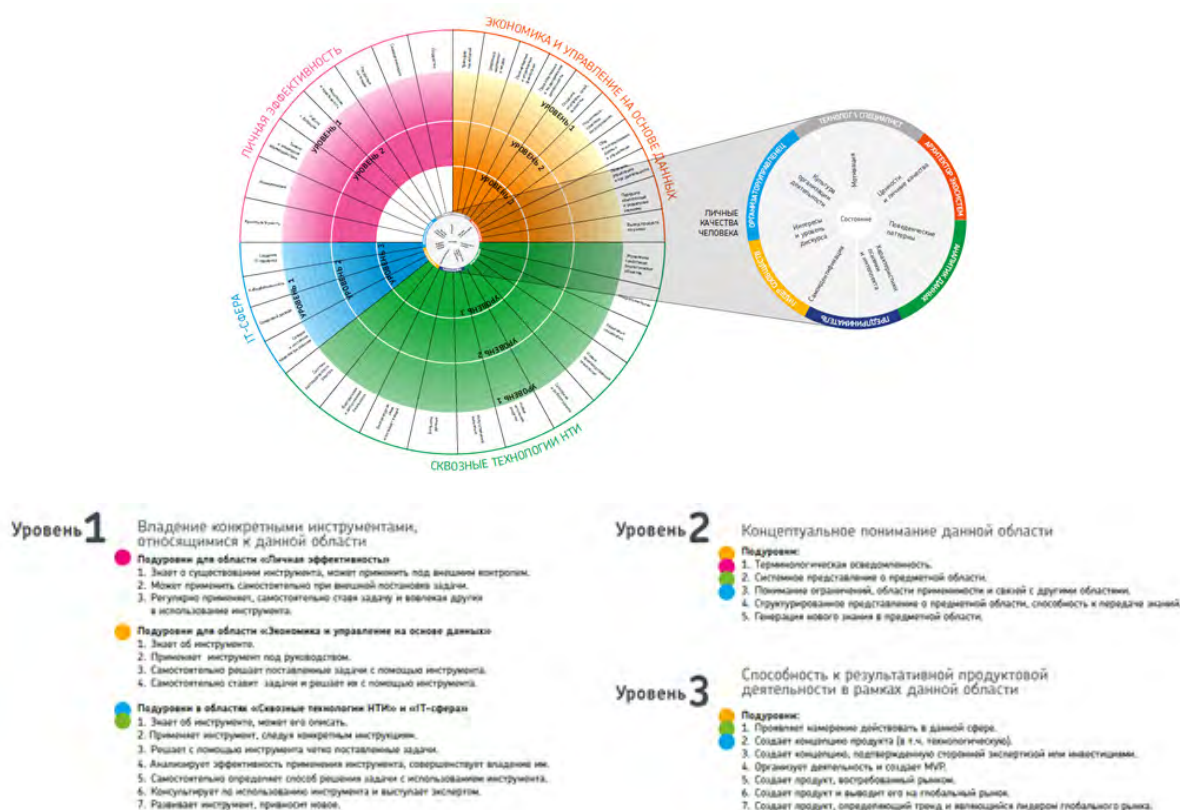

Рисунок 2 – Пример цифрового компетентностного профиля пользователя платформы Университета 2035

Цифровой компетентностный профиль позволяет:

- сравнивать знания, навыки и компетенции человека с обобщенным профилем компетенций, необходимых для решения задач заданного типа;
- рекомендовать пользователю мероприятия, обеспечивающие конкретный образовательный результат;
- рекомендовать человека или команду для решения задач определенного типа.

Именно компетентностный профиль человека, как инструмент представления данных по методу «360 градусов», а не диплом об образовании позволяют работодателю более эффективно проводить политику найма, а самому человеку – точно представлять, где и в каком качестве он будет наиболее эффективен и успешен.

2.4 Траектории развития

Образовательная платформа Университета 2035 предоставляет возможность для каждого человека в любой момент времени сформировать персональную траекторию развития, ориентируясь на свое видение будущего, свою роль в движении к нему, и реализовать эту траекторию, используя для этого все доступные формы и технологии обучения. Благодаря сервисам платформы человек или команда могут в любой момент перенастроить свою траекторию развития, а рекомендательная система платформы Университета может определиться с ближайшими шагами. Сервис рекомендаций по следующему шагу развития человека удерживает его в состоянии постоянного движения к намеченной цели, отвоевывая в ежедневной борьбе его внимание у сотни других дел.

2.5 Сервис образовательного цифрового контента

Цифровой след человека и формирование его траектории развития происходит в процессе усвоения обучающего контента, который находится на платформе Университета 2035 и доступен в любое время из любой точки земного шара. Еще большую актуальность это принимает сейчас, когда из-за распространения коронавирусной инфекции COVID-19 сфера образования практически полностью переносится в цифровое пространство. Сервис цифрового контента платформы Университета 2035 включает в себя многочисленные образовательные модули, курсы, лекции, мастер классы, обучающие материалы от партнерских образовательных платформ и компаний по технологическому развитию и Национальной технологической инициативе. Образовательные модули на платформе Университета 2035 удовлетворяют следующим критериям:

1) Гибкость и многовариативность. Образовательные модули формируются с участием широкого круга экспертов-авторов по определенным темам.

2) Со-участие. Образовательные модули – это дорога с двухсторонним движением: каждый пользователь не просто потребляет информацию,

а может рекомендовать и дополнять ее своим контентом (от ссылок до самостоятельно подготовленных материалов), обогащая и развивая образовательные модули для других.

3) Открытость. Образовательные модули постоянно дополняются экспертами, сообществом, технологическими компаниями, что дает возможность пользователю актуализировать и дополнять свои знания «в моменте».

4) Адаптивность. Образовательные модули учитывают особенности вузовских программ (длительность, компетенции, уровни сложности), а значит, могут быть встроены в вузовскую программу буквально «на ходу».

5) Персонализация. Особенности образовательных модулей позволяют собирать гибкие образовательные цепочки под траектории каждого человека, без потери логики и ожидаемого результата.

3 Заключение

Темпы развития технологий в мире достигли ранее невообразимых значений и продолжают расти. Такие технологии, как искусственный интеллект, блокчейн и промышленный интернет вещей, все больше и больше проникают в нашу жизнь, что требует подготовки все большего числа высококвалифицированных специалистов. Изменения происходят настолько быстро, что не все вызовы времени мы в состоянии предсказать, однако спрос на образование стабильно растет. И если раньше система образования еще могла позволить себе лишь несущественные изменения, то сейчас необходимы ее коренные изменения, которые были бы нацелены на непрерывное образование человека в течении всей жизни, а также на мгновенное реагирование и корректировку его траектории развития в ответ на новые вызовы.

Именно для решения этой задачи в России была создана образовательная организация нового типа – Университет 2035, который разработал первую в стране цифровую платформу для формирования индивидуальных траекторий обучения.

Было показано, что цифровая платформа Университета 2035 предоставляет новые возможности для личностного и профессионального развития с помощью таких сервисов платформы, как цифровая диагностика обучающегося, сбор и анализ цифрового следа, построение цифрового профиля компетенций и обширный каталог онлайн-курсов. В результате любой человек в любой момент времени с помощью цифровых сервисов платформы Университета 2035 может сформировать свою персональную траекторию развития, основанную на его текущих стремлениях и целях на будущее, а затем реализовать эту траекторию во время обучения. Если же в какой-то момент, например, изменятся тренды в технологическом развитии страны, благодаря сервисам платформы человек может перенастроить свою траекторию развития, а также с помощью рекомендатель-

ной системы платформы определить ближайшие шаги в приобретении новых компетенций.

Библиографический список

1 Артамонова М. В. Институциональная трансформация российского высшего образования / М. В. Артамонова, О. В. Богословская, Ю. В. Латов // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. – 2006. – Том 4. – № 3. – С. 84–89.

2 Даулетбаков Б. Институциональная трансформация образования: зарубежный опыт / Б. Даулетбаков, К. Мухатаева, А. Естен // *Территория науки*. – 2017. – № 3. – С. 17–20.

3 *Навыки будущего для 2020-х: Новая Надежда (сентябрь 2020 г.)* : доклад специалистов Союза «Молодые профессионалы (Ворлдскиллс Россия)» совместно с организацией *Global Education Futures* и при поддержке *WorldSkills International*.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеев Андрей Юрьевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, кафедра философии и методологии науки, философский факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Ученый секретарь и координатор научных программ Научного совета по методологии искусственного интеллекта и когнитивных исследований при Президиуме РАН, г. Москва, Россия, aa65@list.ru.

Алексеева Екатерина Алексеевна – кандидат философских наук, доцент, философский факультет, Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва, Россия, eaalekseeva@gaugn.ru.

Алексеев Павел Владимирович – аспирант, философский факультет, кафедра философии и методологии науки, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, pavelalexeev.work@gmail.com.

Almpani Sofia Dimitrios – PhD student, National Technical University of Athens, Athens, Greece, salmpani@mail.ntua.gr.

Арутюнян Каринэ Сергеевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории, философии и права, Рязанский государственный радиотехнический университет им. В. Ф. Уткина, г. Рязань, Россия, Carin-dop@yandex.ru.

Бабошина Елена Борисовна – кандидат педагогических наук, магистр философии, доцент, доцент кафедры педагогики и методики преподавания, кафедра педагогики и методики преподавания гуманитарных дисциплин, Институт педагогики, психологии и физической культуры, Курганский государственный университет, г. Курган, Россия, elenaborisbaboshina@mail.ru.

Батищев Сергей Александрович – студент, Институт информационных наук и технологий безопасности, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, batistchev@mail.ru.

Баятова Маргарита Сергеевна – преподаватель, кафедра декоративно-прикладного искусства, Курганский областной колледж культуры, г. Курган, Россия, bayutova_ms@mail.ru.

Биричева Екатерина Вячеславовна – кандидат философских наук, научный сотрудник, сектор истории и философии науки, Институт философии и права Уральского отделения Российской Академии наук, г. Екатеринбург, Россия, e.v.biricheva@mail.ru.

Борисов Сергей Валентинович – доктор философских наук, профессор, директор научно-образовательного центра практической и прикладной философии, заведующий кафедрой философии и культурологии, кафедра философии, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет); кафедра философии и культурологии, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск, Россия, borisovsv69@mail.ru.

Бубнов Валерий Андрианович – доктор технических наук, профессор, профессор кафедры механики машин и основ конструирования, Курганский государственный университет, г. Курган, Россия.

Быльева Дарья Сергеевна – кандидат политических наук, доцент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия, bylieva_ds@spbstu.ru.

Вандулакис Иоаннис М. – адъюнкт-профессор, кандидат физико-математических наук, Греческий Открытый университет, Греция, Хагенский Открытый Университет, Германия, i.vandoulakis@gmail.com.

Волков Валерий Вячеславович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, филологический факультет, Тверской государственный университет, г. Тверь, Россия, Volk7Valery@yandex.ru.

Восканян Саркис Суренович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры государственного управления и менеджмента, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Волгоград, Россия, voskanyan2002@yandex.ru.

Гладков Илья Вячеславович – кандидат технических наук, ассистент, кафедра «Нефтепродуктообеспечение и газоснабжение», Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, г. Москва, Россия, gladkov.i@gubkin.ru.

Глазырин Валерий Алексеевич – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры философии и социологии, Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Россия, glazur@olympus.ru.

Глуздов Дмитрий Викторович – аспирант, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, г. Нижний Новгород, Россия, dmitry.gluzdov@mail.ru.

Гуров Олег Николаевич – преподаватель, МБА, Институт отраслевого менеджмента, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Россия, gourov.oleg@gmail.com.

Денисова Татьяна Юрьевна – кандидат философских наук, доцент, Ягеллонский университет, г. Краков, Польша, приглашенный редактор журнала «Aesthetics», Tatiana.Denisova_1209@gmail.com.

Егоров Денис Дмитриевич – студент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Высшая школа международных отношений и мировой политики,

г. Нижний Новгород, Россия, Denisegorov2000@mail.ru.

Зенец Нина Геннадьевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Омский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Омск, Россия, df_zenec@mail.ru.

Zikas Sotirios Vasileios – MSc. Student, BSc, Open University of Cyprus, Cyprus Faculty of pure and applied sciences, Nicosia, Cyprus, s.zikasgm@gmail.com.

Зубец Ольга Прокофьевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, сектор этики, Институт философии РАН, г. Москва, Россия, olgazubets@mail.ru.

Зыкин Кирилл Михайлович – студент, МИРЭА – Российский технологический университет, г. Москва, Россия, kirz99322@gmail.com.

Иванова Евгения Владимировна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры онтологии и теории познания, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, ieviev@mail.ru.

Каплевский Александр Сергеевич – кандидат физико-математических наук, аналитик данных, Университет Национальной технологической инициативы 2035, г. Москва, Россия, a.kaplevskii@2035.university.

Карташева Анна Александровна – доцент кафедры онтологии и теории познания, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, anna.kartasheva@gmail.com, a.a.kartasheva@urfu.ru.

Кислов Алексей Геннадьевич – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой онтологии и теории познания, Департамент философии, Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, aleksey.kislov@list.ru.

Кирик Татьяна Анатольевна – кандидат философских наук, доцент кафедры «Культурология», Курганский государственный университет, г. Курган, Россия, t_kirik@rambler.ru.

Колотилов Юрий Васильевич – доктор технических наук, профессор, профессор кафедры «Нефтепродуктообеспечение и газоснабжение», Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, г. Москва, Россия, kolotilov_yury@mail.ru.

Колин Константин Константинович – заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт проблем информатики, Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН, г. Москва, Россия, kolinkk@mail.ru.

Коновкин Евгений Сергеевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии, Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Россия, kotschkar@mail.ru.

Коренкин Иеромонах Афанасий (Андрей) – магистр богословия, Курганская епархия, Казанский Чимеевский мужской монастырь, Курганская область, Россия, afanasy.kor@yandex.ru.

Корх Ирина Анатольевна – старший преподаватель, Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар, Россия, Aia2004@inbox.ru.

Корюкин Данил Дмитриевич – студент, Курганский государственный университет, г. Курган, Россия, koryukin.danil@list.ru.

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Центр научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции, г. Москва, Россия, KrasVladlv@gmail.com.

Крокинская Ольга Константиновна – доктор социологических наук, доцент, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, krokinskaya@mail.ru, okrokinskaya@gmail.com.

Kiouvrekis Yiannis Stavros – Adjunct Professor, Ph.D., University of Thessaly, Thessaly, Greece, kiouvrekis@gmail.com.

Куфельд Анастасия Павловна – студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, kufeldnp@gmail.com.

Лапшина Валентина Семёновна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, Россия, lapshina_valentina@inbox.ru.

Лекторский Владислав Александрович – академик РАН, председатель Научного совета РАН по методологии искусственного интеллекта и когнитивных исследований.

Ленский Павел Николаевич – магистрант, кафедра «Нефтепродуктообеспечение и газоснабжение», Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, г. Москва, Россия, lenskiypaul@gmail.com.

Липова Анастасия Юрьевна – аспирант, факультет мировой политики, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, stasiawaris@gmail.com.

Лобовиков Владимир Олегович – доктор философских наук, профессор, Департамент философии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, vlobovikov@mail.ru.

Луньков Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, сектор истории и философии науки, Институт философии и права Уральского отделения Российской Академии наук, г. Екатеринбург, Россия, istorik1981@mail.ru.

Лупашко Роман Владимирович – студент, Курганский государственный университет, г. Курган, Россия, komogvr@gmail.com.

Максимов Олег Витальевич – студент, Курганский государственный университет, г. Курган, Россия, smegovic@gmail.com.

Максимова Елена Александровна – кандидат технических наук, доцент, МИРЭА – Российский технологический университет, г. Москва, Россия, maksimova@mirea.ru.

Мартишина Наталья Ивановна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии, Сибирский государственный университет путей сообщения, г. Новосибирск, Россия, martishina@yandex.ru.

Мельникова Елена Владимировна – кандидат философских наук, профессор кафедры онтологии и теории познания, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, e.v.melnikova@urfu.ru.

Мироненко Татьяна Васильевна – старший преподаватель, Омский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Омск, Россия.

Мошкин Сергей Вячеславович – доктор политических наук, доцент, старший научный сотрудник, отдел философии, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург, Россия, osa-sv@yandex.ru.

Минин Алексей Николаевич – магистр философии, независимый исследователь, aminlex@yandex.ru.

Николаева Ирина Александровна – кандидат психологических наук, доцент, Курганский государственный университет, г. Курган, Россия, nikolaeva-irina@yandex.ru.

Овчарова Раиса Викторовна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, Курганский государственный университет, г. Курган, Россия, oraisa@mail.ru.

Ольховиков Константин Михайлович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры организации работы с молодежью, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, k.m.olkhovikov@urfu.ru.

Островский Сергей Николаевич – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры экономической социологии и психологии предпринимательской деятельности, Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Республика Беларусь, ostrova@tut.by.

Плотников Антон Юрьевич – аспирант, кафедра «Нефтепродуктообеспечение и газоснабжение», Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, г. Москва, Россия, plotnikovyurii@rambler.ru.

Позднякова Татьяна Борисовна – кандидат психологических наук, старший преподаватель, кафедра социальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, tat_pozdnyakova@mail.ru.

Пожарев Тодор – стажер философского факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Нови Сад, Сербия, todor.pozarev@yandex.com.

Поляков Андрей Игоревич – бакалавр философии, независимый исследователь, Andreasan.1998@mail.ru.

Разуев Анатолий Владимирович – старший преподаватель кафедры «Теология, культура и искусство», заведующий Художественным музеем ЮУрГУ, кафедра «Теология, культура и искусство», институт медиа и социально-гуманитарных наук, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), г. Челябинск, Россия, prof-zuev@yandex.ru.

Рогожина Евгения Михайловна – кандидат политических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Высшая школа международных отношений и мировой политики, г. Нижний Новгород, Россия, evgenia-amiga@yandex.ru.

Родин Андрей Вячеславович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт философии РАН, andrei@philomatica.org.

Ромащенко Александр Александрович – кандидат философских наук, доцент, кафедра «Философия, социология, психология», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., г. Саратов, Россия, roomaschenko.al@gmail.com.

Ромащенко Мария Александровна – кандидат философских наук, доцент, кафедра «Философия, социология, психология», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., г. Саратов, Россия, filus_sstu@mail.ru.

Саямов Камил Маратович – бакалавр, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, kamasalyamov101001@gmail.com.

Сивенко Алена Валерьевна – бакалавр, Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар, Россия, sivenkoalena99@mail.ru.

Соколов Роман Евгеньевич – кандидат экономических наук, доцент, член-корреспондент

Академии философии хозяйства при Центре Общественных наук Экономического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, частный исследователь, г. Москва, Россия, Dr.rman.sokolov@yandex.ru.

Спиридонова Евгения Павловна – кандидат философских наук, доцент, преподаватель кафедры философии, психологии и гуманитарных наук, Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского, г. Саратов, Россия, Evs5@list.ru.

Спятницкая Анастасия Сергеевна – аспирант, Русская христианская гуманитарная академия, г. Санкт-Петербург, Россия, Anastasiya_2705@mail.ru.

Сурова Надежда Юрьевна – кандидат экономических наук, доцент, руководитель проекта «Искусственный интеллект», Университет Национальной технологической инициативы 2035, г. Москва, Россия, n.surova@2035.university.

Сущин Михаил Александрович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Центр научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям, г. Москва, Россия, sushchin@bk.ru.

Сыров Василий Николаевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой, философский факультет, Томский государственный университет, г. Томск, Россия, narrat@inbox.ru.

Упоров Иван Владимирович – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Россия, uporov@list.ru.

Темникова Ольга Анатольевна – кандидат философских наук, доцент кафедры «Культурология», Курганский государственный университет, г. Курган, Россия, o.temnikova@rambler.ru.

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Владимир, Россия, human@vui.vladinfo.ru.

Томчук Евгения Максимовна – студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, Tomchuk.01@gmail.com.

Тюличева Лидия Дмитриевна – кандидат экономических наук, доцент, независимый исследователь, lid-tylicheva@yandex.ru.

Фельдшеров Дмитрий Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Курганский государственный университет, г. Курган, Россия, feldsherov@bk.ru.

Филонова Олина Игоревна – кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, доцент кафедры гражданского процессуального права, Российский государственный университет правосудия, Северо-Западный филиал, г. Санкт-Петербург, Россия, filonova2006@mail.ru.

Хасанов Рустам Юрьевич – независимый исследователь, Rustamhasanov582@gmail.com.

Человечкова Анна Владимировна – старший преподаватель, Институт математики и интеллектуальных систем, Курганский государственный университет, г. Курган, Россия, chelovechkova_2011@mail.ru.

Чертова Лариса Николаевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Курганский государственный университет, г. Курган, Россия, Chertovalarisa@yandex.ru.

Чумакова Дарья Михайловна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии, Курганский государственный университет, г. Курган, Россия, ch-darya@mail.ru.

Царев Роман Юрьевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры культурологии, Курганский государственный университет, г. Курган, Россия, romanogomani@mail.ru.

Шалагин Сергей Викторович – доктор технических наук, доцент, профессор кафедры компьютерных систем, Казанский национальный исследовательский технический университет – КАИ им. А. Н. Туполева, г. Казань, Россия, sshalagin@mail.ru.

Шалагина Гульнара Эдуардовна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и истории науки, Казанский национальный исследовательский технический университет – КАИ им. А. Н. Туполева, г. Казань, Россия, galanova@rambler.ru.

Шалютин Борис Соломонович – доктор философских наук, профессор, Уполномоченный по правам человека в Курганской области, г. Курган, Россия, shalutinbs@mail.ru.

Шевцова Галина Александровна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой информационной безопасности, Российский государственный гуманитарный университет, Институт информационных наук и технологий безопасности, г. Москва, Россия, shevtsova-g@mail.ru.

Шмаков Владимир Сергеевич – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск, Россия, vsshmakov@gmail.com.

Яныкина Нина Олеговна – кандидат экономических наук, генеральный директор, Университет Национальной технологической инициативы 2035, г. Москва, Россия, n.yanykina@2035.university.

СОДЕРЖАНИЕ

В. А. Лекторский О СОЛОМОНЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ШАЛЮТИНЕ. ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО К УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ	4
В. А. Бубнов СОЛОМОН МИХАЙЛОВИЧ ШАЛЮТИН. ЖИЗНЬ, ПРОЖИТАЯ В ФИЛОСОФИИ И ОБРАЗОВАНИИ.....	6
ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО С. М. ШАЛЮТИНА К КОНФЕРЕНЦИИ «МАШИНЫ. ЛЮДИ. ЦЕННОСТИ» (АПРЕЛЬ 2006 ГОДА, КУРГАН).....	12

**РАЗДЕЛ I. КОГНИТИВНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА**

П. В. Алексеев ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И СОВРЕМЕННАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ПРАКТИК	15
А. Ю. Алексеев, К. М. Салямов ЦЕННОСТИ И ЦЕЛИ ЧЕЛОВЕКО-МАШИННЫХ СИСТЕМ: ТРЕХМЕРНАЯ СЕМАНТИКА ПЛАВАЮЩИХ ЛОГИЧЕСКИХ МИРОВ	17
Е. А. Алексеева ИСКУССТВЕННОЕ ВМЕСТО ЕСТЕСТВЕННОГО	21
Е. В. Биричева ПРОБЛЕМЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА В ИСКУССТВЕННЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ.....	23
Д. С. Быльева ЦИФРОВОЙ КОД ЧЕЛОВЕКА	26
Иоаннис М. Вандулакис КОММУНИКАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ СТИЛЯ МАТЕМАТИЧЕСКОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА.....	28
В. В. Волков «ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ»: НАУЧНОЕ И ОБЫДЕННОЕ ПОНЯТИЕ, РЕАЛЬНЫЕ И ФАНТОМНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ И СМЫСЛЫ	31
Д. В. Глуздов ЭТИЧЕСКАЯ СТОРОНА И ВОПРОСЫ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА	34
К. М. Зыкин, Е. А. Максимова АКТУАЛИЗАЦИЯ ВОПРОСА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ СУБД.	38
А. А. Карташева ВОСПРИЯТИЕ В СИСТЕМАХ РАСПОЗНАВАНИЯ ОБРАЗОВ: ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА	41
Т. А. Кирик О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЭПИСТЕМОЛОГИИ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ К ИССЛЕДОВАНИЯМ В ОБЛАСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА	43
А. Г. Кислов РЕСУРСЫ ДЕОНТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ: СЕМАНТИКА ДЕЙСТВИЙ, НОРМ И ОЦЕНОК	47
Ю. В. Колотилов, И. В. Гладков, А. Ю. Плотников, П. Н. Ленский НЕЙРОННЫЕ СЕТИ КАК ТЕХНОЛОГИЯ МОНИТОРИНГА РАЗЛИЧНЫХ СОСТОЯНИЙ НЕФТЕГАЗОДОБЫВАЮЩИХ ОБЪЕКТОВ МЕСТОРОЖДЕНИЙ.....	50
А. П. Куфельд СИСТЕМА РАСПОЗНАВАНИЯ ЛИЦ КАК УГРОЗА ПРИВАТНОСТИ И СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ.....	52
Яннис Кюврекис, Сотириос Зикас О ВЫБОРЕ СТРАТЕГИИ В РАМКАХ ТЕОРИИ АРГУМЕНТАЦИИ	54
А. Ю. Липова АВТОНОМНЫЕ СИСТЕМЫ И МОРАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ	56
В. О. Лобовиков ОЦИФРОВКА МЕТАФИЗИКИ КАК ФОРМАЛЬНОЙ АКСИОЛОГИИ И ФИЛОСОФСТВОВАНИЕ ИИ-РОБОТА О ВНЕШНЕМ МИРЕ ПУТЕМ ВЫЧИСЛЕНИЯ СООТВЕТСТВУЮЩИХ ЦЕННОСТНЫХ ФУНКЦИЙ	59

А. С. Луньков ЭКСПЕРТ В СФЕРЕ СТАНДАРТИЗАЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПРОБЛЕМА КОМПЕТЕНЦИЙ	62
О. В. Максимов, Д. Д. Корюкин, А. В. Человечкова ТЕХНИЧЕСКИЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА	65
Н. И. Мартишина КОНКУРЕНЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗУМА: МИФОЛОГЕМЫ И РЕАЛЬНЫЕ РИСКИ.....	67
Тодор Пожарев ОЦЕНОЧНЫЕ КРИТЕРИИ ТВОРЧЕСКОЙ СПОСОБНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА.....	69
А. В. Разуев ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ТВОРЧЕСТВО.....	71
А. В. Родин ПРОБЛЕМА ОБОСНОВАНИЯ В КОМПЬЮТЕРНОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЗНАНИЙ	73
А. В. Сивенко, И. А. Корх ПРИМЕНЕНИЕ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ	75
М. А. Сущин КОМПЛЕКСЫ ТЕОРИЙ В КОГНИТИВНОЙ НАУКЕ И ИСКУССТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ	79
Е. М. Томчук КОНКУРЕНЦИЯ ЧЕЛОВЕКА И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОЦЕССЕ РАСПОЗНАВАНИЯ ЭМОЦИЙ	82
Л. Д. Тюличева СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОПРОСЫ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ ОБ ОТНОШЕНИИ ОБЩЕСТВА К РАСПРОСТРАНЕНИЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА.....	84
И. В. Упоров ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ЭЛЕМЕНТ НТП И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	87
Д. А. Фельдшерев НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: МЕЖДУНАРОДНЫЙ И ИНОСТРАННЫЙ ОПЫТ	90
Р. Ю. Хасанов ИЗУЧЕНИЕ АДАПТАЦИИ НЕЙРОНОВ ДЛЯ ПОСТРОЕНИЯ ЭЛЕМЕНТАРНЫХ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В НЕРВНОЙ СИСТЕМЕ.	92
Г. Э. Шалагина, С. В. Шалагин КОГНИТИВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОМПЬЮТЕРНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ И ПРОЕКТИРОВАНИЯ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ	98
Г. А. Шевцова, С. А. Батищев ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СИСТЕМНАЯ МАШИНА ИЛИ ЭКВИВАЛЕНТ БИОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ	101

РАЗДЕЛ II. ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

К. С. Арутюнян РОЛЬ НООСФЕРНОГО УПРАВЛЕНИЯ КАК «НОВОГО ВИДА» СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РАЗРЕШЕНИИ КРИЗИСНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В ГЛОБАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ	104
Е. Б. Бабошина К ЦЕННОСТИ ИДЕНТИЧНОСТИ В КРИЗИСЕ СОЦИАЛЬНОСТИ	106
М. С. Баютова ЦИВИЛИЗАЦИЯ VS ПРАВОВОЙ СЕМЬИ	111
С. В. Борисов СОЦИОГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА АДАПТАЦИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ЧТО И КАК ИЗМЕРЯТЬ?.....	114
С. С. Восканян ПЕРСОНИФИЦИРОВАННЫЙ ХАРАКТЕР ВОЙН.....	117
В. А. Глазырин СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРАВОВОЙ ПОРЯДОК	119

О. Н. Гуров COVID-19 И НАСИЛИЕ: МЕТА-ПАРАЗИТАРНАЯ КОНСТРУКЦИЯ	122
Т. Ю. Денисова ФИЛОКСЕНИЯ КАК ПРИНЦИП ЦЕННОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	126
О. П. Зубец ПОНЯТИЕ «ГУМАННОГО» УБИЙСТВА В НАЦИСТСКОЙ МОРАЛИ И ПРАВЕ	129
Е. В. Иванова, Е. В. Мельникова РЕЛИГИОВЕДЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ВИД ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ РЕЛИГИОЗНЫХ ЧУВСТВ ВЕРУЮЩИХ	132
Иеромонах Афанасий (А. В. Коренкин) ОТЕЦ, УЧИТЕЛЬ, СТАРЕЦ – КАК СОХРАНЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА	135
К. К. Колин СОЦИАЛЬНЫЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА КАК ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА	137
В. И. Красиков МОДЕРНИЗАЦИЯ: В МИРЕ И В РОССИИ	140
В. С. Лапшина ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЙСТВЕННОСТИ ИСКУССТВА	142
А. Н. Минин ИСЛАМСКИЙ РАДИКАЛИЗМ И СОВРЕМЕННАЯ СЕКУЛЯРНАЯ КУЛЬТУРА	145
С. В. Мошкин МОРАЛЬНЫЕ ДЕВИАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИА	147
Р. В. Овчарова, И. А. Николаева ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ ПРОЦЕДУРЫ ДИАГНОСТИКИ ОБРАЗА СОЦИАЛЬНОГО МИРА УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ	149
К. М. Ольховиков АПОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО МЕХАНИЦИЗМА	151
Т. Б. Позднякова РЕЛИГИОЗНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: СВОЙСТВО ЛИЧНОСТИ И ЦЕННОСТЬ	154
Е. М. Рогожина, Д. Д. Егоров ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	157
А. А. Ромащенко ЧЕЛОВЕК-МАШИНА И ЭФФЕКТ ОТЛОЖЕННОЙ СМЕРТИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ	160
Р. Е. Соколов ОСНОВЫ КОНЦЕПЦИИ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВАТИКАНА	163
Е. П. Спиридонова НЕТОЛЕРАНТНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ: КОНФРОНТАЦИЯ И КОНФОРМИЗМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	165
А. С. Спятницкая О ВОЗМОЖНОСТИ ТЕОДИЦЕИ АНДРОИДОВ	168
В. Н. Сыров МОРАЛЬ И ПРОШЛОЕ: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ	171
О. А. Темникова, А. И. Поляков АНТРОПОЛОГИЗМ ТЕХНИКИ	175
А. С. Тимощук К ПРОБЛЕМЕ МЕТАКОГНИТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ	177
О. И. Филонова ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ ПРАВА ПОЛИТИКОЙ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ В ПЕРИОД НЭПА	180
Л. Н. Чертова ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ РОССИЯН	183
Д. М. Чумакова ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЗНАНИЯ И РЕЛИГИОЗНОСТЬ ЛИЧНОСТИ	186
Б. С. Шалютин О СУБЪЕКТНОСТИ ПОНЯТИЙ И НЕЭЛИМИНИРУЕМЫХ НАЧАЛАХ ЖИЗНИ И СОЦИАЛЬНОСТИ В КОГНИТИВНОМ ИНСТРУМЕНТАРИИ ЧЕЛОВЕКА	187
В. С. Шамаков ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	190

**РАЗДЕЛ III. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**

София Альбани	
ЭЛЕКТРОННОЕ ОБУЧЕНИЕ И ПРЕПОДАВАНИЕ МАТЕМАТИКИ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ	192
Н. Г. Зенец, Т. В. Мироненко	
ФИЛОСОФИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОЦЕССА ОБРАЗОВАНИЯ.....	195
Е. С. Коновкин	
ЦЕННОСТНЫЙ ПОДХОД В АНАЛИЗЕ ПРЕКАРИАТИЗАЦИИ УЧИТЕЛЕЙ И ВРАЧЕЙ.....	197
О. К. Крокинская	
АКАДЕМИЧЕСКАЯ ПРОФЕССИЯ ПРОТИВ МАТРИЦЫ: В ОЖИДАНИИ СМЕНЫ ПАРАДИГМЫ	200
Р. В. Лупашко, А. В. Человечкова	
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СИСТЕМА ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	203
С. Н. Островский	
ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНОЙ СФЕРЫ СТУДЕНТА СРЕДСТВАМИ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН	206
М. А. Ромащенко	
КОГНИТИВНЫЕ НАУКИ КАК ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПРОЕКТ	209
Р. Ю. Царев	
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	212
Н. О. Яныкина, Н. Ю. Сурова, А. С. Каплевский	
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ.....	215
Сведения об авторах	220

МАШИНЫ. ЛЮДИ. ЦЕННОСТИ: КОГНИТИВНЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СИСТЕМЫ В ПОТОКЕ ВРЕМЕНИ

Материалы II международной научной конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения
доктора философских наук, профессора С. М. Шалютина
(г. Курган, 22–23 апреля 2021 г.)

Редакторы А. С. Темирова, Л. П. Чукомина, В. С. Никифорова

Подписано в печать 15.04.2021
Печать цифровая
Заказ № 57

Формат 60x90 1/8
Усл. печ. л. 28,5
Тираж 100

Бумага 80 г/м²
Уч.-изд. л. 28,5

Библиотечно-издательский центр КГУ.
640020, г. Курган, ул. Советская, 63/4.
Курганский государственный университет.